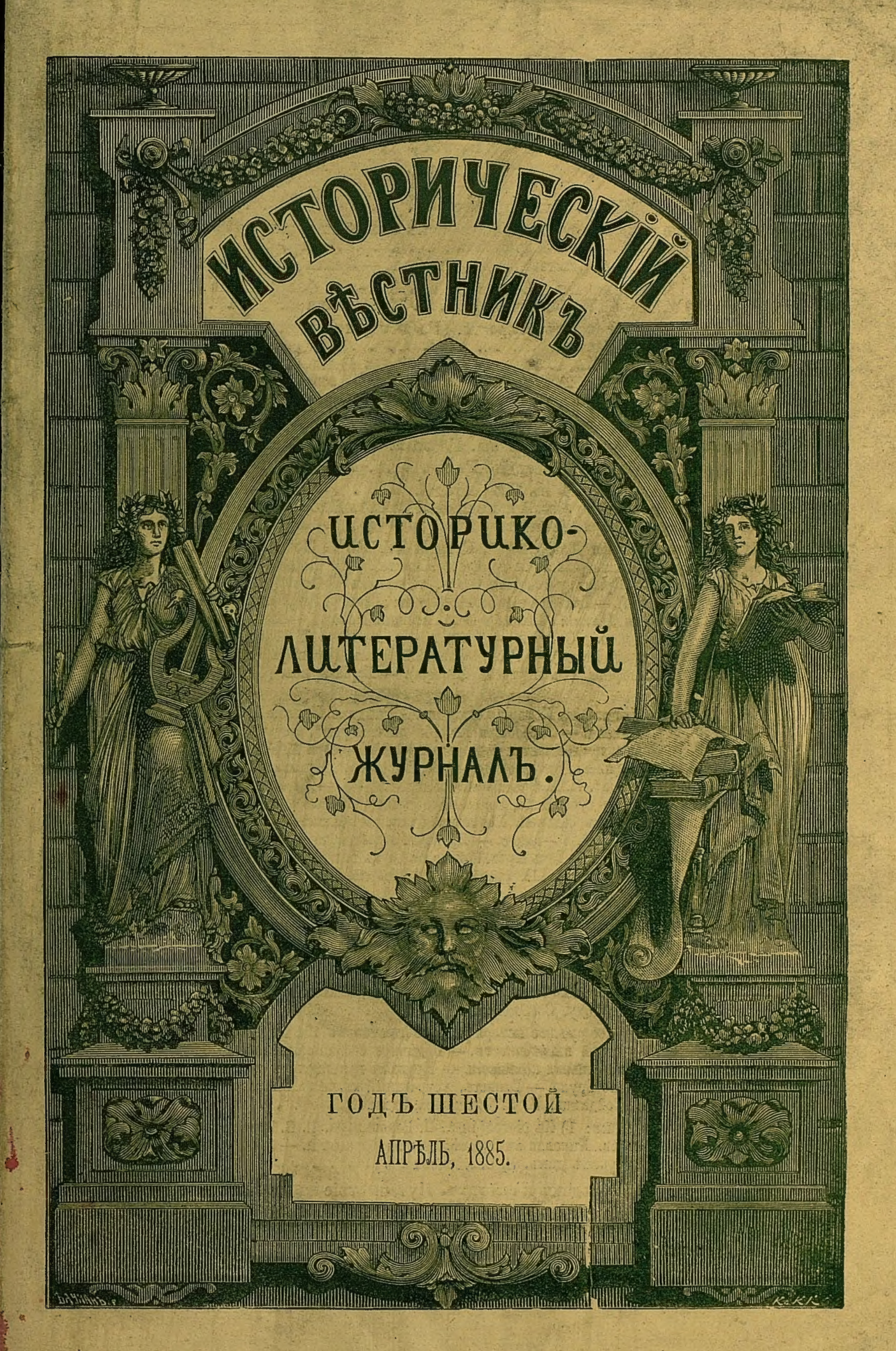

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ШЕСТОЙ
АПРѢЛЬ, 1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1885 г.

СТР.

I. Титулы въ Россіи. **Е. П. Карновича** 5

II. Упраздненіе двухъ автономій. (Отрывокъ изъ воспоминаній о Закавказьѣ). Глава IV. **К. А. Бороздина** 32
Иллюстраціи: Князь Константинъ Дадешкиліанъ. — Братья Дадешкиліани.

III. Семейство Скавронскихъ. (Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи). Гл. X—XIV. (Окончаніе). **В. О. Михневича** 76

IV. Кадетскій малолѣтокъ въ старости. (Къ исторіи «Кадетскаго монастыря»). **Н. С. Лѣскова** 111
Иллюстраціи: Силуеты, современные А. П. Боброву: 1) Инспекторъ классовъ, полковникъ Черкасовъ; 2) Великій князь Михаилъ Павловичъ; 3) Директоръ М. С. Перскій; 4) Учитель математики (изъ военныхъ писарей) Денисьевъ.

V. Разсказы изъ прошлаго. **П. С. Николаева** 132

VI. Педагогическія задачи Пирогова. Глава I. **В. Я. Стоюнина** 156

VII. Въ лучахъ любви и милосердія. **В. П.** 170

VIII. Свято-Духовскій храмъ въ Якобштадтѣ 184
Иллюстрація: Свято-Духовскій православный храмъ въ Якобштадтѣ, сгорѣвшій отъ взрыва 16-го января 1885 года.

IX. Культурная исторія Директоріи. Статья IV. **В. Р. Зотова** 190
Иллюстраціи: Шатобріанъ. (Съ портрета Жироде). — Госпожа Сталь. (Съ портрета Жерара). — Пріемъ у госпожи Сталь. (Рисунокъ Дебюкура). — Делиль. (Съ портрета Монье). — Гравюра изъ поэмы Делиля: „Сады". (Рисунокъ Монсіо). — Гравюра изъ поэмы Делиля: „Милосердіе". (Рисунокъ Монсіо). — Анжъ Питу на площади Сен-Жерменъ д'Оксерти. — Дюсисъ. (Съ портрета Жерара). — М. Ж. Шенье. (Съ портрета Верне). — Республиканскій бракъ. (Гравюра Леграна). — Императрица Жозефина. (Съ портрета Жерара). — Марія-Луиза. (Съ портрета Прюдона).

X. Критика и библіографія: Исторія искусствъ. П. Гнѣдича. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1885. **Ѳ. Булгакова.** — „Всеобщая исторія литературы", начатая подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей профессора А. Кирпичникова. Выпускъ XVI. „Славянскія литературы". О. И. Морозова. „Итальянская литература въ средніе вѣка". И. М. Болдакова. Спб. 1885. **В—а.** — Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи). Спб. 1885. **М. Г—цкаго.** — Преданія о ростовскихъ князьяхъ. А. Титова, Москва. 1885. **П. У.** — Дочь шута. Романъ въ двухъ томахъ, соч. П. Р. Фурмана. Спб. 1885. **А. М.** — Исторія XIX столѣтія. До Ватерло. Мишле. Томъ III, переводъ О. Поповой и М. Цебриковой. Спб. 1884. **В. З.** — Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ. „Ловча и Плевна". Генеральнаго штаба генералъ-маіора Куропаткина. 2 части. Спб. 1885. **А. М.** — Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884. **М. Городецкаго** 218

XI. Заграничныя историческія новости 233

XII. Изъ прошлаго: 1) Письмо Н. И. Пирогова къ Е. Н. Ахматовой. 2) Холера въ Петербургѣ въ 1848 году. Сообщено **М. Т.** 240

XIII. Смѣсь: Императорское русское историческое Общество въ 1884 году. — Общество любителей древней письменности. — Годичное собраніе славянскаго Общества. — Тамбовская архивная коммиссія. — Кружокъ нумизматовъ въ Москвѣ. — Памятникъ Джордано Бруно. — Банкетъ, устроенный въ честь Виктора Гюго. — Некрологи: К. К. Зейдлица; Н. А. Сѣверцова; Эдмона Абу 243

XIV. Замѣтки и поправки: 1) Къ біографіи А. Н. Воронихина. **Н. В. Воронихина.** — 2) Древняя икона св. Николая въ Брестѣ. **Арсенія Маркевича.** — 3) Какъ заступаться за литературныхъ дамъ. **Н. С. Лѣскова** 251

ПРИЛОЖЕНІЕ: Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Уильяма Гильдера, корреспондента газеты «Нью-Іоркъ Геральдъ». Переводъ **В. Н. Майнова.** Гл. X. (Продолженіе).
Иллюстраціи: Постройка чукчами хижины. — Чукотская хижина. — Чукчи, ловящіе рыбу. — Путь среди льдовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

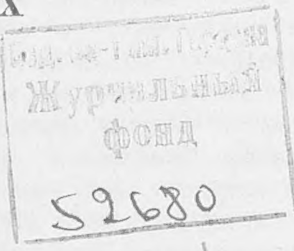
ТОМЪ XX

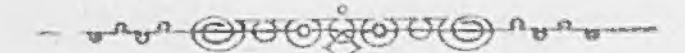
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XX

1885

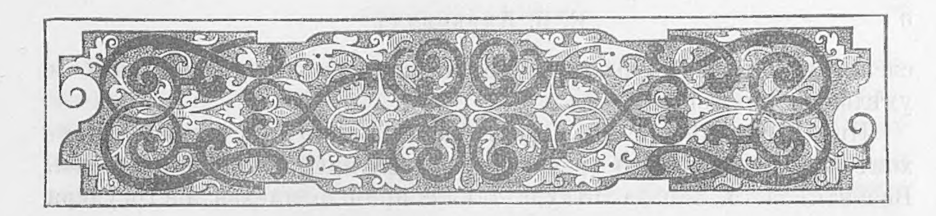

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

ТИТУЛЫ ВЪ РОССІИ.

I.

Титулы царствующаго дома.

ѢКОГДА ВЪ РОССІИ былъ только одинъ титулъ князя. Слово это несомнѣнно славянскаго происхожденія, хотя слишкомъ уже ученые наши историки и производятъ его отъ норманскаго слова «конунгъ», означающаго «предводитель», «король». Титулъ этотъ, однако, и при томъ издавна, существовалъ у такихъ славянъ, которые не имѣли никакихъ сношеній съ норманами, варягами тожъ, но всюду онъ давно уже утратилъ свое важное значеніе. Только на Руси онъ долѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, сохранялъ прежнее значеніе, и впродолженіе многихъ столѣтій его носили русскія владѣтельныя особы, т. е. удѣльные князья, и великіе князья, причемъ въ послѣднемъ случаѣ имя прилагательное «великій» употреблялось въ смыслѣ «старшій». Такъ какъ впослѣдствіи явилось въ Восточной Руси немало удѣльныхъ князей съ такимъ дополнительнымъ наименованіемъ, то даже и титулъ великаго князя утратилъ свое первоначальное значеніе. Великихъ князей явилось немало: рязанскіе, смоленскіе, тверскіе и ярославскіе, но всѣ они перевелись. Оставались только великіе князья московскіе, но и они прибавили къ своему прежнему, казавшемуся уже скромнымъ, титулу титулъ царя, сохранивъ, однако, и прежній титулъ великаго князя, который, равно какъ и титулъ князя, удержались донынѣ въ полномъ императорскомъ титулѣ при исчи-

сленіи нѣкоторыхъ областей, составлявшихъ нѣкогда великія и удѣльныя княженія.

При Петрѣ Великомъ у насъ стали называть государя—монархомъ, хотя слово это и греческое, но оно пришло къ намъ не изъ Византіи, а съ Запада, откуда также пришло именованіе государя и членовъ его дома «августѣйшими» въ смыслѣ лицъ, заслуживающихъ особаго уваженія.

Съ принятіемъ великимъ княземъ Иваномъ IV Васильевичемъ царскаго титула, сыновья царя стали носить титулъ царевичей и великихъ князей, а дочери — царевенъ и великихъ княженъ, а послѣ принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула, титулъ царевича оставался за его сыновьями, но дочери его именовались уже не царевнами, а цесаревнами, такъ какъ титулъ императора считался однозначущимъ съ титуломъ кесаря, или цесаря. Впослѣдствіи, императоръ Павелъ Петровичъ въ «Учрежденіи объ Императорской Фамиліи» отмѣнилъ титулъ царевичей и царевенъ и предоставилъ всѣмъ своимъ потомкамъ, до пятаго колѣна включительно, титулъ великихъ князей и великихъ княженъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и императорскаго высочества, а слѣдующимъ затѣмъ потомкамъ титулъ князей и княженъ императорской крови и высочества, безъ прибавленія императорское, но до настоящаго времени поколѣніе царствующаго дома не достигало еще той степени нисходящаго родства, въ которой должно было бы начаться употребленіе этихъ титуловъ, хотя въ недавнее время счетъ нисходящихъ колѣнъ и сокращенъ однимъ поколѣніемъ.

Въ «Учрежденіи объ Императорской Фамиліи» Павелъ I ввелъ въ императорскую фамилію новый титулъ—«цесаревичъ», съ тѣмъ, чтобы титулъ этотъ принадлежалъ старшему сыну царствующаго государя, какъ будущему его наслѣднику. Но самъ Павелъ Петровичъ сдѣлалъ изъ этого титула другое употребленіе: онъ не предоставилъ его исключельно старшему своему сыну Александру Павловичу, но пожаловалъ титулъ цесаревича, въ видѣ почетной награды за военные подвиги въ Швейцарскомъ походѣ, своему второму сыну, Константину Павловичу, который и носилъ его до конца своей жизни, такъ что только по смерти его покойный императоръ Александръ Николаевичъ сталъ, въ 1831 году, носить титулъ цесаревича, какъ старшій сынъ и объявленный наслѣдникъ императора Николая Павловича. Затѣмъ титулъ цесаревича перешелъ, при вступленіи на престолъ императора Александра II, къ старшему сыну его, великому князю Николаю Александровичу, а послѣ его кончины—къ нынѣ царствующему государю императору, а отъ него уже, по праву первородства, перешелъ къ настоящему государю наслѣднику, великому князю Николаю Александровичу. Соотвѣтственно титулу цесаревича и супруга наслѣдника престола титулуется цесаревною и великою княгинею.

Были примѣры пожалованія особыхъ титуловъ и лицамъ, родственнымъ царствующему дому. Такъ императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ титулъ императорскаго высочества принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому и титулы князей Романовскихъ и императорскаго высочества герцогамъ Лейхтенбергскимъ, имѣвшимъ прежде право только на титулъ свѣтлости.

Такъ называемаго «величанья», а по западному «предиката», у русскихъ государей и у членовъ его семейства прежде вовсе не было. По принятіи Иваномъ IV царскаго титула, государей московскихъ стали именовать царскимъ или пресвѣтлѣйшимъ величествомъ и великимъ государемъ; въ послѣднемъ случаѣ слово «великій» употреблялось въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялось оно въ былое время при словѣ князь. Прибавленіе это казалось необходимымъ по тому, что съ исхода XVI вѣка обращеніе съ словомъ «государь» стало дѣлаться у насъ обиходнымъ, и даже крестьяне стали обыкновенно величать своихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ государями. Въ прежнее время въ иныхъ случаяхъ русскіе государи довольствовались титуломъ «благородіе». Слѣды этого сохранялись и—если мы не ошибаемся—сохраняются и донынѣ въ церковныхъ книгахъ. Такъ по «Чиновнику», т. е. по книгѣ, по которой архіерей совершаетъ литургію, онъ, обращаясь послѣ большаго выхода къ присутствующему государю, говорилъ: «Благородіе твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ». Величали также въ старину русскихъ государей и «милостію», и «благоутробіемъ».

Царю Алексѣю Михайловичу не только наши повѣствователи и драматурги, но даже и историки, придаютъ названіе «Тишайшаго», считая такое названіе его личнымъ прозвищемъ, но это ошибочно. Когда во второй половинѣ XVII вѣка на Москвѣ сталъ, благодаря пріѣзду туда наставниковъ, обучавшихся въ польскихъ и итальянскихъ училищахъ, водворяться латинизмъ, то употреблявшееся на западѣ величаніе государей «clementissimus» стали переводить порусски «тишайшій». Этотъ титулъ давался и царямъ Ѳеодору и Ивану Алексѣевичамъ и царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Придавался онъ и царю Петру I, который, конечно, не былъ изъ тишайшихъ. Замѣчательно, что до принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула ему въ церковномъ богослуженіи многолѣтіе возглашалось такъ: «тишайшему, избранному и почтенному царю и великому князю».

3-го декабря 1721 года, въ общемъ собраніи синода и сената разсуждали о томъ, какой установить новый титулъ русскихъ государей по случаю поднесенія Петру I императорскаго достоинства. Общее собраніе за благо разсудило упомянутый выше титулъ выключить, а супругу императора титуловать «цесарѐва». Петръ утвердилъ это мнѣніе синода и сената, замѣнивъ только слово

«цесарѐва» словами «цесаревино величество». Въ иныхъ особоторжественныхъ случаяхъ, гдѣ при возглашеніи многолѣтія, какъ, напримѣръ, на богоявленскомъ повечеріи, прочитывается полный титулъ императора всероссійскаго, его именуютъ «цесарскимъ величествомъ». Въ этомъ же титулѣ, кромѣ царствъ, великихъ княженій и нѣкоторыхъ бывшихъ удѣльныхъ княженій и присоединенныхъ къ Россіи областей, состоящихъ въ дѣйствительномъ обладаніи русскаго государя, находятся еще собственно только почетные, возникшіе изъ родоваго права титулы: наслѣдника норвежскаго и четыре иностранныхъ герцогскихъ титула, а въ царствованіе императора Павла Петровича къ прежнимъ титуламъ присоединенъ былъ, по его повелѣнію, титулъ: «великаго магистра державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго». Къ неудовольствію Павла Петровича, этотъ новый титулъ синодъ призналъ нужнымъ поставить въ самомъ концѣ большаго титула, а при императорѣ Александрѣ I онъ былъ исключенъ вовсе, хотя и могъ бы остаться, какъ титулъ почетный, какъ историческое воспоминаніе...

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіемъ россійско-императорскаго титула, о которомъ мы упомянули выше, собраніе синода постановило: выключить также титулъ «благородный» царевичъ и «благородная» царевна, потому что, какъ сказано въ указѣ синода, такое названіе «по нынѣшнему употребленію низко, ибо благородство и шляхетству дается». Титулъ этотъ былъ замѣненъ словомъ «благовѣрный», а этотъ послѣдній титулъ, принадлежавшій нѣкогда государю, былъ, въ свою очередь, замѣненъ для него и его супруги титуломъ «благочестивѣйшій», «благочестивѣйшая».

Впослѣдствіи, когда въ дипломатіи латинскій языкъ былъ замѣненъ языкомъ французскимъ, прежнее величаніе «clementissimus» переведено было на французское «très gracieux», а у насъ это французское слово было переведено — «всемилостивѣйшій» и это названіе было также примѣнено къ государскому титулу, въ замѣнъ прежняго «тишайшій».

II.

Почетные дворянскіе титулы.

Замѣчательно, что у насъ царскій и даже королевскій титулъ можетъ считаться и почетнымъ дворянскимъ титуломъ. Такъ титулъ царя всея Руси былъ пожалованъ при Иванѣ IV бывшему царю казанскому, Симеону Бекбулатовичу, который впослѣдствіи въ разрядныхъ спискахъ, т. е. въ спискахъ московскихъ служилыхъ людей, значился царемъ Тверскимъ. Въ 1598 году, царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ пожаловалъ титулъ царя Касимовскаго плѣнному киргизскому царевичу Уразъ-Махмету, а Михаилъ Ѳедоровичъ

далъ такой же титулъ Альпъ-Арслану, внуку царя сибирскаго Кучума. Отъ этого царя Касимовскаго пошли царевичи Касимовскіе, существовавшіе въ числѣ русскихъ дворянъ до 1715 года, когда умеръ бездѣтнымъ послѣдній царевичъ Касимовскій.

Отъ роднаго младшаго брата царя Касимовскаго и трехъ двоюродныхъ его братьевъ пошли царевичи Сибирскіе. Родъ ихъ продолжается донынѣ, но въ 1718 году Петръ I приказалъ имъ, вмѣсто царевичей, писаться князьями Сибирскими.

Впослѣдствіи члены царскихъ домовъ грузинскаго и имеретинскаго, отправляя службы въ Россіи, носили титулъ царевичей, и только въ недавнее время титулъ ихъ былъ замѣненъ княжескимъ.

Въ прошедшемъ году умеръ въ Петербургѣ въ очень преклонныхъ годахъ полковникъ русской службы, принцъ де-Лузиньянъ, именовавшійся по праву наслѣдія «титулованнымъ королемъ» Кипрскимъ и Іерусалимскимъ. Такъ какъ онъ получилъ отъ императора Николая Павловича чинъ полковника, то, вступивъ въ русское подданство, онъ могъ бы быть причисленъ къ потомственному русскому дворянству, и если бы представленныя имъ въ установленномъ порядкѣ доказательства на носимые имъ титулы были признаны дѣйствительными, то ничто не могло бы препятствовать ему, будучи русскимъ дворяниномъ, носить въ Россіи, съ высочайшаго разрѣшенія, и присвоенный имъ себѣ титулъ не только принца, но и короля. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что признаніе за нимъ этого титула въ другихъ государствахъ зависѣло бы отъ правительства того государства, въ какое онъ явился бы съ такимъ пышнымъ титуломъ.

III.

Княжескіе титулы въ Россіи.

Нынѣ дѣйствующіе у насъ законы признаютъ три дворянскіе титула: князя, графа и барона. При этомъ право пользованія наслѣдственнымъ княжескимъ титуломъ принадлежитъ: а) нынѣшнимъ потомкамъ древнихъ русскихъ и литовскихъ князей и б) лицамъ, происходящимъ отъ предковъ, возведенныхъ съ ихъ потомствомъ въ княжеское достоинство россійскими императорами или утвержденныхъ въономъ по пожалованію отъ иностранныхъ государей.

Узаконеніе это, изданное въ 1846 году и остающееся донынѣ въ своей силѣ, не обнимаетъ, однако, собою, — какъ мы это увидимъ, — всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда вообще почетный, а, между прочимъ, княжескій титулъ признаётся за кѣмъ либо и помимо высказанныхъ условій, и историческій очеркъ объ усвоеніи тѣми или другими дворянскими родами княжескаго титула выяснитъ справедливость сдѣланнаго нами теперь замѣчанія.

До Петра Великаго пожалованія княжескихъ и вообще какихъ либо почетныхъ титуловъ у насъ не происходило, за исключеніемъ развѣ титула «именитаго» человѣка. Титулъ этотъ былъ пожалованъ царемъ Иваномъ Грознымъ одному изъ Строгановыхъ, занимавшемуся врачеваніемъ и лечившему заволоками царскаго любимца, Бориса Годунова. Названіе «именитые люди», которое впослѣдствіи царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ всему роду Строгановыхъ, не слѣдуетъ считать титуломъ дворянскимъ, такъ какъ оно ставило носившаго его только выше «гостя», но не вводило въ служилое, по тогдашнему понятію, дворянское сословіе.

Не смотря на то, что въ древней Руси пожалованія почетныхъ титуловъ не было, въ ней было очень много князей. Они принадлежали къ слѣдующимъ тремъ разрядамъ: 1) къ потомкамъ великаго князя Рюрика; 2) къ потомкамъ великаго князя литовскаго Гедимина и 3) къ разнымъ иноплеменникамъ, преимущественно къ мордвѣ и татарамъ.

Къ 1700 году, не смотря на пресѣченіе многихъ удѣльно-княжескихъ семействъ, происшедшихъ отъ нихъ княжескихъ родовъ считалось 47; изъ нихъ нѣкоторые были очень многочисленны; такъ, напримѣръ, въ ту пору только родъ князей Гагариныхъ имѣлъ одновременно 27 представителей, а родъ князей Волконскихъ — 30, другіе же роды были близки къ прекращенію, имѣя только по одному представителю, не оставлявшему послѣ себя мужескаго поколѣнія. Затѣмъ, въ продолженіе 184 лѣтъ, изъ общаго числа упомянутыхъ княжескихъ родовъ 11 совершенно угасли, какъ роды: Великогагиныхъ, Жировыхъ-Засѣкиныхъ, Пеньковыхъ, Пожарскихъ, Хотетовскихъ, Голышныхъ, Корходиновыхъ, Татевыхъ и Тюфякиныхъ. Другіе роды, пресѣкшіеся въ мужскомъ колѣніи, были возстановлены высочайшею властію съ передачей ихъ прозваній и титуловъ другимъ фамиліямъ по женскому колѣну. Такъ фамилія князей Ромодановскихъ перешла къ Ладыженскимъ, Прозоровскихъ — къ князьямъ Голицынымъ, князей Рѣпниныхъ — къ князьямъ Волконскимъ, князей Дашковыхъ — къ графамъ Воронцовымъ, безъ княжескаго титула, и угасшая въ недавнее время старѣйшая нѣкогда въ родѣ Рюриковичей фамилія князей Одоевскихъ была передана г. Маслову, съ тѣмъ, чтобы титулъ и фамилія князей Одоевскихъ были присвоены только одному лицу по праву первородства.

Остальное потомство Рюриковичей, относительно довольно многочисленное, не носитъ уже княжескаго титула. Нельзя сказать съ достовѣрностію о причинахъ, заставившихъ бывшихъ нѣкогда князей отказаться отъ ихъ титула, но такъ какъ представители этихъ родовъ въ XVI и XVII вѣкахъ не занимали никакихъ видныхъ служебныхъ мѣстъ ни при дворѣ, ни въ войскѣ, то надобно полагать, что они, какъ говорилось въ старину, захудали, а такъ

какъ княжескій титулъ въ ту пору не давалъ никакихъ особыхъ правъ, то онъ и казался излишнимъ. Только о Сатиныхъ, потомкахъ князей Козельскихъ, въ одномъ старинномъ родословцѣ упоминается, что они «сложили съ себя княженіе», но при этомъ о причинахъ такого поступка ничего не упоминается. Кромѣ Рюриковичей, имѣли бы право на княжескій титулъ по своему происхожденію нѣсколько дворянскихъ, нынѣ существующихъ фамилій, происходящихъ отъ косожскаго князя Редеги и греческаго владѣтельнаго князя Степана Ховры, но потомки ни того, ни другаго этого титула не употребляютъ.

Поэтому ничего нѣтъ неправдоподобнаго, если нѣкоторые не только дворяне, но и однодворцы, считаютъ себя по происхожденію Рюриковичами и, слѣдовательно, имѣющими право на княжескій титулъ. Возстановленіе утраченныхъ княжескихъ титуловъ у насъ не было въ обычаѣ, кромѣ лишь тѣхъ случаевъ, да и то въ ближайшее уже къ намъ время, когда титулъ этотъ, будучи утраченъ по суду, возстановлялся въ лицѣ утратившаго его или его сыновей по особой монаршей милости, какъ это было сдѣлано, напримѣръ, въ отношеніи нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, декабристовъ. Впрочемъ, и попытокъ къ такому возстановленію, на сколько намъ извѣстно, въ былое время не дѣлалось. Однажды только всемогущій любимецъ Екатерины II, князь Зубовъ, обратился къ ней съ просьбой, чтобы она возстановила княжескій титулъ роднаго его дяди Трегубова, на который онъ, Трегубовъ, имѣлъ право по происхожденію отъ черкесскихъ князей, но императрица отказала даже и Зубову въ этой просьбѣ, ссылаясь на то, что если сдѣлать это въ отношеніи Трегубова, то справедливость требуетъ поступить точно также и въ отношеніи другихъ, очень многихъ дворянъ.

Императоръ Павелъ при составленіи «Общаго Гербовника» положительно высказался противъ такихъ возстановленій и приказалъ: «для ознаменованія тѣхъ дворянскихъ фамилій, кои дѣйствительно происходятъ отъ родовъ княжескихъ, хотя сего титула и не имѣютъ, оставлять въ гербахъ ихъ корону и мантію». Къ такимъ родамъ принадлежатъ, напримѣръ, роды: Ржевскихъ, Всеволожскихъ, Татищевыхъ и многіе другіе. По нынѣ дѣйствующимъ узаконеніямъ никакой почетный титулъ не возстановляется, если не будетъ удостовѣрено, что пользованіе титуломъ сохранялось въ родѣ постоянно, по крайней мѣрѣ, въ трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ, начиная отъ лица, предъявляющаго свое право на титулъ.

Въ потомствѣ Гедимина, въ 1700 году, существовало, собственно въ Россіи, четыре княжескіе рода: Куракины, Голицыны, Трубецкіе и Хованскіе. Дворянскихъ родовъ не было. Всѣ эти княжескіе роды продолжаются и нынѣ, а одинъ изъ нихъ, именно родъ князей Голицыныхъ, чрезвычайно размножился. По присоединеніи къ Россіи отъ Польши Западнаго края, къ упомянутымъ отраслямъ

Гедиминовичей прибавились существующіе и нынѣ роды: князей Коріятовичей-Курцевичей, Воронецкихъ, Чарторижскихъ и Сангушекъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ послѣднее время польскіе историки стали оспаривать, и не безъ основательныхъ доводовъ, дѣйствительность происхожденія отъ Гедимина: Трубецкихъ, Чарторижскихъ и Сангушекъ, выводя ихъ не отъ него, но отъ русскихъ князей, которыхъ нѣкогда было немало въ литовско-русскомъ княжествѣ въ XIV вѣкѣ.

Затѣмъ большинство какъ существовавшихъ въ 1700 году, такъ и нынѣ существующихъ княжескихъ родовъ—татарскаго, мордовскаго и грузинскаго происхожденія, и въ общей сложности своей они, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ превышаютъ по своей численности княжескіе роды русскаго происхожденія.

Такой наплывъ князей татарской, мордовской, грузинской и частію горской породы въ наше титулованное дворянство объясняется тѣмъ, что въ XVI и преимущественно въ XVII вѣкахъ русскіе государи, и между ними въ особенности царь Алексѣй Михайловичъ, ревнуя о распространеніи православія между татарами и мордвою, приказывали принимавшихъ православную вѣру татарскихъ мурзъ и мордовскихъ «панковъ» писать княжимъ именемъ, а между ними, не говоря уже о татарахъ, только среди одной мордвы набралось до 80 мордовскихъ родовъ, болѣе или менѣе обрусѣвшихъ и пользующихся, на законномъ основаніи, наслѣдственнымъ княжескимъ титуломъ, хотя большинство ихъ и живетъ, какъ живутъ простые крестьяне, занимаясь, между прочимъ, и извозчичьимъ промысломъ въ Петербургѣ.

Князей изъ татаръ вообще у насъ было и есть такое множество, что и нынѣ въ простомъ русскомъ народѣ каждаго татарина называютъ княземъ, да и онъ считаетъ себя таковымъ, хотя и торгуетъ въ разносъ старымъ платьемъ или халатами, а то и казанскимъ мыломъ.

Обѣднѣніе и даже совершенная нищета князей Рюрикова племени, проявлявшаяся уже въ XVII вѣкѣ, ихъ приниженное положеніе въ Москвѣ, когда они стали считать за особенную честь быть холопами великаго князя московскаго, и главнымъ образомъ появленіе множества князей изъ татаръ и мордвы отняли всякое значеніе у княжескаго титула, и дѣло дошло до того, что, по указу 1675 года названіе кого либо княземъ безъ имени стало считаться не почетомъ, а «безчестьемъ». Это объясняется тѣмъ, что князь и татаринъ сдѣлались словами однозначущими, такъ что только крестное имя отличало православнаго отъ татарина.

Не говоря уже о томъ, что Рюриковичи съ особеннымъ удовольствіемъ стали занимать низшія придворныя служительскія должности, они въ XVII столѣтіи, какъ, напримѣръ, князья Вяземскіе, служили въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ попами и дьячками

въ селахъ у помѣщиковъ средней руки, а князья Бѣлосельскіе были приживальцами у какихъ-то Травиныхъ. Упадокъ русско-княжескихъ родовъ дошелъ до того, что существовавшіе въ своей древней княжей отчинѣ, Боровскѣ, нынѣ уѣздномъ городѣ Калужской губерніи, князья Боровскіе числились въ ряду тамошнихъ посадскихъ, и въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, послѣдняя представительница этой Рюриковой отрасли, княжна Боровская, не выдѣлялась изъ своей среды, въ которой она выросла, ничѣмъ, кромѣ титула съ историческимъ родовымъ прозваніемъ. Она вышла замужъ за одного боровскаго мѣщанина. Когда императоръ Николай Павловичъ узналъ о такомъ бракѣ, то приказалъ выдать бывшей княжнѣ Боровской, на обзаведеніе, 10,000 рублей ассигнаціями, чѣмъ молодая чета была чрезвычайно довольна.

Если громадное большинство татарскихъ и мордовскихъ князей съ прозваніемъ, напримѣръ, Игобердѣевъ, Идебердѣевъ, Шайсуповъ, Разгильдѣевъ, Семенѣевъ и т. д., не только не промелькнуло на страницахъ нашей исторіи, но даже не встрѣчается и въ спискѣ чиновныхъ лицъ, но оставалось, да и нынѣ остается въ убожествѣ и безвѣстности, то въ противоположность этому, нѣкоторые татарско-княжескіе роды достигли богатства и знатности. Къ числу такихъ родовъ принадлежатъ: князья Урусовы, князья Черкасскіе и князья Юсуповы. Представители этихъ родовъ причислены были при императорѣ Павлѣ къ русско-княжескимъ родамъ, а представители двухъ первыхъ, т. е. Урусовы и Черкасскіе, еще въ XVII вѣкѣ стояли на высшихъ степеняхъ московскаго боярства, не смотря на то, что члены этихъ родовъ только недавно приняли православную вѣру, Изъ нихъ Урусовы были потомки Эдигея, князя ногайскаго, одного изъ вождей Тамерлана, а князья Черкасскіе считались потомками египетскаго султана Инала и были владѣтелями Кабарды. Князья Юсуповы были однородцы съ Урусовыми и своимъ возвышеніемъ они всего болѣе были обязаны расположеніемъ къ одному изъ нихъ со стороны могущественнаго Бирона.

Другіе татарско—нынѣ—русско-княжескіе роды, какъ напримѣръ, Ширинскіе-Шихматовы, были потомки татарскихъ мурзъ, имѣвшихъ исключительное право вступать въ бракъ съ дочерьми крымскихъ хановъ. Ширинскіе мурзы начали приходить въ русское подданство въ половинѣ XVI вѣка; при этомъ они принимали православную вѣру и со временемъ совершенно обрусѣли. Но еще задолго передъ тѣмъ, какъ предки князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ появились въ Москвѣ, одинъ изъ князей или мурзъ Ширинскихъ, Бахметъ, пришелъ изъ Большой Орды въ Мещеру, завоевалъ ее, крестился тамъ самъ и вмѣстѣ съ собою крестилъ многихъ людей. Отъ этого Бахмета (Усейна) и пошли нынѣшніе князья Мещерскіе.

Грузинскіе князья стали появляться еще въ Москвѣ, и первые изъ нихъ были князья Дадіани, совершенно нынѣ обрусѣвшіе и существующіе подъ фамиліей князей Дадьяновыхъ. Они оставили свои владѣнія, Мингрелію, въ половинѣ XVII столѣтія, вслѣдствіе мятежа, поднятаго какимъ-то сванетомъ Каци-Чикуани, который, низвергнувъ Дадіана, утвердился самъ въ Мингреліи и сдѣлался родоначальникомъ существующихъ нынѣ, также въ Россіи, князей Мингрельскихъ. Выѣхали также въ Россію, еще въ 1666 году, двое грузинскихъ князей, потомки которыхъ писались сперва Хохоновыми-Давыдовыми, а потомъ стали писаться и нынѣ пишутся только князьями Давыдовыми.

Впослѣдствіи, при переѣздѣ въ Россію царя грузинскаго Вахтанха, въ 1714 году, имъ былъ представленъ русскому правительству списокъ пріѣхавшихъ съ нимъ грузинъ. Изъ нихъ нѣкоторые были означены словами: «таваде», «моурави» и «эриставп», и всѣ эти титулы были переведены словомъ «князь». При окончательномъ подданствѣ Грузіи, послѣднимъ царемъ ея, Георгіемъ, былъ также представленъ общій списокъ грузинскихъ родовъ, которые могли имѣть право на дворянство, и тѣ изъ этихъ родовъ, которые были означены словомъ «таваде», получили также право на названіе князьями. Списокъ этотъ чрезвычайно длиненъ, а поэтому у насъ въ настоящее время и является такое множество грузинъ съ титуломъ князей.

Титулы эти, независимо отъ пожалованія потомственнаго званія «таваде», возникли еще въ силу владѣтельныхъ правъ, присвоенныхъ нѣкоторымъ родамъ, въ числѣ которыхъ находится немало и армянскаго, и осетинскаго происхожденія. Такъ, носятъ княжескій титулъ: Дадешкиліани по владѣнію Сванетіею, Гурьели—Гуріею, Абашидзе—Абхазіею; прочіе же по пожалованію званія «таваде», которые въ Грузіи раздѣлялись на три степени, но въ Россіи всѣ эти степени были признаны равноправными, и потому всѣ «таваде» были переименованы въ князей. Въ князья же попали нѣкоторые роды персидскаго происхожденія, имѣвшіе титулъ «меликовъ».

Вообще право на княжескій титулъ бывшихъ грузинскихъ подданныхъ представляетъ большую запутанность, и для разбора относящихся къ этому дѣлъ въ 1846 году учреждены были въ Тифлисѣ и Кутаисѣ особыя коммиссіи, которыя въ 1850 году и признали княжескій титулъ за 69 фамиліями, кромѣ множества тѣхъ фамилій, которымъ и прежде еще придано было названіе князей.

Княжескій титулъ былъ придаваемъ въ прошломъ столѣтіи и начальникамъ разныхъ инородческихъ поколѣній въ Сибири. Такой же титулъ съ фамиліею Дондуковыхъ былъ признанъ и за потомками одного изъ калмыцкихъ хановъ Дондукъ-Омба, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія за какимъ-то индѣйцемъ Порюсъ-Визапурскимъ.

Въ старинныхъ приказныхъ отпискахъ встрѣчаются князья: Великопермскіе, Пелымскіе, Фабуловы и многіе другіе, нынѣ какъ кажется, уже не существующіе. Къ иноземнымъ же князьямъ, упоминаемымъ въ старинныхъ московскихъ актахъ, принадлежатъ князья Мышецкіе, происходящіе отъ одного изъ маркграфовъ Мейсенскихъ и князья Болловскіе, Лукомскіе, Несвицкіе и Нерыцкіе; происхожденіе ихъ съ точностію неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, они не изъ татарскихъ мурзъ и, вѣроятно, три первые рода составляютъ потомство тѣхъ князей русскихъ, которые были нѣкогда удѣльными въ нынѣшнемъ западномъ краѣ, а Нерыцкіе считаются выѣхавшими изъ Италіи, хотя достовѣрныхъ на счетъ этого свѣдѣній не имѣется, да въ настоящее время они уже не существуютъ.

Сохранилось извѣстіе въ сибирскихъ лѣтописяхъ, что первый русскій завоеватель Сибири Ермакъ Тимоѳеевичъ Повольскій былъ отъ Ивана IV Васильевича пожалованъ титуломъ князя сибирскаго. Такое извѣстіе, однако, весьма сомнительно не только потому, что не встрѣчается на счетъ этого указанія ни въ какихъ дѣлахъ, но и потому еще, что вообще въ государствѣ московскомъ до Петра Великаго пожалованія княжескихъ титуловъ не производилось, хотя, какъ мы видѣли, и были случаи возведенія татаръ даже въ царскій санъ. Отсутствіе такихъ пожалованій можно всего легче объяснять упадкомъ княжескаго титула въ XV, XVI и XVII столѣтіи даже до того, что, какъ мы видѣли, самое названіе кого либо княземъ стало считаться безчестьемъ.

При такомъ упадкѣ въ Россіи княжескаго достоинства, Петръ 30-го мая 1707 года пожаловалъ княжескимъ достоинствомъ бывшаго сперва графомъ, а съ 1705 года свѣтлѣйшимъ княземъ Римской имперіи, генералъ-поручика Александра Даниловича Меньшикова. При этомъ надобно обратить вниманіе на то, что въ этомъ случаѣ княжескій титулъ былъ собственно прибавочнымъ къ титулу «герцога Ижорскаго», который далъ Петръ Меньшикову. Кромѣ того, самъ Меньшиковъ не слишкомъ дорожилъ княжескимъ титуломъ, который онъ употреблялъ собственно для того, чтобы поставить себя, человѣка не родословнаго, вровень съ Долгоруковыми, Рѣпниными, Голицыными и другими представителями древняго московскаго боярства, отъ которыхъ онъ, кромѣ титула «князь», отличался еще и титуломъ «свѣтлости», а дѣти его обыкновенно назывались не князьями, а «принцами».

Замѣтимъ при этомъ, что у насъ на Руси, какъ это, впрочемъ, было и во всей Западной Европѣ, древность дворянскаго рода считалась, да и нынѣ считается, выше новаго почетнаго титула. Это проистекаетъ изъ той мысли, что титулъ можетъ получить каждый простолюдинъ, тогда какъ дать «благородныхъ» предковъ лицу, не имѣющему ихъ по рожденію, не въ состояніи никакая власть, какъ бы могущественна она ни была.

Послѣ Петра Великаго русскіе государи впродолженіе девяноста лѣтъ не возводили никого въ княжеское достоинство, вѣроятно, потому, что никто изъ знатныхъ вельможъ не льстился стать вслѣдствіе такой награды на ряду съ захудалыми Рюриковичами и, конечно, еще менѣе желалъ кто нибудь, по дарованному ему отличію, уподобиться множеству татарскихъ и уже довольно избыточному числу грузинскихъ князей. Чтобы поднять дворянско-княжеское достоинство въ Россіи, нужно было предварительно показать лицъ, облеченныхъ этимъ достоинствомъ, въ блескѣ знатности, богатства и могущества, что̀, какъ мы увидимъ, и случилось въ царствованіе Екатерины.

При ней явились князья среди такой обстановки, что поэтому нѣсколько позднѣе императоръ Павелъ I могъ уже княжескій санъ считать чрезвычайною наградою, особенно съ титуломъ «свѣтлости», выдѣлявшимъ ново - пожалованнаго князя изъ множества его сотитульниковъ, бывшихъ въ большинствѣ мелкой сошкой.

Первая такая награда была пожалована имъ, 5-го апрѣля 1797 года, вице-канцлеру графу Александру Андреевичу Безбородко. Затѣмъ Павелъ пожаловалъ князьями: генералъ-прокурора Петра Васильевича Лопухина, и съ титуломъ князя Италійскаго, генералъ-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго. Четвертымъ княземъ, пожалованнымъ Павломъ I, былъ армянскій патріархъ Іосифъ, по фамиліи Аргутинскій, съ его братьями и племянниками; при этомъ новопожалованнымъ князьямъ Аргутинскимъ дозволено было писаться Аргутинскими-Долгорукими; это прозваніе дано было имъ въ память ихъ происхожденія,—неизвѣстно, на сколько достовѣрнаго,—отъ одного изъ древнихъ царей персидскихъ, Артаксеркса, прозваннаго Долгорукимъ.

Императоръ Александръ I пожаловалъ княжескимъ достоинствомъ: генерала-отъ-инфантеріи графа Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова, съ титуломъ свѣтлости, и вскорѣ послѣ того наименованнаго Смоленскимъ; предсѣдателя государственнаго совѣта фельдмаршала графа Николая Ивановича Салтыкова и русскаго посла на вѣнскомъ конгрессѣ графа Андрея Кирилловича Разумовскаго. При этомъ и Салтыковъ, и Разумовскій, получили титулы свѣтлости. Кромѣ нихъ, княжескій титулъ, но безъ свѣтлости, данъ былъ главнокомандовавшему 1-ю арміею фельдмаршалу графу Михаилу Богдановичу Барклай-де-Толли.

При императорѣ Николаѣ Павловичѣ число такихъ пожалованій увеличилось. При немъ первою пожалована была княжескимъ титуломъ, а затѣмъ и титуломъ свѣтлости, статсъ-дама графиня Шарлотта Карловна Ливенъ. Титулъ этотъ былъ ей данъ за ея педагогическіе труды, собственно за воспитаніе великихъ княженъ сестеръ императора и какъ лицу, пользовавшемуся особымъ уваже-

ніемъ императорской фамиліи, съ распространеніемъ обоихъ пожалованныхъ ей титуловъ на ея нисходящее потомство.

Затѣмъ отъ императора Николая получили: титулъ князя Варшавскаго съ титуломъ свѣтлости генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій; фельдмаршалъ графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ; предсѣдатель государственнаго совѣта графъ Викторъ Павловичъ Кочубей и графъ Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, но всѣ трое безъ титула «свѣтлости». Послѣ того князьями пожалованы были: военный министръ графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ и намѣстникъ кавказскій графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, безъ титула свѣтлости, который они получили впослѣдствіи, въ видѣ дополнительной награды.

Затѣмъ княжескій титулъ при императорѣ Николаѣ получили еще: камеръ-пажъ султанъ Сагибъ-Гирей-Чингисъ, какъ старшій сынъ умершаго султана внутренней киргизской орды; по смерти его княжескій титулъ перешелъ къ его младшему брату;—и шамхалъ Тарковскій, которому былъ предоставленъ титулъ княжескій по праву первородства.

При императорѣ Александрѣ Николаевичѣ былъ только одинъ случай пожалованія княжескаго титула, но безъ прибавленія свѣтлости, а именно предсѣдателю государственнаго совѣта графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову.

Изъ этого перечня видно, что собственно жалованныхъ князей у насъ очень немного, да и сверхъ того роды князей: Безбородко, Лопухина, Голенищева-Кутузова, Разумовскаго, Барклай-де-Толли, Остенъ-Сакена и Воронцова пресѣклись въ мужскомъ поколѣніи, а роды князей Меньшикова, Суворова-Италійскаго и Чернышева имѣютъ только по одному представителю мужескаго пола.

Мы уже упоминали о тѣхъ причинахъ, которыя содѣйствовали упадку въ Россіи княжескаго титула еще при царяхъ московскихъ, но въ послѣдней четверти прошлаго вѣка титулъ этотъ снова поднялся вслѣдствіе того, что носившія его лица были могущественными временщиками при дворѣ, да и, кромѣ того, они имѣли титулъ князей Священной имперіи Римской, пользовавшійся во всей Европѣ большимъ почетомъ и значеніемъ.

Князь Римской, собственно Нѣмецкой имперіи, могъ сдѣлаться изъ титулярнаго князя, — какимъ уже издавна сдѣлался князь въ Россіи,—дѣйствительнымъ, а не мнимымъ княземъ, пріобрѣтя какимъ либо способомъ въ предѣлахъ бывшей Германской имперіи герцогство, княжество, маркграфство или графство. Онъ становился въ ряду владѣтельныхъ особъ, и для пріема «имперскихъ владѣтельныхъ князей» были установлены при европейскихъ дворахъ особые церемоніалы.

Такими князьями изъ русскихъ подданныхъ, кромѣ Меньшикова, были: генералъ-фельдцейхмейстеръ, русскій графъ, Григорій Григорьевичъ Орловъ, генералъ-фельдмаршалъ, тоже русскій графъ, Григорій Александровичъ Потемкинъ, получившій отъ Екатерины II наименованіе Таврическаго, и генералъ-фельдцейхмейстеръ, графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Всѣ эти лица, хотя только сами по себѣ сдѣлавшіеся богатыми, знатными и сильными, жили въ такой блестящей обстановкѣ, въ которой проявлялись и утонченная изысканность запада, и грубая роскошь востока, такъ что они могли казаться уже не заурядными, хотя бы и очень высокими, сановниками, но, пожалуй, владѣтельными князьями. Они, какъ равно и князь Меньшиковъ, благодаря фавору, достигли такой высокой степени могущества, какой не достигали у насъ ни прежде, ни послѣ, ни прирожденные, ни жалованные русскіе князья.

Кромѣ упомянутыхъ четырехъ князей изъ русскихъ уроженцевъ, былъ еще въ Россіи одинъ свѣтлѣйшій князь Римской имперіи, бывшій молдаванскій господарь, Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ. Родъ его пресѣкся въ исходѣ XVIII столѣтія, а также съ этимъ же достоинствомъ, но безъ титула свѣтлости, пришли въ прошломъ столѣтіи въ русское подданство: Радзивиллы, Любомірскіе и Яблоновскіе. Добавимъ къ этому, что въ царствованіе Екатерины II былъ въ Россіи богатый грекъ Мавросни, пользовавшійся княжескимъ титуломъ по пожалованію ему этого титула патріархомъ константинопольскимъ.

Сверхъ этихъ князей, въ русскомъ подданствѣ состоятъ: князья Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ; княжескій титулъ пожалованъ имъ королемъ прусскимъ, и князья Вреде, по пожалованію имъ княжескаго титула королемъ баварскимъ. Пользуются также въ Россіи княжескимъ титуломъ представители родовъ, занимавшихъ мѣсто молдавскихъ господарей, какъ, напримѣръ, Маврокордати и Кантакузены.

Такимъ образомъ, если сообразить всѣ сдѣланныя нами замѣчанія о значеніи княжескаго титула въ Россіи, то нельзя не признать, что лица эти вообще не только не представляютъ собой русской аристократіи, въ значеніи западно-европейской аристократіи,—которой, кстати сказать, никогда у насъ и не было,—но даже не составляли безусловно высшей служилой знати, за исключеніемъ немногихъ родовъ, имѣвшихъ въ разное время историческое значеніе и, большею частію, уже пресѣкшихся. Прочіе же роды, хотя и отличенные княжескимъ титуломъ, оставались и нынѣ остаются въ безъизвѣстности и убожествѣ.

IV.

Графскіе титулы.

Если, какъ мы видѣли, къ исходу XVII вѣка нѣкогда самый почетный на Руси титулъ «князь» утратилъ свою прежнюю важность, то, какъ бы въ замѣнъ его, у насъ появился новый почетный дворянскій титулъ «графа». Значеніе этого титула было непонятно для русскихъ людей и лица, получавшія его, не умѣли даже правильно написать его, такъ какъ въ подписяхъ своихъ замѣняли букву «ф» буквою «ѳ». Вскорѣ, однако, титулъ этотъ пришелъ въ большой почетъ, такъ какъ на первыхъ порахъ стали носить его видные вельможи, знатные сановники и близкіе къ государю люди. Вдобавокъ къ тому, съ пожалованіемъ этого титула соединялось и пожалованіе большаго состоянія, такъ что при Петрѣ I бѣдняковъ-графовъ еще не оказывалось, тогда какъ въ противоположность тому было множество не только убогихъ, но и нищенствовавшихъ князей. Поэтому, вѣроятно, и до сихъ поръ еще въ народѣ съ названіемъ «графъ» соединяется понятіе о знатности и богатствѣ, и, напримѣръ, уменьшительное слово «графчикъ» имѣетъ въ народѣ совершенно иной смыслъ, нежели слово «князекъ».

Со времени Петра I у насъ появились графскіе титулы различные по ихъ пожалованію. У насъ были графы: Россійской имперіи и графы Священной Римской имперіи, а потомъ стали появляться графы или иноземцы, вступавшіе съ такимъ титуломъ въ русское подданство, или получавшіе его уже послѣ того отъ разныхъ владѣтельныхъ особъ, или пользовавшіеся такимъ титуломъ безъ достаточнаго на то права. За нѣкоторыми изъ иностранныхъ графовъ присвоенный ими себѣ титулъ былъ въ то или другое время признанъ русскими государями. Если вообще у насъ графовъ въ настоящее время гораздо менѣе, чѣмъ князей, то въ отношеніи своего происхожденія титулъ этотъ представляетъ такую же пестроту, какъ и княжескій.

Первымъ графомъ въ Россіи оказывается фельдмаршалъ генералъ-адмиралъ, бояринъ и посольскихъ дѣлъ президентъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а послѣ него гвардейской бомбардирской роты подпоручикъ Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, а затѣмъ посольскихъ дѣлъ президентъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ. Всѣ трое, однако, не были «русскими» графами, такъ какъ графскій титулъ былъ пожалованъ: Головину 16-го ноября 1701 года и Меньшикову въ 1702 году римско-нѣмецкимъ императоромъ Леопольдомъ I, а Головкину въ 1707 году императоромъ Іосифомъ I. Первымъ же собственно русскимъ графомъ былъ фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, получившій графскій титулъ отъ

Петра Великаго въ 1706 году въ награду за усмиреніе стрѣлецкаго бунта въ Астрахани.

Въ 1709 году, Петръ далъ графскій титулъ канцлеру Гавріилу Ивановичу Головкину, имѣвшему уже такой титулъ съ 1706 года, по пожалованію отъ римско-нѣмецкаго императора Іосифа I. Въ 1710 году, Петръ былъ почему-то особенно щедръ на раздачу графскихъ титуловъ. Въ этомъ году были пожалованы имъ графами: бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, генералъ-адмиралъ Θедоръ Матвѣевичъ и бояринъ Петръ Матвѣевичъ Апраксины и бывшій учитель царя Никита Моисеевичъ Зотовъ, съ распространеніемъ этого титула и на его нисходящее потомство. Но по смерти Зотова, въ 1717 году, дѣтямъ и внукамъ его запрещено было именоваться графами. Титулъ этотъ былъ, однако, возвращенъ его потомкамъ въ 1803 году, при бракѣ одного изъ правнуковъ Никиты Моисевича съ княжною Еленою Алексѣевной Куракиной. Затѣмъ Петръ возвелъ въ графское достоинство: въ 1721 году, генералъ-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюсса, въ 1722 году оберъ-шенка статскаго совѣтника Андрея Матвѣевича Апраксина и въ 1722 году дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстаго, но въ 1727 году Толстой, по непріязни къ нему Меньшикова, былъ лишенъ графскаго достоинства, которое было возвращено только внукамъ его въ 1760 году. Такимъ образомъ отъ Петра Великаго девять лицъ получили графскій титулъ.

Екатериною I возведены были въ графское достоинство: генералъ-маіоръ Девьеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейнгольдъ, бригадиръ Карлъ и дворянинъ Фридрихъ Левенвольде и два брата Скавронскіе, Карлъ и Θедоръ. Изъ числа этихъ лицъ Девьеръ, въ 1727 году, былъ лишенъ графскаго титула, который былъ возвращенъ ему въ 1743 году императрицею Елисаветою. Императоръ Петръ II пожаловалъ графомъ одного только Миниха, бывшаго въ то время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Императрица Анна Ивановна пожаловала графскій титулъ: въ 1730 году московскому генералъ-губернатору Θедору Васильевичу Салтыкову и вице-канцлеру барону Андрею Ивановичу Остерману, въ 1731 году—оберъ-шталмейстеру Ягужинскому, въ 1732 году—московскому генералъ-губернатору Семену Андреевичу Салтыкову, въ 1739 году фельдмаршалу Ласси и въ 1740 году генералъ-маіору Александру Романовичу Брюсу. Отъ императрицы Елисаветы Петровны получили, въ 1742 году, графскій титулъ: ея двоюродные по матери братья и сестры Ефимовскіе, Гендриковы, Андрей и Иванъ Симоновичи, и ихъ родные сестры, дѣвицы Марія и Марθа, и Скавронскіе. Графскій титулъ былъ пожалованъ также генералъ-аншефу Григорью Петровичу Чернышеву и тайному совѣтнику Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину, а въ 1744 году — оберъ-егермейстеру Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и брату его

камеръ-юнкеру Кириллу, начальнику тайной канцеляріи Ушакову и генералъ-аншефу Александру Ивановичу Румянцеву. Въ 1746 году, былъ данъ графскій титулъ генералъ-поручикамъ Александру и Петру Ивановичамъ Шуваловымъ, а въ 1760 году — фельдмаршалу Александру Борисовичу Бутурлину, на словахъ, безъ всякаго письменнаго заявленія.

Въ продолжительное царствованіе Екатерины II нѣсколько лицъ изъ русскихъ подданныхъ, имѣвшія невысокіе чины или даже вовсе ихъ не имѣвшіе, получили графское достоинство отъ иностранныхъ государей; но сама государыня пожаловала титулы графовъ Россійской имперіи сравнительно весьма немногимъ. Такъ ею были пожалованы графами: камергеръ Иванъ, генералъ-поручикъ Григорій, генералъ-маіоръ Алексѣй и камеръ-юнкеры Ѳедоръ и Владиміръ Григорьевичи Орловы, въ 1767 году — дѣйствительный тайный совѣтникъ Никита Ивановичъ и генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ Панины, въ 1775 году—президентъ военной коллегіи Григорій Александровичъ Потемкинъ; въ 1789 году—генералъ-аншефъ Александръ Васильевичъ Суворовъ съ наименованіемъ «Рымникскій»; въ 1790 году—генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ; въ 1793 году—генералъ-аншефы: Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ и Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, и генералъ-поручикъ баронъ Ферзенъ.

Въ противоположность той малочисленности по пожалованію графскаго титула, какою отличалось слишкомъ тридцати-четырехлѣтнее царствованіе императрицы Екатерины II, преемникъ ея, императоръ Павелъ Петровичъ, явилъ въ этомъ отношеніе впродолженіе съ небольшимъ четырехлѣтняго царствованія необычайную щедрость. Черезъ шесть дней послѣ своего воцаренія онъ далъ графскій титулъ генералъ-маіору Алексѣю Григорьевичу Бобринскому, а затѣмъ, въ день своего коронованія, 5-го апрѣля 1797 года, онъ пожаловалъ графами «Россійской имперіи» бывшихъ уже графами Римской имперіи — троихъ Воронцовыхъ, Безбородко, генералъ-лейтенанта Дмитріева-Мамонова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра, бригадира Якова и статскаго совѣтника Илью Васильевичей Завадовскихъ. Былъ также пожалованъ въ этотъ день «русскимъ» графомъ генералъ-лейтенантъ, прусскій графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буксгевденъ, а также возведены прямо въ графское достоинство Россійской имперіи: фельдмаршалъ Каменскій, генералъ-отъ-инфантеріи Каховскій, Гудовичъ и тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ. Затѣмъ впродолженіе своего царствованія Павелъ Петровичъ возвелъ въ графское достоинство въ 1798 году трехъ братьевъ Сиверсовъ, за заслуги старшаго изъ нихъ, и оберъ-камергера Александра Григорьевича Строганова, имѣвшаго сперва баронскій титулъ, пожалованный фамиліи Строгановыхъ Петромъ Великимъ, а потомъ получившаго титулъ графа Римской имперіи.

Въ слѣдующемъ году были пожалованы графами: с.-петербургскій генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, адмиралъ Кушелевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ростопчинъ, наказной атаманъ войска Донскаго Денисовъ, вице-канцлеръ Кочубей, генералъ-лейтенантъ Аракчеевъ, егермейстеръ Кутайсовъ, имѣвшій уже пожалованный ему Павломъ титулъ «россійскаго» барона, и генералъ-лейтенантъ «французскій» графъ Ланжеронъ.

Императоръ Александръ Павловичъ въ день своей коронаціи возвелъ въ графское достоинство государственнаго казначея Алексѣя Ивановича Васильева, имѣвшаго уже, какъ и Кутайсовъ, баронскій титулъ, генерала-отъ-инфантеріи Татищева и семейство Протасовыхъ. Въ 1809 году отъ императора Александра I получили графскій титулъ: генералъ-маіоръ Михаилъ Васильевичъ Гудовичъ, а также и братья его; въ 1811 году — генералъ-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ, будущій фельдмаршалъ и свѣтлѣйшій князь Смоленскій. Замѣчательно, что война 1812—1814 года не ознаменовалась особенными пожалованіями графскихъ титуловъ. Такой титулъ получилъ только наказной атаманъ Платовъ, а въ 1813 году генералы-отъ-инфантеріи Милорадовичъ и Барклай-де-Толли, и генералъ-отъ-кавалеріи Беннигсенъ. Въ слѣдующіе же за тѣмъ годы, императоръ Александръ Павловичъ возвелъ въ графское достоинство: московскаго военнаго генералъ-губернатора Тормасова (1816 г.), генераловъ-отъ-инфантеріи Ламздорфа и Вязьмитинова (1818 г.), генералъ-адъютанта Коновницына, министра финансовъ и удѣловъ Гурьева (1819 г.) и въ 1821 году — генерала-отъ-инфантеріи барона Фабіана Остенъ-Сакена.

Первымъ изъ получившихъ отъ императора Николая Павловича графскій титулъ былъ командиръ лейбъ-гвардіи коннаго полка Алексѣй Өедоровичъ Орловъ, возведенный впослѣдствіи въ княжеское достоинство. Въ день коронаціи пожалованы были графами: военный министръ Татищевъ, генералъ-лейтенантъ, впослѣдствіи военный министръ и свѣтлѣйшій князь, Чернышевъ, генералъ-лейтенантъ Курута, русскій посолъ въ Парижѣ Поццо-ди-Борго и дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ. Въ 1827 году, былъ возведенъ въ графское достоинство генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, получившій наименованіе «Забалканскаго». Въ 1828 году, данъ былъ титулъ графа Эриванскаго командиру кавказскаго корпуса Паскевичу, будущему фельдмаршалу и свѣтлѣйшему князю Варшавскому. Въ 1829 году, получили графскій титулъ: генералъ-адъютантъ баронъ Толь, инженеръ-генералъ Опперманъ и министръ финансовъ Канкринъ, а въ 1831 году — генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, пожалованный, спустя семь лѣтъ, княземъ. Членъ государственнаго совѣта генералъ-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ и шефъ корпуса жандармовъ Бенкендорфъ

получили графское достоинство въ 1832 году. Изъ генералъ-губернаторовъ двое были императоромъ Николаемъ пожалованы графами: с.-петербургскій—Эссенъ и кіевскій—Левашевъ, оба въ 1832 году. Наибольшее число пожалованій приходилось на личный составъ государственнаго совѣта. Такъ получили по этому учрежденію графскій титулъ: предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ адмиралъ Мордвиновъ (1834 г.), предсѣдатель государственнаго совѣта Новосильцевъ (1835 г.), предсѣдатель департамента законовъ Сперанскій (1839 г.) и предсѣдатель того же департамента Блудовъ. Изъ министровъ, кромѣ упомянутыхъ выше Татищева и Канкрина, пожалованы были графами: государственныхъ имуществъ Киселевъ (1839 г.), народнаго просвѣщенія Уваровъ (1846 г.), финансовъ Вронченко и внутреннихъ дѣлъ Перовскій, оба въ 1849 году. Получили также графскій титулъ: въ 1839 году, дежурный генералъ военнаго министерства Клейнмихель, въ 1843 году дѣйствительный статскій совѣтникъ Корвинъ-Коссаковскій и каменецъ-подольскій губернскій предводитель дворянства Пршездецкій. Впрочемъ, титулъ этотъ былъ данъ ему только лично, безъ распространенія на его потомство. Въ 1847 году возведены были въ графское достоинство главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ В. Ѳ. Адлербергъ, инспекторъ резервной кавалеріи Никитинъ и командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса Ридигеръ.

Первымъ изъ получившихъ графскій титулъ отъ императора Александра II былъ командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ. Титулъ этотъ былъ данъ ему за блистательное участіе въ геройской оборонѣ Севастополя 10-го апрѣля 1855 года; 17-го апрѣля того же года, былъ возведенъ въ графское достоинство оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ В. А. Перовскій, а въ декабрѣ того же года — вице-адмиралъ Путятинъ, бывшій потомъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ день коронаціи императора Александра II, возведены были въ графское достоинство: оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ, оберъ-камергеръ Рибопьеръ и генералъ-адъютантъ Сумароковъ. Въ послѣдующее за тѣмъ время этой награды удостоились: флигель-адъютантъ полковникъ Б. А. Перовскій, генералъ-адъютанты: Евдокимовъ, Литке, Лидерсъ, Граббе, Н. Н. Муравьевъ съ наименованіемъ «Амурскій», генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края М. Н. Муравьевъ, Коцебу, Лорисъ-Меликовъ и П. Н. Игнатьевъ, бывшій предсѣдатель комитета министровъ. Министры: почтъ и телеграфовъ И. М. Толстой и внутреннихъ дѣлъ Ланской, посолъ при лондонскомъ дворѣ баронъ Бруновъ, членъ государственнаго совѣта баронъ Корфъ, военный министръ Милютинъ, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, предсѣдатель комитета министровъ П. А. Валуевъ и товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера Баранцевъ.

Графское достоинство Россійской имперіи получали также прямо и притомъ съ распространеніемъ на потомство и лица женскаго пола. Такъ возведены были въ это достоинство: императоромъ Павломъ статсъ-дама баронесса Ливенъ, получившая впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ, княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости; императоромъ Александромъ Павловичемъ—вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Протасова; императоромъ Николаемъ Павловичемъ—статсъ-дама Баранова и императоромъ Александромъ Николаевичемъ—вдова генералъ-адъютанта Ростовцева.

Всѣ тѣ случаи пожалованія, о которыхъ мы говорили, относятся только къ пожалованію графскаго достоинства «Россійской имперіи», но, независимо отъ этого, русскіе государи, какъ цари польскіе и великіе князья финляндскіе, жаловали иногда графскіе титулы особо по этимъ владѣніямъ. Такъ, напримѣръ, московскій генералъ-губернаторъ Закревскій и намѣстникъ царства Польскаго Бергъ были графами не Россійской имперіи, но только великаго княжества Финляндскаго. Кромѣ того, въ Россіи находится немало «иностранныхъ» графовъ, получившихъ этотъ титулъ или до вступленія ихъ предковъ въ русское подданство, или послѣ того, отъ разныхъ иностранныхъ государей, а также и существовавшихъ въ былое время республикъ Венеціанской и Рагузской. Но перечисленіе этихъ фамилій, отчасти признанныхъ въ графскомъ достоинствѣ въ Россіи, а отчасти еще нѣтъ, было бы очень продолжительно. Вообще же объ иностранныхъ титулахъ мы скажемъ далѣе.

Изъ приведеннаго здѣсь перечня русско-графскихъ фамилій видно, что изъ лицъ, получившихъ графское достоинство въ Россіи, было немало лицъ, принадлежавшихъ къ древнимъ дворянскимъ фамиліямъ. Въ числѣ такихъ лицъ были: Шереметевъ, Толстой, Апраксины, Салтыковы, Бутурлины, Шуваловы, Панины, Воронцовы, Дмитріевы-Мамоновы, Мусины-Пушкины, Строгановы, Татищевы, Голенищевы-Кутузовы, Коновницынъ, Васильчиковъ, Муравьевы и Валуевъ. Затѣмъ большая часть или были люди «случайные», или изъ средняго дворянства, или занимавшіе по рожденію очень скромное положеніе. Порядокъ пожалованія графскимъ титуломъ не соблюдался особенно въ прошломъ столѣтіи, иногда онъ представлялся первостепенною, а иногда какъ бы среднею только наградою. Въ нынѣшнемъ же столѣтіи графскій титулъ былъ въ большой части случаевъ жалуемъ тѣмъ генераламъ и гражданскимъ сановникамъ, которые уже имѣли орденъ Андрея Первозваннаго, хотя исключенія изъ такого порядка бывали нерѣдко.

Замѣтимъ также, что встрѣчаются извѣстія и объ уклоненіи нѣкоторыхъ лицъ отъ полученія графскаго титула. Такими лицами были: извѣстный генералъ 1812 года Раевскій, А. П. Ермоловъ и Нарышкины. Эти послѣдніе отказались, впрочемъ, не только

отъ графскаго, но и княжескаго титула. Такой отказъ объясняется исключительностію ихъ положенія въ царствованіе Петра I, Петра II и Елисаветы Петровны, когда они, по близкому родству съ Петромъ I, считались какъ бы членами царскаго дома и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ занимали первенствующее мѣсто среди всѣхъ вельможъ и царедворцевъ, не смотря даже иной разъ на ихъ невысокую чиновность.

Въ добавокъ къ этому, упомянемъ еще объ одномъ весьма своеобразномъ титулѣ—о титулѣ кесаря съ титуломъ «величества». Титулъ этотъ пожалованный Петромъ Великимъ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому употреблялся и въ правительственной перепискѣ и отъ князя Ѳедора перешелъ къ сыну его князю Ивану Ѳедоровичу, умершему въ 1730 году. Несомнѣнно однако, что титулъ этотъ былъ шуточный, какъ и титулъ князя-папы. Императоръ Павелъ, передавая фамилію и титулъ князей Ромодановскихъ генералъ-поручику Ладыженскому, не предоставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему титулъ «кесаря», но тѣмъ не менѣе дозволилъ ему употреблять придворную ливрею—право, которымъ пользовался «кесарь», его дѣдъ.

V.

Титулы свѣтлости и сіятельства.

Въ дополненіе къ княжескому и графскому достоинствамъ у насъ существуютъ особые титулы, или такъ называемые «предикаты», что порусски можно перевести словомъ величаніе: «свѣтлость» и «сіятельство». Мы уже упоминали о тѣхъ лицахъ, которымъ одновременно съ княжескимъ достоинствомъ или нѣсколько позднѣе послѣ того былъ приданъ титулъ свѣтлости. Но, кромѣ этого, въ видѣ особой награды получили предикатъ свѣтлѣйшихъ и нежалованные, а прирожденные князья. Такіе титулы въ отдѣльности сталъ жаловать только императоръ Николай Павловичъ и ихъ получили: въ 1834 году фельдмаршалъ и министръ императорскаго двора князь Петръ Михайловичъ Волконскій; послѣ него московскій генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, и отъ императора Александра Николаевича государственный канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Дополнительные эти титулы распространены и на потомство пожалованныхъ ими лицъ. Пофранцузски титулъ этотъ переводится Altesse Serenissime, а понѣмецки Durchlaucht.

Обыкновенно всѣмъ князьямъ придается у насъ титулъ «сіятельства», но это вовсе неправильно, такъ какъ вообще князь самъ по себѣ не имѣетъ еще по закону такого величанія и можетъ пользоваться имъ только по своему чину, но не именоваться сіятельствомъ. Титулъ сіятельства, какъ и титулъ свѣтлости, у насъ вообще для

князей никогда установленъ не былъ, а потому можетъ быть присвоенъ только въ силу особаго, каждый разъ, пожалованія отъ высочайшей власти, и такое пожалованіе совершается обыкновенно при выдачѣ князьямъ, имѣющимъ княжеское достоинство по праву рожденія, при пожалованіи имъ утвердительныхъ грамотъ въ этомъ почетномъ достоинствѣ. Къ такимъ княжескимъ родамъ принадлежатъ, напримѣръ, Долгоруковы, Шаховскіе, Волконскіе и нѣкоторые другіе; но, напримѣръ, князья изъ мордвы, не имѣютъ права на величаніе «сіятельствомъ», если въ данныхъ имъ грамотахъ они сами или вообще родъ ихъ не признанъ «сіятельными» князьями. Между тѣмъ, такъ какъ такое вполнѣ законное различіе между простымъ княземъ и княземъ сіятельнымъ мало кому извѣстно вообще, и еще менѣе можетъ быть извѣстно относительно каждаго рода или каждаго отдѣльнаго лица, то и установился у насъ обычай всѣхъ вообще князей и графовъ,—если только первые не имѣютъ завѣдомо титула свѣтлости,—величать сіятельствомъ. Въ Германіи, напримѣръ, при незначительномъ тамъ числѣ княжескихъ фамилій различіе это соблюдается строго.

Такая неправильность примѣняется у насъ вообще и къ иностраннымъ князьямъ и графамъ, и исключеніе вполнѣ основательно сдѣлано лишь въ отношеніи Демидова, имѣвшаго пожалованный ему королемъ итальянскимъ титулъ князя Санъ-Донато; покойнаго Демидова, какъ и слѣдовало, не величали ни свѣтлостью, ни сіятельствомъ, а только соотвѣтственно его чину. Дѣйствительно, если въ самой Италіи «il principe»,—по нашему «князь»,—не имѣетъ, безъ особаго пожалованія, никакого предиката, и если этотъ послѣдній не присвоенъ былъ Демидову при дозволеніи ему именоваться княземъ въ Россіи, то не было никакого повода придавать ему такое особое величаніе, на какое самъ по себѣ, безъ высочайшаго соизволенія, не имѣетъ права и русскій князь, хотя бы онъ по происхожденію былъ Рюриковичъ или Гедиминовичъ и княжеское его достоинство не подлежало бы ни малѣйшему сомнѣнію.

Замѣчаніе наше на счетъ титула сіятельства примѣняется вполнѣ къ иностраннымъ графамъ вообще. Даже при высочайше данномъ кому либо дозволеніи пользоваться въ Россіи графскимъ титуломъ, онъ не вносится, при составленіи «Общаго Гербовника», въ тотъ его отдѣлъ, въ который вносятся роды, получившіе почетные титулы отъ русскихъ государей, но помѣщается во второй отдѣлъ или въ третій, на ряду съ нетитулованными родами, и только дѣлается замѣтка, что они имѣютъ иностранный титулъ такого-то и такого-то государства, а затѣмъ на причисленіе къ русскому титулованному дворянству требуется особое высочайшее соизволеніе. Кромѣ того, графы ни прежняго французскаго королевства, ни двухъ французскихъ имперій, не пользовались и у себя дома никогда никакимъ предикатомъ. То же слѣдуетъ сказать о графахъ всѣхъ дру-

гихъ государствъ, весь титулъ которыхъ ограничивался только «господинъ графъ»—monsieur le comte, il signore conte. Даже въ Германіи, гдѣ графскій титулъ пользуется бо́льшимъ, чѣмъ въ другихъ государствахъ, почетомъ, лишь нѣкоторымъ графскимъ родамъ присвоенъ предикатъ «сіятельства»—Erlaucht—это тѣ старинныя нѣмецкія графскія фамиліи, члены которыхъ въ старину носили названіе «comites illustrissimi» и за которыми титулъ этотъ былъ утвержденъ сеймомъ бывшаго германскаго союза 13-го февраля 1829 года. Всѣ же остальные графы довольствуются—да и то въ видѣ вѣжливаго, а не обязательнаго обращенія—величаніемъ «высокоблагородія», т. е. Hochwohlgeboren. При первыхъ у насъ пожалованіяхъ графскихъ титуловъ лицамъ, получавшимъ ихъ, присвоивали только предикатъ «высокоблагородіе». Между тѣмъ при Петрѣ всѣ сенаторы, безъ различія, былъ ли онъ графъ или князь, титулуемы были «сіятельствомъ».

Говоря о примѣненіи у насъ къ иностраннымъ графскимъ титуламъ величанія «сіятельствомъ», должно замѣтить слѣдующую непослѣдовательность. Въ русскомъ подданствѣ состоитъ нѣсколько фамилій, какъ, напримѣръ, де-Траверсе, Пауллучи, за которыми признаётся русскимъ правительствомъ не употребляемый у насъ вообще титулъ «маркизовъ», но при сношеніяхъ съ ними ни въ казенной, ни въ частной перепискѣ имъ не придается «сіятельства». Между тѣмъ маркизъ или маркграфъ одной степенью выше графа. Изъ этого слѣдуетъ, что если у насъ всѣхъ графовъ, и между ними и иностранныхъ, чествуютъ «сіятельствомъ», то тѣмъ соотвѣтственнѣе придавать такое величаніе и всѣмъ маркизамъ.

VI.

Баронскій титулъ.

Древній титулъ «барона» (по-латини baro) былъ въ Западной Европѣ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, самымъ почетнымъ титуломъ. Тамъ въ это время подъ словомъ «баронъ» подразумѣвались не только высшіе государственные чины, но и вообще всѣ феодальные владѣтели, хотя бы они имѣли и герцогскіе, и княжескіе, и маркграфскіе, и графскіе титулы. Во время крестовыхъ походовъ титулъ этотъ былъ занесенъ на Востокъ и тамъ пріобрѣлъ такой большой почетъ, что и донынѣ среди армянъ, живущихъ въ Россіи и въ Турціи, титулъ барона считается высшимъ отличіемъ, такъ какъ тамъ съ названіемъ барона сохранилась память о прославившихся крестоносныхъ вождяхъ, отнявшихъ Іерусалимъ отъ невѣрныхъ.

У насъ, на Руси, какъ въ странѣ чуждой всякой феодальной закваскѣ, никогда никакихъ бароновъ не могло быть и въ заводѣ.

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе сношеній разнаго рода русскихъ съ нѣмецкими рыцарями, завоевавшими южно-восточное побережье Балтійскаго моря, въ старинныхъ нашихъ рукописныхъ памятникахъ упоминается о баронахъ, которыхъ стали называть у нѣмцевъ «фрейгерами» (Freiherr), а порусски стали переводить это слово «вольный господинъ». Такой переводъ былъ вѣренъ не только буквально, но и по тому значенію, какое имѣетъ «фрейгеръ», будучи владѣльцемъ помѣстья, не зависившимъ ни отъ кого, кромѣ государя или примѣнительно къ тевтонскому ордену отъ его гермейстера.

Между тѣмъ въ Западной Европѣ титулъ барона не только началъ утрачивать постепенно свое прежнее значеніе, но и приходить въ пренебреженіе. Бароновъ, — только по дипломамъ, а не по поземельнымъ владѣніямъ,—расплодилось очень много, особенно когда прежніе мелкіе германскіе владѣтели присвоили себѣ право раздавать баронскій титулъ. Наконецъ, титулъ этотъ потерялъ въ общественномъ мнѣніи всякое уваженіе, когда имъ стали украшаться всякіе проходимцы, а также и разбогатѣвшіе евреи. Въ настоящее время такихъ бароновъ очень много и во Франціи, и въ Италіи, и въ Германіи, преимущественно же въ Австріи.

Что касается бароновъ, находящихся въ Россіи, то ихъ можно раздѣлить на три разряда: на бароновъ, получившихъ этотъ титулъ отъ русскихъ государей; на бароновъ, пожалованныхъ этимъ титуломъ иностранными государями, и на бароновъ, носящихъ этотъ титулъ вслѣдствіе своего старпннаго нѣмецко-дворянскаго происхожденія, безъ особаго пожалованія.

До Петра Великаго «русскихъ бароновъ» вовсе не было. Первымъ изъ нихъ былъ пожалованъ, въ 1710 году, подканцлеръ Шафировъ, внукъ крещеннаго еврея. Въ 1721 году, Петръ далъ русско-баронскій титулъ тайному совѣтнику Остерману, сыну нѣмецкаго пастора, за заключеніе Ништадтскаго мира. Затѣмъ, въ 1722 году, были Петромъ пожалованы въ бароны три брата Строгановыхъ, носившіе до этого времени званіе именитыхъ людей и не числившіеся не только среди московскаго боярства, но и среди служилаго дворянства.

Екатерина I, въ 1726 году, пожаловала барономъ Луку Четихина, по преданію любимаго своего карлика, а въ слѣдующемъ году выдала дипломъ на баронство тремъ братьямъ Соловьевымъ, происходившимъ изъ мѣщанскаго сословія, которыхъ еще Петръ I, за услуги ихъ по торговой части, обѣщалъ пожаловать въ бароны. При Петрѣ II были возведены въ бароны: Констансъ, камердинеръ государя, и камеръ-юнкеръ Поспѣловъ. Елисавета Петровна пожаловала баронство только одному, а именно тайному совѣтнику Черкасову.

Екатерина II была довольно щедра на раздачу баронскаго титула. При ней получили его въ 1769 году англичанинъ, лейбъ-медикъ Димздель и второй его сынъ, съ соблюденіемъ въ этомъ случаѣ англійскаго порядка по наслѣдованію почетныхъ титуловъ, т. е. съ переходомъ его по праву первородства въ нисходящемъ потомствѣ каждаго изъ пожалованныхъ лицъ. Въ 1773 году, получилъ отъ Екатерины II баронскій титулъ банкиръ Фредериксъ, русскій резидентъ при дворѣ князя-епископа любскаго, Местмахеръ, генералъ-маіоръ Спренгпортенъ и въ 1789 году, выслужившійся изъ волноопредѣлившихся до чина генералъ-аншефа, Меллеръ, причемъ къ прежнему его прозванію было, по пожалованному ему помѣстью за рѣкою Комелью, прибавлено прозваніе Закомельскій.

Императоръ Павелъ Петровичъ, любившій, — какъ замѣчено выше,— раздавать почетные титулы, пожаловалъ, въ день своего коронованія, 5-го апрѣля 1797 года, баронами: государственнаго казначея, тайнаго совѣтника Васильева и с.-петербургскаго коменданта Аракчеева, а въ 1799 году, егермейстера Кутайсова. Всѣ эти бароны были впослѣдствіи графами. Кромѣ ихъ, Павелъ въ 1800 году въ одинъ день пожаловалъ баронами трехъ придворныхъ банкировъ, а именно: московскаго купца Роговикова, португальца Вельо и нѣмца Раля.

При императорѣ Александрѣ Павловичѣ былъ пожалованъ барономъ только одинъ — дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ Колокольцевъ, потомокъ татарскаго рода. Современники его передавали, что Колокольцеву очень желательно было получить графское достоинство, и что молодые люди, — это было въ 1801 году, — окружавшіе государя, желая подшутить надъ искательнымъ честолюбцемъ, внушили государю мысль пожаловать его совершенно неожиданно барономъ, а онъ съ своей стороны былъ крайне огорченъ, какъ насмѣшкою, такою наградою, которая только что передъ этимъ дана была съ разу тремъ банкирамъ и которая не подходила къ его высокому чину и важному въ то время сенаторскому званію. Огорченный сановникъ обреченъ былъ просуществовать барономъ семнадцать лѣтъ, до конца своей жизни.

Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ баронскій титулъ тоже одному только лицу — придворному банкиру Штиглицу въ день своей коронаціи, 22-го августа 1826 года, а императоръ Александръ Николаевичъ далъ баронскій титулъ: извѣстному суконному фабриканту въ царствѣ Польскомъ Захерту, придворному банкиру Фелейзену и главѣ с.-петербургскаго купеческаго дома Кусову, въ столѣтнюю годовщину этого дома.

Частое пожалованіе въ Россіи баронами лицъ купеческаго званія породило у насъ ошибочное мнѣніе, будто первенствующій представитель торговаго дома и потомство этого представителя, если такой домъ просуществуетъ сто лѣтъ, имѣютъ «по закону» право

на полученіе баронскаго титула. Между тѣмъ, такого закона не существуетъ, да и никогда не существовало.

Другой разрядъ бароновъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, — это бароны, получившіе баронскій титулъ, хотя тоже отъ русскихъ государей, но только по великому княжеству Финляндскаго. Пожалованы были такими баронами десять лицъ, а послѣдній изъ нихъ получившій такой титулъ былъ министръ статсъ-секретарь по великому княжеству Финляндскому тайный совѣтникъ Бруннъ. Титулъ этотъ данъ былъ ему въ день коронаціи нынѣ царствующаго государя императора.

Кромѣ того, существуютъ у насъ немало, въ общей сложности, бароновъ прежней Римской и нынѣшней Австрійской имперій, бывшей первой Французской имперіи и королевствъ Шведскаго и Сардинскаго, а также бароны нѣкоторыхъ мелкихъ германскихъ государствъ. Пожалованіе иностраннаго баронскаго титула не даетъ правъ на дворянство въ Россіи, и, напримѣръ, бароны Гауфъ и Гинцбургъ оставались въ званіи потомственныхъ почетныхъ гражданъ, въ какомъ они состояли до полученія титула, которымъ имъ только было дозволено пользоваться въ Россіи. Такое дозволеніе, но не «утвержденіе» кого либо въ какомъ либо почетномъ титулѣ не дѣлаетъ никого въ Россіи обязательнымъ употреблять этотъ титулъ въ сношеніяхъ съ тѣмъ, кто имѣетъ имъ право пользоваться.

Наконецъ, къ третьему разряду бароновъ изъ русскихъ подданныхъ слѣдуетъ отнести многочисленныхъ бароновъ изъ Остзейскихъ провинцій. Тамъ, кромѣ тѣхъ дворянскихъ фамилій, которыя носятъ полученный отъ разныхъ государей общій баронскій, а не исключительно нѣмецкій фрейгерскій титулъ, есть еще свои мѣстные бароны, право которыхъ на этотъ титулъ истекаетъ изъ особаго историческаго начала. Въ отношеніи къ нѣмецкому прибалтійскому дворянству, русское правительство сдѣлало въ сущности то же самое, что сдѣлало австрійское правительство въ отношеніи къ польскому дворянству въ Галиціи.

По присоединеніи этого края къ наслѣдственнымъ владѣніямъ Габсбургскаго дома, австрійское правительство для привлеченія на свою сторону польскаго дворянства узаконило, что тѣ польскіе шляхетскіе роды, въ числѣ прямыхъ предковъ которыхъ былъ «старо̀ста», т. е. владѣлецъ имѣнія, отданнаго во временное пользованіе королемъ, имѣютъ право на графскій титулъ по королевству Галиційскому. Вслѣдствіе этого у насъ находится немало австро-польскихъ графовъ. Въ свою очередь и русское правительство по отношенію къ нѣмецко-прибалтійскому краю, въ 1846 году, постановило, что въ этомъ краѣ имѣютъ право на баронскій титулъ тѣ старинныя дворянскія фамиліи, которыя во время присоединенія къ Россіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи записаны были въ

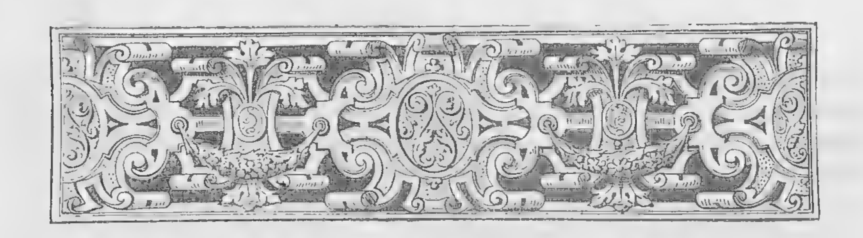
тамошнихъ мѣстныхъ матрикулахъ, т. е. дворянскихъ родословныхъ книгахъ, и потомъ въ указахъ, рескриптахъ и другихъ публичныхъ актахъ именованы были баронскимъ титуломъ. При первомъ изъ этихъ условій, остзейскіе бароны, по древности своего дворянскаго происхожденія, сплошь и рядомъ, могутъ уступать русскимъ дворянамъ, внесеннымъ въ шестую часть дворянской книги, такъ какъ для внесенія въ эту часть нужно доказать дворянство, по крайней мѣрѣ, за двѣсти лѣтъ отъ настоящаго времени, тогда какъ въ остзейскомъ краѣ такой древности не требуется.

Право на баронскій титулъ въ Остзейскомъ краѣ принадлежитъ не только тѣмъ лицамъ, съ ихъ прямымъ потомствомъ, которыя въ упомянутыхъ выше актахъ именовались баронами, но вообще всему ихъ роду, т. е. всѣмъ лицамъ, которыя, нося одну съ ними фамилію, представятъ законныя доказательства о происхожденіи своемъ отъ одного общаго родоначальника, записаннаго въ мѣстныхъ матрикулахъ до присоединенія прибалтійскихъ областей къ Россіи.

Баронскому титулу не придается у насъ никакого дополнительнаго величанія. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Петръ I въ грамотѣ, данной имъ на баронство тайному совѣтнику Шафирову, наименовалъ его въ ней «превосходительнымъ», но такое величаніе относилось къ нему Шафирову, а не къ жалуемому ему баронскому титулу. Елисавета Петровна въ грамотѣ, данной на такой же титулъ тайному совѣтнику Черкасову, наименовала его въ ней только «высокороднымъ», такъ что понизила его противъ личнаго его величанія, но за то титулъ «высокородія» распространенъ былъ на все его нисходящее потомство, хотя бы оно и было вовсе безчиновное.

Е. Карновичъ.

УПРАЗДНЕНІЕ ДВУХЪ АВТОНОМІЙ [1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній о Закавказьѣ).

ГЛАВА IV.

1.

ЛЯ ВЫЯСНЕНІЯ читателямъ, незнакомымъ съ Кавказомъ, смысла кровавой драмы, розыгравшейся 22-го октября 1857 года въ Кутаисѣ между генералъ-губернаторомъ княземъ Гагаринымъ и сванетскимъ владѣтельнымъ княземъ Константиномъ Дадешкиліани, перенесемся въ самую Сванетію, гдѣ находился запутанный узелъ этой драмы.

Грузинское названіе Сванетія, или Саване, соотвѣтствующее русскому слову убѣжище, дано было этому недоступному горному краю, прилегающему къ южнымъ уступамъ Эльбруса, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ прежнія времена постоянныхъ тревогъ Кавказа въ него убѣгали и прятались люди отъ нашествія и преслѣдованія сильнаго и безпощаднаго врага, а, по словамъ преданія, царица Тамара хранила въ немъ свои сокровища. Подраздѣленный внутри на три части — Вольную, Княжескую и Дадіановскую Сванетіи, онъ прорѣзывается двумя большими рѣками—Ингуромъ и Цхенисъ-Цхали, берущими свое начало изъ горы Пасмты. Въ верховьяхъ своихъ обѣ эти рѣки текутъ по Вольной Сванетіи и затѣмъ, расходясь въ разныя

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIX, стр. 484.

стороны, Ингуръ проходитъ на сѣверо-западъ черезъ Княжескую, а Цхенисъ-Цхали направляется на юго-западъ и течетъ по Дадіановской Сванетіи; образовавъ на пути своемъ глубокія и обширныя ущелья, онѣ выходятъ въ долины Мингреліи,—первая около селенія Джвары, а вторая у крѣпости Мури.

Сванетія, названная какъ бы въ насмѣшку Вольной, по суровости климата, скудной производительности и доступности лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ году, когда проходы ея не бываютъ покрыты снѣгомъ, болѣе всего страна невольная и безусловно зависитъ отъ своихъ сосѣдей, могущихъ, если захотятъ, не давать изъ нея выхода населенію ея, состоящему изъ двѣнадцати отдѣльныхъ обществъ, разбросанныхъ по глубокимъ горнымъ котловинамъ. Говорили, что одно изъ этихъ обществъ не имѣло съ остальнымъ міромъ иного способа сообщенія, какъ по веревкѣ, на конецъ которой привязывалась корзина и въ ней спускался человѣкъ на блокѣ. Да и всѣхъ-то вообще выходовъ изъ Вольной Сванетіи только три: одинъ черезъ Княжескую, другой черезъ Дадіановскую и третій черезъ главный хребетъ въ Карачай.

Княжеская Сванетія, лежащая ниже Вольной, начинается горными пастбищами и, спускаясь по ущельямъ, доходитъ до полосы, на которой воздѣлывается уже кукуруза. Въ такихъ же почти физическихъ условіяхъ находится и Дадіановская Сванетія, не имѣющая изъ себя другаго выхода, какъ единственнаго въ Мингрелію, вслѣдствіе чего и должна была подпасть подъ полную зависимость Дадіановъ. Княжеская Сванетія спаслась отъ такой же зависимости только тѣмъ, что природа открыла ей, кромѣ Ингурскаго ущелья, выходъ черезъ Далъ и Цебельду въ Абхазію; это и способствовало роду Дадешкиліановъ, происходящему отъ Шамхала Тарковскаго, сдѣлаться тутъ независимыми владѣтелями. Преданіе говоритъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ теперь 12 обществъ Вольной Сванетіи, жили прежде вассалы князей Дадешкиліановъ; но, возмутившись однажды, они убили своего владѣтеля, за что и были поголовно истреблены его дѣтьми. Обезлюдивъ это мѣсто, Дадешкиліаны назвали его вольнымъ, въ смыслѣ полнаго отсутствія въ немъ населенія, котораго они не желали вовсе допускать тутъ снова; но съ теченіемъ времени въ пустыя горныя трущобы набрались таки опять свѣжіе пришлецы — сбродъ бѣглецовъ и отверженцовъ, со всѣхъ мѣстъ Кавказа и, поселившись въ брошенныхъ башняхъ, имѣющихъ видъ гнѣздъ, составили существующія нынѣ двѣнадцать обществъ Вольной Сванетіи. Преданіе это, при ближайшемъ знакомствѣ съ бытомъ дикарей этого уголка, не лишено вѣроятія. Владѣлецъ каждой башни никого на свѣтѣ выше себя не признаетъ и никому не подчиняется, а всѣ столкновенія разрѣшаетъ съ оружіемъ въ рукахъ. У каждаго поэтому идутъ счеты по кровомщенію. Общее дѣло бываетъ лишь, когда вла-

дѣльцы этихъ башенъ сходятся для случайнаго грабежа. Дѣло кончено, добыча подѣлена и опять всѣ разошлись. Словомъ примитивная разбойничья организація.

Но какъ бы то ни было, мы застали этотъ край въ такомъ видѣ въ первой четверти настоящаго столѣтія, когда владѣтель Княжеской Сванетіи, Тенгисъ Дадешкиліанъ, вслѣдъ за Дадіаномъ и Шервашидзе, вступилъ въ подданство Россіи и получилъ также, какъ и они, инвеституру отъ русскаго императора. Въ этихъ трехъ почти одновременно присоединившихся къ намъ автономныхъ владѣніяхъ намъ стала видна почти аналогическая междоусобная рознь членовъ владѣтельскихъ домовъ. Въ Абхазіи съ владѣтелемъ Сеферъ-беемъ интриговалъ Гассанъ-бей; въ Мингреліи съ Леваномъ—Георгій; въ Княжеской Сванетіи съ Тенгисомъ—Татарханъ, и суть этой борьбы заключалась въ библейской распрѣ Исава и Іакова за первородство: младшій братъ домогался во что бы то ни стало сѣсть на мѣсто старшаго. Въ Абхазіи и Мингреліи большая степень цивилизаціи смягчала характеръ этой борьбы и въ нихъ лишь изрѣдка появлялись кинжалъ и ядъ, а въ такой примитивной странѣ, какъ Сванетія, борьба свелась на искони существовавшую тутъ канлу (кровомщеніе) и члены владѣтельскаго рода, завязавъ между собою кровавые счеты, не желали оставаться въ долгу другъ у друга и истребляли себя поочередно.

Сынъ Тенгиса, Ціохъ (Михаилъ), побывавшій въ Тифлисѣ, принимавшій, во главѣ своей милиціи, съ особеннымъ отличіемъ участіе въ экспедиціяхъ противъ джигетовъ и шапсуговъ, человѣкъ благоразумный, тяготился какъ канлою (кровомщеніемъ), такъ и постоянными столкновеніями съ своими сосѣдями изъ-за пастбищъ, ему принадлежащихъ. На этихъ пастбищахъ почти ежегодно происходили стычки: мингрельцы, абхазцы и цебельдинцы, высылая на нихъ свои баранты, хотѣли пользоваться ими безплатно, а вольные сванеты, не имѣющіе никакой баранты, появлялись сюда для грабежей и отгона ея къ себѣ. Нужно было собирать за пастьбу чужой баранты пошлину, называвшуюся сабалахо (порусски пошлина за траву), и въ то же время предупреждать разбойничьи нападенія вольныхъ сванетовъ. Ціохъ утомился хлопотливостью и трудностью управы со всѣми этими дѣлами и самъ предложилъ правительству взять у него его владѣніе и ввести русское управленіе. Съ нимъ шли переговоры о размѣрахъ и способѣ вознагражденія его за уступку владѣтельныхъ правъ, но онъ не успѣлъ довести ихъ до конца и умеръ въ 1842 году, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, оставивъ на рукахъ своей матери Дигорханъ, пятерыхъ малолѣтнихъ сыновей: Константина, Александра, Ислама, Тенгиса (Николая) и Ціоха (Михаила). Старшему изъ нихъ, будущему владѣтелю, Константину, минуло тогда 14 лѣтъ.

Резиденціею владѣтельскою былъ укрѣпленный замокъ Пааръ;

но, такъ какъ вслѣдъ за смертію Ціоха въ этой мѣстности появилась черная оспа, то бабушка отправила своихъ внуковъ съ невѣсткою въ селеніе Худонъ, пограничное съ Мингреліею, а сама осталась въ замкѣ. Не зная ничего о томъ, Отаръ Дадешкиліани, представитель враждебной линіи Татархана, считавшій за собою очередь канлы и желая разомъ покончить со всей владѣтельской семьей, напалъ съ сыномъ своимъ Джамсухомъ и своими приближенными на замокъ. Дигорханъ, захваченная врасплохъ, отчаянно защищалась съ своими людьми, но все было напрасно, замокъ зажгли, старуха погибла въ пламени. Отаръ завладѣлъ замкомъ и восемь мѣсяцевъ хозяйничалъ въ немъ, покуда малолѣтніе Константинъ и Александръ съ своими преданными слугами не выгнали его оттуда. Какое участіе приняло въ этомъ кровавомъ эпизодѣ правительство, мы не знаемъ и можемъ предполагать лишь, что оно было самое поверхностное, такъ какъ Отаръ и сынъ его Джамсухъ остались не тронутыми; быть можетъ, они временно скрывались въ сосѣднемъ немирномъ Далѣ, но о конфискаціи ихъ имущества тоже не было слышно. По отношенію къ владѣтельскому семейству все участіе правительства ограничилось, кажется, тѣмъ, что второй сынъ покойнаго владѣтеля, Александръ, былъ взятъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ дворянскій полкъ.

Къ самому же малолѣтнему владѣтелю Константину относились всѣ довольно участливо. Екатерина Александровна Дадіани и сестра ея Грибоѣдова очень его ласкали, когда онъ бывалъ въ Зугдидахъ, учили его танцовать, говорить и писать порусски, хлопотали за него въ Тифлисѣ, куда онъ и самъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ. Воронцовъ, назначенный въ 1845 году намѣстникомъ, благосклонно принялъ юношу, обѣщалъ, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, исходатайствовать у государя утвержденіе его въ правахъ владѣтельскихъ; жена Воронцова и графиня Шуазель очень заинтересовались его сиротствомъ, трагической исторіей съ его бабушкой, разспрашивали его, любовались имъ.

Но въ то же время пришедшіе въ Тифлисъ депутаты изъ вольныхъ обществъ Сванетіи произвели эффектъ гораздо бо́льшій и къ нимъ отнеслись съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Оказывалось, что жители дотолѣ невѣдомой совсѣмъ страны, о которой шли легендарные разсказы, жалуются на разнаго рода насилія, чинимыя имъ Дадіанами и Дадешкиліанами, и сами добровольно отдаютъ себя въ подданство Россіи. Подобный фактъ былъ въ то время событіемъ незауряднымъ, мы тогда не были избалованы удачами на Кавказѣ, и хотя въ газетахъ нашихъ и писались очень длинныя реляціи, въ которыхъ скопища мятежныхъ горцевъ разсѣявались, аулы ихъ сжигались, убыль нашихъ войскъ была самая ничтожная, при значительномъ уронѣ мятежниковъ, но дѣло, всетаки, не двигалось впередъ, и Шамиль съ своими мю-

ридами благодушествовалъ въ Дагестанѣ; а потому извѣстіе о томъ, что двѣнадцать вольныхъ обществъ, не знавшихъ доселѣ никакой власти надъ собой, вдругъ добровольно отдаютъ себя въ подданство русскаго императора, должно было произвести особенное впечатлѣніе на русскую читающую публику. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе, прочитавъ его, увѣрены были, что послѣ такого событія Шамилю не сдобровать, а въ московскомъ англійскомъ клубѣ, по всему вѣроятію, шли оживленные дебаты въ двоякомъ смыслѣ: одни говорили, что давно бы слѣдовало назначить Воронцова на Кавказъ и все было бы покончено, а другіе, всетаки, стояли за то, что безъ Алексѣя Петровича Ермолова никакъ не обойдется... Словомъ появленіе депутатовъ изъ Вольной Сванетіи производило тогда большой эффектъ, отодвинувъ на второй планъ всякія дѣла Дадешкиліановъ. Воронцовъ послалъ въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея.

Бартоломей былъ Колумбомъ этой кавказской Лапландіи. По профессіи археологъ и нумизматъ, онъ нашелъ тутъ обильную для себя жатву и составилъ интересное описаніе въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніи. Статья его была помѣщена въ запискахъ кавказскаго отдѣла географическаго общества въ сороковыхъ годахъ. Въ описанныхъ имъ обществахъ Вольной Сванетіи онъ нашелъ прекраснаго себѣ чичероне въ лицѣ священника Кутателадзе, перваго здѣсь миссіонера, успѣвшаго въ нѣкоторыхъ обществахъ возстановить христіанство во всей его чистотѣ. Начало его здѣсь относится къ первымъ вѣкамъ нашей эры и слѣдомъ его процвѣтанія служатъ руины древнихъ церквей, постройка которыхъ приписывается царицѣ Тамарѣ, часто посѣщавшей Сванетію. Историческія судьбы Сванетіи надолго изолировали ее отъ сообщенія съ остальнымъ христіанскимъ міромъ и вслѣдствіе того письменность и церковныя книги исчезли мало-по-малу, священство угасло и церковь утратила возможность совершать таинства и священнослуженіе. Сословіе діаконозовъ, потомковъ прежнихъ священниковъ, по устному преданію хранило молитвы и обряды, получившіе крайнее искаженіе, и поддерживало въ народѣ сознаніе необходимости возстановить рано или поздно порванную связь съ православною церковью. Поэтому, когда явился сюда Кутателадзе, сванеты приняли его, какъ апостола, и діаконозы съ великою радостью сдѣлались его учениками. Онъ же и склонилъ эти общества отмѣнить верварскій у нихъ обычай—убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Бартоломей и на мѣстѣ слышалъ жалобы жителей на стѣсненія ихъ сосѣдними владѣтелями, и въ интересахъ новыхъ подданныхъ царя представилъ о необходимости учредить у нихъ должность особаго пристава, что и было вскорѣ устроено.

Мы далеки очень отъ мысли сколько нибудь умалять высокое значеніе миссіонерскаго подвига почтеннѣйшаго протоіерея Кута-

теладзе, дѣйствительно много потрудившагося на пользу церкви и возстановленія христіанства въ Сванетіи. Ему же принадлежала и благая мысль сформировать депутацію отъ вольныхъ обществъ съ прошеніемъ о принятіи ихъ въ русское подданство,—все это прекрасно, но представлять эти общества жертвами насилія сосѣднихъ владѣтелей было бы далеко отъ истины. Мы говоримъ не по слухамъ, мы были сами въ этихъ мѣстахъ и послѣ цѣлаго ряда провѣрокъ собственныхъ впечатлѣній трезвымъ сужденіемъ лицъ, тоже неоднократно посѣщавшихъ вольныя общества Сванетіи, позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующую ихъ характеристику.

Представьте себѣ людей, числомъ не болѣе трехъ тысячъ, поселившихся въ мѣстности, имѣющей видъ ящика, открытаго только три мѣсяца въ году, а въ остальные девять мѣсяцевъ запертаго герметически. Почва тутъ не родитъ ничего, кромѣ ржи, иногда и не доспѣвающей, изъ которой гонятъ вонючую водку (араки), да въ теченіе трехъ мѣсяцевъ горы покрываются травою, которою въ это время можетъ питаться баранта и скотина и затѣмъ, кромѣ незначительнаго количества меду, дичи, лисицъ, маленькихъ звѣрковъ, нѣтъ ничего, — буквально ничего.

Три мѣсяца прошли, ящикъ захлопнулся, т. е. снѣгъ все завалилъ, и если люди не сдѣлали запасовъ на предстоящіе 9 мѣсяцевъ, они поневолѣ должны очутиться въ худшемъ положеніи, чѣмъ блокированные въ крѣпости и доведенные до изнуренія голодомъ; тамъ можно, всетаки, выбѣжать къ непріятелю, а тутъ никуда не выбѣжишь. Слѣдовательно, безъ запасовъ нельзя существовать, а откуда же ихъ брать, какъ не у сосѣдей, и притомъ ничего за нихъ не давая по очень простой причинѣ, такъ какъ своего нечего и дать. Какъ же послѣ того брать у сосѣдей, если не тайкомъ и не силою? Назовите вольныхъ сванетовъ какими хотите сантиментальными кличками, а, всетаки, это не мѣшаетъ сущности ихъ хищнической профессіи на счетъ сосѣдей: Карачая, Мингреліи, Княжеской Сванетіи.

Послѣ первой экскурсіи Бартоломея у насъ тамъ было чуть ли не пять не только экскурсій, а военныхъ экспедицій, и если сложить итогъ сороколѣтнихъ расходовъ, употребленныхъ на нихъ, и цѣнность пограбленнаго у сосѣдей и потребленнаго вольными сванетами, то, право, обошлось бы дешевле купить всѣмъ тремъ тысячамъ вольныхъ сванетовъ большой домъ и поселить ихъ тамъ, обезпечивъ ихъ пожизненнымъ продовольствіемъ.

Мы позволимъ себѣ забѣжать немного впередъ, чтобы разсказать финалъ экспедиціи 1859 года, подъ главнымъ начальствомъ кутаисскаго генералъ-гебурнатора, князя Г. Р. Эристова, въ особенности курьёзный.

Когда вольные сванеты принуждены были военною силою удовлетворить своихъ сосѣдей за пограбленное у нихъ деньгами, ве-

щами и всѣмъ чѣмъ попало, и далеко не сполна, князь Эристовъ сталъ говорить имъ строгую и внушительную рѣчь; они слушали съ большимъ вниманіемъ и, когда онъ кончилъ, опустились на колѣни.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ ихъ:— что вы хотите мнѣ сказать?

— Мы просимъ,—отвѣчали они:—какъ люди самые бѣдные и несчастные, хоть что нибудь на водку.

Они грабили, ихъ заставили возвратить только частицу награбленнаго, а они, считая это за особую заслугу, просятъ на водку. Можно себѣ представить, въ какое недоумѣніе былъ поставленъ генералъ-губернаторъ этими невмѣняемыми людьми.

Въ нашихъ словахъ нѣтъ никакой утрировки, и мы позволяемъ себѣ высказать тутъ свой взглядъ на эту страну, именно потому, что изъ-за совершенно неправильнаго, сантиментальнаго къ ней отношенія, какъ увидятъ впослѣдствіи читатели, весь сыръ-боръ загорѣлся.

За экскурсіей Бартоломея, нѣсколько лѣтъ спустя слѣдовала въ Вольную Сванетію экскурсія кутаисскаго вице-губернатора, Михаила Петровича Колюбакина; она имѣла цѣлію своею изыскать наилучшіе способы установленія непосредственныхъ сношеній этой вновь присоединенной страны съ центральнымъ управленіемъ. Колюбакинъ не оставилъ никакого описанія своей экскурсіи, а разсказывалъ мнѣ потомъ цѣлую серію чрезвычайно смѣшныхъ и не совсѣмъ пріятныхъ для него эпизодовъ. Между прочимъ, какое-то общество не хотѣло его пропускать потому, что онъ старшинѣ подарилъ фуляровый платокъ; такихъ же платковъ другимъ на него охотникамъ пришлось подарить съ дюжину, и тогда вице-губернатора пропустили, а то было бы плохо; въ другомъ обществѣ украли у него весь сахаръ изъ походнаго погребца и пришлось затѣмъ пить чай безъ него. Ѣздившій съ нимъ въ качествѣ туриста графъ Розмурдюкъ, по своему французскому блягёрству, серьезно разсказывалъ, что, по мнѣнію его, вольные сванеты непремѣнно должны быть потомками крестоносцевъ, такъ какъ въ пѣсняхъ ихъ онъ слышалъ напѣвы родной своей Бретани; одна изъ нихъ въ особенности напоминала ему бретанскую пѣсню: Oh! Richard, oh! mon roi...

А покуда мы такъ заботились объ открытіи окошка жителямъ Вольной Сванетіи, Константинъ Дадешкиліанъ, достигшій уже совершеннолѣтія, женился на дочери княгини Кесаріи Шервашидзе[1]),

[1]) Княгиня Кесарія Шервашидзе, урожденная Дадіани, сестра Георгія Батонишвили (одного изъ трехъ мушкетеровъ), была кормилицею сына абхазскаго владѣтеля и такимъ образомъ Константинъ Дадешкиліани, женившись на ея дочери, породнился съ двумя враждебными мингрельскому владѣтелю, Давиду, семействами.

Адылханъ, получилъ утвержденіе въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ и сдѣлался хозяиномъ своего владѣнія.

Чего бы казалось проще въ это время правительству, столь заинтересованному устройствомъ Вольной Сванетіи, по мнѣнію его, притѣсняемой Дадешкиліанами, возобновить вопросъ объ упраздненіи автономіи Княжеской Сванетіи, возбужденный самимъ покойнымъ владѣтелемъ Ціохомъ; тогда введенное сюда управленіе русское лучше всего могло бы сладиться и съ вольными обществами; но у насъ, къ несчастію, обыкновенно случается такъ, что мы всегда опаздываемъ. Константинъ Дадешкиліанъ, предоставленный самому себѣ, долженъ былъ позаботиться прежде всего о внутреннемъ спокойствіи своего владѣнія, а затѣмъ опять же взяться за сабалахо. Дядя его Отаръ, сжегшій его бабушку, умеръ, а съ сыномъ его Джамсухомъ велись какіе-то переговоры, установившіе временное замиреніе; съ сабалахо же не такъ легко было уладиться, и Константинъ попалъ въ переплетъ столкновеній между двумя заклятыми между собою врагами: Михаиломъ Шервашидзе и Давидомъ Дадіаномъ. Послѣдній охладѣлъ къ Константину послѣ его женитьбы на дочери Кесаріи Шервашидзе, а на самомъ дѣлѣ родство съ Михаиломъ нисколько не укрѣпляло съ нимъ дружбы, и владѣтель Абхазіи очень враждебно относился къ Дадешкиліану, за то же сабалахо, котораго не хотѣлъ платить.

Перипетіи вражды двухъ владѣтелей Михаила Шервашидзе и Давида Дадіана, людей замѣчательно искусныхъ и упорныхъ въ отстаиваніи своихъ интересовъ, могли бы составить богатую тему для характеристическаго очерка. Борьба велась изъ-за провинціи Самурзакани; на принадлежность ея оба они простирали свое домогательство и больше всего страдала отъ того сама эта провинція, тревожимая всячески насильственными дѣйствіями владѣтелей, направленными другъ противъ друга. Князь В. О. Бебутовъ по порученію князя Воронцова, привелъ это дѣло къ концу, склонивъ ссорившихся къ полученію за Самурзакань денежнаго вознагражденія отъ правительства, и, отобравъ ее у нихъ, ввелъ туда русское управленіе. Сдѣлано было это съ такимъ умѣніемъ и тактомъ, что обѣ враждующія стороны не успѣли опомниться и поняли развязку дѣла, для обоихъ невыгодную, когда уже все было покончено безповоротно. Самурзакань поступила въ казну, получить ее оттуда исчезла всякая надежда, и владѣтели еще болѣе сдѣлались врагами, сваливая другъ на друга вину такого неблагопріятнаго для нихъ обоихъ результата.

Давида я лично не зналъ, не заставъ его уже въ живыхъ по пріѣздѣ своемъ на Кавказъ, и всѣ свѣдѣнія о немъ получалъ изъ дѣлъ, находившихся у меня въ рукахъ, и изъ устныхъ о немъ разсказовъ лицъ, близко къ нему стоявшихъ, а съ Михаиломъ лично былъ знакомъ и пользовался его любезнымъ къ себѣ расположе-

ніемъ. Онъ былъ личностью вполнѣ замѣчательною. Молодость свою провелъ онъ въ Тифлисѣ, также какъ и Давидъ Дадіанъ, получилъ потогдашнему довольно хорошее образованіе, говорилъ порусски безъ малѣйшаго акцента, и еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, послѣ смерти старшаго своего брата Димитрія, сдѣлался владѣтелемъ. Первые годы его дѣятельности отличались беззавѣтною преданностью интересамъ русскаго правительства; его не съумѣли оцѣнить и не только не поощрили, но окончательно оттолкнули отъ себя совершенно ложной политикой. Правительство слѣдовало въ Абхазіи избитому принципу divide et impera и вслѣдствіе того, поддерживая Гассанъ-бея, дядю и заклятаго врага Михаила, создало себѣ въ лицѣ владѣтеля самаго коварнаго и вреднаго агента. Крайне честолюбивый, онъ былъ глубоко оскорбленъ этой тактикой и всю дѣятельность свою направилъ на интригу. Имѣя большое вліяніе въ горахъ западнаго Кавказа, среди непокорныхъ намъ джигетовъ, шапсуговъ, убыховъ и абадзеховъ, онъ былъ тамъ чрезвычайно намъ нуженъ своими услугами и вмѣсто того повелъ тамъ самую двусмысленную игру съ правительствами русскимъ и турецкимъ одновременно, эксплоатируя ихъ обоихъ. Спохватились уже поздно и стали ласкать, осыпать его чинами и орденами, которые тогда уже потеряли въ глазахъ его всякое значеніе. Будучи подъ конецъ генералъ-адъютантомъ и александровскимъ кавалеромъ, онъ нехотя надѣвалъ на себя мундиръ и регаліи, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда выѣзжалъ изъ своихъ резиденцій для свиданія съ властями. У себя въ Абхазіи онъ былъ безграничнымъ деспотомъ и живымъ типомъ изъ серіи историческихъ личностей, подобныхъ Людовику XI и Ивану Грозному; художникъ могъ бы даже воспользоваться и его наружностью для воспроизведенія этого рода типа. Высокаго роста, стройный, съ правильными чертами лица, съ орлинымъ профилемъ, съ черными проницательными глазами, онъ держалъ себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, каждый жестъ его проявлялъ привычку властвовать. У него, какъ у Ивана Грознаго, былъ свой Малюта Скуратовъ, въ лицѣ Гассана Марганіи, безусловно ревностнаго исполнителя его велѣній самаго мрачнаго свойства. Голова каждаго изъ подданныхъ его абхазцевъ знала, что она сидитъ крѣпко на плечахъ до тѣхъ поръ, пока не вздумается владѣтелю почему бы то ни было снести ее оттуда. И продѣлывалось все это Гассаномъ Марганіей съ чрезвычайнымъ искусствомъ, быстро и безъ всякаго шума. Пускались въ ходъ кинжалъ и ядъ и жертва, однимъ разъ обреченная, никуда не могла укрыться отъ преслѣдованія.

Послѣ смерти Гассана-бея, Михаилъ перенесъ всю свою ненависть на сына его Сеидъ-бея (Димитрія), женатаго на сестрѣ владѣтеля Давида Дадіана, и, еще болѣе преслѣдуя его за это родство, покончилъ съ нимъ, наконецъ, ядомъ. Положеніе этой несчастной жертвы было поистинѣ трагическое. Димитрій дожилъ лѣтъ до со-

рока и постоянно ожидалъ надъ собою какой либо насильственной развязки отъ руки Михаила. Хорошо со мной знакомый, онъ пріѣхалъ ко мнѣ однажды въ Мингрелію погостить, а какъ помѣщеніемъ я былъ небогатъ, то мы спали съ нимъ въ одной комнатѣ. Проснувшись рано утромъ и, увидавъ Димитрія спящимъ не на постели, на которую онъ легъ, а на диванѣ, я спросилъ его, не побезпокоили ли его ночью блохи?

— О, нѣтъ! — отвѣчалъ онъ съ улыбкой: — совсѣмъ не то; я долженъ вамъ сознаться, что никогда не засыпаю на томъ мѣстѣ, гдѣ ложусь, зная, что нѣтъ мѣста и минуты, гдѣ бы не слѣдилъ за мною глазъ Михаила, ищущій лишь удобнаго случая со мною покончить, — вы увидите, что онъ-таки этого добьется.

Въ то время мнѣ казалось, что Димитрій преувеличиваетъ свою опасность, и я понялъ уже послѣ его кончины, на сколько онъ былъ правъ.

И эти мрачныя стороны характера Михаила не исключали въ немъ умѣнія быть совершенно инымъ человѣкомъ съ людьми, имъ уважаемыми, и въ интимныхъ съ ними бесѣдахъ высказывать всю обширность своего ума. Мнѣ передавалъ Н. П. Колюбакинъ, котораго Михаилъ очень уважалъ за его безсребренность и неподкупность, что однажды, разсказывая о первой своей поѣздкѣ въ Петербургъ и Москву, сдѣланной имъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ объяснялъ впечатлѣнія свои съ замѣчательною оригинальностью.

— Вы знаете, генералъ, — говорилъ онъ: — что въ Россіи я видѣлъ только двухъ людей и никогда ихъ не забуду: императора Николая и митрополита Филарета. Послѣ бесѣды, которой осчастливилъ меня императоръ, я долго не могъ прійдти въ себя отъ экстаза, мною овладѣвшаго. Никогда воображеніе мое не доходило до представленія того величія, которое олицетворялъ онъ собою; выйдя отъ него, я созналъ, что я пресмыкающійся червякъ передъ этимъ человѣкомъ. И мнѣ тѣмъ тягостнѣе стало послѣ того сознавать, что между имъ и мною стоитъ цѣлый рядъ людей, къ которымъ я ничего, кромѣ пренебреженія и ненависти, не питаю. Послѣ того я ихъ еще больше возненавидѣлъ. Сильное впечатлѣніе произвелъ на меня и Филаретъ; его взглядъ до того былъ неотразимъ, что, казалось, читалъ въ душѣ моей самыя сокровенныя тайны. Такая сила взгляда есть только особый даръ истиннаго святителя; и передъ этимъ человѣкомъ тоже я почувствовалъ себя величайшимъ ничтожествомъ. Да, такіе люди, по моимъ понятіямъ, являются только вѣками, Россія счастлива и должна гордиться, что видѣла ихъ среди себя.

По словамъ Колюбакина, эти впечатлѣнія Михаилъ передавалъ ему съ непритворнымъ одушевленіемъ и искренностью, такъ что ясно было, что онъ далеко не чуждъ возвышенныхъ идеаловъ, тогда какъ жизнь его сложилась такъ, что онъ весь погрузился

въ самую страстную и ожесточенную борьбу лишь изъ своихъ личныхъ, самыхъ невозвышенныхъ интересовъ. Ненависть его, напримѣръ, къ Давиду Дадіану, имѣла совершенно хищный характеръ, онъ не только видѣлъ въ немъ совмѣстника по имущественнымъ вопросамъ, но и человѣка враждебнаго ему потому уже, что тотъ безусловно былъ преданъ русскому правительству. «Ты знаешь, что такое русскій, — сказалъ онъ ему однажды: — это — вошь, которая если заведется у тебя въ ногѣ, то непремѣнно доберется до головы; а ты поддѣлываешься и угождаешь этой вши». Злобно относился онъ и къ Екатеринѣ Александровнѣ, о которой иначе не могъ говорить, какъ съ глубочайшимъ пренебреженіемъ и проніею, потому уже, что женщинъ всѣхъ вообще презиралъ.

И вотъ между такими-то крупными какъ по своему характеру, такъ и по своему положенію личностями, ненавидящими другъ друга, очутился незначительный сванетскій владѣтель Дадешкиліанъ, полуграмотный, мало знающій русскій языкъ и преслѣдующій свои опять же сравнительно миніатюрные интересы. Понятно, что всякая энергія съ его стороны, затрогивающая крупныхъ его сосѣдей, могла вести за собою одни лишь вредныя для него послѣдствія.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, братъ владѣтеля, Александръ, хорошо учившійся и вышедшій офицеромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, пріѣхалъ въ Сванетію и сдѣлался помощникомъ старшаго брата въ дѣлахъ. Убѣдившись изъ практики, что съ сосѣдними владѣтелями ничего не добьешься переговорами по дѣлу пастбищъ, они сообща рѣшили просить намѣстника принять это дѣло къ своему разсмотрѣнію и окончательному рѣшенію. Вслѣдствіе ихъ просьбы и была прислана сюда особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ полковника графа Галатери.

Издавна практикуемый у насъ способъ улаживанія дѣлъ посредствомъ коммиссій принадлежитъ къ разряду тѣхъ палліативовъ, которые, по большей части, не даютъ никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ совершенно напрасной потери времени, расходовъ на чиновниковъ и ихъ прогоны. То же случилось и съ коммиссіей Галатери. Самъ графъ принадлежалъ къ числу лицъ, носившихъ прозвище porto-franco, такъ какъ Воронцовъ привезъ ихъ съ собою изъ Одессы; люди эти были новичками на Кавказѣ, ничего въ немъ не смыслили и, чтобы дѣлать какое либо дѣло, должны были его весьма долго разжевывать. Года два возился Галатери, прежде чѣмъ представить свой докладъ начальнику штаба Коцебу; тотъ тоже продержалъ его у себя немало времени и, наконецъ, рѣшилъ, что владѣтель Мингреліи, Давидъ, долженъ былъ вознаградить Константина Дадешкиліани за сабалахо деньгами, а размѣръ суммы предоставлялось опредѣлить третейскому суду. Слѣдовательно, тутъ былъ не конецъ, а лишь начало новаго дѣла, а именно

требовалось, чтобы владѣтели выбрали себѣ медіаторовъ для третейскаго суда. Когда они это сдѣлаютъ, одному аллаху было извѣстно, а, по всей вѣроятности, будутъ тянуть выборъ медіаторовъ до безконечности, въ виду того, что Константинъ насчитывалъ на Давидѣ не пустяшную, а крупную по тогдашнему времени сумму въ 7 тысячъ рублей.

Тянулось дѣло года; тутъ подошла Крымская война, все въ краѣ взбудоражила, а объ такихъ дѣлахъ, какъ сабалахо, не время было думать, и вскорѣ начались военныя дѣйствія.

Зимою 1855 года, когда Екатерина Александровна жила съ Ниной Александровной и съ своимъ семействомъ въ Квашихорахъ, по близости отъ лагеря гурійскаго отряда, къ ней пріѣхалъ Константинъ Дадешкиліанъ съ братомъ Александромъ, уже штабсъ-капитаномъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Поводомъ визита опять было сабалахо. Ничего не зная о томъ, что происходитъ въ Квашихорахъ, пріѣхали они весьма некстати: у Екатерины Александровны какъ разъ въ эту минуту сорвалось дѣло съ церковнымъ имѣніемъ въ Суджуно, которое хотѣла она присоединить къ владѣтельскому удѣлу, какъ о томъ разсказано было мною въ первой главѣ. Она знала, что неудача произошла отъ подпольныхъ дѣйствій Михаила Шервашидзе, мирно проживавшаго въ Чкадуашахъ у своего тестя Георгія Батонишвили и злорадно торжествующаго, при видѣ fiasco, понесеннаго Константиномъ Дадіаномъ въ Суджунахъ. И вдругъ въ такой-то моментъ пріѣзжаетъ къ ней Дадешкиліанъ, близкій родственникъ Михаила; у княгини явилась мысль, что, конечно, онъ подосланъ развѣдать всѣ подробности о томъ, что подѣлывается у дедопали, и она приняла пріѣзжихъ съ крайнимъ высокомѣріемъ; заговорили они о своемъ дѣлѣ и, видя ея неприступность, уѣхали безъ всякой задней мысли какъ нарочно въ Чкадуаши къ Георгію Дадіану. Тамъ предстояла дѣловая бесѣда съ Михаиломъ Шервашидзе, отношенія съ которымъ были у нихъ тоже весьма натянутыя, опять же за сабалахо. Поѣздка эта къ Михаилу была истолкована Екатериною Александровною въ смыслѣ явной насмѣшки надъ нею, и съ этого момента Константинъ Дадешкиліанъ могъ вычеркнуть ее изъ списка своихъ доброжелателей. Она и не стѣснялась громко говорить, что дастъ почувствовать этому дикарю, что умѣетъ проучивать оказывающихъ ей неуваженіе.

Исторія эта дошла до Джамсуха, исконнаго врага Константина, и тотъ поспѣшилъ подослать своихъ людей къ правительницѣ въ Горди, куда она переѣхала на лѣто, спрашивая у нея разрѣшенія пріѣхать къ ней, и, получивъ на то согласіе, не замедлилъ явиться съ двумя своими сыновьями — Тенгисомъ и Гелою.

Мнѣ привелось быть очевидцемъ этого посѣщенія.

Лѣтъ сорока пяти, уже съ просѣдью, сухощавый, стройный, вы-

сокій, съ правильными чертами лица, съ умными выразительными глазами, Джамсухъ производилъ съ перваго же взгляда самое пріятное впечатлѣніе; сыновья его, старшій лѣтъ 18 и меньшій — 15, были красавцы.

Онъ пріѣхалъ къ княгинѣ прежде всего какъ бы на поклонъ, а затѣмъ въ качествѣ (моцикули) посредника и ходатая отъ одного изъ обществъ Вольной Сванетіи, кажется, Латальскаго. Суть состояла въ томъ, что лѣтъ пять-шесть тому назадъ, на ярмаркѣ, которая бываетъ въ Лечгумѣ, близъ с. Мури, произошла изъ-за какихъ-то пустяковъ ссора, а затѣмъ и драка между жителями этого общества и мингрельцами. Она кончилась убійствомъ одного мингрельца, послѣ чего толпа сванетская ретировалась очень ловко и скрылась въ свои неприступныя трущобы. Владѣтель Давидъ наложилъ за то опалу на Латальское общество и приказалъ своимъ подданнымъ сванетамъ не пропускать черезъ Цхенисъ-Цхальское ущелье въ Мингрелію ни одного латальца; такого рода наказаніе оказалось очень тяжкимъ, латальцы очутились въ невозможности сбывать свои продукты на базарахъ и ярмаркахъ мингрельскихъ и получать оттуда въ числѣ недостающихъ у нихъ продуктовъ самый для нихъ важный — соль. Это стало для нихъ до того стѣснительнымъ, что они слезно молили много разъ владѣтеля ихъ помиловать и предлагали ему заплатить денежный штрафъ; но тотъ оставался непреклоннымъ. Вотъ за этихъ-то бѣдняковъ Джамсухъ и явился ходатаемъ. Чтобы расположить къ себѣ княгиню, онъ привезъ съ собою подарки, состоящіе изъ оружія, сѣделъ, бурокъ и т. д.

Ходатайство Джамсуха за латальцевъ княгиня уважила и тотчасъ же былъ посланъ нарочный съ приказомъ пропустить въ Горди ихъ депутатовъ. А между тѣмъ, княгиня всячески старалась угощать Джамсуха и его сама одаряла. Гости были интересными сами по себѣ, охотно джигитовали, показывали искусство въ стрѣльбѣ, пѣли и танцовали съ дѣтьми и придворными. Самъ Джамсухъ показалъ намъ необыкновенное искусство въ одномъ танцѣ, котораго потомъ мнѣ не приходилось нигдѣ видѣть. Среди воткнутыхъ въ землю часто одинъ отъ другаго кинжаловъ остріями кверху, ночью, при яркомъ свѣтѣ костровъ и зажженныхъ большихъ лучинъ изъ сосны въ видѣ факеловъ, подъ аккомпаниментъ хора и бубенъ, онъ началъ танецъ, сначала мѣрно, тихо и постепенно его учащая, дошелъ до такой быстроты, что за него становилось страшно. Какъ птица леталъ онъ среди кинжаловъ. Граціозность движеній, выраженіе отважное и торжествующее лица, какъ бы говорящаго о полномъ пренебреженіи къ опасности, производили особенный эффектъ, и, когда онъ кончилъ танецъ, замедляя мало-по-малу свои движенія, шумно выразился общій восторгъ.

Увеселенія не мѣшали хозяйкѣ и гостю уединяться и вести за-

душевную бесѣду, послѣ которой однажды княгиня изъявила Джамсуху свое желаніе усыновить его. Обычай этотъ, очень здѣсь уважаемый, состоитъ въ томъ, что лицо, усыновляющее, послѣ особой молитвы, даетъ усыновляемому цѣловать себя въ обнаженную грудь и это служитъ символомъ установленія родительскихъ и сыновнихъ отношеній между лицами до того посторонними другъ другу. Образуется духовное родство, считающееся равносильнымъ кровному. Усыновленный (ушвилобили) равенъ родному сыну. Само собой разумѣется, что послѣ усыновленія у Джамсуха и княгини симпатіи и антипатіи ихъ дѣлались общими и потому Михаилъ Шервашидзе для Джамсуха, а Константинъ Дадешкиліани для княгини становились заклятыми врагами.

Дня черезъ три пришли въ Горди депутаты Латальскаго общества; ихъ было человѣкъ 50. Рослые, мускулистые, съ типомъ, напоминающимъ нашихъ хохловъ, они были одѣты въ свѣтлыя чохи, на густыхъ волосахъ, остриженныхъ въ скобку, вмѣсто шапокъ наложены были какіе-то маленькіе кружки изъ сукна, подвязанные шнурками подъ выбритые подбородки; такой головной уборъ служилъ въ то же время и пращею, изъ которой сванеты съ необыкновенною ловкостью бросаютъ камни. Обувь, напоминающая древнія сандаліи, состояла изъ кожанныхъ (калабановъ) башмаковъ шерстью кверху, перевязанныхъ ремешками.

Вообще вся наружность этихъ людей носила на себѣ печать суровости, скудости, дикости. Голоса ихъ были подобны звукамъ трубъ; тихо говорить латальцы не умѣли, и когда начались съ ними переговоры, то они кричали такъ громко, что можно было подумать,—они изъ-за чего-то очень сердятся, тогда какъ бесѣда по содержанію своему шла самая мирная. Кричали всѣ разомъ. Діалектъ ихъ, перемѣшанный съ грузинскими словами, былъ, однако, мало понятенъ грузинамъ. Самымъ типичнымъ былъ старикъ-старшина общества. Небольшаго роста, въ оборванной чохѣ, съ обнаженной грудью, поросшей сѣдыми волосами, онъ казался послѣднимъ по своей внѣшности, между тѣмъ, видимо всѣ его слушали; въ сторонѣ отъ него стоялъ нукеръ его, карачаевецъ [1]), одѣтый щегольски въ чоху съ серебряными позументами, и держалъ его кисетъ и трубку. Ясно было, что и этотъ своеобразный представитель крайняго демократизма не лишенъ былъ аристократическихъ замашекъ.

Латальцы принесли въ березовыхъ котелкахъ дары, состоящіе изъ воску, меду и араки (хлѣбная водка). Миръ послѣдовалъ и ихъ усадили угощать. На другой день они присягою скрѣпили договоръ съ княгиней. Въ церковь вошли съ трубами, шумѣли, какъ на дворѣ,

[1]) Карачай, страна сосѣдняя съ Вольной Сванетіей, лежащая на сѣверной сторонѣ Эльбруса. Туда имѣется единственный проходъ изъ Вольной Сванетіи, на сѣверъ.

и, поцѣловавъ крестъ и Евангеліе, каждый клалъ палецъ въ ротъ, вынималъ его оттуда, подымалъ кверху и дулъ тоже кверху. Я поинтересовался узнать значеніе этого страннаго обряда и мнѣ сказали, что этимъ способомъ они призываютъ Святаго Духа въ свидѣтели своей присяги.

На другой день они ушли изъ Горди, надѣленные подарками княгини, а за ними вскорѣ уѣхалъ и Джамсухъ съ своими сыновьями и свитою.

Все происходившее въ Горди при посѣщеніи Джамсуха стало тотчасъ же извѣстно въ Княжеской Сванетіи. Константинъ съ Александромъ и съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Мосостромъ были въ это время въ Тифлисѣ, туда возили Мосостра для опредѣленія въ училище; старшимъ за нихъ въ Сванетіи оставался ихъ третій братъ, Исламъ, никогда не выѣзжавшій изъ своихъ родныхъ горъ, совсѣмъ цѣльный по своимъ чувствамъ и понятіямъ дикарь. Озлобленный на всю эту оскорбительную для нихъ исторію пріема ихъ врага княгинею и еще болѣе тѣмъ, что тотъ осмѣлился возвращаться изъ Горди въ Сванетію не обычнымъ своимъ путемъ черезъ Лентехи, а черезъ Джвары на Лахмулы, куда онъ никогда не смѣлъ до того показывать своего носу, Исламъ, не задумываясь, рѣшилъ прибѣгнуть къ оставшейся за ними очереди кровомщенія и съ своими нукерами, сѣвъ въ засаду, подкараулилъ Джамсуха. Того не успѣли предупредить о грозившей ему опасности, и мѣтко пущенная изъ-за какого-то камня пуля положила его на мѣстѣ, а другая ранила его старшаго сына, Тенгиса, въ руку. Остальнымъ пришлось спасаться.

Вернувшіеся изъ Тифлиса Константинъ и Александръ застали у себя страшную кутерьму; партія Джамсуха напала на Пааръ и пришлось употребить немало времени и усилій, чтобы отбить ее и прогнать. Самъ Исламъ, виновникъ всей суматохи, скрылся въ сосѣдній, немирной Далъ.

Между тѣмъ, нѣсколько времени спустя въ томъ же самомъ Горди, гдѣ мы любовались танцемъ Джамсуха, мы увидали вдову его со всей семьей и домочадцами, просящую у ногъ княгини защиты и крова. Они бѣжали отъ окончательнаго истребленія ихъ Константиномъ, и самое убійство Джамсуха приписывали никому другому, какъ ему, считая Ислама лишь слѣпымъ орудіемъ. Княгиня, такъ еще недавно усыновившая несчастную жертву кровомщенія, приняла самое живое участіе въ осиротѣвшемъ и изгнанномъ изъ роднаго очага его семействѣ, тѣмъ болѣе, что вдова Джамсуха поднесла ей два чрезвычайно драгоцѣнныхъ подарка: перевязь и посохъ царицы Тамары [1]). Въ особенности замѣчательна

[1]) Вещи эти хранились какъ святыня нѣсколько вѣковъ въ родѣ Дадешкиліановъ.

была перевязь по изящной работѣ древняго византійскаго издѣлія; она была чеканнаго золота съ эмалью и на ней изображены были лица Спасителя, Богородицы и святыхъ. Посохъ былъ тоже въ золотой оправѣ, но работа была не такъ изящна. Назначивъ вдовѣ Джамсуха резиденціею одно изъ Лечгумскихъ своихъ имѣній, она приказала выдавать ей и ея домочадцамъ полное содержаніе, снабдила ихъ деньгами и всѣмъ необходимымъ, а въ то же время стала усиленно ходатайствовать передъ кавказскимъ начальствомъ о защитѣ и удовлетвореніи этихъ несчастныхъ, призывая кару противъ Константина Дадешкиліани.

Но не такова была минута, чтобы можно было начальству заняться этимъ дѣломъ: надъ краемъ висѣла уже туча, готовая разразиться. Извѣстно было, что турецкая армія должна была сдѣлать дессантъ со стороны Чернаго моря и лишь не рѣшенъ былъ ею вопросъ о пунктѣ дессанта; ожидали его со стороны Кабулета и со стороны Абхазіи; немногочисленный гурійскій отрядъ былъ разбитъ на двѣ колонны, ожидавшія вторженія непріятеля съ обѣихъ сторонъ края, а потому и думать было нечего объ отдѣленіи изъ этихъ силъ хотя бы и самой незначительной части для военной экскурсіи въ Княжескую Сванетію. Князь Багратіонъ-Мухранскій, военный губернаторъ Кутаиса, командующій гурійскимъ отрядомъ, долженъ былъ поневолѣ ограничиться по дѣлу семейства Джамсуха командировкой пристава князя М. въ Сванетію съ порученіемъ вызвать Константина и Александра въ Кутаисъ. Но это ровно ни къ чему не повело: Дадешкиліановы не приняли пристава и не подумали выѣхать. Отпускъ Александра изъ нижегородскаго драгунскаго полка кончился и полкъ требовалъ его немедленной явки черезъ начальника же отряда; князь Мухранскій послалъ снова въ Сванетію капитана Демьяновича, но и тотъ имѣлъ не болѣе успѣха, чѣмъ М. Братья Дадешкиліани, по словамъ Демьяновича, невѣжливо приняли его и Александръ, сказавшись больнымъ, а на самомъ дѣлѣ совершенно здоровый, передалъ ему рапортъ о болѣзни, прося представить его начальнику отряда.

Затѣмъ вскорѣ Омеръ-паша сдѣлалъ дессантъ въ Абхазію и начался извѣстный его походъ, театромъ котораго въ теченіе шести мѣсяцевъ былъ весь Ріонскій край, и, конечно, тутъ всѣ внутренніе вопросы были отложены въ сторону.

Сраженіе на Ингурѣ, гдѣ у Омера-паши было 30,000 войска, а у насъ въ 10 разъ меньше, заставило князя Мухранскаго отступить за рѣку Цхенисъ-Цхали, и Мингрелія досталась въ руки непріятеля.

Владѣтель Михаилъ Шервашидзе, оставшійся въ Абхазіи, игралъ крайне двусмысленную роль. Отъ него получались у насъ въ штабѣ разные проекты о военныхъ дѣйствіяхъ въ тылъ непріятеля, на что онъ просилъ прислать ему военныя силы, а между тѣмъ въ

томъ же штабѣ имѣлись свѣдѣнія отъ лазутчиковъ о сношеніяхъ его съ Омеромъ-пашей. За Михаиломъ тянулся цѣлый хвостъ и въ немъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ штаба, находились братья Константинъ и Александръ Дадешкиліановы, принятые благосклонно турецкимъ главнокомандующимъ. Да и можно ли было дивиться всему подобному въ краѣ, занятомъ непріятелемъ, не встрѣчающимъ въ теченіе шести мѣсяцевъ никакого серьезнаго съ нашей стороны отпора.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 года, заключено было перемиріе; Омеръ-паша очистилъ Мингрелію и затѣмъ послѣдовалъ знаменитый Парижскій трактатъ, послѣ котораго совершилась коронація императора Александра Николаевича.

Въ то время и на Кавказѣ произошла важная перемѣна: вмѣсто Муравьева назначенъ былъ намѣстникомъ князь А. И. Барятинскій, и слухи шли о готовящихся крупныхъ преобразованіяхъ въ управленіи.

Все сказанное въ этомъ отдѣлѣ о Сванетіи и Константинѣ Дадешкиліанѣ мы считали необходимымъ изложить читателю въ виду того, что эти данныя могутъ дать правильное освѣщеніе дальнѣйшимъ обстоятельствамъ, имѣвшимъ роковое значеніе для судьбы владѣтелей Княжеской Сванетіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и князя Гагарина.

2.

Новый намѣстникъ не былъ новичкомъ на Кавказѣ. Начавъ здѣсь службу свою въ 1835 году, корнетомъ кирасирскаго полка, въ отрядѣ генерала Вельяминова, и, командуя казачьею сотнею въ экспедиціи противъ горцевъ, тяжело раненый въ правый бокъ ружейною пулею, онъ долженъ былъ въ 1836 году отправиться за границу, гдѣ и пробылъ до 1838 года. Это первое, такъ сказать, боевое крещеніе молодаго князя, доставшееся ему столь дорогою цѣною, оставило въ душѣ его сильное впечатлѣніе, и съ той поры Кавказъ сталъ все болѣе и болѣе манить его къ себѣ. Въ 1845 году, онъ снова является въ рядахъ кавказскихъ войскъ и въ чинѣ полковника командуетъ третьимъ баталіономъ кабардинскаго полка, при занятіи андійскихъ высотъ во время Даргинской экспедиціи. Дѣло происходило на глазахъ всего отряда, очевидцы разсказывали, что оно шло такъ живо и блестяще, что, когда горцы были сбиты кабардинцами, многіе изъ зрителей, забывъ разстояніе, ихъ отдѣлявшее отъ сражающихся, аплодировали и кричали: ура! Князь за это дѣло получилъ Георгія 4-й степени и былъ опять тяжело раненъ въ ногу, такъ что долженъ былъ снова отправиться за границу для исцѣленія раны и оставался тамъ до 1847 года. Въ этотъ разъ репутація Барятинскаго, какъ боеваго и распорядительнаго штабъ-офицера, составлена была уже между старыми

кавказскими служивыми и въ 1847 году, вернувшись снова на Кавказъ, онъ былъ назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка. Съ этого времени служба его идетъ постоянно на Кавказѣ. Въ 1851 году, въ чинѣ уже генерала, онъ назначается начальникомъ лѣваго фланга и въ 1853 году начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи и ближайшимъ наперстникомъ маститаго князя Воронцова, послѣ отъѣзда котораго изъ края и онъ, черезъ годъ, въ 1855 году, вслѣдствіе несогласія во взглядахъ съ генераломъ Муравьевымъ, самъ оставляетъ край для того, чтобы получить командованіе резервнымъ гвардейскимъ корпусомъ. Въ 1856 году, по заключеніи мира, генералъ Муравьевъ проситъ о своемъ увольненіи и вмѣсто него государь назначаетъ князя А. И. Барятинскаго.

Пройдя такимъ образомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ службы, боевую школу кавказской войны, и пройдя ее блистательно, въ должностяхъ самыхъ важныхъ и отвѣтственныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей до высшей изъ нихъ — начальника главнаго штаба, князь богатъ былъ кавказскимъ служебнымъ опытомъ и, по характеру своему чрезвычайно общительный, знакомъ былъ съ большинствомъ служившихъ тогда по всѣмъ отраслямъ военнаго и гражданскаго управленій на Кавказѣ, что и давало ему возможность сознательно дѣлать изъ нихъ выборъ ближайшихъ себѣ сотрудниковъ, сообразно съ ихъ знаніями, спеціальностью и способностями. Лучше всего это оправдалось на выборѣ имъ генерала Евдокимова своею правою рукою. При такой подготовкѣ князя, грандіозный планъ окончательнаго покоренія Кавказа, задуманный Воронцовымъ и имъ самимъ отчетливо усвоенный, пріобрѣталъ серьезное обезпеченіе къ своему близкому осуществленію.

Въ Бозѣ почившій государь, знавшій князя Барятинскаго съ юныхъ лѣтъ, тогда же его приблизившій къ себѣ и удостоившій сердечною дружбою, вѣрилъ въ его геній и талантъ и, возводя въ высокій санъ намѣстника своего на Кавказѣ, облекъ широкими уполномочіями и утвердилъ всѣ его представленія по преобразованію управленія въ этомъ краѣ.

Согласно этому новому преобразованію, Кавказъ дѣлился на нѣсколько генералъ-губернаторствъ, и въ числѣ ихъ образовалось Кутаисское, въ составъ котораго входили: Кутаисская губернія, Мингрелія, Сванетія и Абхазія. На такой важный постъ, какъ постъ Кутаисскаго генералъ-губернатора, нужно было Барятинскому лицо, соединяющее въ себѣ немало самыхъ разнообразныхъ условій. Независимо отъ личныхъ качествъ, нужно было, чтобы оно вмѣстѣ съ знаніемъ края соединяло знатность происхожденія, и это въ особенности было важно въ виду аристократизма владѣтелей абхазскаго, мингрельскаго и сванетскаго, становившихся въ непосредственную къ нему подчиненность. Чтобы импонировать имъ, нужно было быть самому чистокровнымъ аристократомъ. Найдти подхо-

дящую подъ эти требованія личность было нелегко; но князь Барятинскій, встрѣтившись случайно въ Петербургѣ съ княземъ Александромъ Ивановичемъ Гагаринымъ, остановилъ на немъ свой выборъ. Лучшаго генералъ-губернатора въ Кутаисъ не желалъ Барятинскій, дружески знакомый съ Гагаринымъ, тоже старымъ кавказцемъ.

Красавецъ въ молодости, богатый, блестящаго потогдашнему образованія, князь Гагаринъ былъ съ небольшихъ чиновъ адъютантомъ Воронцова, тогда еще новороссійскаго генералъ-губернатора, и, когда тотъ сдѣлался въ 1845 году намѣстникомъ кавказскимъ, переѣхалъ съ нимъ въ Тифлисъ, какъ бы дитя его семьи. Участвуя въ экспедиціяхъ, онъ показалъ несомнѣнную личную храбрость и распорядительность, а при выполненіи возлагаемыхъ на него порученій по гражданской части дѣйствовалъ на столько умѣло, что Воронцовъ въ концѣ сороковыхъ годовъ сдѣлалъ его дербентскимъ градоначальникомъ. Къ этому времени относится его женитьба на княжнѣ Анастасіи Давидовнѣ Орбеліани, черезъ которую онъ вошелъ въ родство съ всею грузинскою знатью [1]). Въ Дербентѣ оставался онъ недолго и его перевели военнымъ губернаторомъ въ Кутаисъ. На этомъ мѣстѣ просидѣлъ онъ нѣсколько лѣтъ до начала Крымской войны, и эта полоса была самою лучшею въ его административной дѣятельности.

Ни по уму своему, ни по кругозору, онъ не былъ ни самостоятельнымъ, ни оригинальнымъ дѣятелемъ, а прекраснымъ ученикомъ такого замѣчательнаго государственнаго человѣка и администратора, какимъ былъ Воронцовъ. Ни въ чемъ не отступая отъ программы своего учителя, Гагаринъ своею собственною личностью скрашивалъ постъ, имъ занимаемый.

Программа Воронцова до того была проста, что стоило лишь приглядѣться къ собственной дѣятельности этого старика, чтобы понять ея смыслъ. На ряду съ колоссальною стратегическою работою какъ по своему замыслу, такъ и по своимъ деталямъ, которая привела наше отечество къ полному покоренію Кавказа; на ряду съ работою, организаторскою по всѣмъ частямъ управленія краемъ,—Воронцовъ не упускалъ еще и третьей чрезвычайно важной работы—личнаго своего воздѣйствія на внутренній міръ жизни туземнаго населенія. И тутъ талантъ его проявлялся во всей своей полнотѣ. Не было ни одной отрасли производительности въ краѣ, на которую онъ не обратилъ бы своего зоркаго взгляда и гдѣ бы личнымъ своимъ участіемъ не пытался расшевелить и заохотить туземцевъ къ полезной самодѣятельности. Это привело его къ обширному знакомству въ средѣ мѣстнаго населенія, а при изуми-

[1]) Въ первомъ своемъ бракѣ, Гагаринъ былъ женатъ на разведенной женѣ декабриста Поджіо, Марьѣ Андреевнѣ, урожденной Бороздиной, кузинѣ автора.

тельной его памяти всѣхъ лицъ и именъ приносило и самые плодотворные результаты. Объѣзжая край, онъ вездѣ въ немъ былъ какъ у себя дома; на каждомъ шагу встрѣчались у него частныя, личныя отношенія съ туземцами. Одному онъ далъ какія-то сѣмена, и тотъ спѣшилъ сообщить ему полный успѣхъ посѣва, другому—прививки, и этотъ, получивъ прекрасные фрукты отъ нихъ, несъ ихъ къ нему на показъ; тутъ жители прорыли новую канаву для орошенія полей и старикъ вылѣзалъ изъ экипажа, осматривалъ ее, дѣлалъ свои замѣчанія, привѣтствовалъ ихъ; тамъ по случаю появленія саранчи толковалъ о способахъ ея истребленія и тотчасъ дѣлалъ необходимыя по этому распоряженія, а въ одной деревнѣ, въ Кахетіи, и до сихъ поръ можно видѣть громадное орѣховое дерево, которое называется Воронцовскимъ по слѣдующему воспоминанію. Дерево дѣйствительно колоссальныхъ размѣровъ, въ 4 человѣческихъ обхвата и въ діаметрѣ вѣтвей чуть ли не до 100 шаговъ, густою и крупною шапкою составляющее живой шатеръ, подъ которымъ можетъ помѣститься человѣкъ триста, — невольно обратило на себя его вниманіе, и онъ, приказавъ остановиться около него, пожелалъ увидать его владѣльца. Явился и самъ владѣлецъ, крестьянинъ. Воронцовъ, сидя подъ деревомъ со своею свитою, разспрашивалъ его, сколько онъ получаетъ орѣховъ съ этого дерева, — оказалось, что до 60 пудовъ ежегодно, — объяснялъ ему, какъ надо его беречь, какъ надо срѣзать сухіе сучья, и въ заключеніе подарилъ на память нѣсколько старинныхъ монетъ, чтобы тотъ не позабылъ его наставленій и берегъ дерево. Крестьянинъ хранилъ эти монеты, какъ реликвію, а Воронцовъ послѣ того всякій разъ, проѣзжая мимо дерева, отдыхалъ подъ его тѣнью, иногда тутъ и завтракалъ. При его объѣздахъ края, сироты убитыхъ на войнѣ, вдовы и всѣ дѣйствительно нуждающіеся не уходили съ пустыми руками. Кто нибудь изъ личныхъ адъютантовъ имѣлъ всегда при себѣ свертки червонцевъ, изъ которыхъ немедленно и выдавалось пособіе по приказанію князя. Въ то же самое время, въ случаѣ надобности, проявлялась самая серьезная энергія, когда надо было предупредить или пресѣчь какое нибудь зло. Уѣздный начальникъ, неотлучно сопровождавшій Воронцова, безотлагательно дѣйствовалъ. Словомъ, всякое путешествіе Воронцова по краю оставляло за собою глубокій слѣдъ и населеніе чувствовало, что среди него проѣхалъ намѣстникъ (сердаръ) царскій. Въ самомъ Тифлисѣ же князь былъ положительно его душою. Ежедневная утренняя его прогулка съ казакомъ, несущимъ сзади зонтикъ и галоши, и та имѣла утилитарное значеніе. Обыкновенно эти два пѣшехода направлялись на какія либо сооруженія, постройки или на базаръ и у шедшаго впереди старика вездѣ были знакомые и пріятели. Тутъ Михако, плотникъ, объяснялъ ему, что они сдѣлали со вчерашняго утра; тамъ Иваника, каменьщикъ, показывалъ, сколько

рядовъ кирпича за то же время положилъ онъ съ артелью персіанъ; разговоръ шелъ съ подрядчикомъ о правильности выведеннаго угла; провѣряли его ватерпасомъ; все это значительно вліяло на успѣхъ построекъ; на базарѣ опять были знакомые, съ которыми тоже шла бесѣда.

И такая трогательная простота князя не допускала ни въ комъ мысли о малѣйшемъ нарушеніи подобающаго къ нему почтенія; впрочемъ, кавказскіе туземцы, и въ особенности тогдашніе, отличались такимъ тактомъ, которымъ намъ, русскимъ, можно было у нихъ позаимствоваться.

Да съ Воронцовымъ и трудно было переходить черту почтенія и вѣжливости, онъ тотчасъ же находилъ способъ, съ неизмѣнной своей улыбкой, корректировать умышленное нарушеніе приличія. Помню два подобныхъ случая. Въ канцеляріи князя служилъ нѣкій юноша Неклюдовъ, страшный хлыщъ. Дежурные чиновники всегда обѣдали у Воронцова, и Неклюдовъ, пообѣдавъ нѣсколько разъ за свое дежурство и обласканный княгинею, какъ всѣ вообще молодые люди, служившіе тогда при князѣ, вообразилъ, что можетъ приходить къ обѣду и безъ приглашенія, а затѣмъ и сталъ ходить чуть не ежедневно. Воронцовъ, наконецъ, это замѣтилъ и спросилъ своего адъютанта Д., на которомъ лежала обязанность организовывать ежедневный персоналъ приглашенныхъ къ обѣду, почему тотъ благоволитъ такъ къ Неклюдову, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, поручилъ ему написать къ тому оффиціальное приглашеніе къ обѣду на «послѣзавтра», а вмѣстѣ съ тѣмъ и приказалъ не назначать его на дежурство. Съ тѣхъ поръ Неклюдовъ больше не появлялся. Другой случай былъ съ горійскимъ судьею Подорожко. Честный и знающій чиновникъ, но какой-то угрюмый и угловатый хохолъ, пріѣхавъ какъ-то въ Тифлисъ по дѣламъ службы, явился и къ Воронцову; тотъ привѣтливо говорилъ съ нимъ и послѣ пріема просилъ адъютанта Д. пригласить судью къ обѣду. Приглашеніе принесли въ то время, какъ Подорожко собирался уже уѣзжать, онъ росписался на повѣсткѣ, а потомъ подумалъ, подумалъ, сказалъ самъ себѣ похохлацки: «а нехай его къ бису», и уѣхалъ въ Гори. Воронцовъ за обѣдомъ замѣтилъ его отсутствіе и спросилъ Д., что это значитъ? Было сдѣлано дознаніе и, когда оказалось, что Подорожко уѣхалъ, получивъ повѣстку, князь приказалъ его вызвать изъ Гори и, продержавъ сутки на гауптвахтѣ, отправилъ обратно, внушивъ хохлу черезъ Щербинина, что приглашеніе къ столу намѣстника есть не простое приглашеніе частнаго лица, а поощреніе служебное.

О Воронцовѣ надо писать особую книгу, а тутъ мы скажемъ только, возвращаясь къ Гагарину, что этотъ былъ однимъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ его учениковъ.

Доступный, обворожительно пріятный въ обхожденіи со всѣми,

Гагаринъ влюбленъ былъ въ дѣйствительно чудный по своей природѣ край, ввѣренный его управленію, и всецѣло посвящалъ себя на служеніе ему. Страстный любитель садоводства, всѣ усилія употреблялъ онъ, чтобы пріохотить къ нему туземцевъ. Въ Кутаисѣ устроилъ бульваръ, городской садъ и ферму, до сихъ поръ оставшіеся живыми памятниками, говорящими о немъ. Выписаны были самыя рѣдкія деревья, растенія, цвѣты, при благодатномъ здѣшнемъ климатѣ превосходно принявшіеся; на фермѣ можно было найдти всѣ лучшіе сорты французскаго, рейнскаго, итальянскаго винограда; отсадки ихъ охотно раздавались всѣмъ хозяевамъ, желавшимъ развести ихъ у себя. Благодаря этой фермѣ, виноградъ изабелла, перенесенный изъ Крыма, распространился по всему краю.

За время Гагаринскаго управленія въ Кутаисѣ построена была губернская гимназія, военный госпиталь, два моста черезъ Ріонъ; начаты постройкою губернскія присутственныя мѣста. Онъ устроилъ здѣсь и первый клубъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное собраніе, стараясь этимъ оживить и соединить общество. Все это могъ бы сдѣлать всякій другой администраторъ, да оно вездѣ и продѣлывается сплошь да рядомъ; но только у Гагарина все особенно какъ-то удавалось, благодаря его въ высшей степени искренней и симпатичной личности. Всякій зналъ, что князь по своей прекрасной душѣ положительно не желаетъ, да и не можетъ никого ни обидѣть, ни оскорбить. Это не то, чтобы онъ былъ флегматикъ или человѣкъ крайне сдержанный, ничуть не бывало, онъ былъ чрезвычайно подвижной, горячій и подчасъ кипучій; накричитъ, бывало, страшно, бѣгаетъ по залѣ, длинные и вьющіеся его волосы растреплятся и, всетаки, глядя на него, всѣ знаютъ, что этотъ человѣкъ не способенъ сдѣлать кому либо малѣйшее зло. Жена его была ему важной помощницей. Туземка по происхожденію, она была, также какъ и мужъ, всѣмъ доступна и въ ней находили защиту всѣ униженные и оскорбленные. Ихъ супружество, хотя и бездѣтное, было самое счастливое.

Нельзя не припомнить при этомъ и того обстоятельства, что между русскимъ и туземцемъ не существовало тогда ни малѣйшаго различія; мы жили положительно побратски, благодаря тону самого Воронцова, который понимали его сотрудники и умѣли устанавливать съ туземцами; того нелѣпаго и рѣзкаго сепаратизма, которымъ щеголяетъ теперь въ особенности молодежь въ Закавказьѣ, тогда и въ помнѣ не было.

Время отъ времени наѣзжалъ въ Кутаисъ и самъ князь Воронцовъ съ княгинею. Онъ сочувственно слѣдилъ за дѣятельностью Гагарина и горячо его поддерживалъ какъ нравственно, такъ и матеріально; а княгиня Воронцова, основавъ здѣсь на свои суммы первое женское заведеніе св. Нины, матерински заботилась о своемъ дѣтищѣ.

Но эта прекрасная полоса Гагаринскаго управленія омрачилась въ 1853 году Крымскою войною. Съ этого края она и началась. Турки высадились въ укрѣпленіи Николаевскомъ, на берегу Чернаго моря, вырѣзали гарнизонъ, состоящій изъ роты линейнаго баталіона подъ командою капитана Щербакова, и потомъ начались военныя дѣйствія. Гагаринъ былъ сдѣланъ начальникомъ гурійскаго отряда, имѣлъ нѣсколько удачныхъ стычекъ съ турками; но, когда стало ожидаться серьезное наступленіе большаго турецкаго корпуса, долженъ былъ мѣсто свое уступить болѣе выдающемуся и опытному стратегу Андроникову, а самъ получилъ командованіе 13-ю дивизіею.

Черезъ годъ, подъ Карсомъ, при неудавшемся штурмѣ, гдѣ находилась его дивизія, онъ былъ тяжко раненъ въ лѣвое плечо, причемъ пуля прошла вдоль всей шеи. Его вынесли замертво изъ строя и долго онъ былъ въ крайней опасности. Когда же немного поправился, доктора направили его за границу, куда онъ и уѣхалъ съ княгиней.

Проживъ цѣлый годъ въ Парижѣ и на водахъ, онъ возвратился въ 1856 году на родину съ тѣмъ, что бы выйдти въ отставку и поселиться въ крымскомъ своемъ имѣніи Кучукъ-Ламбатѣ, чрезвычайно живописномъ уголкѣ южнаго берега. Воронцовъ въ это время уже скончался, а безъ него интересъ служебный терялъ свой смыслъ для Гагарина, годы тоже требовали отдохновенія, ему было уже подъ 60 лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ надо было и позаняться своимъ собственнымъ хозяйствомъ, запущеннымъ во время службы.

Очень большое саратовское или тамбовское имѣніе давало незначительный доходъ, благодаря неустройству. И вотъ въ такую минуту и подъ такимъ настроеніемъ, встрѣтилъ его князь Барятинскій, искавшій себѣ кутаисскаго генералъ-губернатора. Сама судьба ему на него указывала.

Когда Барятинскій высказалъ Гагарину виды свои на него, тотъ замахалъ и руками, и ногами и въ первую минуту рѣшительно отказался, выставивъ массу резоновъ; но Барятинскій былъ упрямъ и всегда добивался того, чего хотѣлъ. Онъ повелъ атаку, конечно, въ самомъ дружескомъ и лестномъ тонѣ и устроилъ такъ, что государь самъ пригласилъ Гагарина быть сотрудникомъ новаго его намѣстника. Притомъ, конечно, давалось ему понять, что дѣятельности его не предстоитъ особенной продолжительности; черезъ два, три года предполагалось покончить покореніе Кавказа и затѣмъ слѣдовали для него и покой, и особенный почетъ. Въ концѣ-концовъ, Гагарина завербовали, а разъ онъ далъ свое согласіе, опять воодушевился, помолодѣлъ и въ февралѣ 1857 года былъ уже въ Кутаисѣ, гдѣ встрѣченъ былъ восторженно всѣмъ населеніемъ.

Начальникомъ штаба его былъ назначенъ полковникъ генеральнаго штаба баронъ Петръ Карловичъ Усларъ. Выборъ этотъ, по всему вѣроятію, сдѣланъ былъ съ обоюднаго совѣщанія и согласія Барятинскаго и Гагарина.

Усларъ былъ лицомъ крупнымъ во многихъ отношеніяхъ. Тверской помѣщикъ, воспитанникъ инженернаго училища, поступившій впослѣдствіи въ академію генеральнаго штаба и окончившій курсъ ея блистательно, въ то же время вольный слушатель историко - филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, затѣмъ слушатель въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ различныхъ отдѣльныхъ курсовъ по исторіи и филологіи, онъ былъ носителемъ громадной эрудиціи. Знаніе европейскихъ древнихъ и новѣйшихъ и двухъ восточныхъ: турецкаго и персидскаго языковъ, соединялось въ немъ съ самыми многосторонними и основательными свѣдѣніями по многимъ отраслямъ наукъ, а способность съ чрезвычайною легкостью и ясностью излагать свою мысль дѣлала изъ него замѣчательнаго не только редактора, но и талантливаго писателя. При всемъ этомъ полный остроумія въ бесѣдѣ, говорилъ онъ прекрасно и умѣлъ убѣждать. Его проекты, предположенія, объяснительныя записки были образцами логическаго построенія и мастерскаго изложенія. По окончаніи курса военной академіи, онъ имѣлъ нѣсколько командировокъ по имперіи для составленія военно-статистическаго ея описанія и путешествовалъ, между прочимъ, по Западной Сибири. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ, во время намѣстничества Воронцова, перешелъ служить на Кавказъ и въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтней здѣсь службы ознакомился уже съ краемъ. Въ послѣдствіи онъ былъ исторіографомъ Кавказа, изучилъ нѣсколько горскихъ нарѣчій, создалъ имъ азбуку и грамматику и оставилъ множество ученыхъ трудовъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не изданныхъ. Но, уважая память такого замѣчательно даровитаго человѣка, неправильно было бы умалчивать и о его недостаткахъ. Первымъ изъ нихъ былъ особенный культъ, творимый имъ самому себѣ. Обладая громаднымъ арсеналомъ знаній и умѣньемъ имъ пользоваться, онъ не часто встрѣчалъ оппонентовъ, бывшихъ въ состояніи давать ему отпоръ, и это избаловало его и повело къ злоупотребленію своею аргументаціею. Признаться въ очевидномъ промахѣ для него было немыслимо и онъ пускалъ въ ходъ свою страшную аргументацію. Прежде всего и во всемъ теоретикъ, онъ не долженъ былъ по настоящему выходить изъ кабинета ученаго и не отрываться отъ фоліантовъ, а по какому-то странному противорѣчію преимущественно стремился къ самой живой и подвижной дѣятельности военной. И на самомъ дѣлѣ военнымъ онъ никогда не былъ, а былъ ультра-воинственнымъ. На Кавказѣ знали его, какъ постоянно исполняющаго должность начальника штаба въ различныхъ отря-

дахъ, считали его за ученаго и между тѣмъ никто не могъ отрицать того обстоятельства, что съ его присутствіемъ въ отрядѣ соединялась вездѣ какая-то фатальность. Онъ былъ при Слѣпцовѣ на Сунжѣ—того убили горцы; при князѣ Меликовѣ, на лезгинской линіи,—Шамиль прорвался черезъ нее и, сдѣлавъ набѣгъ на Кахетію, увелъ въ плѣнъ семейство князя Чавчавадзе; при князѣ Мухранскомъ въ гурійскомъ отрядѣ — Омеръ-паша разнесъ этотъ отрядъ, выставленный ему на Ингурѣ, и занялъ Мингрелію; при князѣ Гагаринѣ... но не будемъ забѣгать впередъ. Всѣ эти неудачи поклонники Услара объясняли случайностью, и, тѣмъ не менѣе, онѣ клали мрачное впечатлѣніе на душу не только другихъ, но и его самого. Внѣ дѣловой сферы онъ былъ человѣкомъ несообщительнымъ, мрачнымъ, если къ бесѣдѣ не присоединялось собутыльничество, къ которому, къ сожалѣнію, онъ черезчуръ часто прибѣгалъ. Эта слабость погубила у насъ много прекрасныхъ силъ, а въ томъ числѣ и Услара; въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, живя у себя въ деревнѣ, онъ дошелъ до бѣлой горячки и ею покончилъ свою жизнь.

Но для Гагарина этой оборотной стороны Услара не существовало. Онъ видѣлъ въ немъ опытнаго офицера генеральнаго штаба, высоко образованнаго и талантливаго, и какъ человѣкъ, въ высшей степени мягкій, вполнѣ преклонился передъ его авторитетомъ. Вскорѣ Усларъ сдѣлался у него во всемъ оракуломъ.

Началось съ совмѣстнаго обзора края, обоимъ близко знакомаго по недавнимъ еще воспоминаніямъ. Но воспоминанія эти по характеру своему были совершенно различны у обоихъ, и подъ угломъ ихъ у каждаго складывался различный взглядъ на предстоящую совмѣстную дѣятельность. Гагарина, какъ въ Кутаисѣ, такъ и повсюду встрѣчали восторженно и вполнѣ искренно, да и самъ онъ подъ впечатлѣніемъ прекраснаго прошлаго настроенъ былъ на такой ладъ, что видѣлъ передъ собою одну лишь задачу осчастливить край. Передъ нимъ были на всякомъ шагу свѣжіе еще слѣды недавняго раззоренія войною, и нѣкоторыхъ мѣстностей онъ не узнавалъ, до того онѣ были оголены опустошеніемъ турецкимъ. Предавая забвенію всю драму войны, совершившуюся здѣсь, не разбирая праваго отъ виноватаго, онъ видѣлъ лишь слѣды общаго несчастія, которые надо было какъ можно скорѣе загладить, содѣйствуя подъему производительныхъ силъ страны. Взглядъ же Услара складывался совершенно подъ инымъ угломъ. Еще годъ тому назадъ, ему приходилось переживать въ этомъ самомъ краю тяжелыя минуты въ жизни и испытывать всю горечь положенія человѣка, стоящаго во главѣ дѣла, покончившагося страшной неудачей и оглаской. Послѣ пораженія гурійскаго отряда Омеромъ-пашей и отступленія его съ Ингура, похожаго на бѣгство, за предѣлы Мингреліи, сидѣть въ мѣстечкѣ Хони нѣсколько мѣсяцевъ

и видѣть передъ носомъ своимъ непріятеля, распоряжавшагося безпощадно съ занятымъ имъ краемъ, и не быть въ состояніи наносить ему какой либо серьезный вредъ, — все это было крайне мучительно и больно. Партизанская война въ Мингреліи, которую князь Мухранскій предполагалъ возбудить въ народѣ противъ турокъ, оказалась химерою, оставалось утѣшать себя лишь свѣдѣ-

Князь Константинъ Дадешкиліанъ.

ніями лазутчиковъ, а также и наблюденіями надъ кондуитомъ владѣтелей Абхазіи, Мингреліи и Сванетіи. Выводъ изъ этихъ упражненій получался неотрадный — внутри края была измѣна, съ которой ничего нельзя было подѣлать. Сводъ подробностей объ этой измѣнѣ съ поименованіемъ лицъ, а также и обвиненіе генерала Муравьева въ неприсылкѣ резервовъ гурійскому отряду и составили матеріалъ для блистательной записки Услара, старавшагося

оправдать и обѣлить дѣйствія князя Мухранскаго, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ и свои собственныя. Въ этой талантливой самозащитѣ онъ, конечно, не могъ быть объективнымъ и безпристрастнымъ и, сваливая вину на руководящихъ людей этого края, не стѣснялся въ неприглядной ихъ окраскѣ; подъ тѣмъ же угломъ смотрѣлъ онъ на нихъ и въ настоящую минуту, при объѣздѣ страны вмѣстѣ съ Гагаринымъ. Шервашидзе, Дадіани и Дадешкиліани опять выступали на сцену съ автономіею въ своихъ владѣніяхъ, съ ними далеко не былъ покончень счетъ; и вопросъ состоялъ именно въ томъ, какъ его покончить? Положимъ, что автономія ихъ сдѣлалась уже отжившимъ явленіемъ, абсурдомъ и въ высшемъ совѣтѣ государя и намѣстника надъ нею произнесенъ былъ окончательный приговоръ; но нужно было придумать наилучшіе способы къ ея ликвидаціи. Эта задача и предстояла кутаисскому генералъ-губернатору и его начальнику штаба. Во всякомъ случаѣ въ ликвидаціи этой не должно было имѣть мѣсто какое либо субъективное вѣяніе и масштабъ ея долженъ былъ быть широкій. Вѣдь не кто другой, какъ сама же Россія, присоединяя къ себѣ эти владѣнія, создала въ нихъ существующую автономію и ревниво ее оберегала, явно въ ущербъ интересовъ населенія,—ей же теперь и слѣдовало ликвидировать ее сообразно съ достоинствомъ великой державы.

На этой высотѣ взгляда несомнѣнно и удержался бы Гагаринъ, если бы не вліяніе Услара, чисто субъективнаго свойства. Проявилось это тотчасъ же на дѣлѣ сванетскомъ. Семья Джамсуха вопила объ удовлетвореніи; вопросъ о Княжеской Сванетіи поставленъ былъ Усларомъ на первую очередь, и онъ занялся имъ тотчасъ же по окончаніи обзора края.

III.

Матеріалъ, знакомый читателямъ изъ предъидущаго нашего разсказа и находящійся въ штабѣ генералъ-губернатора, заключалъ въ себѣ всѣ элементы для обвинительнаго акта, и Усларъ далъ ему именно такую, а не иную форму. 1) Убійство Джамсуха, въ которомъ виновникомъ называла семья его Константина Дадешкиліани, что̀ поддерживала и княгиня Дадіанъ; 2) сношенія съ Омеромъ-пашей по свѣдѣніямъ, получавшимся отъ лазутчиковъ; 3) игнорированіе русскаго правительства какъ въ теченіе всей войны, такъ и годъ цѣлый послѣ ея окончанія; 4) недопусканіе пристава Вольной Сванетіи въ свое владѣніе — чего же еще больше надо было желать для обвинительнаго акта? Но что же, спрашивалось, надо было дѣлать съ обвиняемымъ?

Рѣшено было послать снова пристава князя М. и съ нимъ новое и послѣднее приглашеніе Константина и Александра въ Кутаисъ, съ опредѣленіемъ имъ на то срока. М. поѣхалъ и, вернувшись,

объяснилъ, что опять не могъ добиться личнаго свиданія съ Дадешкиліанами и послалъ къ нимъ повѣстки съ старшинами вольныхъ обществъ, причемъ узналъ, что никогда еще эти общества такъ не страдали отъ притѣсненій Константина, какъ теперь. Срокъ, означенный въ повѣсткѣ, прошелъ и Дадешкиліановы не явились въ Кутаисъ.

Воинственность Услара расшевелилась и онъ сталъ убѣждать Гагарина въ необходимости особой экспедиціи въ Княжескую Сванетію черезъ Джварское ущелье. Это гнѣздо возмущенія и крамолы нужно было, по его мнѣнію, истребить, а иначе всякое съ нашей стороны попустительство будетъ крайне дурно отзываться среди непокорнаго еще горскаго населенія.

Гагаринъ хорошо зналъ, что Барятинскій врагъ всякихъ безцѣльныхъ экспедицій, что на рѣшеніе ихъ онъ склоняется одною лишь полною очевидностью въ ихъ необходимости, и потому не легко поддавался затѣѣ Услара. Послѣднему пришлось немало съ нимъ возиться, прежде чѣмъ настоять на своемъ. А, всетаки, онъ настоялъ и представленіе пошло. Барятинскій поморщился: экспедиція была не шутка; при самыхъ скромныхъ размѣрахъ экспедиціоннаго отряда, казнѣ обходилась она сотни тысячъ, а тутъ еще надо было проникать въ страну, извѣстную своею недоступностью. Разрѣшеніе дано было не сразу, и Услару пришлось ѣздить самому въ Тифлисъ для личнаго доклада. Наконецъ, всѣ препятствія устранились, и въ концѣ іюня мѣсяца, т. е. въ ту пору, когда Сванетія дѣлается доступною, отрядъ, состоящій изъ баталіона пѣхоты, нѣсколькихъ горныхъ орудій, роты саперъ, казаковъ и пр. съ полнымъ транспортомъ на вьючныхъ чраводарскихъ лошадяхъ, выступилъ подъ командою самого Услара изъ Кутаиса къ Джварамъ.

Въ это время у Гагарина и другихъ дѣлъ была масса. Дебатировался вопросъ о выборѣ порта на Черномъ морѣ: въ Сухумѣ, Редутъ-Кале или Поти; по этому дѣлу сотрудниками его были полковникъ Ивановъ и капитанъ Фалькенгагенъ; въ Мингреліи заварилась извѣстная каша и туда поѣхалъ уже Дюкруаси. Съ однимъ абхазскимъ владѣтелемъ шло хорошо; Михаилъ до того приластился къ князю, что отдалъ ему своего старшаго сына Георгія на воспитаніе. Гагарины, онъ и жена, приняли этого десятилѣтняго красиваго и умнаго ребенка къ себѣ, какъ родное свое дитя, и тутъ дѣло не обошлось и безъ меня. Зная, что мнѣ было поручено воспитаніе малолѣтняго владѣтеля Мингреліи (я занимался съ нимъ два съ половиной года и не безъ успѣха), князь просилъ меня заняться и Георгіемъ. Но убѣдившись уже изъ опыта, какъ трудно было согласовать требованія правильнаго воспитанія и ученія съ тѣми условіями, съ тою средою, въ которыхъ были поставлены эти дѣти по своему происхожденію, я отклонилъ отъ себя сдѣланное мнѣ предложеніе, въ виду серьезной отвѣтственности, и не

смотря на то, живя у Гагарина въ домѣ, какъ состоящій при немъ по особымъ порученіямъ, не могъ отказаться отъ наблюденія за уроками, которые давали мальчику учителя. Не забывалъ князь и своего любимаго садоводства и, въ минуты рѣдкаго досуга, бѣгалъ на ферму. Вечерами мы собирались въ салонѣ княгини, куда приходилъ и утомленный дневною суматохою и заботами князь, и тутъ интимная бесѣда дѣлалась чрезвычайно пріятною и интересною. И вотъ, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда князь, жалуясь на свое положеніе работника чуть не поневолѣ, разсказывая намъ о своемъ чрезвычайно пріятномъ буржуазномъ образѣ жизни съ княгиней, въ прошломъ году, въ Парижѣ, вспоминалъ, какъ они съ нею, любители театровъ, посѣщали ихъ очень часто, слушали въ оперѣ всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей, жили въ отелѣ, обѣдали въ разныхъ кафе, ѣздили на скачки въ Шантильи, посѣщали Версаль, Сенъ-Клу, Фонтенебло; все это обходилось до смѣшнаго дешево, и они не знали, куда дѣвать деньги... Рѣчь эту князя перебилъ вошедшій въ гостиную переводчикъ Талханъ и доложилъ о пріѣздѣ князя Александра Дадешкиліани, дожидающагося въ залѣ.

Докладъ этотъ былъ такимъ сюрпризомъ, что внезапно пробудилъ насъ какъ бы отъ пріятнаго сна къ не совсѣмъ пріятной дѣйствительности. Конечно, появленіе Александра стояло въ связи съ наступательнымъ движеніемъ отряда Услара, но трудно было понять сразу, въ чемъ дѣло.

Князь вышелъ въ залу и мы за нимъ. Дадешкиліанъ былъ въ полной формѣ. Онъ сталъ говорить первый.

— Простите, ваше сіятельство, что являюсь не въ урочное время, но обстоятельства черезчуръ важны. Только четыре дня тому назадъ съ братомъ узнали мы о движеніи отряда въ Княжескую Сванетію, и я тотчасъ же поспѣшилъ сюда черезъ Дадіановскую Сванетію. Являюсь, чтобы доложить вамъ, что тутъ кроется какое-то страшное недоразумѣніе... Неужели эта экспедиція, какъ мы слышали, направлена противъ моего брата, Константина?

— Да-съ, она направлена противъ вашего брата. Но это не касается до васъ, а до васъ касается другое обстоятельство. Почему и какъ, нося мундиръ русскаго офицера, не явились вы по окончаніи срока отпуска вашего въ полкъ и затѣмъ не сочли нужнымъ являться на вызовы мой и мѣстнаго начальства?

— Осенью 1855 года, я дѣйствительно заболѣлъ и послалъ рапортъ о болѣзни въ полкъ чрезъ капитана Демьяновича. Потомъ, когда я поправился, пути изъ Сванетіи были занесены снѣгомъ и я поневолѣ остался. Послѣ войны меня не требовали изъ полка, да и братъ меня не отпускалъ, я нуженъ былъ ему по разнымъ дѣламъ. Вызова отъ вашего сіятельства и мѣстнаго начальства ни братъ, ни я не получали.

— А повѣстки, посланныя приставомъ, княземъ М.?

— Онъ никогда не былъ у насъ ни до войны, ни послѣ нея, да и не могъ быть, такъ какъ ему пришлось бы проѣзжать черезъ вольныя общества, недовольныя его дѣйствіями. Его бы не пропустили. Тѣ же, кому онъ передалъ повѣстки для врученія намъ, ихъ не доставили.

— Это я все узнаю, а теперь извольте отправиться къ коменданту и, передавъ ему свою шашку, доложить ему, что вы арестованы. Завтра же вы отправитесь въ Тифлисъ, тамъ намѣстникъ обсудитъ ваше поведеніе.

Гагаринъ обратился къ своему адъютанту Э. Ф. Экельну и поручилъ ему наблюсти за исполненіемъ этого приказанія.

Но Дадешкиліанъ медлилъ уходомъ.

— Прежде чѣмъ уйдти, ваше сіятельство, осмѣлюсь просить васъ выслушать нѣсколько моихъ словъ относительно брата.

— Ну-съ, говорите.

— Мнѣ неизвѣстно, ваше сіятельство, въ чемъ состоитъ обвиненіе противъ него. Знаю только, что, если его оклеветали, то истина раскроется. Онъ самъ выѣхалъ навстрѣчу начальника отряда, чтобы выяснить недоразумѣніе. Его обвиняютъ въ смерти Джамсуха, но это обвиненіе голословно, пущено его врагами, среди которыхъ первая княгиня Дадіанъ. Братъ мой—человѣкъ простой, недалекій, безъ образованія, душою и сердцемъ преданный государю и его правительству, и лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что какъ разъ передъ занятіемъ Мингреліи Омеромъ-пашой онъ отвезъ сына своего въ Тифлисъ на воспитаніе, оставляя его тамъ залогомъ своей вѣрности, ему помогалъ я совѣтомъ и всѣмъ чѣмъ могъ и, если насъ разлучаютъ обстоятельства въ настоящую крайне тяжелую для него минуту, то не оставьте его, ваше сіятельство, своимъ покровительствомъ. Онъ, какъ и всѣ въ краѣ, вѣритъ въ ваше великодушное сердце.

Разговоръ этотъ, конечно, передаю я не стенографически, но въ общихъ чертахъ, сохраняя его смыслъ.

Покончивъ свою рѣчь, Александръ поклонился князю и вышелъ съ Экельномъ.

На другой день его отправили въ Тифлисъ, а тамъ скоро послѣдовало приказаніе Барятинскаго ѣхать ему въ Восточную Сибирь въ распоряженіе графа Муравьева-Амурскаго. Дальнѣйшая его судьба была вполнѣ благопріятная. Муравьевъ приблизилъ его къ себѣ, съ него была снята опала, онъ какъ человѣкъ чрезвычайно способный дослужился до полковничьяго чина; выѣхавъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ изъ Сибири, пріобрѣлъ себѣ имѣніе на югѣ Россіи, поселился тамъ и, какъ мы слышали, живетъ въ полномъ довольствѣ.

Дня черезъ три послѣ отъѣзда Александра въ Тифлисъ, къ Гагарину пріѣхалъ и самъ Константинъ. Оказалось, что онъ встрѣ-

тилъ Услара съ отрядомъ на послѣднемъ переходѣ въ Княжескую Сванетію, въ Худонѣ, имѣлъ съ нимъ объясненіе, убѣждалъ его, что наступленіе отряда на его владѣніе есть плодъ печальнаго недоразумѣнія, происшедшаго отъ навѣтовъ, взведенныхъ на него его врагами, и просилъ полковника не двигаться далѣе; но тотъ никакихъ его объясненій не уважилъ и объявилъ, что будетъ слѣдовать въ Сванетію. Тогда Константинъ поѣхалъ къ самому князю, ожидая отъ него правосудной защиты.

Гагаринъ принялъ Константина съ нѣкоторымъ почетомъ, приличнымъ его званію, выслушалъ спокойно, вѣжливо и въ заключеніе сказалъ, что онъ никакого не можетъ дать отвѣта, пока не получитъ объясненія отъ Услара, къ которому пошлетъ тотчасъ же нарочнаго. Константина пригласилъ остаться въ Кутаисѣ и ожидать. Нарочный тотчасъ же полетѣлъ.

Но до полученія донесенія Услара прошла чуть ли не цѣлая недѣля, и въ это время Гагаринъ былъ въ взволнованномъ состояніи духа. Его смущалъ неожиданный выѣздъ братьевъ Дадешкиліановыхъ изъ Сванетіи; не было ли дѣло это въ дѣйствительности раздуто и самая экспедиція не становилась ли похожей на выстрѣлъ по воробьямъ? Что скажетъ теперь Барятинскій? Да и вообще все это касается военной репутаціи его, Гагарина. Мысли эти сильно его волновали и тревожили, а въ такія минуты онъ обыкновенно предпринималъ прогулки пѣшкомъ и, поймавъ кого нибудь изъ состоявшихъ при немъ, таскалъ, что называется, до упаду, куда попало, часто далеко за городъ. А то забирался на ферму и погружался въ міръ растеній и цвѣтовъ.

Между тѣмъ нарочные летѣли одинъ за другимъ къ Услару.

И вотъ, наконецъ, получилось оттуда объемистое донесеніе. Прочитавъ его, Гагаринъ просвѣтлѣлъ. Нечего говорить, что донесеніе было образцомъ изящества по своему стилю, перо усларовское менѣе всего блѣднѣло въ минуты критическія, тонъ его былъ до того спокойный, что всякое сомнѣніе въ правильной постановкѣ дѣла исчезло.

Въ общихъ чертахъ смыслъ былъ слѣдующій. На выѣздъ братьевъ Дадешкиліановыхъ изъ Сванетіи Усларъ смотрѣлъ, какъ на маневръ очень обыкновенный, практикуемый лисицею въ отчаянныя минуты. Она обманываетъ собакъ или движеніемъ своего хвоста, заставляя ихъ бросаться въ сторону, или вдругъ на всемъ скаку припадаетъ къ землѣ, какъ мертвая; собаки черезъ нее перескакиваютъ, а она въ это время успѣваетъ очутиться далеко уже позади ихъ. При отчаянномъ положеніи Дадешкиліановъ, подобный маневръ былъ единственнымъ для нихъ средствомъ, хотя на минуту попытаться ослѣпить имъ глаза. О сопротивленіи военной силѣ, конечно, не могло быть и рѣчи, они сами это хорошо поняли, и спасибо, что выѣхали, устранивъ такимъ образомъ всякіе поводы къ пролитію

хотя одной капли крови. Но вѣдь объектъ экспедиціи вовсе не въ однѣхъ личностяхъ Дадешкиліановыхъ, онъ состоитъ въ устраненіи разъ навсегда тѣхъ мѣстныхъ внутреннихъ условій, при которыхъ Княжеская Сванетія, оставаясь лишь номинально мирною страною, на самомъ дѣлѣ была гнѣздомъ разбоя и крамолы. Смежная съ непокорнымъ намъ Даломъ, она не только не служила оплотомъ противъ него, но и была съ нимъ во вредномъ для насъ союзѣ, а въ то же время постоянно дѣлала нападенія съ цѣлію грабежа на общества Вольной Сванетіи. Поэтому не обращая вниманія на выѣздъ Константина, Усларъ дошелъ до Эцери и вскорѣ убѣдился, что положеніе вещей тутъ болѣе ужасно, чѣмъ можно было предполагать. Затѣмъ слѣдовала картина мастерской кисти, изображающая это положеніе. Сванетія служила ей богатѣйшимъ матеріаломъ какъ по своимъ орографическимъ, такъ и соціальнымъ условіямъ. Врядъ ли можно было найдти на свѣтѣ уголъ, подобный этому. Цивилизація, остановившаяся на первобытной формѣ семейнаго союза; безграничная власть отца надъ членами своей семьи; полное безправіе женщины; отсутствіе религіи и вмѣсто нея смѣсь обрядовъ язычества, мусульманства и христіанства; невѣжество, доходящее до дикости; соціальныя отношенія, основанныя единственно на кулачномъ правѣ сильнаго; постоянные счеты по кровомщенію и при всемъ этомъ крайняя суровость климата и скудость природы, не дающей никакихъ мѣстныхъ источниковъ для благосостоянія и своею неприступностью изолирующей этотъ край отъ всего остальнаго міра — на такомъ яркомъ фонѣ Усларъ и написалъ свою картину, на первомъ планѣ которой выдавался, конечно, Дадешкиліанъ, деспотически царящій не столько надъ собственнымъ своимъ владѣніемъ, сколько надъ сосѣдними съ нимъ обществами Вольной Сванетіи. Такого порядка вещей нельзя выносить. Усларъ, войдя въ Эцери, нашелъ здѣсь толпы вольныхъ сванетовъ съ вопіющими жалобами на Константина; ему нельзя уйдти отсюда, не удовлетворивъ по мѣрѣ возможности и не положивъ первыя основы для законной власти пристава. Возвращеніе Дадешкиліана въ свое владѣніе немыслимо, о чемъ Усларъ представитъ массу доказательствъ въ особой дополнительной запискѣ. Способы и соображенія относительно матеріальнаго вознагражденія его за имѣющія отойдти отъ него владѣнія и имущества онъ внесетъ въ особомъ проектѣ, если не вмѣстѣ съ дополнительной запиской, то вслѣдъ за нею.

Таково было содержаніе объемистаго донесенія Услара.

Мы сказали уже, что оно подѣйствовало оживительно и успокоительно на князя Гагарина. По мнѣнію его, въ немъ было достаточно данныхъ, чтобы убѣдить князя Барятинскаго въ цѣлесообразности дѣйствій Услара, и онъ представилъ ему записку послѣдняго цѣликомъ. При этомъ пригласивъ Дадешкиліана и принявъ его на этотъ разъ весьма серьезно и сухо, сказалъ ему, чтобы

онъ ѣхалъ въ Тифлисъ самъ; тамъ онъ будетъ имѣть возможность представить намѣстнику личныя объясненія и услышать отъ него заключеніе о дальнѣйшемъ направленіи его дѣла.

Поѣздка Константина оказалась для него неудовлетворительною. Барятинскій его не принялъ и онъ имѣлъ свиданіе только съ Д. А. Милютинымъ. Близкіе къ князю разсказывали послѣ, что онъ вообще поморщился на всю сванетскую исторію и, прочитавъ донесеніе Услара, иронически выразился: «je trouve que cette litterature me revient trop cher». Эту сванетскую филантропію можно было бы сдѣлать и подешевле, пожалуй, и безъ экспедицій. Пріѣздъ въ Тифлисъ Дадешкиліана найденъ былъ преждевременнымъ; говорить объ окончательной съ нимъ развязкѣ до полученія отъ Услара дополнительной записки и проекта ликвидаціи было нельзя, и потому рѣшено было отправить его обратно въ Кутаисъ, а какъ теперь по положенію своему онъ требовалъ надъ собою особаго наблюденія и во многихъ отношеніяхъ руководства, то князь нашелъ полезнымъ назначить къ нему попечителя, въ лицѣ полковника Бартоломея, и отпускать въ его распоряженіе деньги на расходы Дадешкиліани, сколько потребуется.

4.

Такимъ образомъ въ это дѣло вступило еще новое дѣйствующее лицо, съ которымъ тоже необходимо познакомить читателей.

Иванъ Алексѣевичъ Бартоломей, товарищъ князя Барятинскаго по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, началъ службу свою въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку. Съ хорошимъ состояніемъ, со связями, превосходно говорившій на нѣсколькихъ языкахъ и въ особенности пофранцузски, онъ имѣлъ всѣ условія для успѣха въ свѣтѣ, который велъ тогда и къ карьерѣ, если бы не наружность, все портившая. Небольшаго роста, рыже-бѣлесоватый и съ бѣльмомъ на глазу, Иванъ Алексѣевичъ производилъ невыгодное для себя впечатлѣніе, въ особенности на прекрасный полъ, и съ первыхъ же попытокъ своихъ блистать въ свѣтѣ имѣлъ, говорятъ, горькую неудачу. Предметъ его страстной любви, красавица и богатая невѣста отказала ему наотрѣзъ и это до такой степени его озадачило и потрясло, что онъ перестал показываться въ свѣтѣ, заперся въ своей холостой кельѣ и отдался всецѣло изученію восточныхъ языковъ, подъ руководствомъ извѣстныхъ тогда нашихъ оріенталистовъ Казембека и Григорьева. Вмѣстѣ съ этимъ родилась у него и страсть къ коллекторству и въ особенности нумизматическому. Сначала собиралъ онъ древнія монеты всѣхъ временъ и народовъ, но впослѣдствіи спеціализировался въ этой области, остановившись на монетахъ древнеперсидскихъ и притомъ исключительно принадлежащихъ къ продолжи-

тельному періоду династіи Сассанидовъ. Въ связи съ этой спеціальностью, какъ равно и съ изученіемъ восточныхъ литературъ, онъ знакомился и съ другими отраслями наукъ, какъ-то: съ археологіей и палеографіей. По своимъ трудамъ въ нумизматикѣ и по своей громадной коллекціи персидскихъ монетъ, строго классифицированныхъ, онъ обратилъ на себя вниманіе ученаго міра, и въ особенности во Франціи, гдѣ цѣнителемъ себѣ нашелъ извѣстнаго археолога и нумизмата Соре (Soret), при посредствѣ котораго избранъ былъ членомъ академіи наукъ и искусствъ (Académie des sciences et des arts). Уже въ капитанскомъ чинѣ, когда Воронцовъ назначенъ былъ на Кавказъ, вздумалось ему проситься туда для того, чтобы поближе познакомиться съ Востокомъ. Воронцовъ его охотно взялъ по особымъ къ себѣ порученіямъ и отсюда начинается его кавказская служба. Мы говорили уже, что въ сороковыхъ годахъ онъ былъ Колумбомъ Сванетіи, а затѣмъ его посылали и въ Персію (съ Брусиловымъ) и время отъ времени принималъ онъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Между прочимъ, въ одной изъ нихъ онъ былъ замѣчательно раненъ: пуля на излетѣ попала ему какъ разъ въ то самое мѣсто, гдѣ сердце; онъ былъ въ мѣховомъ пальто, пуля пробила пальто, и по крови, которая сочилась изъ-подъ него, другіе замѣтили, что онъ раненъ; направленіе пули было таково, что рана казалась несомнѣнно смертельною; Бартоломей самъ это понялъ и съ нимъ отъ волненія сдѣлался обморокъ; между тѣмъ, когда его раздѣли, пуля вывалилась на полъ. Оказалось, что, пробивъ пальто, она пробила и сюртукъ, но дальше, сдѣлавъ ссадину въ груди, не имѣла уже силы пробить ее. Бартоломей долго послѣ того носилъ этотъ сюртукъ съ заплаточкою какъ разъ противъ сердца. Въ одно время былъ онъ предсѣдателемъ меджлиса (мусульманскаго суда) въ Чечнѣ, при Слѣпцовѣ и съ успѣхомъ исправлялъ эту трудную должность. Конечно, когда Барятинскій сдѣлался намѣстникомъ, честолюбивыя надежды Бартоломея, какъ его школьнаго товарища, очень расшевелились и онъ, что называется, постоянно торчалъ передъ княземъ въ числѣ многихъ «чающихъ движенія». Въ числѣ этихъ многихъ находился тогда и М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Барятинскій, давая Бартоломею назначеніе попечителя при Дадешкиліанѣ, былъ доволенъ, что уменьшился рядъ «чающихъ».

Но такой ли нуженъ былъ въ дѣйствительности попечитель Дадешкиліану, человѣку, какъ мы видѣли, совершенно особеннаго склада. Громаднаго роста, четырнадцати вершковъ, прекрасно и пропорціонально сложенный, красивый блондинъ, атлетической силы, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, Дадешкиліанъ былъ по темпераменту своему одинъ изъ тѣхъ спокойныхъ и выносливыхъ характеровъ, которыхъ весьма трудно раздражить и разсердить; но за то крайне опасныхъ, когда ихъ выведутъ изъ себя. Онъ былъ зна-

комъ со многими изъ служившихъ въ Кутаисѣ, между прочимъ, и со мною и производилъ впечатлѣніе человѣка скорѣе добродушнаго, чѣмъ злаго. Порусски онъ не говорилъ, но понималъ хорошо, такъ что самъ, понимая погрузински, я могъ вести съ нимъ бесѣду безъ переводчика: каждый изъ насъ говорилъ на своемъ родномъ языкѣ, и мы свободно понимали другъ друга. Выросшій въ полудикой средѣ, испытавшій въ раннемъ возростѣ такое незаурядное ощущеніе, какъ покушеніе на свою жизнь, и затѣмъ прошедшій черезъ безконечную вереницу разнаго рода приключеній, въ которыхъ интрига, предательство, кинжалъ, ядъ, грубое насиліе, грабежъ, убійство были самыми заурядными явленіями, само собою разумѣется, онъ не былъ носителемъ возвышенныхъ идеаловъ, но и не былъ лишенъ хорошихъ стремленій и здраваго смысла. Былъ очень, напримѣръ, чадолюбивъ и говорилъ со мною неоднократно о намѣреніи своемъ дать солидное образованіе своимъ дѣтямъ, которыя были еще малютки. Интересовался очень разсказами о Россіи, о Петербургѣ, о государѣ; понималъ людей, съ которыми имѣлъ дѣло, и къ людямъ честнымъ и справедливымъ имѣлъ большое уваженіе, готовъ былъ безусловно ихъ во всемъ слушаться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что найди онъ въ своемъ попечителѣ человѣка симпатичнаго, прямаго, честно объясняющаго ему настоящій смыслъ его положенія и его дѣла, можно съ увѣренностію сказать, что онъ слѣпо отдался бы его руководству и все бы устроилось какъ нельзя лучше. Нетрудно было дать понять ему безъ обиняковъ, что роль его автономнаго владѣтельства съиграна окончательно, что теперь не время помышлять о ея дальнѣйшемъ продолженіи, а нужно подумать о ликвидаціи. Вѣдь и отецъ его сознавалъ все это, поэтому оно не было для него новостію, и вмѣсто всякихъ хитрыхъ подходовъ слѣдовало говорить съ нимъ прямо, безъ всякихъ недомолвокъ и невыполнимыхъ обѣщаній. Къ сожалѣнію, въ назначенномъ ему попечителѣ онъ встрѣтилъ къ себѣ не только оскорбительное равнодушіе, но и пренебреженіе.

Бартоломей по роду спеціальности своей коллектора и нумизмата былъ фанатикомъ только въ этой области; для какой нибудь монеты онъ не останавливался ни передъ какими способами ея пріобрѣтенія, объ деньгахъ и говорить нечего; его состояніе разстроилось отъ Сассанидовъ; въ то же время онъ былъ честолюбивъ и гнался за повышеніями на службѣ, сгибаться въ три погибели для него ничего не составляло и затѣмъ, какъ человѣкъ, онъ былъ черствой души и въ манерѣ его было что-то ехидное. Порученіемъ князя Барятинскаго онъ былъ крайне недоволенъ, ему казалось, что оно даже компрометируетъ его; «on m'a fait cornac»,—говорилъ онъ своимъ пріятелямъ:—«voyez, quel mostodonte je dois promener»[1]).

[1]) Меня сдѣлали корнакомъ (проводникомъ слона). Посмотрите, какого мамонта я долженъ вываживать.

Само собою разумѣется, что съ первыхъ же дней между нимъ и Дадешкиліаномъ родилась антипатія и, припоминая прошлое, нельзя не удивляться терпѣливости послѣдняго при всѣхъ мелочныхъ и безпрестанныхъ щелчкахъ нравственныхъ, сыпавшихся на него отъ Бартоломея. Напримѣръ, выдумалъ онъ поселиться въ одной гостинницѣ съ Дадешкиліаномъ. На верху жилъ Константинъ, а внизу онъ; домишко былъ дрянной, внизу было все слышно, что дѣлалось на верху; переводчикомъ у Бартоломея (онъ не говорилъ

Князья: Ціохъ (Михаилъ), Тенгисъ (Николай) и Исламъ Дадешкиліановы.

погрузински) былъ самая дрянная личность, какой-то лакеишко, не умѣющій даже и переводить, какъ слѣдуетъ; онъ его сдѣлалъ и своимъ лазутчикомъ, что̀, конечно, дало возможность этому человѣку сплетничать въ обѣ стороны: Дадешкиліану на Бартоломея и наоборотъ. По вопросу о расходахъ, Бартоломей поднялъ разныя пререканія изъ-за какихъ то грошей, въ виду сбереженія казеннаго интереса, словомъ попечительство его обратилось въ какую-то травлю.

Время отъ времени Дадешкиліанъ приглашался къ обѣду Гагарина и непремѣнно съ Бартоломеемъ, причемъ тотъ ехидно разсказывалъ на французскомъ языкѣ разные забавные анекдотцы про своего мостодонта.

Наконецъ, вернулся и Усларъ, привезъ съ собою массу матеріаловъ, обработкою которыхъ усердно занялся. Съ Дадешкиліаномъ онъ избѣгалъ встрѣчи, предчувствуя, что она къ добру не поведетъ. Однажды, мнѣ случилось таки увидать ихъ вмѣстѣ. Зашелъ я вечеромъ къ Н. П. Колюбакину, тогда еще кутаисскому губернатору. У него я нашелъ Константина Дадешкиліана и еще кого-то; немного спустя пришелъ и Усларъ. Бесѣда, конечно, не клеилась и долженъ былъ говорить за всѣхъ хозяинъ, вспоминавшій отдаленныя времена, когда онъ, разжалованный въ солдаты, былъ въ отрядѣ Вельяминова съ нѣкоторыми декабристами. Вспоминалъ Одоевскаго, братьевъ Бестужевыхъ и другихъ, съ которыми былъ очень близокъ. Подали ужинъ, разговоръ и тутъ шелъ вяло; Дадешкиліанъ, сидѣвшій vis à vis съ Усларомъ, смотрѣлъ все время въ тарелку, молчалъ и лаконически отвѣчалъ на мои вопросы. Говорилъ опять же Колюбакинъ. Послѣ ужина ушелъ первымъ Константинъ, а затѣмъ Усларъ, пригласивъ меня идти вмѣстѣ, такъ какъ мы жили въ одной сторонѣ. Ночь была темная, Усларъ попросилъ казака съ фонаремъ въ провожатые, я при этомъ замѣтилъ, что считаю это лишнимъ, зная отлично всѣ улицы, и берусь его провожать безъ фонаря, но онъ настоялъ на своемъ и мы пошли. На половинѣ пути онъ вдругъ сказалъ мнѣ: «неужели вы думаете, что этотъ дикій задумается пырнуть меня ночью одного». Я не понялъ, о комъ онъ говоритъ, не подозрѣвая тогда всю натянутость отношеній его къ Константину, и спросилъ, кто это «дикій». «Какъ, неужели вы не догадываетесь, мы съ нимъ просидѣли вѣдь цѣлый вечеръ?» Я былъ крайне удивленъ услышаннымъ, никакъ не подозрѣвая, что дѣло до того обострилось. Мнѣ всегда казалось, что съ такимъ смирнымъ человѣкомъ можно все уладить.

Дня черезъ три я зашелъ къ Услару и нашелъ его стрѣляющимъ въ цѣль изъ пистолета Монте-кристо.

«Упражняю, на всякій случай, свою руку». Я ничего не сказалъ на это, но мнѣ слышалось въ словахъ его продолженіе ночнаго нашего разговора. Уже въ послѣдствіи мнѣ стало ясно, что онъ имѣлъ серьезныя основанія ожидать отъ Дадешкиліана чего-то недобраго.

Въ это время случился эпизодъ довольно курьезный. Къ Дадешкиліану ходила масса гостей; въ Кутаисѣ жила его теща княгиня Кесарія Шервашидзе, сынъ ея Григорій съ семьей, слѣдовательно были и родственники, а знакомыхъ множество. Иногда съ цѣлой толпой гулялъ онъ на бульварѣ. Конечно, при этомъ

шелъ постоянно разговоръ о его дѣлѣ, и многіе подъ видомъ сочувствія давали различные совѣты. Кто-то изъ такихъ совѣтчиковъ пришелъ однажды къ нему и сдѣлалъ по секрету очень курьезное предложеніе. Такъ какъ было ясно, что ни отъ Гагарина, ни отъ Барятинскаго нечего ожидать справедливости, то не лучше ли поискать другаго пути къ государю, повѣрнѣе. Онъ знаетъ одного доктора поляка, который прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ и берется написать прошеніе къ Наполеону III. Ему можно объяснить, что вотъ ты былъ царемъ въ Сванетіи и тебя несправедливо лишаетъ царства Барятинскій, и просить его, чтобы онъ заступился за тебя у императора Александра Николаевича. А тотъ не откажетъ ни въ чемъ Наполеону. Утопающій хватается за соломинку и невѣжественный Дадешкиліанъ, крайне уже разстроенный всѣмъ съ нимъ творившимся, а въ особенности Бартоломеемъ, далъ себя поймать на эту удочку. Доктора онъ разрѣшилъ привести къ себѣ и послѣ переговоровъ съ нимъ, при посредничествѣ своего пріятеля, далъ ему сколько-то рублей впередъ за написаніе прошенія. Докторъ былъ затѣмъ раза два и хотя переговоры велись секретно, но переводчикъ и лазутчикъ Бартоломея что-то пронюхалъ и сообщилъ полковнику; а тотъ обратился къ полиціймейстеру за справкой о докторѣ полякѣ. Оказалось, что лицо, посѣщавшее Дадешкиліана, носившее дѣйствительно сюртукъ военнаго врача, на самомъ дѣлѣ было отставной рядовой Талистовъ, большой негодяй и мошенникъ. Побочный сынъ какого-то графа Толстаго, получивъ въ юности прекрасное образованіе, зная хорошо французскій языкъ, за какую-то пакость въ полку, гдѣ онъ былъ уже офицеромъ, разжалованъ былъ безъ выслуги въ рядовые на Кавказъ. Тутъ онъ много лѣтъ мытарствовалъ и, наконецъ, за физическою негодностью выпущенный въ отставку, побирался и переѣзжалъ изъ города въ городъ. Въ Кутаисъ онъ пріѣхалъ въ лекарскомъ сюртукѣ, подаренномъ ему въ видѣ милостыни какимъ-то докторомъ, и выдалъ самъ себя за доктора поляка. Этого гуся, конечно, взяли, нашли у него редактируемое имъ прошеніе къ Наполеону и Бартоломей хотѣлъ изъ этого раздуть цѣлую исторію въ видѣ государственной измѣны. Къ счастію Гагаринъ, которому все это начало ужасно надоѣдать, прежде всего, какъ человѣкъ порядочный, возмутился затѣей нумизмата и коротко положилъ конецъ этой ерундѣ. Талистова приказалъ выслать по этапу на родину, въ Калужскую губернію, а Бартоломея просилъ ничего не говорить Дадешкиліану о томъ, что эта исторія огласилась. Но не менѣе того Гагаринъ, видя, что дальнѣйшее пребываніе здѣсь Константина неудобно, когда Усларъ покончилъ, наконецъ, свою работу и она была послана въ Тифлисъ, просилъ князя Барятинскаго вмѣсто Кутаиса назначить другую резиденцію Дадешкиліану.

Въ это время я поѣхалъ въ Мингрелію на службу.

Изъ разсказаннаго уже мною, читатели видѣли, что мингрельское дѣло, благодаря упорству княгини, значительно усложнялось и дошло, наконецъ, до необходимости вызвать ее въ Петербургъ. Все это, конечно, немало давало хлопотъ князю Гагарину; ему сразу приходилось вести такихъ два щекотливыхъ дѣла, какъ прекращеніе мингрельской и сванетской автономіи, и онъ ничего такъ не желалъ, какъ поскорѣе окончить ихъ и затѣмъ перейдти къ другимъ дѣламъ, болѣе интереснымъ. У него начались уже тогда переговоры съ директоромъ-распорядителемъ Общества пароходства и торговли, Н. А. Новосельскимъ, объ устройствѣ рѣчнаго пароходства по Ріону. Гагаринъ ожидалъ отъ этого предпріятія самыхъ благопріятныхъ результатовъ для края.

И вотъ, наконецъ, условившись съ княгинею Дадіанъ о днѣ ея отъѣзда, 25-го октября, и все къ нему приготовивъ, Гагаринъ самъ думалъ провожать ее и предварительно послалъ къ ней въ Горди свою жену. 22-го числа, самъ онъ собирался выѣхать туда же и отдалъ приказъ приготовить лошадей къ 12-ти часамъ.

Въ девять часовъ утра подали ему пакетъ изъ Тифлиса. Начальникъ штаба извѣщалъ его, что князь Барятинскій, по докладу дѣла Дадешкиліана, согласившись съ его соображеніями и предположеніями, рѣшилъ представить ихъ на высочайшее благоусмотрѣніе, а покуда находитъ необходимымъ назначить Дадешкиліану резиденціею городъ Эривань, куда и поручаетъ немедленно его направить.

Прочитавъ эту бумагу, князь послалъ за правителемъ канцеляріи, Изюмскимъ, и встрѣтилъ его съ радостнымъ лицомъ.

— Ну, наконецъ, и съ Дадешкиліаномъ у насъ развязка. Вотъ прочитайте. Я послалъ васъ просить къ себѣ, чтобы вы помогли мнѣ съ нимъ объясниться.

Изюмскій былъ уроженецъ Закавказскаго края,—мать его была грузинка и онъ прекрасно говорилъ на этомъ языкѣ. Симпатичный, благовоспитанный, кончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ, онъ былъ очень уважаемъ туземцами, пользовался особымъ довѣріемъ князя и хорошъ былъ съ Дадешкиліаномъ, который часто бывалъ у него. Князь, поэтому, и выбралъ для предстоящей ему щекотливой бесѣды съ Дадешкиліаномъ такого подходящаго человѣка.

Изюмскій сталъ уговаривать князя остеречься отъ личнаго объясненія съ Константиномъ; онъ черезчуръ раздраженъ и можетъ выйдти непріятность. Изюмскій самъ видѣлъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ, когда князь гулялъ на бульварѣ, Дадешкиліанъ сдѣлалъ движеніе рукой очень подозрительное, схватившись за кинжалъ. Но эти слова Изюмскаго не только не отклонили князя, но еще болѣе возбудили.

— Вотъ пустяки-то, Андріанъ Андріановичъ, неужели вы ду-

маете, что я его испугаюсь? Зову его для того, чтобы помочь ему, чѣмъ могу, передъ его отъѣздомъ, развѣ онъ этого не пойметъ?

Изюмскій попробовалъ еще разъ возражать, но убѣдился, что все будетъ напрасно. Князь непремѣнно хотѣлъ выѣхать въ 12 часовъ въ Горди, а передъ отъѣздомъ повидаться съ Дадешкиліаномъ и, узнавъ отъ него все, что только тому нужно, сдѣлать необходимыя распоряженія.

Пришлось послать за Дадешкиліаномъ. Пошелъ дежурный квартальный.

Въ соборѣ шла въ это время обѣдня и на паперти, въ числѣ прочихъ, выдавалась крупная фигура Дадешкиліана, усердно молившагося. На немъ не было никакого оружія, кромѣ кинжала, но кинжала громаднаго, соотвѣтственнаго его росту и силѣ. Къ нему подошелъ квартальный и между ними произошелъ слѣдующій діалогъ, слышанный близь стоящими.

— Ваша свѣтлость, генералъ-губернаторъ прислалъ меня просить васъ пожаловать къ нему теперь же.

— Какъ теперь же, вы видите, что я молюсь. Доложите, что когда я посвящаю себя молитвѣ, всѣ другія дѣла для меня не существуютъ. По окончаніи обѣдни я приду къ князю.

Квартальный ушелъ; но этого появленія его было достаточно, чтобы подѣйствовать раздражительно на Константина. Послѣднее время онъ въ особенности былъ въ постоянно возбужденномъ состояніи; Гагарина онъ давно не видалъ, такъ какъ тотъ исключительно занятъ былъ мингрельскимъ дѣломъ; Бартоломей продолжалъ попрежнему дѣйствовать на его нервы; слышалъ онъ, что Усларъ написалъ что-то очень объемистое, посланное уже въ Тифлисъ; отъ всего этого онъ ничего не ожидалъ хорошаго. У этого человѣка, крайне несчастнаго, тосковавшаго о семьѣ, третій мѣсяцъ съ нимъ разлученной, были, конечно, лучшими минутами — минуты молитвы. И вотъ даже и онѣ отравляются ему. Если Гагаринъ присылалъ, то, значитъ, что нибудь совершилось новое въ его дѣлѣ; хорошаго, повторяемъ, онъ ничего не ожидалъ. Сталъ онъ еще усерднѣе молиться, и вдругъ опять прервалъ его молитву тотъ же квартальный.

— Ваша свѣтлость, князь непремѣнно проситъ васъ пожаловать къ нему тотчасъ же. Они уѣзжаютъ въ Горди и передъ отъѣздомъ желаютъ съ вами повидаться.

Тогда Дадешкиліанъ сказалъ:—хорошо, перекрестился нѣсколько разъ, махнулъ рукой, надѣлъ на себя папаху и пошелъ.

Когда вторично посланъ былъ квартальный изъ дому генералъ-губернатора, видя возбужденное состояніе Гагарина, нетерпѣливо отдававшаго вторичный приказъ о скорѣйшемъ приглашеніи Дадешкиліана, Изюмскій самъ пошелъ вслѣдъ за квартальнымъ и встрѣтилъ Константина уже на половинѣ дороги. Онъ увидѣлъ по

лицу его, что онъ тоже раздраженъ и сталъ ему объяснять нетерпѣніе князя желаніемъ повидаться съ нимъ передъ отъѣздомъ въ Горди.

— Онъ получилъ бумагу по твоему дѣлу, хотѣлъ самъ съ тобой говорить и послалъ пораньше для того, чтобы ты пришелъ прежде, чѣмъ соберутся къ нему разныя лица съ докладами.

— А ты не знаешь, о чемъ эта бумага?

— Да онъ самъ тебѣ скажетъ. Ты можешь быть только увѣренъ въ томъ, что онъ сдѣлаетъ все, что только возможно. Довѣрься ему вполнѣ и будь спокоенъ.

Дадешкиліанъ молчалъ и они вскорѣ дошли до генералъ-губернаторскаго дома.

Въ пріемной залѣ было уже нѣсколько человѣкъ, и въ числѣ ихъ Бартоломей, капитанъ-лейтенантъ Савиничъ, капитанъ линейнаго баталіона князь Константинъ Микеладзе, переводчикъ Талханъ Ардишвили и другіе.

Дадешкиліанъ съ Изюмскимъ прошли прямо въ кабинетъ.

Князь по обыкновенію вѣжливо и привѣтливо встрѣтилъ Константина.

— Очень сожалѣю, что потревожилъ васъ во время обѣдни; но вамъ объяснилъ, вѣроятно, Андріанъ Андріановичъ причину. Я получилъ бумагу по вашему дѣлу.

Онъ взялъ бумагу со стола и просилъ Изюмскаго прочитать ее Дадешкиліану, переводя на грузинскій языкъ. Они всѣ стояли. Дадешкиліанъ направо отъ двери, спиною къ камину, возлѣ него Изюмскій, а Гагаринъ ходилъ по кабинету во время чтенія. По мѣрѣ того, какъ оно близилось къ концу, лицо Константина становилось все мрачнѣе, глаза наливались кровью.

Наконецъ, чтеніе кончилось и сталъ говорить Гагаринъ.

— Вы видите, князь, что дѣло ваше послано къ государю; тамъ разрѣшится оно окончательно. Государь нашъ милостивъ и вамъ надо твердо быть увѣреннымъ, что онъ васъ не оставитъ. Покуда же не получится отвѣта изъ Петербурга, намѣстникъ нашелъ нужнымъ назначить вамъ резиденціею Эривань. Вы теперь туда и поѣдете.

Дадешкиліанъ слушалъ все это, понуря голову, и когда Гагаринъ кончилъ, онъ нескоро заговорилъ.

— Скажи князю,—началъ онъ, обращаясь къ Изюмскому:—что ослушиваться воли государя и намѣстника я и не думалъ; но прошу войдти въ мое тягостное положеніе, какъ могу я ѣхать въ Эривань, когда у меня дома все осталось брошеннымъ и не устроеннымъ. Наконецъ, семьи своей я не видалъ уже три мѣсяца.

— Да, это все правда, но все, что вы ни поручите мнѣ, князь, относительно вашихъ распоряженій по домашнимъ вашимъ дѣламъ, будетъ въ точности исполнено. Я назначу для того надежное лицо, которое нарочно для этого поѣдетъ въ Сванетію.

— Нѣтъ-съ, тутъ нужно только мое личное присутствіе. Я никому не могу поручить своихъ дѣлъ и опять же повторяю, я такъ давно оторванъ отъ семьи... Отпустите меня домой, я все устрою и вернусь.

— Этого сдѣлать я не въ правѣ, а долженъ въ точности исполнить распоряженіе намѣстника. Отпустить васъ не могу и вы должны поѣхать въ Эривань; пишите оттуда князю Барятинскому, онъ, конечно, войдетъ въ ваше положеніе и придумаетъ наилучшій способъ, какъ вамъ помочь.

— Но я прошу васъ отпустить меня теперь же.

— Не могу-съ, и не могу-съ!

Гагаринъ сталъ ходить по кабинету и видимо волновался.

— Отпустите меня мѣсяца на три, тогда я все устрою и вернусь.

— Какъ-съ, на три мѣсяца!—Гагаринъ добродушно захохоталъ:—да я не въ правѣ отпустить васъ на три дня, на три часа. Вы сегодня же поѣдете.

Дадешкиліанъ понималъ всякое слово безъ помощи Изюмскаго и, когда Гагаринъ, сказавъ ему послѣднюю фразу, повернулся и пошелъ опять ходить, Изюмскій, увидавъ, что тотъ схватился рукою за кинжалъ, сказалъ Гагарину въ догонку пофранцузски: — «Берегитесь князь, онъ васъ убьетъ».

Гагаринъ до того былъ возбужденъ, что, вѣроятно, ничего не слышалъ, а Дадешкиліанъ опустилъ руку.

— Я призвалъ васъ,—началъ опять Гагаринъ:—чтобы передать вамъ волю намѣстника, которая должна быть тотчасъ же исполнена, и больше ничего не имѣю вамъ сказать. Вы сегодня же поѣдете въ Эривань.

Гагаринъ поклонился, давая тѣмъ понять, что аудіенція окончена.

Но Дадешкиліанъ не трогался.

— Скажи ему,—началъ онъ, обращаясь опять къ Изюмскому:—что у меня денегъ совсѣмъ нѣтъ.

Когда Изюмскій перевелъ это, Гагаринъ, уже немного успокоившійся, отвѣчалъ:

— Объ этомъ пусть не безпокоится князь, въ деньгахъ у него не будетъ недостатка, полковнику Бартоломею выдастся сумма нужная на всѣ его расходы. Онъ можетъ требовать, сколько ему нужно. Да, впрочемъ, я и самъ могу снабдить его деньгами...

Тутъ Гагаринъ повернулся, подошелъ къ своему бюро и сталъ вынимать пачку денегъ. Но въ это роковое мгновеніе Дадешкиліанъ выхватилъ свой страшный кинжалъ, налетѣлъ съ нимъ на Гагарина и нанесъ ему два удара — одинъ въ руку, а другой въ полость живота...

Съ этого момента домъ генералъ-губернаторскій обращается въ какую-то бойню; кромѣ Гагарина, въ немъ дѣлаются еще трое жертвами этого разсвирѣпѣвшаго до бѣшенства человѣка.

Переводчикъ Ардишвили получаетъ ударъ въ сердце, наносящій ему мгновенную смерть, Николай Петровичъ Ильинъ, израненный въ нѣсколькихъ мѣстахъ и съ обезображеннымъ лицомъ, вскорѣ испускаетъ духъ, поваръ Максимъ валяется раненый на террасѣ. Свидѣтели катастрофы спасаются бѣгствомъ. Тревога разносится мгновенно по городу, всѣ бѣгутъ въ домъ Гагарина; рота линейнаго баталіона прибѣгаетъ туда же. Губернаторъ Ивановъ, полиціймейстеръ, всѣ власти тутъ. Гагарина, выбѣжавшаго изъ кабинета на дворъ и упавшаго тамъ на землю, помѣщаютъ во флигелѣ. Доктора около него.

Но гдѣ же Дадешкиліанъ, его нигдѣ не находятъ; смятеніе не прекращается и вдругъ раздается крикъ изъ армянскаго переулка, сосѣдняго съ домомъ генералъ-губернатора: «онъ здѣсь, онъ здѣсь!». Бросается туда ротный командиръ съ своею ротою; оказывается, что Дадешкиліанъ въ домѣ Бакрадзе. Домъ окружаютъ, кричатъ ему, чтобы онъ вышелъ и сдался; но онъ баррикадировалъ дверь огромнымъ диваномъ, который не въ силахъ были сдвинуть потомъ нѣсколько человѣкъ, и, найдя въ комнатѣ у Бакрадзе ружье, зарядилъ его патронами, бывшими въ его чохѣ, сталъ отстрѣливаться и ранилъ еще троихъ. Губернаторъ Ивановъ приказываетъ тогда въ него стрѣлять и только съ перешибленною рукою его берутъ и волочатъ на гауптвахту.

Все это совершается быстрѣе, чѣмъ можно разсказать, и въ первую минуту никто не можетъ дать себѣ отчета въ случившемся. Городъ въ страшномъ волненіи.

Въ одно и то же время посланы были—Изюмскій въ Горди за княгиней Гагариной и нарочный въ Тифлисъ съ донесеніемъ. Телеграфа тогда еще не было.

Доктора нашли рану князя смертельною, и послѣ самыхъ мучительныхъ страданій онъ скончался 27-го октября, въ пятницу.

Талханъ Ардишвили и Николай Петровичъ Ильинъ погибли, вслѣдствіе беззавѣтной своей преданности къ Гагарину. Первый, услышавъ крикъ князя въ кабинетѣ, полетѣлъ изъ залы съ шапкою въ рукахъ на Дадешкиліани; но тотъ парировалъ наносимый ему ударъ и кинжаломъ, направленнымъ въ сердце, покончилъ съ Ардишвили. Ильинъ безоружный схватилъ Дадешкиліани сзади за руки и помоги ему кто нибудь въ это мгновеніе, того можно было бы обезоружить; но никто не помогъ... всѣ разбѣжались и попрятались. Дадешкеліану стоило большихъ усилій, чтобы вырваться изъ рукъ Ильина, и, когда онъ этого добился, сталъ безпощадно полосовать несчастную, безоружную жертву по лицу и куда попало. Поваръ Максимъ, бывшій крѣпостной князя, наскочилъ на Дадешкиліана, когда тотъ спускался съ террасы въ садъ: однимъ ударомъ въ плечо его повергъ тотъ на землю. Къ счастію, глубокая его рана оказалась не смертельною. Дадешкиліанъ подошелъ въ саду къ берегу

Ріона и былъ въ раздумьѣ: переходить, или не переходить черезъ него, но, не зная бродовъ, повернулъ налѣво и берегомъ вышелъ въ армянскую улицу. Тутъ и взяли его въ домѣ Бакрадзе.

Дня черезъ три послѣ событія, въ Кутаисъ прибылъ генералъ, князь Бектабеговъ, назначенный Барятинскимъ презусомъ полеваго суда, которому преданъ былъ Дадешкиліанъ.

Раненый въ лѣвую руку около плеча, Константинъ ужасно страдалъ, но болѣзненное его состояніе не останавливало судъ въ отправленіи его функцій. Подсудимый выбралъ себѣ защитникомъ управляющаго Мингреліею Н. П. Колюбакина, но по отсутствію того изъ Кутаиса, ему было отказано въ этомъ выборѣ, и тогда самъ судъ назначилъ защитникомъ губернатора, генерала Иванова. На судѣ Константинъ объяснилъ, что убилъ Гагарина въ минуту раздраженія и очень о томъ скорбитъ:—«Гагаринъ былъ хорошій человѣкъ, и онъ не сдѣлалъ бы ему никакого зла, если бы тотъ не вывелъ его изъ себя своею горячностію и настойчивостью при послѣднемъ свиданіи. Кричалъ на него, а онъ, какъ владѣтель, не привыкъ къ такой манерѣ обхожденія съ собой. Онъ намѣренъ былъ убить не его, а Услара и Бартоломея, людей вредныхъ, сбивавшихъ Гагарина съ толку, и очень сожалѣетъ, что ихъ не убилъ. Скорбитъ и молится за души убитыхъ имъ, Ардишвили и Ильина; но они нападали на него сами и, если бы онъ ихъ не одолѣлъ, убили бы его». Судъ приговорилъ Дадешкиліана къ разстрѣлянію и на другой же день приговоръ привели въ исполненіе.

Итакъ, вотъ сколько крови и жертвъ потребовалось для упраздненія незначительнаго сванетскаго владѣнія, о существованіи котораго весьма мало кто въ нашемъ обширномъ отечествѣ имѣлъ какія либо свѣдѣнія. Прискорбна была, во всѣхъ отношеніяхъ, утрата такой прекрасной личности, каковою былъ Гагаринъ; ввѣренный ему край многаго въ немъ лишился. Да нельзя не поскорбѣть и о самомъ Константинѣ Дадешкиліани, совершившемъ свое преступленіе въ минуту крайняго раздраженія, перешедшаго въ припадокъ бѣшенства; нельзя не припомнить, что съ отроческихъ лѣтъ вся жизнь его переполнена была событіями самаго мрачнаго характера. Поставленный посреди заклятыхъ между собою враговъ, двухъ крупныхъ сосѣдей, передъ которыми былъ не болѣе, какъ мелкопомѣстный владѣлецъ, онъ невольно былъ втянутъ въ перипетіи ихъ борьбы и интриги и игралъ самую пассивную роль, вынося на себѣ одни лишь оскорбленія и непріятности. Нѣтъ уже въ живыхъ ни Услара, ни Бартоломея, и хотя de mortuis aut bene, aut nihil, — справедливость требуетъ сказать, что во всей этой драмѣ главною причиною была ихъ безтактность, а въ особенности перваго изъ нихъ. Вліяніе его на Гагарина и излишняя страстность въ дѣйствіяхъ съ Дадешкиліаномъ, пристрастное и неправильное освѣщеніе всего дѣла, привели къ печальной развязкѣ. Къ несчастію, у

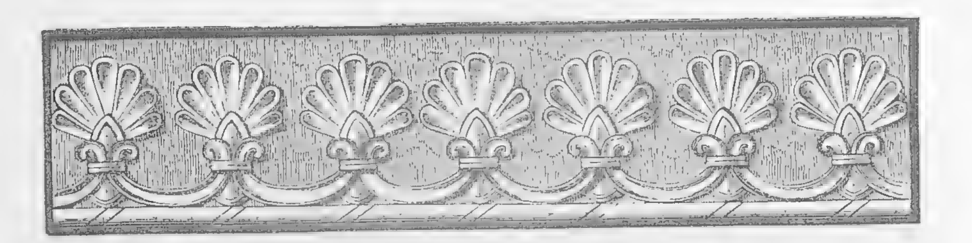
насъ никогда не справляются съ уроками прошлаго. Смерть генерала Лазарева отъ руки грузинской царицы Дарьи, смерть князя Циціанова отъ руки бакинскаго хана, были поучительными уроками въ томъ, что всякое развѣнчиваніе даже крошечныхъ царьковъ, если ведется безтактно, съ раздраженіемъ, — приводитъ къ трагическимъ эпизодамъ. Усларъ травилъ Дадешкиліана, ему вторилъ Бартоломей, а Гагаринъ, не замѣчая этого, думалъ, по своей гуманности, личнымъ своимъ воздѣйствіемъ на Дадешкиліана смягчать трудные для него моменты въ жизни и на самомъ дѣлѣ взялся за роль, ему не подходящую, исполнителя распоряженій намѣстника. Безъ всякихъ личныхъ свиданій Гагарина, комендантъ и полицій-мейстеръ могли бы выпроводить Дадешкиліана въ Эривань, тотъ, конечно, не погибъ бы самъ такъ ужасно, а дождавшись окончанія своего дѣла, проживалъ бы, быть можетъ, и до настоящаго времени, какъ теперь трое его братьевъ, гдѣ нибудь на югѣ, въ своемъ имѣніи.

Но какъ бы то ни было, съ упраздненіемъ одновременно двухъ автономій — мингрельской и сванетской — и съ введеніемъ русскаго управленія, сдѣланъ былъ шагъ впередъ. О первоначальной дѣятельности этого управленія въ Мингреліи мы стали говорить въ началѣ нашихъ воспоминаній; разсказъ нашъ прерванъ былъ эпизодомъ съ Гагаринымъ, и теперь, давъ о немъ отчетъ, мы снова возвращаемся къ прерванному разсказу.

К. Бороздинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕМЕЙСТВО СКАВРОНСКИХЪ [1].

(Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи).

X.

Сѣченый плетьми герой. — Прологъ карьеры графа М. К. Скавронскаго въ застѣнкѣ тайной канцеляріи. — Откровенная затрапезная бесѣда барина со слугами. — Холопскій доносъ. — Дѣло о «важной въ словахъ продерзости» и его послѣдствія для Скавронскаго.

АРТЫНУ Карловичу Скавронскому привелось дебютировать впервые на аренѣ исторической извѣстности въ крайне неавантажной и отчасти трагической роли. Исторія застаетъ его въ застѣнкѣ — на «розыскѣ» и подъ плетьми... Да, первый шагъ на пути къ извѣстности и къ увѣковѣченію своего имени заключался для нашего героя, будущаго генералъ-аншефа и оберъ-гофмейстера, въ томъ, что его, по всей формѣ, «нещадно» отстегали плетьми въ тайной канцеляріи!

Печальное происшествіе это случилось такимъ образомъ.

Было лѣто 1735 года, совпадавшаго съ разгаромъ Бироновщины, съ ея привязчивой подозрительностью, окрыленной ужаснымъ «словомъ и дѣломъ», суровыми преслѣдованіями и жестокостями. Надо полагать, что ревнивые охранители тогдашняго режима и династическихъ интересовъ царствовавшей императрицы Анны Ивановны,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XIX, стр. 536.

косо и недовѣрчиво поглядывая на Елисавету Петровну и другихъ представителей семейства Петра Великаго, съ неменьшей подозрительностью относились также и къ Скавронскимъ, видя въ нихъ, по ихъ близости и родству къ цесаревнѣ, если не явно опасныхъ, то во всякомъ случаѣ неблагонадежныхъ людей. Мы въ своемъ мѣстѣ замѣтили, что отъ такихъ подозрѣній и преслѣдованій Скавронскихъ ограждало ихъ смиреніе и ничтожество. Вліятельной роли временщиковъ они никогда не играли и всего менѣе въ первые годы своего возвышенія и фавора. Но, конечно, они должны были состоять «на замѣчаніи» у мнительныхъ сердцевѣдцовъ тайной канцеляріи бироновскихъ временъ уже по своему положенію и связямъ. Довольно было малѣйшаго, ничтожнаго повода, чтобы затаенное подозрѣніе перешло въ открытое преслѣдованіе. Поводъ такой вскорѣ представился.

Случилось какъ-то, въ описываемое время, Мартыну Карловичу, обѣдая у себя дома, подвыпить. Обѣдалъ онъ одинъ, окруженный лишь прислуживавшими ему крѣпостными лакеями. Эта затрапезная выпивка соло — весьма недурная черта для характеристики нравовъ. Мартынъ Карловичъ былъ тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ: ему едва исполнилось двадцать лѣтъ. Слѣдуетъ думать, что въ то время онъ еще сидѣлъ на школьной скамейкѣ въ шляхетскомъ корпусѣ; но въ данную минуту стояли лѣтніе каникулы, и молодой кадетъ пользовался свободой на полныхъ правахъ самостоятельнаго господина своихъ поступковъ и находившихся въ его распоряженіи земныхъ благъ. Очевидно, въ это время жилъ онъ въ Петербургѣ въ своемъ домѣ одинъ, безъ родныхъ.

Хмѣль развязываетъ языкъ. Желая поговорить, но, не находя подъ рукою равныхъ себѣ по положенію собесѣдниковъ, Мартынъ Карловичъ вступилъ въ задушевную бесѣду со своими слугами. Да нужно полагать, что въ то время баринъ въ немъ еще не вполнѣ акклиматизовался и плебейская натура, такъ недавно поставленная въ дворянское положеніе, тянула его инстинктивно къ холопской средѣ, къ общенію съ простолюдинами. Такъ или иначе, но графъ разговорился со своими «рабами» по душѣ. Было ихъ тутъ пять человѣкъ. Разговоръ зашелъ о домашнихъ, хозяйственныхъ дѣлахъ, именно «о полатномъ дѣлѣ», т. е. о постройкѣ или перестройкѣ барскихъ палатъ, и что у барина денегъ на это дѣло не хватаетъ. Съ этого и пошла пьяная, безсвязная болтовня, принятая впослѣдствіи тайной канцеляріей за преступныя, «непристойныя слова».

Думая да гадая, откуда бы денегъ достать, Мартынъ Карловичъ, увлекаемый пьяной фантазіей, размечтался на ребяческую тему, что всего бы легче де выйдти изъ затрудненія, кабы можно было царемъ стать: греби денегъ со всего царства сколько угодно, и тогда какое хочешь мудреное «полатное дѣло» можно бы въ мигъ объорудовать!

— Кабы де моя власть была, — сказалъ онъ: — я бы хотѣлъ вѣдать, сколько въ государствѣ денегъ имѣется?

— Хорошую-бъ ты изволилъ тогда прибыль сдѣлать! — неопредѣленно замѣтилъ одинъ изъ слугъ, Андрей Урядовъ.

— Сдѣлалъ бы я не себѣ одному, — продолжалъ мечтать Мартынъ Карловичъ: — вотъ нынче крестьяне-земледѣльцы оскудѣли, а между тѣмъ у посадскихъ мужиковъ и купцовъ денегъ много. Кабы я былъ императоромъ, то-бъ разослалъ тогда по всѣмъ городамъ указы, чтобъ у всякаго чина людей освидѣтельствовать и переписать, сколько у кого денегъ имѣется... И послѣ того, обобралъ бы деньги у богатыхъ, да нищимъ крестьянамъ роздалъ!

— Много бы за тебя богомольцовъ тогда стало! — похвалилъ опять барскую хмѣльную фантазію Андрей Урядовъ, съ предательскимъ умысломъ подзадоривъ графа на дальнѣйшую въ такомъ опасномъ родѣ болтовню.

Можетъ быть, это ему и удалось. По крайней мѣрѣ, онъ уличалъ потомъ Мартына Карловича въ такихъ еще «непристойныхъ словахъ»:

«Нынѣшніе де государи немного живутъ, — говорилъ будто бы Скавронскій: — надѣюсь и нынѣшней де государынѣ немного жить, а послѣ де ея, какъ буду я императоромъ, то де разошлю тогда по всѣмъ городамъ указы» и т. д.

Урядовъ впослѣдствіи, когда другіе свидѣтели не подтвердили произнесенія Скавронскимъ сейчасъ приведенныхъ словъ, показалъ, что самъ онъ «подлинно не упомнитъ», точно ли эти слова были сказаны. Но нельзя не замѣтить мимоходомъ, что, если даже приписанная Скавронскому фраза: «какъ я буду императоромъ» — была кляузная выдумка, то выдумка, не лишенная историческаго значенія. Значитъ, тогда бродило нѣчто смутной догадкой насчетъ возможности, будь самой отдаленной, притязаній со стороны родни Екатерины на русскій престолъ и даже осуществленія этихъ диковинныхъ притязаній (если бы они были), потому что «нынѣшніе де государи немного живутъ...» Урядовъ могъ налгать на Мартына Карловича, но ложь эту не изъ пальцевъ же своихъ онъ высосалъ; вѣроятно, на ней чесали тогда языки многіе и она могла сложиться независимо отъ дѣйствій и стремленій Скавронскихъ, на основаніи лишь дальновидныхъ соображеній объ ихъ родствѣ съ царствующимъ домомъ. Но объ этомъ мимоходомъ.

На несчастье Скавронскаго, Урядовъ былъ грамотный человѣкъ, искусившійся въ приказномъ ябедничествѣ. Внимательно выслушавъ пьяныя бредни барина, онъ, «спустя дней десять, для памяти себѣ написалъ ихъ на четверти листа, и ту записку» положилъ себѣ въ карманъ кафтана на всякій случай. Зналъ онъ и хорошо помнилъ «именной ея императорскаго величества указъ, состоявшійся въ 1730 году, что о такихъ важныхъ дѣлахъ велѣно доносить того-жъ дня или на другой и третій дни»...

Урядовъ, однако же, медлилъ съ доносомъ, якобы «съ простоты своей», какъ онъ потомъ оправдывался. Кажется, вначалѣ у него не было этого намѣренія, а заготовилъ онъ доносъ—такъ, на случай, если это окажется нужнымъ для него и полезнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Мартынъ Карловичъ былъ человѣкъ мягкій и добрый, по натурѣ. Несомнѣнно, что онъ, самъ еще недавно выйдя изъ низшей, простонародной среды, былъ милостивъ и ласковъ къ своимъ холопамъ, какъ это показываетъ уже вышеописанная сцена и какъ можно судить по поведенію его слугъ, привлеченныхъ свидѣтельствовать противъ него во время слѣдствія. Очевидно, и Урядовъ не имѣлъ побудительныхъ поводовъ дѣлать зло своему доброму барину, но случилось обстоятельство, заставившее его реализировать свой, заранѣе заготовленный, доносъ.

Товарищи Урядова нашли у него въ камзолѣ, за подкладкою, подозрительное зелье—нѣсколько небольшихъ кореньевъ и траву, облѣпленныхъ воскомъ. Одинъ изъ товарищей на этомъ основаніи состряпалъ «доношеніе» въ тайную канцелярію и Урядовъ очутился въ застѣнкѣ. Стали его, по правиламъ тогдашнихъ «розысковъ», пытать и, «съ подъему», онъ показалъ, что найденное у него сомнительное зелье (признанное аптекарской экспертизой безвреднымъ) далъ ему какой-то ямщикъ отъ лихорадки... Не смотря на всю нелѣпость и вздорность обвиненія, Урядова томили въ оковахъ и мучили пытками. Онъ не вытерпѣлъ и, думая, вѣроятно, избавиться отъ тюрьмы и выслужиться, заявилъ государево «слово и дѣло» на своего барина. Матеріаломъ для доноса послужилъ вышеприведенный затрапезный разговоръ Мартына Карловича съ его слугами, и отсюда возникло дѣло «о непристойныхъ словахъ», главнымъ же образомъ о томъ, что Скавронскій дерзнулъ, якобы, называть себя императоромъ. Взяли его, раба Божія, и четырехъ его слугъ, на которыхъ Урядовъ указалъ, какъ на свидѣтелей, въ тайную канцелярію.

На розыскѣ Мартынъ Карловичъ, отрицая обвиненіе, будто онъ назывался императоромъ, въ остальныхъ «непристойныхъ словахъ» чистосердечно повинился, причемъ показалъ, что «то де говорилъ онъ не съ какого умысла, но въ пьянствѣ, отъ простоты своей». Свидѣтели же слуги, вѣроятно, изъ преданности къ барину единодушно показали сначала, что «вышесказанныхъ непристойныхъ словъ помянутой Скавронскій имъ и другимъ никому при нихъ не говаривалъ» и они объ этомъ ни отъ кого не слыхали. Потомъ на очныхъ ставкахъ нѣкоторые изъ нихъ подтвердили, однако, сознаніе Мартына Карловича. Осталось только не доказаннымъ, что Скавронскій назывался императоромъ, да и самъ Урядовъ, наконецъ, отговорился «забвеніемъ», точно ли онъ слышалъ такое «непристойное слово».

Розыскъ обошелся для нашего героя довольно легко—безъ «при-

страстія». 1735 года, сентября 30-го, вышло и рѣшеніе по его дѣлу: «ея императорское величество (чрезъ А. И. Ушакова) соизволила указать: означенному графу Мартыну Скавронскому за происшедшую отъ него въ словахъ важную продерзость учинить наказанье — бить плетьми нещадно и по учиненіи того наказанія онаго Скавронскаго и содержащихся людей его, показанныхъ отъ Урядова во свидѣтельство, изъ тайной канцеляріи освободить»...

«По сему опредѣленію, — сказано далѣе въ дѣлѣ, — въ присутствіи его превосходительства (т. е. Ушакова), помянутому Скавронскому нещадное наказаніе плетьми учинено и освобожденъ».

Для того жестокаго времени такая развязка могла считаться, относительно, еще очень благополучной.

Не сдобровалъ и Урядовъ. «Слово и дѣло» дорого обходилось тогда не однимъ обвиняемымъ, но и обвинителямъ. По слѣдствію, въ доносѣ Урядова оказались на его бѣду «прибавочныя на онаго Скавронскаго важныя непристойныя слова», т. е. вымышленныя, а за это, по смыслу указа 15-го февраля 1733 года, слѣдовала смертная казнь. Казнить смертью Урядова, положимъ, не казнили, «понеже о нѣкоторыхъ словахъ онаго-жъ Скавронскаго извѣтъ его, Урядова, явился правой», но и не помиловали. Въ наказанье ему вмѣнили розыскъ и послали въ Сибирь на поселеніе, впрочемъ, съ предписаніемъ сибирскому губернатору «опредѣлить его тамъ въ службу, въ какую пристойно». Собственно и ссылка эта, быть можетъ, не состоялась бы, еслибъ тайная канцелярія не прониклась, сверхъ ожиданія, человѣколюбивыми соображеніями. Изъ ея опредѣленія узнаемъ, что Урядова она ссылала въ Сибирь на томъ основаніи, что отдать де его въ домъ Скавронскаго, «за вышеобъявленнымъ нѣкоторымъ его на того Скавронскаго показаніемъ, не можно», въ огражденіе, конечно, доносчика отъ барской мести. Такимъ образомъ, ссылкой тайная канцелярія оказывала Урядову какъ бы благодѣяніе и во всякомъ случаѣ освобождала его отъ крѣпостной зависимости.

Печальное дѣло это должно было тяжело отразиться и на душѣ молодаго графа и на его карьерѣ. О блестящей роли при дворѣ и въ петербургскомъ обществѣ, къ которой покойная императрица Екатерина подготовляла своихъ племянниковъ и о которой могъ мечтать, поэтому, Мартынъ Карловичъ, нечего было теперь и думать. Единственная и неизмѣнная покровительница семейства Скавронскихъ, цесаревна Елисавета Петровна, на которую можно было бы опереться въ невзгодахъ при иныхъ обстоятельствахъ, теперь не имѣла ни значенія, ни вліянія, и сама находилась въ довольно шаткомъ и трудномъ положеніи, подъ бременемъ питаемыхъ къ ней императрицею подозрѣній.

Что сталось съ Мартыномъ Карловичемъ, гдѣ и какъ онъ мыкался, послѣ стрясшейся надъ нимъ бѣды, въ остатокъ царствова-

нія Анны Ивановны, намъ неизвѣстно. Одинъ изъ его біографовъ говоритъ, что онъ началъ службу въ армейскихъ полкахъ, гдѣ и оставался до восшествія на престолъ Елисаветы Петровны. По всѣмъ вѣроятіямъ, это такъ и было, причемъ на службу въ армію онъ, безъ сомнѣнія, былъ зачисленъ свыше, помимо собственнаго выбора и желанія, какъ несомнѣнно и то, что послѣ окончанія его дѣла онъ не былъ оставленъ въ Петербургѣ, а откомандированъ въ какой нибудь, квартировавшій въ далекой провинціи, полкъ.

XI.

Имѣнія М. К. Скавронскаго и его жалобы на «недостаточество».—Вынужденная женитьба. — Раззорительная жизнь вельможъ при Елисаветѣ. — Оригинальная просьба Скавронскаго и его скромность. — Благотворительность Мартына Карловича и его попеченіе о своихъ крестьянахъ.

Періодъ наибольшаго процвѣтанія и обогащенія Скавронскихъ начинается въ дни Елисаветы Петровны, и особенно обильный потокъ милостей, отличій и имущественныхъ наградъ пролитъ былъ на графа Мартына Карловича, бывшаго тогда старшимъ представителемъ въ родѣ. Неизвѣстно, находился ли онъ въ Петербургѣ при воцареніи своей державной кузины и принималъ ли въ этомъ дѣлѣ какое нибудь участіе, но уже съ первыхъ дней ея царствованія мы находимъ его при дворѣ въ званіи камергера. Затѣмъ, въ 1744 году, когда ему было всего 27 лѣтъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и стоялъ на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Втеченіе царствованія Елисаветы онъ послѣдовательно былъ возведенъ на степени оберъ-гофмейстера, сенатора, генералъ-адъютанта и генералъ-аншефа, и получилъ ленту Бѣлаго Орла [1]). Петръ III наградилъ его орденомъ св. Андрея Первозваннаго, такъ что Екатеринѣ II, которой онъ содѣйствовалъ если не активно, то пассивно, произвести извѣстное «дѣйство», не осталось уже наградить его ничѣмъ такимъ, по части чиновъ и орденовъ, чего бы онъ не имѣлъ прежде.

Кромѣ того, Мартынъ Карловичъ получилъ разновременно въ наслѣдственную собственность огромныя населенныя имѣнія, помимо тѣхъ, которыя ему достались отъ отца и родныхъ, а также по

[1]) Сохранилось въ государственномъ архивѣ письмо Мартына Карловича къ Елисаветѣ, отъ 1754 г., въ которомъ онъ, благодаря за пожалованіе ему чина, добавляетъ: «равномѣрно чувствую матернюю вашего величества надъ собою милость и въ той отличности, которою его величество король польскій меня почтить изволилъ присылкою мнѣ своего ордена» (т. е. Бѣлаго Орла).

женѣ. Судить о размѣрѣ этихъ наградъ можно по слѣдующему факту. Въ 1757 году, графъ Воронцовъ сдѣлалъ «представленіе къ всемилостивѣйшей государынѣ о награжденіи и пожалованіи своихъ вѣрныхъ рабовъ», которыхъ онъ «безъ всякой парціальности и по совѣсти признавалъ быть достойными монаршаго ея призрѣнія». Въ спискѣ этихъ «вѣрныхъ рабовъ» значится и М. К. Скавронскій, которому, кромѣ награжденія званіемъ генералъ-адъютанта, жаловались, по «представленію» Воронцова, деревни, въ размѣрѣ отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ душъ. Сказать мимоходомъ, въ числѣ имѣній Мартына Карловича находилась знаменитая, богатая и многолюдная Кимра, бывшая прежде стариннымъ достояніемъ князей Ромодановскихъ. Дочь послѣдняго князя Ромодановскаго, Екатерина Ивановна, принесла ее въ приданое графу Головкину, при выходѣ за него замужъ. У Головкина Кимра была конфискована и впослѣдствіи пожалована Мартыну Карловичу.

Не смотря, однако, на значительность своего состоянія, Скавронскій, по примѣру всѣхъ почти вельможъ того времени, очень часто нуждался въ деньгахъ и былъ обремененъ долгами, благодаря роскошной, расточительной жизни. Нужно, однако, отдать ему честь, онъ не слѣдовалъ другому заразительному примѣру тогдашнихъ вельможъ — выклянчивать, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, щедрыя подачки изъ государевой руки. По крайней мѣрѣ, нѣтъ на это фактическихъ указаній, а напротивъ имѣются данныя, свидѣтельствующія о скромности и непритязательности по этому пункту Мартына Карловича. Единственный только разъ, на сколько извѣстно, онъ обращался къ государынѣ съ просьбой о пожалованіи ему отъ «высокомонаршей щедроты» чего нибудь; но и въ этомъ случаѣ онъ, всетаки, основывалъ свое ходатайство на нѣкоторомъ правѣ. Дѣло было такъ.

Въ 1750-хъ годахъ, Мартынъ Карловичъ «имѣлъ счастіе,—какъ онъ самъ пишетъ,—быть пожалованнымъ утвержденіемъ за нимъ въ вѣчное потомственное владѣніе деревень», дарованныхъ Скавронскимъ императрицею Екатериною. Пользуясь этимъ утвержденіемъ, Мартынъ Карловичъ вспомнилъ, что еще при Петрѣ II состоялся указъ, которымъ повелѣвалось, въ виду «обѣщанія» императрицы Екатерины пожаловать Скавронскимъ «для житья Крейцовъ дворъ» (т. е. домъ Крюйса), — «выдать за оный изъ казны парусснаго полотна четыре тысячи кусковъ, по цѣнѣ по чему въ казну становятся». Надо полагать, что повелѣніе это почему-то не было исполнено, и вслѣдствіе этого въ 1753 году Мартынъ Каловичъ обратился къ императрицѣ съ просьбой.

«Хотя мы всѣ,— писалъ онъ, разумѣя, конечно, все семейство Скавронскихъ, — высочайшею вашего императорскаго величества милостію взысканы и пожалованы, но пріемлю столько дерзновенія о томъ всеподданнѣйше донести и просить, что за оный (т. е.

за помянутый домъ) изъ высокомонаршей щедроты чѣмъ нибудь былъ пожалованъ» [1]).

Доказательствомъ же скромности и неискательства Мартына Карловича можетъ служить слѣдующій любопытный, нигдѣ еще не опубликованный, документъ. Это—письмо его къ императрицѣ Елисаветѣ, относящееся къ 1756 г. и проливающее свѣтъ на нѣкоторыя бытовыя и семейныя обстоятельства въ жизни нашего героя, не лишенныя общаго значенія въ исторіи нравовъ того времени.

Графъ Скавронскій—бонвиванъ, наклонный къ распутству, по обвиненію князя Щербатова,—женился немолодымъ уже, именно на сороковомъ году жизни, и притомъ безъ особенной къ тому личной охоты, а, главнымъ образомъ, по настойчивому требованію императрицы, очевидно не желавшей, изъ родственной заботы, видѣть своего кузена старымъ, безсемейнымъ и безпутнымъ холостякомъ. Притомъ же могли быть тутъ требованія фамильныя, такъ какъ Мартынъ Карловичъ былъ единственнымъ представителемъ, въ мужскомъ колѣнѣ, рода Скавронскихъ и, слѣдовательно, въ интересѣ рода было желательно, чтобы онъ оставилъ по себѣ потомство.

Любопытно, что Мартынъ Карловичъ избѣгалъ женитьбы по той причинѣ, что считалъ себя недостаточно состоятельнымъ матеріально для приличной жизни семейнымъ домомъ. По крайней мѣрѣ, такъ представлялъ онъ самъ свое положеніе, быть можетъ, умалчивая о другихъ еще холостецки-безпутныхъ, скабрезныхъ причинахъ своего предъубѣжденія къ законнымъ узамъ Гименея.

«Ваше императорское величество,—писалъ онъ уже послѣ женитьбы,—неоднократно мнѣ повелѣвали, чтобы я, какъ послѣдній въ родѣ своемъ, для фамиліи неотмѣнно женился, что многажды почти и съ гнѣвомъ подтверждать изволили. Оной вашего величества гнѣвъ столь чувствителенъ мнѣ былъ, что я, не смотря на доходъ свой, которымъ женатому мнѣ во всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ по пристойности себя содержать невозможно безъ прибавки всякой годъ нѣкотораго числа долгу, а только, желая одну высочайшую волю вашу исполнить, женился, въ той надеждѣ, что высокомонаршею милостію и вспоможеніемъ оставленъ не буду. А что и прежде жениться намѣренія не имѣлъ, Богомъ свидѣтельствуюсь, всемилостивѣйшая государыня, не для какого онаго пристрастія, какъ только по чину и фамиліи моей совершенному недостаточеству и предвидя, что женатому безъ долгу прожить невозможно будетъ, хотѣлъ вовсе не жениться».

Безъ сомнѣнія, Скавронскій въ этомъ случаѣ выражалъ ходячія въ то время въ верхушкахъ петербургскаго общества воззрѣ-

[1]) Гос. Арх. XI, 363. (Изъ портфеля редакціи «Историческаго Вѣстника»).

нія на требованія открытой свѣтской жизни, которымъ онъ и подчинялся рабски, не желая выходить изъ общаго шаблона и ритуала придворной знати. Въ какой же степени эти требованія были тогда безграничны и какъ велика была роскошь и расточительность, если одинъ изъ богатѣйшихъ, сравнительно, вельможъ считалъ себя несостоятельнымъ, чуть не бѣднякомъ, которому не по средствамъ было жениться и содержать семью! Наше удивленіе будетъ тѣмъ большее, когда мы узнаемъ, что эти жалобы Мартынъ Карловичъ высказывалъ уже послѣ того, какъ женился на одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ того времени среди русской знати.

Женился онъ въ 1754 году на баронессѣ Маріи Николаевнѣ Строгановой, вѣроятно, по указанію и съ одобренія самой императрицы, придавшей этому событію торжественность придворнаго празднества. Обрученіе молодыхъ было совершено въ Москвѣ, въ 1753 году, и имъ ознаменовалось новоселье Елисаветы Петровны во вновь отстроенномъ, послѣ пожара, Головинскомъ дворцѣ.

«10-го декабря,—записалъ Нащокинъ,—ея императорское величество изволила въ новопостроенный дворецъ перейдти при пальбѣ изъ пушекъ, причемъ всѣ знатные были»... «И того же дня въ вечеру, по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію, при дворѣ сговоръ былъ: камергеръ и кавалеръ графъ Скавронской съ дочерью штатскаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера, барона Николая Григорьевича Строганова, контессою (?) Марьею Николаевною обручался».

Послѣ новаго года была совершена свадьба, чрезъ которую Мартынъ Карловичъ роднился съ одною изъ богатѣйшихъ русскихъ фамилій. Какое именно приданое принесла ему баронесса Строганова—неизвѣстно, но, безъ сомнѣнія, оно должно было быть очень значительное, судя по тому, что у отца молодой находилось тогда во владѣніи болѣе 40,000 крестьянъ, не считая другихъ доходныхъ статей. Не смотря, однако-жъ, на такую, казалось бы, выгодную женитьбу, Скавронскій, спустя два года, какъ мы видѣли, жаловался уже на свое «недостаточество» и на невозможность содержать, сообразно «чину и фамиліи», свой домъ на семейномъ положеніи.

«Какъ тогда себѣ представлялъ,—продолжаетъ онъ цитируемое письмо, приводя объясненіе своего предубѣжденія къ женитьбѣ,—то дѣйствительно оное и сбылось, ибо послѣ женитьбы моей, заводясь всѣмъ нужнымъ, ужъ до 20,000 рублей долгу нажилъ, къ чему и всякой годъ оной прибавляться имѣетъ, оттого, что, моимъ доходомъ при дворѣ вашего величества, какъ бы ни старался съ крайнимъ воздержаніемъ жить и долгъ оплачивать, оной недостаточенъ. Къ тому же, всемилостивѣйшая государыня, домъ мой здѣсь (въ Петербургѣ), въ которомъ живу, не только ветхъ, но и такъ тѣсенъ сталъ, что дѣтямъ жить негдѣ».

По первому впечатлѣнію, въ этихъ жалобахъ звучитъ не то сѣтованіе, не то упрекъ, рядомъ съ затаеннымъ стремленіемъ къ униженному вымогательству всемилостивѣйшей подачки на бѣдность. Съ своей точки зрѣнія, Сковронскій могъ и считалъ себя въ правѣ чувствовать нѣкоторое недовольство императрицей послѣ того, какъ она, противъ его воли, заставила его жениться, не оправдавъ ожиданія молодаго, что онъ при этомъ «высокомонаршею милостію вспоможеніемъ оставленъ не будетъ». Безъ сомнѣнія, онъ былъ не прочь получить такое «вспоможеніе»; но въ данномъ случаѣ онъ просилъ не о немъ, выказавъ истинно гражданское смиреніе и совѣстливость.

«Не имѣя толикихъ достоинствъ,—пишетъ онъ далѣе,—и счастія сего, чтобы какія заслуги оказалъ когда вашему величеству, для которыхъ бы просить могъ какого награжденія, а болѣе еще—не по достоинству моему высочайшею милостію взысканъ, то, по необходимости нынѣшняго моего состоянія, принужденъ противъ воли своей всеподданнѣйше вашему императорскому величеству бить челомъ о увольненіи меня, нижайшаго, съ женою и дѣтьми, въ Москву на три года, чтобы могъ въ оное время какую деревню продать и означенный долгъ заплатить, а при томъ и житье свое такимъ образомъ уставить, чтобы впредь въ такой долгъ не впасть и, презирая оный, не прійдти въ неоплатный и тогда бы болѣе о всемилостивѣйшемъ избавленіи отъ онаго не утруждать ваше императорское величество, по природному великодушію и по матернему высокомонаршему милосердію. Сіи мои худыя обстоятельствы во всемилостивѣйшее разсужденіе принять и для упомянутыхъ моихъ необходимыхъ нуждъ всемилостивѣйше меня отпустить всенижайше прошу» [1]).

Есть основанія полагать, что Скавронскому не пришлось для поправленія своихъ «худыхъ обстоятельствъ» удаляться отъ двора въ Москву, которая, какъ оказывается, служила тогда для раззоряющихся петербургскихъ вельможъ чѣмъ-то въ родѣ спасительнаго убѣжища, гдѣ можно было жить болѣе экономно, не дѣлая долговъ. Вспомнимъ, что и Воронцовы точно также собирались въ Москву спасаться отъ окончательнаго раззоренія, вслѣдствіе расточительной, не по средствамъ, жизни въ Петербургѣ при блестящемъ дворѣ, требовавшемъ чрезвычайныхъ издержекъ отъ всѣхъ, имѣвшихъ къ нему доступъ, вельможъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Елисавета оказала нужное «вспоможеніе» своему кузену, чтобы избавить его отъ долговъ. Самая просьба его объ отпускѣ въ Москву могла бы показаться не болѣе какъ искусно разсчитанной уловкой, съ цѣлью понудить императрицу

---

[1]) Государствен. Архивъ, XI, 363 (Изъ портфеля редакціи «Историческаго Вѣстника»).

выручить отъ своихъ щедротъ просителя изъ «худыхъ обстоятельствъ»; но это непохоже на Мартына Карловича. Сколько можно судить по сохранившимся біографическимъ даннымъ о его личности, онъ дѣйствительно былъ человѣкъ скромный, чуждый заносчивыхъ притязаній и честолюбивыхъ искательствъ, такъ что, высказанное имъ въ письмѣ къ государынѣ, сознаніе своихъ малыхъ «достоинствъ» и отсутствія за собой «заслугъ» можно, кажется, считать вполнѣ искреннимъ. Въ самомъ дѣлѣ, не обладая никакими выдающимися способностями и не оказавъ никакихъ служебныхъ заслугъ, Мартынъ Карловичъ зналъ себѣ цѣну, зналъ, что онъ возвышенъ, благодаря единственно счастливой случайности, породнившей его съ царствующимъ домомъ, и эта черта дѣлаетъ его въ нашихъ глазахъ гораздо симпатичнѣе другихъ, однородныхъ съ нимъ, фаворитовъ и баловней фортуны того времени.

На симпатію Мартынъ Карловичъ имѣетъ и нѣкоторое положительное право за добронравіе и гуманность, которыми онъ весьма выгодно для себя выдѣляется изъ толпы заносчивыхъ, безсердечныхъ себялюбцевъ, наполнявшихъ дворъ временъ Елисаветы и Екатерины II. Гельбигъ говоритъ, что онъ былъ «отличный человѣкъ и дѣлалъ много добра». «Наслѣдовавъ отъ родителя душевную доблесть (?), графъ Скавронскій,—говоритъ о немъ Бантышъ-Каменскій,—употреблялъ силу свою и достояніе на дѣла, угодныя Богу, полезныя человѣчеству». Разумѣется, доблесть, да еще унаслѣдованная отъ родителя, ничѣмъ никогда ея не заявившаго,—не болѣе здѣсь, какъ риторическій орнаментъ. Мартынъ Карловичъ никакой доблестью себя не ознаменовалъ и, по своему характеру и способностямъ, едва ли могъ ее проявить. Безпощадный князь Щербатовъ, говоря о родственникахъ Елисаветы Петровны по матери и въ томъ числѣ о Мартынѣ Карловичѣ, утверждаетъ, что всѣ они «генерально» были «люди глупые и распутные»... Это, быть можетъ, очень ужъ рѣзкій и крайній приговоръ; тѣмъ не менѣе, оспаривать нельзя недалекость и неспособность всѣхъ почти представителей рода Скавронскихъ, въ томъ числѣ и Мартына Карловича, который, однако же, на столько обладалъ здравымъ смысломъ, что не надмевался своимъ положеніемъ и былъ чуждъ самомнѣнія, столь свойственнаго обыкновенно глупцамъ. Вообще, въ немъ не было недостатка въ природномъ тактѣ и въ той благодушной, чуткой къ добру смышленности, которую можно назвать умомъ сердца и которая нерѣдко лучше и выше мозговаго, хотя бы и сильнаго, но дурно направленнаго ума.

Эта способность внушила Скавронскому даже нѣчто въ родѣ принципа—прекраснаго принципа человѣколюбія по отношенію къ крестьянамъ. «Что касается до людей и крестьянъ»,—писалъ онъ уже на одрѣ смерти,—то «главное мое было попеченіе содержать ихъ добропорядочно и не отягощать непомѣрною службою и побо-

рами»... Онъ дѣйствительно исповѣдывалъ это правило, не очень часто встрѣчавшееся въ нравственномъ катехизисѣ нашихъ баръ XVIII столѣтія, и даже завѣщалъ его, какъ увидимъ, своимъ наслѣдникамъ.

XII.

Фаворъ графа М. К. Скавронскаго. — Довѣріе къ нему императрицы Екатерины II. — Его служебная дѣятельность. — Его участіе въ коммиссіи для сочиненія проекта «Новаго Уложенія». — Послѣдніе дни и завѣщаніе. — Допросъ графини М. Н. Скавронской относительно завѣщанія мужа. — Потомство Мартына Карловича.

Мягкій и покладистый по характеру, чуждый честолюбивыхъ стремленій, при всемъ томъ, наученный смолоду горькимъ опытомъ въ житейской мудрости, Мартынъ Карловичъ умѣлъ ладить со всѣми и примѣняться ко всякимъ придворнымъ перемѣнамъ и переворотамъ. Такимъ образомъ, угоденъ онъ былъ Елисаветѣ и ея любимцамъ, а съ Шуваловымъ и Разумовскими состоялъ даже въ тѣсной дружбѣ; полюбился потомъ Петру III, наградившему его андреевской лентой, и какъ нельзя болѣе во время изловчился прислужиться Екатеринѣ II и снискать ея постоянную благосклонность. Все это свидѣтельствуетъ, что Скавронскій былъ не совсѣмъ «глупый» человѣкъ, какъ увѣряетъ князь Щербатовъ.

Въ моментъ іюньскаго переворота, Мартынъ Карловичъ очутился въ рядахъ сторонниковъ Екатерины и былъ въ числѣ первыхъ сановниковъ и сенаторовъ, принесшихъ ей вѣрноподданническую присягу. При этомъ государыня отличила его особымъ довѣріемъ, основаннымъ, надо полагать, на прежнемъ близкомъ знакомствѣ съ нимъ, а, быть можетъ, и на участіи графа въ самомъ заговорѣ.

Отправляясь въ петергофскій походъ противъ Петра Ѳедоровича, Екатерина послала сенату слѣдующій собственноручный указъ:

«Господа сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностью, подъ стражу: отечество, народъ и сына моего. Графамъ Скавронскому, Шереметеву, генералъ-аншефу Корфу и подполковнику Ушакову присутствовать съ войсками, и имъ, такъ какъ и дѣйствительному тайному совѣтнику Неплюеву, жить во дворцѣ при моемъ сынѣ».

Всѣ помянутыя лица были приведены къ присягѣ и объ ихъ назначеніи посланы указы. Если взять во вниманіе тогдашнія обстоятельства, то нельзя не видѣть въ выборѣ Екатерины, въ число охранителей престола и его наслѣдника, Мартына Карловича выраженіе особеннаго довѣрія къ послѣднему. Этимъ довѣріемъ и бла-

госклонностью императрицы онъ пользовался до конца жизни. Такъ, мы его встрѣчаемъ постоянно въ интимномъ обществѣ Екатерины; точно также, какъ свидѣтельствуетъ Порошинъ, былъ онъ частымъ и близкимъ гостемъ у наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. Но, за всѣмъ тѣмъ, самостоятельной и вліятельной роли Мартынъ Карловичъ никогда не игралъ. Засѣдая въ сенатѣ, онъ всегда шелъ за большинствомъ. Его имя мы находимъ, между прочимъ, въ числѣ подписей на памятномъ сенатскомъ журналѣ, отъ 8-го іюля 1762 года, о томъ, какъ сенатъ, послѣ «неотступнаго прошенія», убѣдилъ императрицу, «чтобъ она, сохраняя свое здравіе по любви къ Россійскому отечеству и для многихъ непріятныхъ слѣдствъ, изволила отложить свое намѣреніе шествовать въ Невскій монастырь къ погребенію усопшаго императора».

Немного позже, въ сентябрѣ 1762 года, Екатерина оказала новый знакъ благосклонности и довѣрія къ Скавронскому, повелѣвъ ему, вмѣстѣ съ другими избранными сенаторами, быть на ея коронаціи въ Москвѣ. Тогда же, при щедромъ награжденіи участниковъ переворота, не былъ забытъ Екатериною и Мартынъ Карловичъ.

Пользовался Скавронскій популярностью и въ обществѣ, какъ можно судить по тому, что въ 1767 году онъ находился въ числѣ выбранныхъ отъ общества депутатовъ въ знаменитой коммиссіи для сочиненія проекта «Новаго Уложенія». Избрали его дворяне Коломенскаго уѣзда, «находя въ его особѣ всѣ къ сему выбору предписанныя качества», какъ сказано въ данномъ ими ему наказѣ. Наказъ коломенскаго дворянства былъ, правда, не изъ числа замѣчательныхъ; выраженныя въ немъ вожделѣнія, которыя долженъ былъ проводить и отстаивать Скавронскій, не отличались особеннымъ либерализмомъ и носили отпечатокъ узкой сословности и эгоистической тенденціозности въ интересѣ лишь огражденія и пріумноженія помѣщичьихъ «прибытковъ». По отношенію къ крестьянамъ коломенскій наказъ требовалъ лишь единственной льготы, а именно удешевленія цѣны на соль, что̀, разумѣется, было бы выгодно и для самихъ помѣщиковъ. Оригинальнаго въ этомъ наказѣ было, во-первыхъ, требованіе предоставленія права дворянству смѣнять мѣстныхъ воеводъ и, во-вторыхъ, желаніе, чтобы въ канцеляріи были назначаемы за секретарей канцеляристы, а не оберъ-офицеры, «ибо тогда воевода,—мотивируетъ наказъ данное требованіе,—можетъ таковаго, не имѣющаго офицерскаго ранга, за его по дѣламъ лѣность и неисправность, штрафовать палкою и сажать въ желѣза»... Въ этой, столь не соотвѣтствовавшей либеральному духу тогдашнихъ екатерининскихъ предначертаній, возможности прибѣгать къ палкѣ и желѣзамъ, наивные составители коломенскаго наказа, въ томъ числѣ, вѣроятно, и самъ Скавронскій, видѣли радикальную мѣру къ устраненію «мѣшкательства и остановки» въ дѣлахъ.

Засѣдая въ коммиссіи, Мартынъ Карловичъ не игралъ сколько нибудь выдающейся роли и даже ни разу не выступалъ въ качествѣ оратора. Его, правда, выбирали въ нѣкоторыя частныя коммиссіи по разработкѣ частныхъ вопросовъ «Уложенія», но дѣлалъ ли онъ въ нихъ что нибудь—невѣдомо. Скорѣе нужно думать, что онъ, какъ и въ общей коммиссіи, «засѣдалъ» совершенно инертно, для счета только, примыкая къ разряду безгласныхъ и бездѣятельныхъ членовъ, не имѣвшихъ своего царя въ головѣ и ограничивавшихся лишь поддакиваніемъ мнѣніямъ большинства. Видно, что самыя занятія въ частныхъ коммиссіяхъ тяготили его и были ему не подъ силу, судя по тому, что онъ воспользовался правомъ выбирать помощника, каковаго и выбралъ себѣ дѣйствительно въ лицѣ чернскаго депутата И. Иванова, засѣдая въ коммиссіи «о предостереженіи противорѣчія между воинскими и гражданскими законами».

Такимъ образомъ, изъ участія графа Скавронскаго въ этомъ замѣчательнѣйшемъ учрежденіи, гдѣ люди имѣли возможность высказываться свободно, мы не можемъ составить никакого представленія о его гражданскихъ и политическихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, если только они у него имѣлись, что весьма сомнительно. Участіе это было совершенно пассивное и машинальное. По обыкновенію людей дюжинныхъ, безсодержательныхъ и смирныхъ, а при всемъ томъ и опасливыхъ, Мартынъ Карловичъ предпочиталъ воздерживаться даже отъ поддакиванья чужимъ мнѣніямъ, если его къ тому не вынуждала необходимость. Сколько до сихъ поръ извѣстно, во все время засѣданія коммиссіи онъ только два раза подписался подъ чужими мнѣніями, высказанными въ пользу дворянскихъ привиллегій.

Блѣдный портретъ нашъ этой крайне блѣдной, безцвѣтной личности нѣсколько дополнитъ и иллюстрируетъ для читателя знакомство съ нижеприводимымъ интереснымъ документомъ. Документъ этотъ—духовное завѣщаніе Скавронскаго, послужившее, послѣ его смерти, предметомъ сомнѣнія и разслѣдованія; но, кажется, подлинность его безспорная.

Послѣ обычнаго вступленія, завѣщатель говоритъ: «будучи одержимъ болѣзнію, отъ которой, можетъ быть, воспослѣдуетъ и кончина маловременной жизни моей, того ради и, будучи еще въ цѣломъ моемъ умѣ и памяти, пишу сію мою духовную, въ томъ: 1) хотя я о наслѣдникахъ моихъ (которыхъ остается только двое, а именно — жена моя графиня Марья Николаевна и сынъ графъ Павелъ Скавронскій) никакого сумнѣнія не имѣю, чтобы они по смерти моей, получа движимое и недвижимое мое имѣніе въ полное свое владѣніе, не содержали по примѣру моего правленія, а особливо, что касается до людей и крестьянъ, о коихъ главное мое было попеченіе содержать ихъ добропорядочно и не отягощать непомѣрною службою и поборами, однако же, за нужное нахожу симъ

моимъ завѣщаніемъ о томъ подтвердить и постановить слѣдующее: и) всѣмъ моимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ владѣть и распоряжать женѣ моей, такъ какъ бы я самъ то дѣлать могъ, а сыну моему быть навсегда у нее въ должномъ послушаніи и не вольно ему до 30 лѣтъ возроста своего изъ недвижимаго моего имѣнія ничего продать и заложить безъ воли матери своей. 3) Когда пожелаетъ она выдѣлить свою указную часть, оную взять ей изъ недвижимаго имѣнія моего, гдѣ похочетъ. 4) На оплату долговъ покойной сестры графини Анны Карловны Воронцовой продать изъ недвижимаго ея, доставшагося мнѣ, имѣнія или изъ собственнаго моего, что она жена моя заблагоразсудитъ, токмо не болѣе, какъ сколько того долгу есть. 5) Если, паче чаянія, сынъ нашъ умретъ прежде жены моей, не оставя по себѣ жены и дѣтей, въ такомъ случаѣ, за уплатою вышеупомянутыхъ всѣхъ сестры моей долговъ и за выдѣломъ указной части женѣ моей, изъ достальнаго взнести въ императорскій воспитательный домъ 5 тысячъ рублевъ, а затѣмъ изъ оставшаго всего движимаго и недвижимаго имѣнія взять женѣ моей половину, что и гдѣ она похочетъ въ вѣчное и потомственное ея владѣніе, а другую половину оставить свойственникамъ моимъ на раздѣлъ, кому что по указамъ слѣдовать будетъ, ибо сіе недвижимое имѣніе мое частію покупное, а больше жалованное отцу моему отъ пресвѣтлѣйшихъ предковъ ея императорскаго величества, такъ какъ и предкамъ нынѣшнихъ моихъ свойственниковъ (рѣчь шла о Ефимовскихъ и Гендриковыхъ) особыя движимыя и недвижимыя имѣнія жалованы, отъ которыхъ я никакого наслѣдства не получилъ, слѣдовательно, и изъ моего оставшаго имѣнія вышеозначенной половины на раздѣлъ довольно, а если у сына моего останется только жена и, ей выдѣля также указную часть или что сынъ мой ей самъ назначитъ, съ достальнымъ поступить по вышеписанному. 6) Находящихся въ домѣ моемъ дворянскихъ дочерей—дѣвицъ выдать замужъ съ награжденіемъ ихъ движимаго моего имѣнія по разсмотрѣнію жены моей, ибо ей обстоятельства ихъ извѣстны, а которая въ замужество не пожелаетъ, — содержать попрежнему въ домѣ нашемъ. 7) Которыхъ дворовыхъ моихъ людей за отмѣнную ихъ мнѣ службу чѣмъ наградить и кого отпустить на волю, также что дать императорскаго воспитательнаго дома въ с.-петербургское отдѣленіе въ пользу его, тому особливый реестръ учиненъ и подписанъ рукою моею. 8) По оставленному покойной сестры моей, графини Анны Карловны, завѣщательному ко мнѣ письму о учиненіи людямъ ея награжденія, которымъ сполна еще не выдано, онымъ что доведется выдать. 9) О оставшихся по смерти упоминаемой сестры моей дѣлахъ, не оконченныхъ съ деверьями ее, генералъ-аншефомъ сенаторомъ и кавалеромъ графомъ Романомъ Ларіоновичемъ и генералъ-поручикомъ и кавалеромъ графомъ Иваномъ Ларіоновичемъ Воронцовыми, всегда я старался прекратить

ихъ миролюбно, но при жизни моей сего сдѣлать не удалось, стараться же женѣ моей и съ сыномъ окончить ихъ безъ тяжбы, а буде и они въ томъ не успѣютъ, то просить рѣшенія по законамъ. 10) Въ заключеніе сего, что оная духовная учинена по волѣ моей, подписую своеручно въ Славянкѣ іюня 25-го дня 1776 года».

Завѣщаніе это, представляя общій интересъ въ изученіи юридическаго быта русскаго общества прошлаго столѣтія, служитъ въ частности недурнымъ освѣщеніемъ личности нашего героя. Здѣсь онъ рисуется такимъ именно, какимъ изображаютъ его преданія, т. е. добрымъ человѣкомъ, но безъ всякой оригинальности и въ предѣлахъ золотой «умѣренности и аккуратности». Попечительный отецъ и любящій мужъ, онъ старается упрочить благосостояніе сына и жены, предусмотрѣвъ всякія случайности, которыя могли бы причинить имъ ущербъ, въ родѣ, напримѣръ, возможности растраты имѣнія со стороны сына въ пору ранней молодости, вслѣдствіе неопытности и увлеченій. Онъ и о «свойственникахъ» своихъ не забылъ, какъ не забылъ о судьбѣ какихъ-то дворянскихъ дѣвицъ-приживалокъ, завѣщавъ ихъ выдать замужъ. Всего же симпатичнѣе онъ, конечно, какъ добрый баринъ, пекущійся о томъ, чтобы его «люди и крестьяне» и послѣ его смерти не были отягощаемы поборами и службою, а, кромѣ того, чтобы вѣрные слуги его получили должное, по своимъ заслугамъ, награжденіе. Мягкій, уступчивый и миролюбивый характеръ Мартына Карловича сказался и въ послѣднемъ пунктѣ его завѣщанія, относительно тяжбы съ Воронцовыми, которую ему такъ хотѣлось бы кончить безъ суда полюбовно.

Завѣщаніе свое Скавронскій составилъ въ тяжкой болѣзни, чувствуя приближеніе кончины, которая и послѣдовала спустя нѣсколько дней, именно 28-го іюня. За два, за три дня до смерти онъ призвалъ жену и сказалъ ей:

— Я обо всемъ сдѣлалъ учрежденіе и ты, конечно, довольна будешь.

Потомъ, помолчавъ немного, добавилъ:

— Я все оное (т. е. завѣщаніе) нехудо подписалъ моею рукою—гораздо лучше, нежели покойный Семенъ Кирилловичъ (?), умирая, то могъ сдѣлать.

Однако-жъ, оказалось потомъ, что Мартынъ Карловичъ распорядился относительно формальной стороны своего завѣщанія не совсѣмъ хорошо. Оно послѣ его смерти было препровождено, по установленному тогда порядку, на высочайшее утвержденіе, при слѣдующемъ письмѣ покойнаго на имя императрицы:

«Всемилостивѣйшая государыня императрица!

«При послѣднихъ дняхъ моей жизни,—писалъ Скавронскій,—припадая къ освященнымъ стопамъ вашего императорскаго вели-

чества, всеподданнѣйше прошу не оставить жены моей съ сыномъ и приложенную при семъ духовную, которую писалъ я по желанію моему и по чистой совѣсти, на движимое и недвижимое мое имѣніе изъ высочайшаго вашего императорскаго величества матерняго милосердія утвердить во ее силѣ и тѣмъ всемилостивѣйше меня пожаловать». (Слѣдуетъ подпись).

Не смотря на эту просьбу покойнаго, съ утвержденіемъ его завѣщанія вышла остановка. Неожиданно возникли сомнѣнія на счетъ составленія завѣщанія и его подписи, и въ такой степени острыя, что вдову покойнаго подвергли дознанію, хотя и деликатному съ успокоительными оговорками, но во всякомъ случаѣ для нея крайне непріятному.

Неизвѣстно, кто и по какому поводу возбудилъ эти сомнѣнія, какъ осталось не поименованнымъ и то лицо, которое предлагало графинѣ Скавронской нижеприводимые вопросные пункты, сохранившіеся въ государственномъ архивѣ въ особой «запискѣ», помѣченной 4 іюля 1776 года.

«Вашему сіятельству, безъ сомнѣнія, извѣстно, — оговаривалось въ дознаніи графини, — что всѣ подаваемыя ея императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ прошенія не прежде могутъ ея императорскому величеству быть представлены, какъ по собраніи о каждомъ дѣлѣ всѣхъ окрестностей. По сей точно причинѣ поручено мнѣ съ вашимъ сіятельствомъ объясниться, по поданному прошенію и приложенной притомъ духовной покойнаго вашего супруга графа Мартына Карловича».

Далѣе слѣдуютъ вопросы, на которые графиня должна была дать объясненія.

Въ 1-мъ вопросѣ спрашивалось, почему духовная и письмо Скавронскаго, будучи написанными 25-го іюня, не были «тогда-же къ кому надлежитъ отправлены для поднесенія ея императорскому величеству?»

Графиня отвѣчала, что, «по совѣсти», она не знаетъ содержанія ни письма, ни завѣщанія, и затѣмъ разсказала извѣстную уже намъ, предсмертную мужа своего бесѣду съ нею на счетъ этого предмета.

2-й вопросъ указывалъ на несоблюденіе законной формальности. «Объявляемыя по смерти духовныя предписано законами, — говорится въ немъ, — подавать такія, которыя основаны точно на государственныхъ узаконеніяхъ и утверждены свидѣтелями, а какъ вышепомянутая духовная безъ всякаго свидѣтельства, то отъ чего сіе послѣдовало?»

Желая смягчить впечатлѣніе этого допроса, исполнитель его вторично добавляетъ, что «все сіе объясненіе потребно для того только, дабы всѣ происшествія сего дѣла, сообразя съ законами, достаточны были къ докладу ея величеству».

На 2-й вопросъ «отвѣтствовалъ» генералъ-маіоръ Строгановъ, который, по извѣстію «записки», находился при данномъ «разговорѣ».

«Для засвидѣтельствованія того прошенія, — показалъ Строгановъ, — желалъ покойный графъ увидѣть господина генерала Кашкина и духовника, за коими и было послано, но конецъ жизни его постигъ прежде, нежели они могли пріѣхать; ко мнѣ же приходилъ Вахтинъ и просилъ именемъ графа, чтобы я ту духовную засвидѣтельствовалъ, но я, какъ родной братъ его жены, отъ того отрекся; другихъ же свидѣтелей, за отдаленіемъ отъ города, и имѣть не можно».

Весь этотъ «разговоръ», надо полагать, произвелъ очень тяжелое впечатлѣніе на вдову-графиню, такъ что въ концѣ его она категорически заявила, что «если хоть малѣйшее въ рукѣ или въ волѣ мужа ея есть сомнѣніе, то она ничего не желаетъ и подвергаетъ себя во всемъ высочайшей ея императорскаго величества милости» [1]).

Это благородное и безкорыстное заявленіе было, конечно, очень краснорѣчивымъ доказательствомъ неосновательности возбужденныхъ сомнѣній относительно подлинности завѣщанія, и — слѣдуетъ думать — что послѣднее было признано безспорнымъ и графиню Скавронскую больше не безпокоили дознаніями. Кстати будетъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Графиня Марія Николаевна Скавронская родилась отъ барона Н. Г. Строганова и Прасковьи Ивановны, урожденной Бутурлиной. По выходѣ замужъ, она была пожалована, въ 1756 году, въ дѣйствительныя статсъ-дамы. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила въ 1797 году, въ день коронованія императора Павла; скончалась въ 1805 году, слѣдовательно, пережила мужа почти на тридцать лѣтъ; похоронена въ Невской лаврѣ, но надгробнаго памятника ея не осталось. У нея было трое дѣтей отъ Мартына Карловича, изъ коихъ только одинъ сынъ пережилъ отца. Первенцомъ ихъ была дочь — Елизавета, родившаяся 20-го апрѣля 1755 года и умершая въ отрочествѣ, въ 1767 году. Потомъ, въ 1757 году, у Скавронскихъ родился сынъ—Павелъ, а черезъ годъ—другой, Петръ. Послѣдній умеръ въ юности, прапорщикомъ Преображенскаго полка. Средній, Павелъ, былъ долговѣчнѣе и въ его лицѣ мы встрѣчаемъ единственнаго, оставившаго по себѣ память, представителя третьяго и послѣдняго поколѣнія рода Скавронскихъ съ момента ихъ возвышенія. Къ разсказу о немъ и перейдемъ сейчасъ же.

---

[1]) Государственный Арх., XI, 1063 (изъ портфеля «Историческаго Вѣстника»).

XIII.

Русскіе европейцы XVIII столѣтія. — Графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій и его итальяноманія. — Музыкальное баловство. — Дебютъ Скавронскаго въ Петербургѣ и его сватовство. — Гурьевъ. — Катенька Энгельгардтъ и ея нѣжный дядюшка. — Свадьба Скавронскаго. — «Пирра» въ домашней обстановкѣ. — Потомство Павла Мартыновича.

Графъ Павелъ Мартыновичъ, по воспитанію, по наклонностямъ и умственному складу, принадлежалъ къ той странной, конца XVIII столѣтія, генераціи русскихъ баръ-«европейцевъ», людей, большею частью, недалекихъ, которые разъучивались не только жить, думать и чувствовать порусски, но даже и говорить на родномъ языкѣ. Совершенно чуждые Россіи внутренно, сердцемъ, связанные съ нею лишь эгоистическими интересами карьеристовъ и рабовладѣльцевъ-помѣщиковъ, какъ поприщемъ для служебнаго возвышенія и наживы, съ одной стороны, и, съ другой, какъ золотымъ дномъ — источникомъ своихъ доходовъ, эти изысканные, элегантные, россійскіе маркизы всячески старались удаляться отъ презираемой ими «родины святой» и въ смыслѣ мѣстожительства. Большую часть жизни своей они проводили за границей, въ главныхъ центрахъ европейской цивилизаціи, и, смотря по тому, въ какую національную среду бросала ихъ судьба, быстро превращались духовно во французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, англичанъ, натурализируясь иногда окончательно и въ отношеніи юридическомъ. Впрочемъ, многіе изъ нихъ натурализировались такимъ же образомъ въ неисправимыхъ иноземцевъ, чаще всего французовъ распутно-салоннаго версальскаго типа, и въ предѣлахъ отечества, въ оранжерейно-свѣтской атмосферѣ петербугскаго бо-монда.

Къ такимъ просвѣщеннымъ выродкамъ принадлежалъ и графъ Павелъ Скавронскій, отчасти по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ. Его такъ воспитали; съ дѣтства его отвратили отъ родины, отъ ея народа и его языка, завезли въ прекрасную Италію и искусственно воспитали въ итальянскаго сеньора, который зналъ только, что гдѣ-то далеко на сѣверѣ, въ «варварской» Россіи, ему прикрѣплены тысячи вовсе не живописныхъ, грубыхъ «мужиковъ», обязанныхъ, силою божескихъ и человѣческихъ законовъ, въ потѣ лица доставлять ему обильныя средства для роскошнаго барскаго farniente подъ лазоревымъ неаполитанскимъ небомъ. Зналъ онъ также, что, на правахъ русскаго вельможи, да еще кузена императорской фамиліи, онъ можетъ искать, если не требовать, для себя у этой «варварской», однако-жъ, очень авторитетной въ Европѣ, Россіи чиновъ, почестей и отличій, которыми могъ бы онъ повеличаться передъ своими итальянскими земляками и ослѣпить ихъ.

Своимъ отчужденіемъ отъ Россіи и акклиматизаціей въ Италіи Скавронскій былъ обязанъ, главнымъ образомъ, своей матери. Она, какъ говоритъ ея племянникъ, князь И. М. Долгорукій, «всю жизнь свою провела въ чужихъ краяхъ, гдѣ и скончалась». Положимъ, не всю жизнь сполна, но почти всю вторую ея половину, особенно со смертью мужа. Жила она преимущественно въ Италіи вмѣстѣ съ сыномъ, гдѣ онъ окончилъ свое воспитаніе, пристрастился къ чудной родинѣ апельсиновъ и макаронъ, всего же болѣе — къ ея гармоническимъ мелодіямъ. «Былъ онъ великій чудакъ, — говоритъ о немъ Вигель, — никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какую-то ералашь, давалъ концерты...» Дѣйствительно, ни прежде, ни послѣ, міръ не видѣлъ болѣе страстнаго и неистоваго итальяномана въ музыкѣ, какимъ былъ Павелъ Мартыновичъ, но, можетъ быть, не видѣлъ и менѣе одареннаго музыкальными способностями!

Меломанія Скавронскаго носила характеръ какого-то барскаго самодурства и баловства; въ ней было много нелѣпаго, идіотическаго и въ то же время комическаго и шутовскаго. До безумія любя итальянскую музыку, онъ считалъ себя не только знатокомъ ея, но и композиторомъ, хотя не имѣлъ ни искорки творческаго таланта и вкуса. Только благодаря его безграничной тароватости, находились пѣвцы и музыканты, соглашавшіеся исполнять сочиненныя имъ безвкусныя пьесы, находились терпѣливые слушатели ихъ и цѣнители, безсовѣстно выхвалявшіе эти произведенія передъ авторомъ за вкусные обѣды и щедрыя подачки.

Вѣчно окруженный прихлебателями — артистами, пѣвцами и музыкантами, постоянно занимаясь музыкой, Скавронскій дошелъ, наконецъ, до такого сумасбродства: онъ приказалъ своей прислугѣ не иначе разговаривать съ нимъ, съ гостями и между собою, какъ речитативами, по нотамъ. Выѣздной лакей, приготовившись по партитурѣ, сочиненной его бариномъ, докладывалъ пріятнымъ альтомъ, что карета его сіятельства подана. Метръ-д'отель извѣщалъ господъ торжественнымъ напѣвомъ, что кушать готово. Кучеръ объяснялся съ графомъ густыми октавами basso profundo. Во время парадныхъ обѣдовъ и раутовъ, графскіе слуги составляли дуэты, квартеты и хоры, такъ что гостямъ казалось, будто они ѣдятъ и пьютъ въ оперной залѣ. Самъ его сіятельство отдавалъ приказанія слугамъ въ музыкальной формѣ, а гости, желая угодить ему, вели съ нимъ разговоры въ видѣ вокальныхъ импровизацій.

Скавронскій могъ позволять себѣ подобныя фантазіи, не стѣсняясь, потому что располагалъ огромнымъ богатствомъ. Домъ его представлялъ верхъ роскоши и былъ переполненъ всевозможными антиками и произведеніями новѣйшаго искусства, преимущественно итальянскаго, такъ какъ, кромѣ страсти къ музыкѣ,

Павелъ Мартыновичъ усвоилъ себѣ еще и антикварный диллетантизмъ. Онъ былъ разносторонній меценатъ, страстно преданный искусству, во всѣхъ его родахъ, но едва ли хоть въ одномъ какомъ нибудь родѣ знавшій толкъ. Таковы, впрочемъ, бывали почти всѣ наши меценаты того «златаго вѣка».

Въ началѣ 80-хъ годовъ, Скавронскій, будучи тогда еще очень молодымъ человѣкомъ, пріѣхалъ изъ Италіи въ Петербургъ показать себя столичному большому свѣту, завоевать расположеніе сильныхъ міра сего и составить блестящую карьеру, къ которой онъ считалъ себя свыше предназначеннымъ. Принятъ онъ былъ въ Петербургѣ весьма благосклонно. При дворѣ его обласкали, въ знатныхъ домахъ всюду настежъ раскрывали передъ нимъ двери, въ особенности тамъ, гдѣ имѣлись невѣсты. Молодой человѣкъ съ такимъ именемъ и титуломъ, съ такими связями и богатствомъ, а, при всемъ томъ, утонченно воспитанный на заграничный ладъ—почти иностранецъ, по манерамъ и привычкамъ, не могъ не считаться выгоднымъ женихомъ на вкусъ тогдашнихъ петербургскихъ барынь. Великосвѣтскія маменьки наперебой стали его завлекать и ловить, что̀ было, кажется, и неособенно трудно, потому что Павелъ Мартыновичъ, какъ и отецъ его, отличался, сколько можно заключить по нѣкоторымъ чертамъ, мягкимъ, податливымъ, хотя взбалмошнымъ характеромъ и тѣмъ страннымъ женоподобіемъ, которое весьма нерѣдко встрѣчалось въ нашихъ старинныхъ баричахъ жантильнаго и тепличнаго воспитанія.

Вскорѣ, однако, петербургскія знатныя маменьки и ихъ дочки-невѣсты должны были отказаться отъ матримоніальныхъ видовъ на юнаго Скавро̀нскаго: на него обратилъ благосклонное вниманіе, какъ на жениха, такой сватъ, съ которымъ соперничать и тягаться было не подъ силу. Сватомъ этимъ оказался «великолѣпный» князь Таврическій, нашедшій Скавронскаго вполнѣ подходящимъ женихомъ для одной изъ своихъ знаменитыхъ племянницъ. Могло бы встрѣтиться препятствіе для этого сватовства со стороны самого жениха, будь онъ болѣе независимаго и твердаго характера, болѣе закаленъ въ правилахъ строгой морали и менѣе наклоненъ къ слабодушному подхалимству передъ сильными. Добрая слава невѣсты была весьма припорченная ея скандалезной связью съ развратнымъ дядей, что̀ вовсе не составляло тайны въ петербургскомъ свѣтѣ, да съ подобными соблазнительными интрижками, при тогдашнихъ легкости и «поврежденіи нравовъ», наши Сарданапалы и Мессалины вовсе и не думали таиться, а, напротивъ, тщеславились даже ихъ пикантностью, обиліемъ и разнообразіемъ. Сами женщины, по свидѣтельству князя Щербатова, увлекаемыя примѣромъ двора и «любострастіемъ» вліятельныхъ фаворитовъ, «гордились и старались ихъ любовницами учиниться, и разрушенную уже приличную стыдливость при Петрѣ III... совсѣмъ погасили, тѣмъ наипаче,

что сей былъ способъ получить и милость государыни». Съ своей стороны, великосвѣтскіе женихи точно также, въ разсчетѣ на пріобрѣтеніе «милости» и составленіе хорошей карьеры, весьма снисходительно относились къ сомнительной репутаціи невѣстъ, протежируемыхъ всесильными дядюшками—Сарданапалами, и съ предупредительной готовностью сватали ихъ по первому благосклонному приглашенію.

Такимъ же покладистымъ женихомъ оказался и Скавронскій, быть можетъ, отчасти и потому, что онъ былъ неспособенъ, по своему кисельному характеру, на какой нибудь отпоръ внѣшнему давленію, да еще давленію такой властной, не терпѣвшей оппозиціи, руки, какая была у князя Потемкина. Не знать же скабрезнаго прошлаго своей невѣсты онъ, конечно, не могъ; но его просто «заманили и женили», какъ говоритъ близко знавшій его и его романъ князь И. М. Долгорукій.

Тотъ же современникъ такимъ образомъ очерчиваетъ положеніе невѣсты Скавронскаго, извѣстной Екатерины Васильевны Энгельгардтъ, и ея отношеній съ дядей:

«Ихъ было нѣсколько сестеръ (т. е. сестеръ Энгельгардтъ), всѣ лица безподобнаго, и во всѣхъ дядюшка изволилъ влюбляться. Влюбиться на языкѣ Потемкина значило наслаждаться плотью: любовныя его интриги оплачивались отъ казны милостью, отличіями и разными наградами, кои потомъ обольщали богатыхъ жениховъ и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрапа, прочную фортуну на всю жизнь. Дошла очередь до Катерины Васильевны; она всѣхъ сестеръ была пригожѣе. Во время ея интриги съ дядею, появился ко двору изъ чужихъ краевъ молодой и богатой графъ Скавронской... Онъ влюбился, и добрый дядюшка благословилъ счастливый бракъ».

Точно ли была здѣсь любовь со стороны Павла Мартыновича— сказать трудно. По увѣренію Вигеля, «онъ и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ», и «одинъ только Гурьевъ могъ этимъ дѣломъ поладить, и его стараніями бракъ сей состоялся», какъ того хотѣлъ князь Потемкинъ. Гурьевъ этой деликатной маклерской операціей составилъ себѣ карьеру, въ силу покровительства князя Потемкина, признательнаго за устройство брака его племянницы. Будущій министръ и графъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ такъ ловко и искусно, что съумѣлъ прислужиться обѣимъ сторонамъ. Угодивъ Потемкину и его племянницѣ, въ руку которымъ онъ, очевидно, больше всего и старался, Гурьевъ успѣлъ въ то же время не только обломать жениха и привести его къ вѣнцу, но еще снискать за это съ его стороны тароватую благодарность. По словамъ Вигеля, когда состоялась свадьба, Скавронскій подарилъ Гурьеву три тысячи душъ, «въ знакъ памяти и вѣрной дружбы». Дѣло въ томъ, что Гурьевъ состоялъ чѣмъ-то въ родѣ не то воспитателя, не то компаніона,

не то просто приживальца при Павлѣ Мартыновичѣ, которому «умѣлъ полюбиться и болѣе трехъ лѣтъ странствовалъ съ нимъ по Европѣ», съ нимъ же и въ Петербургъ пріѣхалъ.

Жениться на обольстительной красавицѣ, протежируемой вліятельнымъ временщикомъ, молодой графъ могъ согласиться тѣмъ скорѣе, игнорируя нѣкоторую помятость дѣвственнаго вѣнка невѣсты, что бракъ этотъ былъ пріятенъ императрицѣ и она ему покровительствовала. Екатерина Васильевна была фрейлиной, но наибольшее преимущество въ глазахъ императрицы давало ей то обстоятельство, что она была племянницей и фавориткой Потемкина, который находился тогда въ апогеѣ своей силы и безгранично эксплоатировалъ благосклонность къ нему государыни. Вотъ, напримѣръ, какимъ невѣроятно наглымъ и дерзкимъ образомъ доставилъ онъ нѣсколько позднѣе своей любимой племянницѣ званіе статсъ-дамы. Въ 1786 году, случилось Екатеринѣ Васильевнѣ, тогда уже графинѣ Скавронской, находиться въ спальнѣ своего дядюшки, во дворцѣ. Увидѣвъ на столикѣ орденскій портретъ императрицы, молоденькая графиня, шутя, взяла его, приколола себѣ на грудь и стала любоваться этимъ украшеніемъ передъ зеркаломъ.

— Катенька, — воскликнулъ Потемкинъ: — поди поблагодарить государыню: ты—статсъ-дама!

— Что вы со мною дѣлаете?—возразила Екатерина Васильевна, озадаченная и напуганная этимъ сюрпризомъ, а главное — способомъ дарованія.

— Я тебѣ приказываю!—рѣшительно сказалъ князь и, написавъ тутъ же записку, принудилъ племянницу идти съ нею къ императрицѣ, не снимая съ груди портрета.

Екатерина, узнавъ, въ чемъ дѣло, встрѣтила посланную съ большимъ неудовольствіемъ, которое не въ состояніи была даже скрыть, не взирая на все свое искусство владѣть собою. Тѣмъ не менѣе, не сказавъ ни слова, написала отвѣтъ Потемкину, и графиня Скавронская точно возвратилась въ аппартаментъ дядюшки новопожалованной статсъ-дамой—рангъ для ея возроста небывалый. Этотъ случай, однако, нисколько не охладилъ Екатерину къ молодой женщинѣ, которой она постоянно, со времени ея появленія при дворѣ по самую смерть свою, оказывала особенное благосклонное вниманіе, предпочтительно предъ остальными дѣвицами Энгельгардтъ. Въ устройствѣ самой свадьбы Катеньки императрица принимала дѣятельное и милостивое участіе. Катенькина свадьба произошла (10-го ноября 1781 года) почти одновременно со свадьбою ея старшей сестры Александры Васильевны, вышедшей замужъ за графа К. П. Браницкаго. Обѣ эти свадьбы были торжественно сыграны во дворцѣ, въ присутствіи императрицы и всей придворной знати. Изъ дворца молодые отправились къ себѣ. «На слѣдующій день графиня Скавронская,—какъ записалъ извѣстный Пикаръ,—ѣздила

благодарить императрицу, и ея величество пригласила ее вечеромъ въ Эрмитажъ, чего не удостоились не только придворныя дамы, но даже и дамы, имѣющія портреты». Милость императрицы къ Екатеринѣ Васильевнѣ поддерживалась, кромѣ покровительства Потемкина, еще ея дружбой съ другимъ фаворитомъ—Мамоновымъ, которому она, когда онъ еще не былъ въ силѣ, оказала немало услугъ и, между прочимъ, доставила ему мѣсто адъютанта при дядѣ. Князь Циціановъ увѣряетъ, что вышеописанное назначеніе графини Скавронской въ статсъ-дамы тоже произошло частію вслѣдствіе ходатайства Мамонова, старавшагося отблагодарить ей за сдѣланное ему прежде добро. Вообще Екатерина Васильевна, какъ и всѣ почти ея сестры, попеременно, одна за другой, украшавшія собой «ложе сатрапа»—дяди, прекрасно устроились. Милости лились на нихъ рѣкой, лились и богатства. Въ 1793 году, состоялся указъ, которымъ было пожаловано, «за заслуги генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго», племянницамъ его, графинѣ А. Браницкой и графинѣ К. Скавронской, въ юго-западныхъ губерніяхъ 8,414 душъ изъ конфискованныхъ польскихъ имѣній. Были и другія пожалованія.

Естественно, что вслѣдствіе такого блестящаго положенія, пользуясь благосклонностью императрицы и покровительствомъ всесильныхъ временщиковъ, Екатерина Васильевна имѣла всѣ данныя составить счастье своего мужа въ отношеніи матеріальномъ и служебномъ. Какъ увидимъ дальше, женитьба дѣйствительно открыла Скавронскому широкій и гладкій путь къ блестящей служебной карьерѣ, на сколько онъ былъ лично къ ней способенъ; но былъ ли онъ счастливъ съ Екатериной Васильевной, какъ мужъ и семьянинъ? Едва ли! Она была слишкомъ красива, слишкомъ избалована поклоненіемъ и куртизанствомъ и слишкомъ испорчена свѣтской суетностью, чтобы быть доброй женой и семьянкой. Эту черту графини Скавронской не безъ скабрезной ироніи воспѣлъ Державинъ въ стихотвореніи, ей посвященномъ по случаю втораго ея замужества, послѣ смерти Павла Мартыновича, за графа Литта. Поэтъ уподобилъ Екатерину Васильевну Пиррѣ и, обращаясь къ ней, послѣ восторженныхъ похвалъ ея красотѣ, между прочимъ, говоритъ:

«Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
Что вѣкъ тобой мнитъ наслаждаться:
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.
О, злополучна и несчастна
Безопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасна,
Свою, блистая, прелесть льешь?
Но если-бъ что меня касалось,

Тебѣ-ль, другой-ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья;
Но днесь въ знакъ моего спасенья
Виситъ ужъ опущенъ мой флагъ».

Дѣло въ томъ, что Екатерина Васильевна, будучи, по выраженію одного современника, «какъ ангелъ во плоти, хороша, молода и прекрасна», а по замѣчанію Сегюра, представляя собою живое воплощеніе Амура, кружила всѣмъ головы и, какъ увѣряетъ князь Циціановъ, не прочь была пококетничать; но, по натурѣ, была женщина холодная, вялая и лѣнивая. Мѣтко и живо охарактеризовала ее съ этой и съ иныхъ сторонъ извѣстная Виже-Лебренъ.

«Графиня Скавронская, — пишетъ наблюдательная француженка, — была добра и прелестна какъ ангелъ. Знаменитый дядя ея Потемкинъ осыпалъ ее богатствомъ, которымъ, впрочемъ, она не умѣла пользоваться; ея высшимъ блаженствомъ было лежать на диванѣ безъ корсета, закутавшись въ огромную черную шубу. Ея свекровь выписывала для нея изъ Парижа цѣлыми сундуками самые изысканные наряды, которые изготовляла тогда придворная модистка королевы Маріи Антуанетты, m-lle Bertin. Когда ея свекровь выражала желаніе видѣть на ней эти прелестныя платья, то молодая графиня лѣниво отвѣчала:

— «Да для чего, для кого и зачѣмъ?

«То же самое и мнѣ она отвѣчала, показывая рѣдкой цѣны ящикъ: въ немъ лежали груды брилліантовъ, которыхъ на ней никогда не было видно. Помню, она мнѣ говорила, что у ея постели ложилась крѣпостная дѣвушка, обязанностью которой было усыплять ее, разсказывая каждый вечеръ одну и ту же сказку. Днемъ графиня постоянно пребывала въ праздности; она была безъ всякаго образованія и вела самый безцвѣтный разговоръ, но, не смотря на это, обладала неоспоримою привлекательностью, благодаря своей прелестной наружности и ангельской кротости. Графъ Скавронскій былъ страстно влюбленъ въ свою жену»..

Если послѣднее было такъ на самомъ дѣлѣ, то, кажется, нельзя сказать, чтобы Екатерина Васильевна платила мужу равной взаимностью. По крайней мѣрѣ, достовѣрно то, что и по выходѣ замужъ она долго еще не прерывала интимныхъ сношеній съ сластолюбивымъ дядюшкой, въ отсутствіе мужа жила въ его чертогахъ, во дворцѣ, и попрежнему состояла, по выраженію князя Циціанова, «на положеніи любимой племянницы». Только уже незадолго до смерти дяди, графиня уѣхала къ мужу въ Неаполь, куда онъ былъ отправленъ въ качествѣ нашего посланника.

Въ бракѣ со Скавронскимъ Екатерина Васильевна родила двухъ дочерей—Екатерину и Марію, годы рожденія которыхъ неизвѣстны. Екатерина Павловна вышла замужъ за знаменитаго героя, князя

Багратіона, павшаго подъ Бородинымъ; затѣмъ она вторично вышла замужъ за лорда Гаудена. Отъ перваго брака дѣтей у нея не было. Марія Павловна тоже была дважды замужемъ: сперва за графомъ П. П. Паленомъ, съ которымъ развелась въ 1804 году, а затѣмъ за графомъ А. П. Ожаровскимъ. Дѣтей у нея было всего лишь одна дочь отъ графа Палена—Юлія Павловна, пережившая трехъ мужей одного за другимъ: графа Н. А. Самойлова (умеръ 1842 г.), француза—доктора Перри (умеръ 1846 г.) и графа Карла-де-Морне. Всѣ эти браки были бездѣтные, и со смертью Юліи Павловны пресѣкся послѣдній, даже отдаленный отпрыскъ рода Скавронскихъ въ прямомъ колѣнѣ.

Сама Екатерина Васильевна, вторично выйдя замужъ въ 1798 году за графа Литта, съ именемъ котораго связана исторія Мальтійскаго ордена въ Россіи, скончалась почти семидесятилѣтней старухой въ 1829 году. Императоръ Павелъ пожаловалъ ее въ кавалерственныя дамы большаго креста Іоанна Іерусалимскаго; въ 1809 году, она получила орденъ св. Екатерины І-го класса, а въ 1824 году почтена достоинствомъ гофмейстерины императорскаго двора.

XIV.

Служебная карьера графа Павла Скавронскаго.—Искательства и приношенія по адресу «благодѣтеля».—Назначеніе посломъ въ Неаполь и значеніе этого поста.—Размолвка Скавронскаго съ графомъ Разумовскимъ. — Материнское заступничество.—Дипломатическая дѣятельность Скавронскаго.—Заключительная оговорка.

«Графиня Екатерина Васильевна муженьку ленту выпросила»,—извѣщалъ князь Цицiановъ своего друга Зиновьева, отъ 25 сентября 1786 года. Фраза эта весьма характеристична по отношенію къ тому, какимъ путемъ графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій вообще служебную карьеру себѣ составлялъ. Въ сущности, все, что было ему дано,—дано было не столько для него и во вниманіе его заслугъ, сколько для его супруги и по ея протекціи, или, точнѣе сказать, изъ угожденія Потемкину. Князь И. М. Долгорукій въ своемъ «Словарѣ» прямо говоритъ, что «Скавронскаго ласкали при дворѣ для Потемкина выгодъ». Въ данномъ же случаѣ выгоды Потемкина заключались въ родственно-фаворитскомъ желаніи возвысить любимую племянницу, дать ей видное общественное положеніе черезъ мужа. Вѣроятно, въ началѣ попечительный дядя, для достиженія этой цѣли, встрѣчалъ большое затрудненіе въ личности самого графа Скавронскаго. Какой видный постъ, какое вліятельное служебное положеніе можно было дать молодому человѣку, за моремъ воспитанному, не знающему вовсе ни своего отечества,

ни его государственнаго устройства, нигдѣ и никогда не служившему и, при всемъ томъ, не блиставшему особенными талантами и способностями? Однако-жъ, исподоволь нашли для него подходящее почетное мѣсто. Фаворитизмъ по этой части очень изобрѣтателенъ!

Нашлась возможность утилизировать на государственную потребу ту единственную интеллектуальную опытность и ту отличительную способность, которыя имѣлись за графомъ Скавронскимъ. Онъ былъ, какъ мы знаемъ, страстный итальяноманъ, знавшій Италію, по личнымъ долговременнымъ наблюденіямъ, знавшій ея языкъ, ея литературу и искусство, передъ которыми съ диллетантскимъ раболѣпіемъ преклонялся. Всѣ эти знанія и опытъ графа были приняты во вниманіе при нашемъ дворѣ и положены на вѣсы въ вопросѣ составленія приличной для него карьеры. Конечно, музыкальная итальяноманія Павла Мартыновича, его знаніе итальянскаго языка и его многолѣтнее кочеванье по итальянскимъ гостинницамъ и палаццо еще не давали ручательства, чтобы онъ точно зналъ Италію, въ ея современномъ государственномъ и политическомъ отношеніяхъ, и чтобы, за всѣмъ тѣмъ, онъ былъ способенъ къ дипломатической дѣятельности; но, изъ побужденій фаворитизма, не стали очень строго относиться къ послѣднимъ требованіямъ, да, къ тому-жъ, для русской дипломатіи того времени Италія не представляла первостепенной важности, и никакихъ особенно тонкихъ, значительныхъ задачъ, требовавшихъ недюжиннаго ума и искусства, тамъ у нея тогда не имѣлось. Предшественникъ Скавронскаго на постѣ посланника въ Неаполѣ, умный и даровитый графъ А. К. Разумовскій, въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ, постоянно жаловался, что ему дѣлать нечего, и вся его дипломатическая миссія ограничивалась салонными знакомствами да будуарными интригами.

На этихъ-то основаніяхъ графъ Скавронскій былъ признанъ способнымъ занять постъ русскаго посланника при неаполитанскомъ кабинетѣ, и получилъ его. Быть можетъ, сверхъ другихъ соображеній, ему еще просто хотѣли сдѣлать любезность, доставивъ случай съ почетомъ возвратиться въ столь излюбленную имъ страну, wo die Zitrönen bluhen, по которой онъ не могъ не скучать въ сыромъ и холодномъ Петербургѣ, вредно вліявшемъ, къ тому-жъ, и на его слабое здоровье.

Безъ сомнѣнія, это назначеніе Скавронскаго состоялось по представленію и стараніемъ Потемкина, угождавшаго фавориткѣ-племянницѣ. Это хорошо понималъ и самъ Павелъ Мартыновичъ, постоянно называя Потемкина въ адресованныхъ ему письмахъ «своимъ благодѣтелемъ», а, чтобы благодѣтель не забывалъ о немъ,— прислуживался передъ нимъ разными сувенирами и благодарственными приношеніями, къ которымъ тогда не оставались равнодушными и самые сильнѣйшіе міра сего.

Когда уже состоялось назначеніе Скавронскаго посломъ въ Неаполь, онъ шлетъ князю Потемкину подарокъ за подаркомъ не только изъ благодарности, но и для заручки его покровительствомъ въ преодолѣніи кое-какихъ стоявшихъ впереди препятствій и недоброжелательствъ. Изъ письма Павла Мартыновича къ князю, отъ 20 іюня 1784 года, узнаемъ, что Булгаковъ и Воронцовъ отсовѣтовывали ему принимать мѣсто посла въ Неаполѣ и будто бы интриговали противъ него, хотя и невѣдомо какъ и для чего. Въ этомъ же письмѣ Скавронскій выказываетъ и свои дипломатическія способности, хотя совершенно бабьяго, мелочнаго свойства. Онъ сплетничаетъ на Воронцова, и въ такомъ духѣ, чтобы вооружить противъ него властолюбиваго и своенравнаго «благодѣтеля»—временщика. Онъ пишетъ, будто Воронцовъ сообщилъ ему, что князь Потемкинъ «теперь-де въ такой дружбѣ съ Безбородко, что чрезъ Безбородку даже посылаетъ доклады императрицѣ»... Понятно, что самое предположеніе такой «дружбы» наносило заносчивой гордости Потемкина острый уколъ.

Посплетничавъ и поковарствовавъ съ мелкодушіемъ плоскаго интригана, Павелъ Мартыновичъ спѣшитъ тутъ же прислужиться «благодѣтелю» приношеніями, «въ знакъ памяти». Питая притязанія на знатока и цѣнителя искусствъ, онъ и подарки выбираетъ въ этомъ же родѣ.

На первый случай посылаетъ античную колонну изъ краснаго порфира, вышиной около $2^1/_2$ аршинъ, съ желобками сверху донизу. «J'ose vous dire, prince,—присовокупляетъ онъ, при этомъ, стараясь выхвалить свой презентъ,—que hors de l'Italie je n'en connais de cannelée nulle part, et en Italie le palais de prince Borghese est le seule où j'en ai vue. J'ai mis dessus un buste de Minerve, qui n'est pas à lauréte digne d'être un ornament chez vous, mais n'en trouvant pas de meilleur pour le moment, la necessité m'a fait la loi» [1]).

Вслѣдъ за этимъ онъ посылаетъ Потемкину античное распятіе—камей, опять щеголяя въ письмѣ своими антикварными познаніями и нахваливая подарокъ. «Vous savez, mon prince,—пишетъ онъ,—que à cette epoque (V-e столѣтіе) l'Italie, infestée de nations barbars, n'avait plus d'artistes du premier mérite et cet ouvrage est un des mains imparfaits que j'aye vu du siècle au quel il appartient incontestablement, et la grandeur de la pierre n'est pas commune» [2]). Далѣе

---

[1]) Смѣю вамъ сказать, князь, что внѣ Италіи я не знаю ни одной подобной желобчатой колонны, да и въ Италіи, во дворцѣ князя Боргезе, имѣется только одна такая, гдѣ я ее видѣлъ. Я поставилъ сверху ея бюстъ Минервы, который не достоинъ служить у васъ украшеніемъ, но, не найдя лучшаго въ данную минуту, я вынужденъ былъ покориться необходимости.

[2]) Вы знаете, князь, что въ эту эпоху Италія, опустошенная варварскими народами, не имѣла болѣе первостепенныхъ художниковъ, и это произведеніе изъ тѣхъ, какія я видѣлъ, есть одно изъ наименѣе несовершенныхъ даннаго вѣка

идетъ рѣчь о происхожденіи рѣдкой драгоцѣнности и о томъ, какъ старался подноситель, не щадя средствъ, купить ее, чтобъ не упустить оказіи сдѣлать пріятный сюрпризъ «благодѣтелю».

Спустя немного времени, уже на пути въ Неаполь, Скавронскій послалъ Потемкину изъ Падуи 50 бутылокъ вина Piccolitto — «de la même espèce, — слѣдуетъ въ письмѣ неизбѣжная реклама, — que j'ai eu l'honneur de vous parter en Crimée l'année passé et qui m'a paru être de votre goût» [1])... Предупредительность графа на этомъ не кончается: онъ берется, въ случаѣ, если вино придется по вкусу свѣтлѣйшему «благодѣтелю», доставить ему такое его количество, какое онъ прикажетъ.

Такая искательная корреспонденція, сопровождаемая приношеніями, продолжалась со стороны Скавронскаго до самой кончины Потемкина. Въ послѣднемъ изъ цитируемыхъ здѣсь писемъ графъ выражалъ сожалѣніе по случаю болѣзни князя, которая чрезвычайно встревожила его супругу — графиню, порывавшуюся было ѣхать наспѣхъ въ Россію къ больному дядѣ, но ее удержало собственное нездоровье [2]).

Графъ Скавронскій былъ вторымъ по счету посланникомъ нашимъ въ Неаполѣ со времени учрежденія здѣсь этого дипломатическаго поста. Мысль завести постоянныя дипломатическія сношенія съ королевствомъ обѣихъ Сицилій возникла при Екатеринѣ, вслѣдствіе начавшихся тогда довольно частыхъ экспедицій нашего флота въ воды Средиземнаго моря. Чесменская побѣда показала, какую важность можетъ представлять на будущее время для русскаго флота гостепріимство въ превосходныхъ гаваняхъ Апенинскаго полуострова, въ особенности же въ водахъ Неаполитанскаго залива. Въ виду этого Екатерина поручила князю Д. М. Голицыну войдти въ сношенія съ испанскимъ дворомъ, въ династической зависимости отъ котораго находилось тогда Неаполитанское королевство, о взаимномъ между симъ послѣднимъ и Россіей «содержаніи на обѣ стороны характеризованныхъ особъ и о назначеніи оныхъ въ качествѣ полномочныхъ министровъ одновременно при обоихъ дворахъ».

Въ 1777 году, послѣдовало по этому предмету соглашеніе и съ нашей стороны получилъ назначеніе посланника въ Неаполь графъ А. К. Разумовскій. Въ какой, однако же, мѣрѣ не придавали этому посту большаго и виднаго значенія въ Петербургѣ, можно заключить изъ того, что графъ Разумовскій, тогда еще молодой и далеко

къ которому оно принадлежитъ безспорно, а величина самаго камня — необыкновенная.

[1]) Piccolitto — того самаго сорта, который я имѣлъ честь доставить вамъ въ Крымъ въ прошломъ году и который, мнѣ кажется, придется вамъ по вкусу.

[2]) Государственный Архивъ XI, 901. (Изъ портфеля редакціи «Историческаго Вѣстника»).

не заслуженный дипломатъ, попалъ на него прямо изъ-подъ опалы и вовсе еще не пріобрѣвъ утраченной передъ тѣмъ милости императрицы, относившейся къ нему холодно и недовѣрчиво. Вслѣдствіе этого возникло даже недоразумѣніе между неаполитанскимъ кабинетомъ и нашимъ. Неаполитанскій король Фердинандъ I выразилъ было неудовольствіе на то, что посланникомъ къ его двору назначаютъ человѣка опальнаго.

На содержаніе неаполитанскому представителю Россіи было назначено 13,000 рублей, въ томъ числѣ — 8,000 жалованья и 5,000 на путевые расходы. Это была, конечно, ничтожная сумма, сравнительно съ требованіями виднаго положенія «характеризованной особы», съ титуломъ министра.

Разумовскій, ловкій, красивый, элегантный и искусный дипломатъ, прекрасно устроился въ Неаполѣ, а въ особенности въ королевской семьѣ, завязавъ тѣсныя, сердечныя отношенія съ любезной и обворожительной королевой Каролиной-Маріей, сестрой злополучной Маріи-Антуанетты. Благодаря этому, между Россіей и Неаполемъ установились самыя дружественныя сношенія, такъ что впослѣдствіи возникъ было даже вопросъ о заключеніи родства между обоими дворами. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, положеніе Разумовскаго поколебалось въ мнѣніи петербургскаго кабинета. Распространились сплетни объ его политическихъ интригахъ, объ его легкомысленномъ поведеніи, и онъ былъ отозванъ изъ Неаполя въ 1784 году, не смотря на горячее, усиленное ходатайство Каролины-Маріи оставить при ней любимца-посла.

На мѣсто Разумовскаго былъ назначенъ Скавронскій, находившійся въ то время въ Римѣ. Естественно, что въ Неаполѣ ему не могли оказать радушнаго пріема, даже если-бъ онъ обладалъ достоинствами, равными съ тѣми, которыми Разумовскій плѣнилъ Каролину-Марію и заставилъ ее безутѣшно сожалѣть объ его отозванія. Но Павлу Мартыновичу тягаться въ этомъ отношеніи съ Разумовскимъ нечего было и думать. Ему предшествовала въ Неаполѣ довольно невыгодная репутація, вовсе не рекомендовавшая его дипломатическія способности. Были извѣстны его «des trais d'étourderie et de jeunesse, qui ont retenti dans toute l'Italie», какъ извѣщалъ вице-канцлера графъ Разумовскій, уступая свой постъ Павлу Мартыновичу. Безразсудство и молодость — плохой аттестатъ, конечно, для дипломата, и эти именно черты, съ прибавкой самодурства и заносчивости, не замедлилъ выказать Скавронскій на первыхъ же шагахъ своей миссіи въ Неаполѣ.

Прежде всего онъ довольно неделикатно обошелся со своимъ предшественникомъ и вооружилъ противъ себя и его, и королеву. Вслѣдствіе письма, посланнаго королевой Екатеринѣ, Разумовскій надѣялся еще, что его, быть можетъ, оставятъ, и въ ожиданіи отвѣта просилъ Скавронскаго помедлить пріѣзжать въ Неаполь; но

Павлу Мартыновичу не терпѣлось. Высокій постъ «полномочнаго министра» вскружилъ ему голову, и онъ торопился поскорѣе занять его и выказать свою высокую власть, свои дипломатическіе таланты. Не обративъ вниманія на просьбу Разумовскаго, Скавронскій поспѣшилъ въ Неаполь, явился въ посольство и сталъ требовать немедленной сдачи дѣлъ, не взирая на то, что самого Разумовскаго не было тогда въ городѣ. Между тѣмъ, Разумовскій, получивъ отъ вице-канцлера (Остермана) дозволеніе не отъѣзжать пока, съ своей стороны уперся и не хотѣлъ пускать на свой постъ нетерпѣливаго преемника. Скавронскій ничего не хотѣлъ слышать. Между дипломатами начались пререканія, разрѣшившіяся вовсе не дипломатической ссорой. Королева, не скрывая горя, горой стояла за своего фаворита и, вмѣстѣ съ королемъ, настойчиво требовала, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не передавалъ Скавронскому секретныхъ бумагъ, касавшихся сношеній неаполитанскаго двора съ Испаніей.

Павелъ Мартыновичъ выходилъ изъ себя и посылалъ въ Петербургъ жалобу за жалобой. Велъ онъ себя при этомъ весьма неумно и нетактично. Свидѣтель его пререканій съ Разумовскимъ, человѣкъ сторонній, отчасти даже родственникъ его, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, писалъ брату въ Петербургъ—«que le comte Skavronsky se conduit comme un extravagant et qu'il a très malhonnêtement agi envers le comte Rasoumovsky» (что графъ Скавронскій ведетъ себя, какъ безумецъ, и крайне неблагородно дѣйствуетъ противъ графа Разумовскаго).

Слѣдуетъ полагать, что, кромѣ личной взбалмошности и самодурства, опиравшагося на увѣренности въ покровительство Потемкина, поводомъ къ такому образу дѣйствій Павла Мартыновича служили отчасти подстрекательства находившейся при немъ матери. По увѣренію С. Р. Воронцова, графиня Марія Николаевна Скавронская въ описываемое время отличалась весьма строптивымъ, необузданнымъ характеромъ и непристойнымъ поведеніемъ, такъ что всюду, гдѣ ей приходилось быть, она оставляла по себѣ очень дурную репутацію [1]). Вотъ, между прочимъ, образчикъ ея властолюбивой безцеремонности, относящійся ко времени нашего разсказа. Проѣздомъ къ сыну въ Неаполь, она встрѣтила случайно въ Венеціи одного нашего посольскаго священника и настойчиво стала требовать отъ него, не имѣя на то никакихъ полномочій, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Неаполь къ сыну исправлять духовныя требы для душеспасенія послѣдняго. Священникъ сталъ

[1]) Connaissant le caractère violent et la conduite indécente de cette femme (т. е. М. Н. Скавронской), qui a laissé une trés mauvaise réputation partout, où elle a passé... (Письма графа С. Р. Воронцова къ его брату Александру, «Архивъ князя Воронцова», кн. IX, 17).

отговариваться, что онъ не воленъ собой распоряжаться и что безъ назначенія свыше, изъ Петербурга, ѣхать въ Неаполь онъ не имѣетъ права. Скавронская заставила его писать въ Петербургъ о требуемомъ ею назначеніи; но священникъ, вмѣсто ходатайства въ этомъ смыслѣ, сталъ умолять петербургскія власти, чтобы онѣ избавили его отъ несчастья быть подчиненнымъ сумасбродному вельможѣ и его бѣшеной маменькѣ.

Вообще видно, что Марья Николаевна принимала очень близко къ сердцу судьбу сына и его служебное положеніе. Это свидѣтельствуетъ, между прочимъ, находящееся у насъ въ рукахъ характерное письмо ея къ князю Потемкину, писанное въ моментъ распри Павла Мартыновича съ графомъ Разумовскимъ. Приводимъ его здѣсь цѣликомъ. Писано оно было (конечно, съ вѣдома сына) отъ 7 сентября (по нов. ст.) 1784 г. изъ «Фонтана Фреда».

«Милостивый государь мой, князь Григорій Александровичъ!

«Простите мнѣ, что я осмѣливаюсь вашу свѣтлость безпокоить моею просьбою, но, знавши всѣ милости ваши къ сыну моему, за долгъ себѣ считаю васъ нижайше просить, чтобы его въ нынѣшнемъ случаѣ не оставить отъ непристойныхъ поступковъ г. Разумовскаго противъ его,—сдѣлайте милость, не допустите еще большова худа, чтобы онъ ему сдѣлалъ; сынъ мой обо всемъ вашу свѣтлость увѣдомляетъ, а онъ, конечно, ни въ чемъ не виноватъ, кромѣ одного терпѣнья до сихъ поръ, что онъ противъ его имѣлъ; да видно ему уже несносно стало. Я же, знавши графа Разумовскаго характеръ, что онъ никого не менажируетъ на свѣтѣ, и про васъ также, какъ и о протчихъ, вздоровъ много сказываетъ (sic!), то, знавши его, чрезвычайно чувствительно мнѣ, что онъ (сынъ) долженъ столько терпѣть отъ него безъ причинъ. Я ѣду теперече къ невѣсткѣ навстрѣчу въ Вѣну; письмо его (сына) я получила на дорогѣ и не могла оставить, чтобы васъ не утруждать моею просьбою, знавши, сколько вы къ нему милостивы; я же съ моимъ должнымъ почтеніемъ завсегда пребуду» и проч. [1]).

Павелъ Мартыновичъ, очевидно, напрягалъ всѣ пружины протекціи и заступничества, чтобы одолѣть противника. Не дождавшись прибытія матери, онъ пишетъ ей навстрѣчу, когда она уже была на пути къ нему, изливаетъ свои жалобы на Разумовскаго и побуждаетъ мать поклониться за него передъ «благодѣтелемъ». Нечего говорить, что приведенное сейчасъ письмо очень невыгодно аттестуетъ со стороны нравственной порядочности и мать, и сына. Какъ можно видѣть, вся его аргументація опирается, съ одной стороны, на голословномъ и пошло-наивномъ выставленіи сына ангеломъ доброты и невинности, въ противоположность зловред-

[1]) Государств. Арх., XI, 927. (Изъ портфеля редакціи «Историч. Вѣстника»).

ному «характеру» и «непристойнымъ поступкамъ» противника, съ другой — на злоязычной, дрянной инсинуаціи и, съ третьей — на томъ, что, «знавши-де ваши милости», мы уповаемъ, что вы не дадите насъ въ обиду, ради цѣны самихъ этихъ милостей для вашего же личнаго достоинства.

Неизвѣстно, въ какой степени Потемкинъ, одолженный антиками и посылками «благородныхъ» напитковъ, принималъ участіе въ желанномъ водвореніи Павла Мартыновича на постѣ неаполитанскаго посланника. Знаемъ только, что въ концѣ 1784 г. нетерпѣливое желаніе послѣдняго было, наконецъ, удовлетворено: Разумовскій получилъ отзывныя грамоты и сдалъ должность преемнику.

Что дѣлалъ Скавронскій въ теченіе почти десятилѣтняго (съ перерывами на поѣздки въ отпускъ) исправленія должности русскаго представителя въ Неаполѣ—мы знаемъ немного. Дипломатическая переписка его неизвѣстна; но, въ виду сказаннаго выше о незначительности самаго поста нашего неаполитанскаго посла, нельзя думать, чтобы переписка эта могла быть значительной по объему и содержанію. Правда, было нѣсколько моментовъ, когда на Скавронскаго возлагались болѣе или менѣе важныя порученія. Такъ, когда королева Каролина-Марія, обремененная многочисленнымъ семействомъ, стала хлопотать, чрезъ Разумовскаго, о сватовствѣ за великаго князя Константина Павловича одной изъ своихъ некрасивыхъ, «монструозныхъ», по замѣчанію Екатерины, дочерей, предъявивъ при этомъ разныя несообразныя претензіи, то Скавронскому пришлось, по внушенію изъ Петербурга, гдѣ объ этомъ сватовствѣ не хотѣли и слышать, розыграть роль непреклоннаго дипломата. Вообще, онъ, кажется, не церемонился съ неаполитанскимъ дворомъ, слишкомъ высоко мня и о самомъ себѣ, и о пославшихъ его. Къ предложенію королевы о сватовствѣ, онъ съ перваго же разу, еще не справляясь съ видами Петербурга, отнесся съ полнымъ пренебреженіемъ, что и заставило королеву обратиться къ посредничеству Разумовскаго.

Другой моментъ, когда на Скавронскаго выпало довольно важное порученіе, относится ко времени нашей войны съ Турціей, въ 1787 году. Екатерина, замысливъ нанести ударъ Портѣ въ самомъ ея сердцѣ, снарядила особую морскую экспедицію подъ начальствомъ генерала Заборовскаго. Экспедиція эта не состоялась, но Заборовскій получилъ инструкцію и отправился съ нѣсколькими офицерами въ Италію ранѣе, чѣмъ обнаружилась невозможность исполненія этого плана. Тамъ онъ началъ очень энергически дѣйствовать по подготовленію экспедиціи, въ чемъ ему долженъ былъ оказывать помощь графъ Скавронскій въ предѣлахъ своей миссіи. Между прочимъ, Заборовскому поручено было организовать отрядъ корсиканцевъ, изъ охотниковъ по найму, и посадить его на ко-

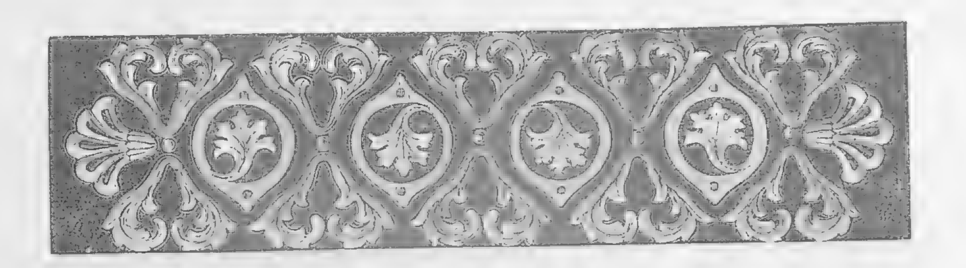
рабли въ Сиракузахъ. «О дозволеніи же высадить сіе войско въ Сициліи» должно было, какъ сказано въ инструкціи Заборовскому, «учиниться домогательство отъ министерства нашего у двора Неапольскаго». Домогательство это долженъ былъ сдѣлать Скавронскій, на котораго возложено было оказывать начальнику экспедиціи всяческое содѣйствіе въ разнаго рода «заготовленіяхъ», въ собираніи «надежныхъ средствъ къ сношенію и къ сдѣланію всякихъ внушеній, кои для Заборовскаго полезны и надобны могли быть», и т. п.

Не знаемъ, въ какой степени Скавронскій былъ въ данномъ случаѣ распорядителенъ и удачливъ; но вообще имъ были, повидимому, довольны въ Петербургѣ. Въ той же инструкціи Заборовскому, подписанной самою Екатериной, указывается на «дружественное къ намъ расположеніе» неаполитанскаго короля, который «являлъ во всякомъ случаѣ доброхотство интересамъ нашимъ». Если это было такъ, то, несомнѣнно, добрыми отношеніями съ неаполитанскимъ кабинетомъ Россія была обязана въ той или другой степени дипломатическому посредничеству своего посла. Отношенія эти особенно упрочились со времени заключенія между Россіей и Неаполемъ торговаго трактата, который тоже состоялся, вѣроятно, при дѣятельномъ участіи Павла Мартыновича. Наконецъ, вѣскимъ подтвержденіемъ того, что графъ дѣйствительно стоялъ на высотѣ своего положенія, въ мѣрѣ значенія сего послѣдняго и своихъ личныхъ способностей, могутъ служить, во-первыхъ, полученныя имъ награды и отличія, а, во-вторыхъ, продолжительность занимания имъ поста неаполитанскаго посланника.

Графъ Скавронскій въ короткое, сравнительно, время дослужился до чина тайнаго совѣтника, имѣлъ званіе гофмейстера императорскаго двора и получилъ нѣсколько первоклассныхъ орденовъ. Посланникомъ въ Неаполѣ онъ былъ къ ряду десять почти лѣтъ — съ 1784 по 1794 годъ, т. е. до своей смерти, послѣдовавшей въ Неаполѣ. Умеръ онъ молодымъ еще человѣкомъ, не доживъ и до сорока лѣтъ.

Въ заключеніе нашего очерка считаемъ нелишнимъ сдѣлать маленькую оговорку. Очертивъ судьбы семейства Скавронскихъ, слѣдовало бы, для полноты разсказа, коснуться и родственныхъ имъ семействъ графовъ Ефимовскихъ и Гендриковыхъ, не игравшихъ, впрочемъ, важной роли и не выдѣлившихъ изъ своей среды ни одного виднаго, замѣчательнаго лица; но этотъ предметъ можетъ послужить темой отдѣльнаго, самостоятельнаго этюда, который современемъ и будетъ нами предложенъ читателямъ «Историческаго Вѣстника».

Вл. Михневичъ.

КАДЕТСКІЙ МАЛОЛѢТОКЪ ВЪ СТАРОСТИ.

(Къ исторіи «Кадетскаго монастыря»).

I.

АВЕАТ sua fata libelli. У литературныхъ произведеній есть своя капризная судьба, напоминающая отчасти прихотливую судьбу невѣстъ. Цвѣтетъ у всѣхъ на глазахъ превосходная дѣвушка, обладающая всѣми достоинствами ума и характера, и между тѣмъ никого она къ себѣ не влечетъ, ни въ комъ не пробуждаетъ, повидимому, самаго правильнаго желанія соединить свою судьбу съ ея судьбою. Прекрасную дѣвушку точно не видятъ, и она тихо увядаетъ въ одиночествѣ. Но вотъ рядомъ другое существо, можетъ быть, и не худое, но во всякомъ случаѣ несравненно низшее во всѣхъ отношеніяхъ противъ той, о какой сейчасъ упомянуто,—и между тѣмъ она сраза овладѣваетъ всеобщимъ вниманіемъ и шутя, но прочно и счастливо устроиваетъ такъ называемую свою судьбу. Счастье и удача въ свѣтѣ не всегда зависитъ отъ достоинствъ того, кому оно выпадаетъ на долю.

Нѣчто въ подобномъ родѣ выпало на долю моего маленькаго разсказа «Кадетскій монастырь», — разсказа, которымъ я началъ съ легкой руки мое знакомство съ подписчиками тогда только что основавшагося «Историческаго Вѣстника». Съ тѣхъ поръ прошло уже цѣлое пятилѣтіе, разсказъ вышелъ отдѣльно въ кни-

жечкѣ о «Трехъ праведникахъ», но доброе вниманіе къ нему до сихъ поръ не охладѣваетъ. Время отъ времени я все еще не перестаю получать отъ людей мнѣ лично не знакомыхъ, но отъ людей очень извѣстныхъ различныя указанія и замѣтки, которыми имъ желается подкрѣпить меня и, по выраженію одного изъ нихъ, «побудить меня составить еще что нибудь изъ этой старой галлереи».

Я понимаю это желаніе. Дѣтство отрадное, какъ и грустное дѣтство всякому вспомнить любезно. Хорошо съ добрымъ другомъ шутить, хорошо съ нимъ же и поплакать. Благотворная вещь говорить отъ сердца къ сердцу съ тѣми, кто понимаетъ насъ тоже сердцемъ. Это живитъ и вдохновляетъ. Въ самомъ невеселомъ случаѣ воспоминанія такого свойства, по крайней мѣрѣ, какъ плакучія ивы надъ могильнымъ холмомъ, смягчаютъ леденящій видъ. Словомъ переложить въ запись то, что хранитъ воспоминаніе изъ дѣтства очень пріятно, но, къ сожалѣнію, далеко не все, что людямъ хотѣлось бы вспомнить изъ дней своего дѣтства, можетъ быть предметомъ литературнаго разсказа. И это не по однимъ такъ называемымъ «независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ», упоминать о которыхъ и стыдно, и надоѣло, а совсѣмъ по другимъ причинамъ, имѣющимъ корень въ условіяхъ произведеній описательной формы. Не все, что составляетъ картину, изображаемую поэтомъ, можетъ въ одинаковой мѣрѣ быть удобнымъ и для воспроизведенія живописцемъ. Извѣстенъ старый примѣръ въ этомъ родѣ.

«Открыта бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ нѣтъ числъ, нѣтъ безднѣ дна».

Это безспорно картина широкая и величественная: она поражаетъ собою въ изображеніи поэта, но прикажите нарисовать ее живописцу, и живописецъ ничего вамъ не сдѣлаетъ изъ всей этой роскошной темы. Полная звѣздъ бездна будетъ похожа болѣе на старый лиможскій подносъ по темному фону, а не на звѣздное небо.

Таковы условія того и другаго искусства.

То же самое я смѣю и долженъ сказать «старымъ кадетамъ», которые дѣлаютъ дорогую мнѣ честь сообщеніемъ мнѣ своихъ воспоминаній и желаютъ видѣть ихъ въ моей литературной обработкѣ. Къ сожалѣнію, не все изъ этого любопытнаго матеріала можетъ явиться въ тѣхъ приспособленіяхъ, какія могу дать я. Многое изъ этого могло бы послужить развѣ педагогу, другое военному администратору, третье гигіенисту и иное даже психіатру, но не беллетристу. Я беру только то, что болѣе или менѣе подходитъ для той литературной формы, которою владѣю. Изъ послѣднихъ даровъ, полученныхъ мною отъ бывшихъ кадетовъ «монастыря», перешедшихъ уже потомъ многіе государственные ранги, я предла-

гаю теперь двѣ вещицы: 1) силуэты четырехъ особъ, имѣвшихъ значеніе для кадетовъ, какъ высшіе и ближайшіе руководители ихъ отроческихъ лѣтъ, и 2) наброски, сдѣланные карандашомъ рукою человѣка, который «подвигомъ подвизался, теченіе скончалъ и вѣру свою соблюлъ». Эти наброски живы и могутъ имѣть значеніе какъ для партизановъ, такъ и для противниковъ «ретроспективнаго направленія» въ устройствѣ военной школы.

Наброски эти я воспроизвожу, только едва коснувшись ихъ своимъ перомъ, и то не для измѣненія въ нихъ смысла, а для сглаженія встрѣчавшихся мѣстами шероховатостей и другихъ неудобствъ, которыхъ слѣдовало избѣжать по условіямъ печати.

За симъ прошу читать самыя воспоминанія, авторъ которыхъ еще живъ и пользуется достойнымъ положеніемъ въ обществѣ, но имя его должно остаться неизвѣстнымъ.

Вотъ эти воспоминанія.

II.

Въ первомъ томѣ «Русской Старины» 1870 года помѣщена статья Н. А. Титова «Малолѣтное отдѣленіе 1-го кадетскаго корпуса». Въ статьѣ этой описано, что было въ 1808 году. Я желалъ бы сообщить кое-что объ этомъ воспитаніи малолѣтковъ, которое получалось, хотя не въ тотъ годъ, который описываетъ г. Титовъ, а 19 лѣтъ позднѣе. Это тоже любопытно. Я начну съ того, какъ я самъ ребенкомъ поступилъ въ корпусъ. Дѣло происходило 2-го декабря 1827 года. Насъ назначили въ малолѣтное отдѣленіе въ 1-ю камеру, къ г-жѣ Маріи Ивановнѣ Беніотъ. Всѣ мы были еще такъ малы, что нуждались въ женской опекѣ, и само начальство чувствовало или сознавало неудобство подвергнуть насъ сразу строгости настоящей военной дисциплины.

О другихъ болѣе сильныхъ и болѣе нѣжныхъ потребностяхъ нашихъ младенческихъ душъ не разсуждали. Отъ отцовъ и отъ матерей мы были оторваны въ тѣ годы, когда ребенку ничто не можетъ замѣнить родительской ласки.

M-me Беніотъ была чистенькая и очень милая старушка. Она была ласкова съ дѣтьми и даже съ виду баловала своихъ воспитанниковъ. Почти половина изъ насъ ходили къ ней пить чай, который, впрочемъ, всегда былъ очень плохъ и сервировался по казенному,—каждому съ двумя сухарями. Ласковая Марья Ивановна угощала насъ не даромъ, такъ какъ родители наши вносили ей за это извѣстную плату, и, по совѣсти говоря, за ту плату эта добрая дама могла бы безъ убытка для себя давать намъ болѣе, чѣмъ на полушку чаю и на полушку сухарей. Но свое скаредство она восполняла лебезностью.

Первою камерой завѣдывала, какъ сказано, эта госпожа, вторoю—Алабова, третьею—Лизавета Николаевна Беніотъ. (Не про нее ли говоритъ г. Титовъ, что она была красавица. Другой дочери у Маріи Ивановны Беніотъ не было, но если это та самая, которую г. Титовъ называетъ «красавицею», то я въ этомъ съ нимъ не могу согласиться. Впрочемъ, конечно, 19 лѣтъ спустя, когда я ее видѣлъ, красота ея, разумѣется, могла утратиться). Четвертою камерою завѣдывала Воронцова, а пятою — Савельева. Директоромъ я засталъ Михаила Ивановича Перскаго, который дѣйствительно чрезвычайно любилъ кадетовъ и былъ неутомимъ въ исполненіи всего, что считалъ своимъ долгомъ. Онъ не только что каждый день, но даже почти каждый урокъ обходилъ всѣ классы со своимъ вѣстовымъ изъ музыкантовъ Кутузовымъ и обходилъ не для проформы. Онъ былъ такой директоръ, что въ каждую минуту могъ сѣсть на стулъ занимавшагося предметомъ учителя и продолжать урокъ, по любому предмету нашей программы.

Не знаю, много ли такихъ нынче и гдѣ ихъ можно видѣть простымъ или вооруженнымъ глазомъ?

Кормили насъ недурно, — по крайней мѣрѣ, сытно, и если кто бывалъ голоденъ, то самъ былъ виноватъ, значитъ, «помнилъ маменьку» и былъ переборчивъ. Большихъ тонкостей въ столѣ, разумѣется, и самое попечительное начальство намъ доставить не могло. Одно развѣ: намъ въ ту пору думалось, почему бы, кажется, не представить о томъ, чтобы намъ не насыпали въ кивера конфектъ въ праздники, а вмѣсто того употребили бы эти конфектныя деньги на хлѣбъ да на мясо, которые намъ были нужны въ будни, но вѣдь мы были дѣти и судили подѣтски. На самомъ дѣлѣ даже не могло быть человѣка, который бы рѣшился заикнуться о такой мысли.

Учителя у насъ были, большею частью, изъ кантонистовъ, которыхъ только переодѣвали въ форменные фраки. Это были каррикатуры на педагоговъ и иного отъ нихъ ждать было невозможно. Тотъ, который преподавалъ ариѳметику, и Олкинъ, который училъ рисованію, были чистые шуты гороховые. Другихъ не упомню, но эти личности остались въ памяти. (Одинъ изъ нихъ, именно преподаватель математики, изображенъ на прилагаемой силуетной картинкѣ. Онъ стоитъ передъ Перскимъ, который его, повидимому, допрашиваетъ или распекаетъ). Особенно часто случалось съ нашими учителями, что они бывало запьянствуютъ и не являются въ классы. Тогда вмѣсто каждаго изъ нихъ, гдѣ поспѣвалъ, садился самъ Перскій, а провинившихся пьяницъ потомъ наказывалъ. Наказаніе для учителей обыкновенно было такое: снимутъ съ него форменный фракъ, а вмѣсто фрака надѣнутъ солдатскую шинель, дадутъ въ руки лопату или метлу и пошлютъ сгребать снѣгъ, а лѣтомъ месть дворъ или мостовую на улицѣ.

Къ болѣе мягкимъ видамъ наказанія учителя наши, можетъ быть, не были бы чувствительны, но, тѣмъ не менѣе, какое же у насъ могло быть къ нимъ уваженіе, послѣ того, какъ мы знали, какъ ихъ шельмуютъ, да и сами видали ихъ исполняющими въ наказаніе дворницкія работы по уборкѣ мусора.

Отбывъ наказаніе, они снова надѣвали фраки и приходили учить насъ.

Если бы при такихъ-то учителяхъ да не было съ нами Перскаго, «кадетскій монастырь» нашъ былъ бы мѣстомъ ни на что непохожимъ.

Охранялъ его одинъ неутомимый геній этого по истинѣ безцѣннаго человѣка. Но не надо забывать, что это былъ случай, а могло быть совершенно иначе.

Французской грамотѣ училъ насъ французъ-эмигрантъ, старикъ Де-су-ла-ва, республиканецъ и шутъ; кадеты продѣлывали надъ нимъ ужасныя и часто жестокія вещи. Этотъ несчастный «потомокъ армій» жилъ въ Россіи съ 1812 года и не могъ научиться ни слову порусски. Нѣмецъ Дрееръ былъ буквально колбасникъ. Надъ всѣми этими учителями кадеты шутили, и нельзя было надъ ними не шутить, а за эти шутки насъ, конечно, наказывали. Самое обыкновенное и, какъ говорили, «самое короткое» наказаніе было сѣченье розгами. Сѣкли кадетовъ часто и очень сильно. Теперь только дивиться приходится, по сколько ударовъ мы переносили, будучи въ томъ возростѣ, когда самый грубый человѣкъ въ простонародьѣ едва рѣшится развѣ только «попугать хворостиною». Насъ же не «пугали», а «драли на славу», и мы дѣйствительно открыли себѣ въ этомъ путь къ славѣ своего рода,—это была слава терпѣнія. «Недранаго» изъ кадетовъ буквально не было ни одного, но между нами были «герои», которые въ нѣжномъ отроческомъ возростѣ умѣли «вытерпливать» сотни ударовъ безъ крика, или только «басили» для порядка, но малодушнаго ребячьяго визга,—Боже спаси,—не подавали.

«Визгунъ» подъ розгами неминуемо былъ презираемъ и назывался «дѣвчонкой». Мы всѣ боялись такого позора болѣе, чѣмъ сѣченья.

Форменная одежда наша состояла изъ темно-зеленыхъ суконныхъ брюкъ, такого же однобортнаго сюртука съ краснымъ воротникомъ и фуражки съ краснымъ околышемъ. Это было точнымъ повтореніемъ форменной одежды тогдашнихъ полицейскихъ будочниковъ. Сукно, изъ котораго намъ шили платье, было самое толстое; кровати въ спальныхъ камерахъ стояли деревянныя съ соломенниками и одною очень тугою и жесткою подушкой, при грубомъ байковомъ одѣялѣ. Переходъ къ такому казарменному житью даже изъ самаго бѣднаго родительскаго дома, «изъ-подъ материной шубки» былъ ужасенъ,—особенно для дѣтей, имѣвшихъ

нѣжную организацію и нѣжное сердце. Но все это надо было скрывать и таить, потому что надъ нѣжностью и чувствительностью смѣялись. Такая теплая и поэтическая вещь, какъ «мамина шубка», на языкѣ воспитателей и «кадетовъ-молодцовъ» называлась «маткина юбка».

— Или захотѣлъ подъ маткину юбку?

Чтобы не слыхать такихъ словъ о своихъ матеряхъ, мы всѣ старались притворяться, будто совсѣмъ забыли о нихъ и даже мало ими интересуемся. Велика ли важность мать? И думать не стоитъ. Тогда вполнѣ усовершившіеся въ такомъ настроеніи и становились «молодцами».

Въ классахъ у насъ были черныя, деревянныя скамейки, на которыхъ помѣщалось 6—7 человѣкъ, и на этихъ скамейкахъ со столомъ, какъ ихъ называли «банки», вечерами ставили по одному сальному огарку. При такомъ скудномъ освѣщеніи ни читать, ни писать было невозможно, но мы, однако, какъ-то исполняли и то и другое. Вообще воспитаніе наше было даже не спартанское, а терзательное и бѣдственное, и хотя, кажется, какъ будто кто-то и думалъ о нашемъ дѣтствѣ. По крайней мѣрѣ, наше малолѣтство имѣлось въ виду, и для того къ намъ были приставлены не дядьки изъ солдатъ, а женщины-няньки, но, увы, это были не тѣ няньки, о которыхъ вспоминаешь съ отрадой.

У насъ не было дѣтства.

III.

Такъ прошло время до 1830 года, въ которомъ насъ «разобрали», т. е. малолѣтнихъ отвезли во вновь устроенный Александровскій корпусъ въ Царскомъ Селѣ, а изъ тѣхъ, которые подросли, образовали неранжированную роту. Мы остались въ томъ же самомъ помѣщеніи, гдѣ было упраздненное теперь малолѣтное отдѣленіе, только здѣсь изъ шести спальныхъ комнатъ обыкновеннаго жилаго размѣра сдѣлали одну общую камеру, казарменнаго вида. Командиромъ роты назначенъ былъ поручикъ Андрей Ивановичъ Карташевъ, человѣкъ, мало сказать, жестокій, но свирѣпый и безсострадательный извергъ. При немъ было нѣсколько дежурныхъ офицеровъ, тоже подобранныхъ подъ стать командиру. Самъ Карташевъ имѣлъ ненасытную страсть къ истязаніямъ: онъ буквально поролъ праваго и виноватаго, и это составляло его наслажденіе. Привыкнуть къ «дранью» для кадета было первѣйшею необходимостью, безъ которой не пережить бы этого ужаснаго положенія. Въ этомъ и состояло почти все воспитаніе. Но Карташеву мало было терзать наши дѣтскія тѣла, онъ былъ духовный растлитель, который посягалъ на наши души. Онъ учредилъ полицію изъ кадетовъ и требовалъ отъ насъ, чтобы мы ежедневно доносили все, что кто могъ

подсмотрѣть или узнать о товарищахъ, но между кадетами. вмѣстѣ страдавшими одинаковымъ страданіемъ, образовалось такое дружество во всѣхъ ротахъ и возростахъ, что никто ни за что не выдавалъ своего товарища. Карташовъ завелъ было своего рода опричнину, но эти вдвойнѣ страдали: товарищи ихъ презирали и при каждомъ удобномъ случаѣ били, а недовольный ихъ службою командиръ поролъ ихъ. Къ чести нашего дѣтскаго вѣка надо, однако, сказать, что охотниковъ на такую службу, или, какъ ихъ называли, «подлизъ», было очень мало.

Общее страданіе создавало въ насъ духъ общаго благородства, и это было самое лучшее, чѣмъ мы гордились. Но это воспитало въ насъ не наше воспитательное начальство, а мы сами. Не будь намъ такъ худо жить, такой доблести духа въ насъ бы и не было.

Карташовъ достигъ какъ разъ того, чего всего больше боялся. Не выдавать своихъ — это сдѣлалось знаменемъ кадетства.

IV.

Изъ неранжированной роты насъ переводили въ третью роту. Здѣсь уже были мальчики болѣе возрастные и учились «понемногу чему нибудь и какъ нибудь». Кормили насъ здѣсь точно такъ же, какъ и въ малолѣтномъ отдѣленіи и неранжированной ротѣ, т. е. просто, но довольно сытно и хорошо. Но молодые желудки работали сильно, и во время отъ часу пополудни и до восьми часовъ вечера у насъ розъигрывался невѣроятный аппетитъ, а потому въ шесть часовъ, когда была минута свободы, большая часть кадетовъ бѣгали въ кухню и тамъ поджидали прихода нашего почтеннаго эконома Андрея Петровича Боброва, который жалѣлъ насъ поотцовски и всегда надѣлялъ всякимъ съѣстнымъ снадобьемъ. Мы получали это подаяніе въ кучѣ и потомъ сами дѣлились имъ побратски.

Кстати о Бобровѣ, всѣ разсказы о которомъ такъ умиляютъ и трогаютъ людей съ добрыми и благородными сердцами. Его нельзя забыть, и стыдно было бы забыть, но мы, старики, благодарны тому, кто съумѣлъ воспроизвесть личность Боброва въ печати и тѣмъ сохранить память о немъ въ литературѣ. Андрей Петровичъ Бобровъ, этотъ замѣчательный человѣкъ и праведникъ, происходилъ изъ простаго званія и дослужился до бригадирскаго чина. Онъ цѣлые десятки лѣтъ былъ экономомъ въ такое время, когда всѣ крали и пословица: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ», считалась мудрой и нравственной. Но экономъ Бобровъ былъ чистый безсребренникъ и умеръ такъ, что его не на что было похоронить. Все, что этотъ святой старикъ имѣлъ при жизни, онъ употреблялъ на кадетовъ, которыхъ онъ любилъ съ удивительною нѣжностью, и хотѣлъ о каждомъ изъ нихъ позаботиться на цѣлый

вѣкъ. Всякій годъ, при выпускѣ бѣдныхъ кадетовъ въ офицеры, Бобровъ давалъ имъ отъ себя «приданое» — ложечку, погребчикъ, часики, — словомъ, что̀ онъ могъ дать. Это былъ нашъ благодѣтель, и мы всѣ любили его, какъ отца. Для него даже монументальныя правила кадетскаго неписаннаго устава дѣлали исключенія; болѣзнь Андрея Петровича наводила унылую тѣнь на всѣ лица, и о немъ дозволялось неосужденно скорбѣть и даже плакать...

Кличка ему была простая:

— Андрей Петровичъ... благодѣтель!

V.

Какъ всѣ охотники до запрещеннаго, кадеты очень любили запрещенные стихи и, не смотря на безпощадную строгость, имѣли ихъ въ большомъ изобиліи. Большею частью, это были «стихи на начальство» или «скоромные стихи». Поэтовъ у насъ было множество, но преимущественно мы дорожили стихами своего однокашника, Кондратія Ѳедоровича Рылѣева, съ музою котораго ничья иная муза въ корпусѣ состязаться не смѣла.

Мы списывали всѣ рылѣевскія стихотворенія и хранили ихъ, какъ сокровище. Начальство это преслѣдовало, и если у кого находили стихи Рылѣева, то такого преступника тотчасъ драли съ усиленною жестокостью. Норма для этого была — «пока подплыветъ кровью». Большею частью, всѣ эти стихи Рылѣева теперь напечатаны, а изъ тѣхъ, которыхъ въ настоящее время нѣтъ въ печати, было одно любимое нами сочиненіе Рылѣева въ двухъ пѣсняхъ, подъ названіемъ «Кулакіада». Это названіе шло отъ собственнаго имени старшаго корпуснаго повара Кулакова, который скоропостижно умеръ, стоя у плиты. Къ сожалѣнію, я не все помню изъ этого стихотворенія, но вотъ то, что̀ сохранилось въ моей памяти:

Кулакіада.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Шуми, греми незвучна лира
Еще неопытна пѣвца,
Да возвѣщу въ предѣлахъ міра
Кончину пироговъ творца,
Да возвѣщу я плачъ ужасный
Трехъ тафелей, всѣхъ поваровъ.
Друзья, ужъ Кулаковъ несчастный
Не суетится средь котловъ,
Ужъ гласъ его не раздается

Въ обѣихъ кухняхъ нашихъ днесь;
Отъ онаго ужъ не несется
Соборъ его команды весь,
Уже въ горохѣ премѣнился
Доселѣ вкусъ пріятный намъ,
Картофель густоты лишился
И льется съ мисокъ по столамъ.
Бобровъ, Бобровъ замысловатый
Успѣховъ въ дани не имѣлъ,
И Кулаковъ въ свои палаты
Съ тоскою мрачною отшелъ.
. . . .
. . . .
Лишь только съ лѣстницы спустился,
Какъ вдругъ бездыханно онъ палъ.
Увы! онъ жизни сей лишился,—
Тутъ шедшій поваръ закричалъ.
Царя чертогъ весь взволновался,
Когда достигъ къ нему звукъ словъ:
Се вопль по воздуху раздался,
И съ плачемъ прибѣжалъ Бобровъ:
«Почто меня ты оставляешь,
Несчастный!», — продолжалъ Бобровъ:
«Мою ты жизнь тѣмъ отравляешь,
Не буду ѣсть я пироговъ.
Возстань, возстань о мой любезный!
Возстань, я простираю длань».

Далѣе опять не припомню. Затѣмъ слѣдовала «пѣснь вторая», въ которой описывается погребеніе Кулакова.

ИЗЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ

О, Аполлонъ, подай мнѣ лиру,
Подай кастальскихъ кубокъ водъ,
Да воспою въ предѣлахъ міра
Къ Смоленску погребальный ходъ:
Впреди предшествовалъ Тулаевъ,
За нимъ шли Зайцевъ и Дерновъ,
Съ рябою харею Минаевъ,
Затѣмъ Затычкинъ и Смирновъ [1]),
На гробѣ же пирогъ за шпагу
Съ чумичкою лежалъ,
Затѣмъ, что онъ имѣлъ отвагу —
На главной кухнѣ предсѣдалъ;
Коней, запятыхъ изъ-подъ чана,

[1]) Всѣ эти личности — писаря, служители и разный людъ корпусныхъ душъ—такъ называли ихъ, начиная съ послѣдняго водовоза до высшаго начальства.

Имѣя факелы въ рукахъ,
Вели два нашихъ великана,
Какъ можно меньше дѣлавъ шагъ.
За колесницею родные
И тьма знакомыхъ его шли.
Вблизи всѣ соусы, жаркіе
Какъ будто ордена несли.
Но вотъ и къ кухнѣ подъѣзжаютъ —
Встрѣчаютъ въ кафтанахъ новыхъ повара
Въ кострюли громко ударяютъ,
Провозгласивъ трикратъ ура!
Въ такой процессіи плачевной
Къ Смоленску тѣло подвезли
И праха тамъ остатокъ бренный
Героя кухни погребли.
Прости священна тѣнь героя —
Долгъ мудрыхъ слабому прощать,
Прости, что, лиру не настроя,
Дерзнулъ я смерть твою бряцать.
Я знаю то, что недостоинъ
Вѣщать о всѣхъ дѣлахъ твоихъ,
Я не поэтъ, а просто воинъ,
Въ моихъ устахъ не складенъ стихъ.
О, ты! о мудрый, знаменитый!
Царь кухни, мрачныхъ погребовъ,
Топленымъ жиромъ весь облитый,
Единственный герой Бобровъ,
Не осердися на поэта,
Тебя который воспѣвалъ,
Но знай, у каждаго кадета
Ты тѣмъ на вѣкъ безсмертенъ сталъ;
Прочтя сіи стихи, потомки
Воспомнятъ, мудрый, о тебѣ,
Твои дѣла воспомнятъ громки
И вспомнятъ, можетъ быть, о мнѣ.

Рылѣевъ.

Въ мое время въ корпусѣ было такое преданіе, что Кондратій Ѳедоровичъ, написавъ эти стихи, переписалъ ихъ на такой точно бумагѣ, на какой подавался ежедневный рапортъ директору, и будто бы Рылѣевъ, вытащивъ подлинный рапортъ изъ-подъ кокарды треуголки Боброва, вложилъ вмѣсто него стихи; Бобровъ, пріидя къ директоруПерскому, подалъ эту бумагу. Директоръ очень смѣялся и прочиталъ стихи Боброву, который при этомъ расплакался. Когда Бобровъ узналъ, чья это шутка, онъ будто бы предсказалъ Рылѣеву кончину, которою тотъ умеръ... На сколько это справедливо, я не ручаюсь, но, повторяю, у насъ въ корпусѣ было такое преданіе, и всѣ этому вѣрили. Однажды, я самъ спросилъ у покойнаго Андрея Петровича, правда ли, что онъ сказалъ такое роковое

слово на Рылѣева, но Бобровъ, вмѣсто отвѣта, посмотрѣлъ на меня молча, потомъ погрозилъ пальцемъ, вздохнулъ, перекрестился и прошепталъ:

— Да, рѣзвунокъ былъ покойникъ,—упокой Господи его душу.

И болѣе ни одного звука. Проговоривъ это, Андрей Петровичъ завернулся и поползъ въ перевалочку по корридору, все еще потихоньку крестясь и потихоньку же покрехтывая.

Ему, безъ сомнѣнія, было непріятно, или, по крайней мѣрѣ, тяжело вспоминать то, о чемъ я его спросилъ съ ребячьей необдуманностью.

VI.

Въ 1832 году, 17-го февраля, праздновалось столѣтіе корпуса. Помню, какъ невѣдомо для чего насъ подняли въ это утро Богъвѣсть съ какой ранней поры. Всѣ кадеты спозаранку же одѣлись въ полную парадную форму и изнемогали, стоя на одномъ мѣстѣ. Потомъ насъ обезсиленныхъ и усталыхъ повезли въ наемныхъ каретахъ во дворецъ, гдѣ намъ былъ произведенъ маленькій парадецъ съ церемоніальнымъ маршемъ по заламъ, потомъ намъ былъ предложенъ обѣдъ, при которомъ на столахъ возвышались цѣлыя горы конфектъ. Такой страшной массы кондитерскаго товара я уже не видалъ послѣ нигдѣ во всю мою жизнь.

Во время самаго обѣда покойный государь Николай Павловичъ подходилъ къ каждому столу, бралъ наши кивера и собственноручно насыпалъ въ нихъ конфекты. Каждому досталось очень много и даже, можетъ быть, слишкомъ много, потому что конфекты были очень вкусны, а умѣренности мы не знали, да и запасовъ намъ беречь было не гдѣ, а потому всякій старался заразъ съѣсть все, что получилъ въ свой киверъ, и это не прошло для всѣхъ благополучно, тѣмъ болѣе, что, поднятые Богъ-вѣсть для чего съ пѣтуховъ, мы чувствовали себя усталыми, возбужденными и вообще нездоровыми. А на ногахъ еще приходилось держать себя долго.

Послѣ обѣда въ эрмитажѣ былъ для насъ спектакль, и только послѣ этого спектакля насъ опять посадили въ кареты, но, увы, и теперь еще не для того, чтобы дать намъ покой, а насъ повезли еще по иллюминаціи, которая была устроена кругомъ корпуса. Любопытнаго въ этой иллюминаціи ничего не было, но усталость нашу она довела до крайности.

На другой день въ корпусѣ былъ балъ, на который были приглашены наши родные. Это составляло для насъ гораздо большее удовольствіе и, такъ сказать, «именины сердца». Съ этихъ поръ въ корпусѣ начались большія преобразованія — стали перестроивать наши спальни, сдѣлали вездѣ паркетные полы, завели лампы, вмѣсто соломенниковъ дали на кровати прекрасные волосяные тюфяки,

платье стали шить изъ довольно тонкаго сукна. Однимъ словомъ, жить намъ стало удобнѣе, но, что̀ самое главное, это то, что всѣ прежніе учителя изъ писарей были отставлены и ихъ замѣнили приглашенные профессоры, или вообще учителя изъ окончившихъ курсъ университетскихъ студентовъ. Съ этихъ только поръ мы узнали, что значитъ настоящая наука, но времени, потеряннаго въ прошломъ, возвратить, разумѣется, уже было невозможно.

VII.

Съ новыми учителями мы такъ сдружились, что большая часть изъ насъ считала за срамъ и позоръ худо отвѣтить урокъ. Женерозное настроеніе, которое мы въ себѣ выработали въ прошломъ, теперь пригодилось на хорошее дѣло и совершало чудеса. Преподаватели не могли нами нахвалиться и часто намъ говорили: «у насъ нѣтъ учениковъ лучше кадетовъ». А мы еще болѣе усердствовали. Наказывать за лѣность или за нерадѣніе насъ уже не приходилось, а, — чудное дѣло,—находились охотники насъ унимать. Мы такъ полюбили профессоровъ, а они насъ, что всѣ мы взаимно относились другъ къ другу съ безграничною довѣрчивостью. Обмануть преподавателя никто ни за что не хотѣлъ, а изъ преподавателей многіе на экзаменахъ давали кадетамъ списокъ и предлагали, чтобы кадетъ самъ выставилъ себѣ балы по совѣсти, кто на сколько отвѣтитъ. Кадеты назначали себѣ балы и никогда не случалось, чтобъ кто не выдержалъ того бала, который самъ себѣ назначилъ. Такая была совѣстливость и благородство!

Покойный Василій Тимоѳеевичъ Плаксинъ иначе нас не называлъ какъ «друзьями» да и съ нашими учеными мы находились на дружеской ногѣ и были съ ними совершенно откровенны, но не переходили границы. Мы разсказывали имъ все, что у насъ было на душѣ, и у нихъ было терпѣніе насъ слушать и входить въ наши интересы. Это были «отцы родные», а не чешскіе гости. Я помню, какъ разъ Плаксинъ пришелъ на лекцію, а мы ему стали жаловаться на своего новаго инспектора Кушакевича, котораго, я думаю, многіе знаютъ по составленной имъ учебной книгѣ. Мы его не долюбливали за его грубость, которая, можетъ быть, была свойственна его хохлацкому происхожденію. Жалуясь преподавателю на инспектора, мы сказали, что мы Кушакевичу «нанесемъ оскорбленіе дѣйствіемъ», т. е. просто прибьемъ его, и, конечно, мы бы это исполнили. Что, кажется, дерзче и какую бы исторію поспѣшилъ изъ этого вывесть иной доморощенный лизоблюдъ или чешскій гость?

Услыхавъ такую откровенность, что̀ бы сочли нужнымъ сдѣлать Цибулька, Малина, Куріякъ и Луніякъ?.. Не стоитъ отгады-

Силуеты, современные портрету А. П. Боброва.

Инспекторъ классовъ полковникъ Черкасовъ. — Великій князь Михаилъ Павловичъ. — Директоръ М. С. Перскій. — Учитель математики (изъ военныхъ писарей) Денисьевъ.

вать, что̀ бы они сдѣлали. А вотъ что сдѣлалъ нашъ «отецъ родной». Плаксинъ сталъ насъ усовѣщевать, что бить человѣка не хорошо, особенно бить старшаго, и къ концу времени опредѣленнаго для его лекціи урезонилъ насъ оставить наше намѣреніе бить инспектора, а въ журналѣ отмѣтилъ, что онъ эту лекцію «занимался объясненіемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній». Это и была правда. Но на томъ ли дѣло стало у этого превосходнаго педагога съ душою, а не съ одними принципами? О, нѣтъ! На другой день, когда въ нашъ классъ вошелъ инспекторъ Кушакевичъ, онъ заперъ за собою дверь и сказалъ:

— Господа! я знаю, что вы мною недовольны; быть можетъ, я и виноватъ, но я пришелъ съ вами помириться. Прошу васъ забыть мнѣ все старое...

Кажется, онъ хотѣлъ продолжать что-то еще, но мы не выдержали и тихо растроганными голосами заговорили:

— Довольно, господинъ инспекторъ, довольно,—все дурное позабыто... мы хотимъ васъ любить.

И съ тѣхъ поръ дѣйствительно у насъ не было ничего непріятнаго,—Кушакевичъ измѣнился, и мы его стали любить. Плаксинъ насъ не выдалъ, а будучи товарищемъ Кушакевича, переговорилъ съ нимъ о нашемъ неудовольствіи попріятельски, и съумѣлъ помирить насъ съ нимъ. Съ точки зрѣнія чешской педагогіи, это, можетъ быть, и дурно, но намъ нравилось, и мы это до сихъ поръ вспоминаемъ, думая, что «блажени миротворцы», и что они гдѣ-то помилованы будутъ.

VIII.

У кадетовъ была неодолимая страсть къ поэзіи, и въ особенности всѣ любили запрещенные стихи, а такъ какъ держать ихъ въ рукописяхъ было опасно, то мы старались выучивать запрещенные стихи наизустъ. Рѣдкій кадетъ нашего времени не зналъ почти всѣхъ думъ Рылѣева, которыя почитались въ высшей степени неодобрительными, особенно для юношества. Сочиненія Пушкина тоже были между нами въ большомъ ходу и многія изъ нихъ мы знали на память, напримѣръ, Евгенія Онѣгина. Также на память знали «Горе отъ ума» Грибоѣдова и отлично умѣли вести цѣлые разговоры строфами этой комедіи. Сами кадеты тоже занимались стихоплетеніемъ и стряпали стихи рѣшительно на всякій выдающійся случай. Такъ, напримѣръ, я сейчасъ помню стихи, появившіеся на другой день послѣ смерти Александра Сергѣевича Пушкина, ихъ написалъ кадетъ Майновъ:

Умолкъ фонтанъ «Бахчисарая»,
Пѣвца его на свѣтѣ нѣтъ.
«Кавказскій плѣнникъ» нашъ, вздыхая,
Все мыслитъ: умеръ мой поэтъ.

«Людмила» бѣдная скучаетъ—
Ей вѣсти о «Русланѣ» нѣтъ;
Русланъ ее освобождаетъ
И молвитъ: умеръ нашъ поэтъ.
Но что «Онѣгинъ» разсуждаетъ?
Иль, можетъ быть, отъ зрѣлыхъ лѣтъ
Онъ лишь съ тоской имъ отвѣчаетъ:
Грустите—умеръ нашъ поэтъ.
Нашъ лучъ поэзіи ужъ скрылся,
Оставилъ Пушкинъ этотъ свѣтъ,
Въ духовный міръ переселился,
Онъ жилъ и умеръ, какъ поэтъ.

Все это, разумѣется, плохо, но въ извѣстной степени воспроизводитъ наше міросозерцаніе и тогдашнее наше кадетское настроеніе, о которомъ въ нынѣшнюю пору говорится много вздорнаго, Представляютъ, точно мы были какія-то нюренбергскія куклы на корпусныхъ пружинахъ, а это весьма и весьма не такъ.

У насъ была своя жизнь и жизнь очень независимая и упругая, и само начальство наше нерѣдко чувствовало, что мы своего рода среда, и относилось къ намъ не иначе, какъ принимая въ разсчетъ наши понятія о долгѣ и о чести.

Иначе съ нами было и нельзя, или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось, что нельзя. Можно было всѣхъ насъ «запороть», но заставить всѣхъ измѣнить себѣ, это казалось невозможнымъ.

Цибульки тогда еще въ числѣ русскихъ просвѣтителей не было.

IX.

Я, однако, увлекся разсказомъ о нашемъ образованіи и оставилъ другую сторону — это воспитаніе наше внѣ классовъ. Тамъ еще долго оставалось то же, что было и прежде, т. е. та же шагистика и ружейные пріемы; за этимъ смотрѣли очень строго. Командующее начальство наше не улучшилось, въ офицерахъ оставались все тѣ же корпусныя души. Можетъ быть, изъ всѣхъ изъ нихъ было два-три порядочныхъ человѣка, а объ остальныхъ и говорить не хочется. Прости имъ, Отче, безуміе и злобу сердецъ ихъ. Внѣ классовъ все продолжалась та же самая пустая строгость и невыносимо грубое солдатское обращеніе. Вообще, господа военные какъ бы желали отличаться отъ штатскихъ, т. е. отъ профессоровъ, и свирѣпствовали звѣрски. Рѣшительно за всякіе пустяки сажали кадетовъ подъ арестъ; ужасное право сѣчь сколько угодно попрежнему не было отнято отъ ротныхъ командировъ, и они пользовались имъ немилосердно, съ жестокостью, превосходящею возможность описанія... И надо сказать, что многіе изъ этихъ господъ, заставлявшихъ насъ «подплывать кровью», были сами женаты и

имѣли собственныхъ дѣтей и къ нимъ были слабы до баловства. Подъ арестъ, по большей части, сажали насъ въ «же-де-помъ». Это были примѣрныя арестантскія, какихъ, сколько приходилось видѣть и слышать, не бывало и въ каторжныхъ тюрьмахъ. Худшаго помѣщенія нельзя придумать. Я не берусь ихъ даже описывать, потому что теперь раздражаешься, когда вспомнишь про это помѣщеніе. Одно скажу, тамъ буквально нечѣмъ было дышать,—а случалось, что кадеты тамъ выдерживали по шести недѣль; молодость все перенесла, да еще и шутила надъ своими муками. Въ одномъ изъ такихъ номеровъ, я прочелъ однажды на стѣнѣ нацарапанное стихотвореніе:

О! же-де-помъ, гроза кадетъ,
Злодѣевъ корпусныхъ отрада,
Скажи ты мнѣ, съ которыхъ лѣтъ
Твоя явилася громада.
Сижу одинъ я въ же-де-помѣ,
Все тихо здѣсь, вокругъ меня,
На ветхомъ стулѣ, какъ на тронѣ,—
Сравненье точное, друзья,
Сижу и думаю: темница,
Ты по наружности своей,
По вѣчной тишинѣ гробница—
Не слышно голоса людей...

Далѣе я не могъ разобрать, вѣроятно, притупился инструментъ, которымъ арестантъ-поэтъ выцарапывалъ свои стихи. Но какъ онъ принесъ его туда съ собой? Это удивительно! Туда, сажая, обыкновенно раздѣвали донага, платье забирали и надѣвали арестантскій халатъ. И все это за дѣтскую шалость...

О, будь благословенъ часъ, съ котораго все это отошло въ область воспоминаній.

X.

Покойный государь Николай Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣзжали въ корпусъ очень часто. Государя очень любили и совсѣмъ его не боялись. Съ кадетами онъ былъ очень простъ, шутилъ и игралъ, и мы считали его посѣщенія за особенное удовольствіе. Великаго князя Михаила Павловича мы тоже любили, но побаивались его, потому что онъ безпрестанно распекалъ за фронтъ, и часто безъ причины. Разъ случилось такъ: пріѣхалъ великій князь и смотрѣлъ учебную команду, а съ нимъ былъ какой-то военный иностранецъ. Учебной командой у насъ командовалъ большой фронтовикъ, штабсъ-капитанъ Аргамаковъ второй. Команда все исполняла отлично, а между тѣмъ великій князь, всетаки, остался очень недоволенъ и распекъ, какъ только онъ умѣлъ распекать. Всѣмъ досталось—и командиру, и намъ. Тогда

бывшій съ нимъ иностранецъ спросилъ его пофранцузски,—за что онъ насъ такъ огорчаетъ?

— Мнѣ кажется,—говорилъ иностранецъ: — что лучше и быть не можетъ.

— Вы правы, — отвѣчалъ великій князь: — команда дѣйствительно очень хороша, но я этотъ составъ команды смотрю нынѣшній годъ въ первый разъ, а у меня правило: первый разъ не хвалить, чтобъ не избаловались.

А для насъ это имѣло такое слѣдствіе, что насъ послѣ этого мучали усиленными ученьями всякій день по два раза.

Въ лѣтнее время весь корпусъ, за исключеніемъ неранжированной роты, отправлялся въ лагери подъ Петергофъ. Съ начала были обыкновенныя маленькія палатки, въ которыхъ помѣщалось по четыре человѣка, но впослѣдствіи были устроены большіе шатры помѣщеніемъ на цѣлый взводъ, а на концахъ этихъ шатровъ помѣщались корпусные офицеры, и изъ ихъ перегородокъ были продѣланы окошечки, изъ которыхъ они могли наблюдать за нами. Эти послѣднія палатки были для насъ весьма непріятны: въ нихъ почти нельзя было ни курить, ни читать книгъ, такъ какъ чтеніе литературныхъ произведеній намъ строго воспрещалось, но начитанности у насъ было гораздо больше, чѣмъ у нынѣшнихъ юношей того же возроста. И, главное, мы читали такъ, что многое знали наизустъ, не только стихи, но даже и прозу.

XI.

Въ лагеряхъ государь и великіе князья посѣщали насъ почти каждый день. Вообще покойный императоръ какъ лѣтомъ, такъ и зимой находилъ время посѣщать всѣ учебныя заведенія, и учебная молодежь очень къ нему привязывалась.

Кромѣ того, по праздникамъ возили воспитанниковъ къ малолѣтнимъ великимъ князьямъ, чтобы играть съ ними. При этихъ играхъ всегда почти присутствовалъ государь. Разъ, 22-го іюля 1840 года, во время лагерей, ударили тревогу и всѣ заведенія выстроились на своихъ линейкахъ, затѣмъ сомкнулись и бывшій начальникъ штаба, полковникъ Я. И. Ростовцевъ, прочиталъ приказъ о производствѣ въ офицеры окончившихъ курсъ, въ полки лейбъ-гвардіи, артиллерію и пѣхоту и предназначенныхъ къ производству въ кавалерію.

Кадетская жизнь была кончена, и мы разставались также благородно, какъ жили, но совсѣмъ безъ тѣхъ сантиментальностей, какими украшаютъ бывшее корпусное житье иные разсказчики.

Перенесенныя обиды и горести, всетаки, помнились, и свобода, хоть и служебная, всетаки, была мила и манила изъ «стѣнъ вздоховъ» и «же-де-помовъ».

Плакали, прощаясь съ Бобровымъ, искренно благодарили Перскаго, обнимались другъ съ другомъ, но, вообще, уходили изъ корпуса съ удовольствіемъ. Тутъ же сразу при вступленіи въ жизнь произносилась въ пьяномъ чаду извѣстная шутовская присяга пить, и произносились обѣты «во оставленіе сухомордія и въ мочимордство вѣчное».

Всѣ знали и всѣ пѣли, что

«Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда не хороша;
Въ томительномъ бореніи
Терзается душа».

И вотъ всѣ учились пить.

Да и какъ это могло быть иначе.

XII.

Въ заключеніе, я долженъ сказать, какія отношенія ожидали кадетовъ въ полкахъ. Теперь очень много говорятъ—какіе хорошіе офицеры выходили изъ старыхъ кадетовъ, но никто ни разу, ни однимъ словомъ не обмолвился: каково было намъ въ полкахъ, куда мы приходили? А это, быть можетъ, стоитъ вниманія.

У насъ были стойкость, благородство характеровъ, дружественность и отличная строевая выправка. Кажется, надо бы думать, что всякому командиру было пріятно и лестно получить какъ можно болѣе такихъ офицеровъ, съ настоящими военными качествами.

Однако, это было совсѣмъ не такъ.

Въ полкахъ знали, что корпусное воспитаніе давало войску хорошихъ офицеровъ, которыхъ никакая служба не затрудняла, и это въ нихъ полковые командиры будто бы любили и будто бы цѣнили, но только во всякомъ случаѣ «чтобъ не очень». На самомъ дѣлѣ они не любили, если въ полку набиралось много офицеровъ изъ кадетовъ. Они казались неудобными именно потому, что въ нихъ было слишкомъ сильно товарищество. И притомъ, во всѣхъ дѣлахъ чести и честности это были рыцари, особенно «пока не обдержатся». Но многіе изъ нихъ никогда не «обдерживались» и такъ и оставались «собаками на соломѣ», — ни сами не крали и ворующимъ мѣшали. А воровало тогда все, и полки,—въ томъ нѣтъ секрета,—такъ и давались «для поправленія обстоятельствъ».

Переходъ въ такую среду темныхъ сдѣлокъ на счетъ солдатскаго пайка изъ чистой, спартанской среды кадетскаго монастыря былъ шагомъ очень рѣзкимъ, и немало прекрасныхъ людей на немъ спотыкнулись и погибли. Особенно люди прямые и мало покладливые очень скоро дѣлались жертвами полковыхъ интригъ, запутывались, выходили изъ себя, поправляли одинъ неловкій по-

ступокъ другимъ, еще болѣе неловкимъ, и въ концѣ-концовъ переходили изъ полка въ полкъ, надѣясь найдти гдѣ нибудь лучшее, или же спивались съ круга и иногда попадали подъ судъ «за дерзость». Идеалъ и рай такого обиженнаго офицера изъ кадетовъ заключался въ томъ, чтобы уйдти въ такой полкъ, «гдѣ больше своихъ», т. е. кадетовъ. Вѣрилось, что «свои заступятся, свои не дадутъ своего въ обиду», но это-то и знали господа полковые командиры и этого-то они не любили и избѣгали. И еще ли договорить? Не любили и избѣгали значительнаго скопленія кадетовъ въ полку даже такіе полковые командиры, которые сами получили корпусное воспитаніе! И ихъ пугало то наше содружество, которымъ однимъ и красна была наша жизнь... Это-то намъ и вредило во мнѣніи тѣхъ, которые имѣли возможность разцвѣтить или затуманить нашу жизнь на службѣ отечеству. Насъ какъ бы опасались, насъ разъединяли, намъ не вѣрили. И мы это чувствовали [1]).

Вотъ въ какую передѣлку брала нашихъ молодцовъ служебная жизнь и невесело говорить, что̀ она изъ нихъ иногда дѣлывала. У насъ есть свой мартирологъ и притомъ очень грустный и очень многочисленный. Многія «житія» нашихъ страстотерпцевъ описаны ими же самими, и — трогательная вещь — часто описаны въ стихахъ. Обидитъ и уязвитъ судьба стараго маіора до того, что чистое сердце его вытерпѣть этого не можетъ безъ душевнаго вопля, и вотъ онъ удаляется отъ гонящихъ душу его въ свой убогій уголъ, дразнитъ себя воспоминаніями о томъ, какъ «мнилъ» онъ жить и служить, и какъ въ дѣйствительности живетъ и служитъ, и ему досадно и больно, а на рѣсницахъ наплываетъ незванная слеза, не идущая къ лицу героя. Онъ вспоминаетъ, какъ бы его засмѣяли за это «слезомойство» кадеты, онъ стыдится, крестится и начинаетъ вспоминать и мечтать...

— Эхъ, если бы, да кабы во рту бы росли бы грибы, былъ бы тогда не ротъ, а огородъ. Если бы мнѣ рылѣевское перо!.. Если бы я могъ, какъ Рылѣевъ... Бывало кого хочетъ, такъ и распишетъ, разрисуетъ, что на свѣтъ не родись... Положимъ, и другіе тоже писали, да ужъ это не то выходило. Противъ Рылѣева нѣтъ поэта и не будетъ. Писать—и я даже писалъ... Стихъ стиху рознь, но иногда нравилось...

---

[1]) Эти строки кажутся въ высшей степени интересными, и приходится сожалѣть, что мы лишены возможности поручиться за ихъ справедливость и непреувеличенность. Конечно, зерно произростаетъ не только тогда, когда оно имѣетъ свою растительную силу и подходящую почву, но оно требуетъ еще, чтобы и климатическія условія отвѣчали его произрастенію. Отвѣчало ли дѣйствительно тогдашнее полковое устройство тому настроенію, какое воспитывали корпуса, и въ какомъ соотношеніи находятся эти условія нынѣ, при усиліяхъ реставрировать духъ кадетства въ прежнемъ режимѣ? На эти любопытные вопросы могутъ отвѣтить развѣ большіе знатоки полковой жизни. Н. Л—въ.

Маіоръ вспоминаетъ, какъ его стихи «нравились», и улыбается кому-то... Въ огорченное лицо его заглядываетъ простодушное лицо кадетской, сѣренькой музы. Маіоръ узналъ ее и садится.

— Была не была, попробую, напишу для себя.

И онъ пишетъ стихи, въ которыхъ «прохватываетъ», «накаливаетъ», «взъефантуливаетъ» и «пришпандориваетъ» кого по его мнѣнію слѣдуетъ «прохватить» и «пришпандорить». Его не совсѣмъ ловкая, но честная кадетская муза терпѣливо съ нимъ возится. Она, кажется, и сама рада, что старикъ потребовалъ ее изъ безсрочнаго отпуска на временную службу, и они вмѣстѣ стряпаютъ что-то такое, гдѣ находятъ себѣ мѣсто и слезы, и грезы, и кровь, и взятки, и «бѣдный солдатскій паекъ»... Плохіе стихи такъ и лились. Вотъ ихъ образецъ:

Ты прожилъ, Перскій, благородно,
Но было свыше такъ угодно.
Когда-бъ ты гнилъ въ маіорскомъ чинѣ,
И ты легко погрязъ бы въ тинѣ...

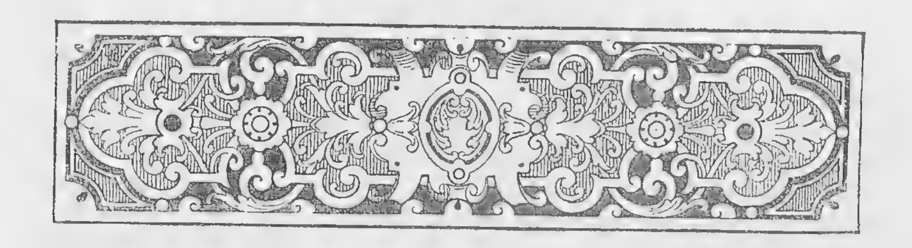
И затѣмъ, обыкновенно, начинается описаніе этой «тины». Иногда такое описаніе дѣйствительно производитъ угнетающее впечатлѣніе, и тогда забываешь всѣ недостатки стиха и даже вовсе ихъ не чувствуешь, а чувствуешь только лишь горе, обиду, чувствуешь совершенно незаслуженное мученіе души горячей, честной и совсѣмъ не признающей того, что называется тактомъ. Сильные міра сего, которые, разумѣется, «въ родѣ своемъ» мудрѣе всѣхъ этакихъ маіоровъ, мастерски ихъ роняли, спускали и даже бросали подъ ноги судьбы. Они ихъ едва ли за людей ставили. Для нихъ это было только «пушечное мясо», но сила и духъ арміи хранились именно въ этихъ, частію смѣшныхъ, частію жалкихъ, «безтактныхъ идеалистахъ». Это настоящіе «отцы и страстотерпцы» нашей кадетской киновіи: они жили чудаками, но умирали героями, и если бы не они стояли на лицѣ Крымской войны, то чести народной быть можетъ не снесть бы, что творили «герои изнанки». Кто ихъ не зналъ и кто о нихъ не читалъ, объ этихъ «герояхъ изнанки». Это люди инаго закала, — это люди смѣлаго такта и безбоязненнаго сердца, отважнаго на всякую подлость. Коротко ихъ зовутъ «крымскіе воры». Изъ нихъ многіе, къ несчастію, тоже вышли отъ насъ. Такъ вѣрно нужно было, чтобы оправдалась пословица: «изъ одного дерева и икона, и лопата». Пословица эта намъ не укоръ: она раньше насъ сложена.

Этимъ оканчиваются сообщенныя мнѣ замѣтки состарѣвшагося кадетскаго малолѣтка. Я приготовилъ ихъ къ печати съ любовію и съ увѣренностію, что чтеніе ихъ способно принести пользу. Эти замѣтки не такъ поэтичны, какъ воспоминанія покойнаго Григорія

Даниловича Похитонова, изъ которыхъ мною составлены очерки, извѣстные подъ заглавіемъ «Кадетскій монастырь», но въ безцѣнныхъ по своей образности и теплотѣ воспоминаніяхъ Похитонова, быть можетъ, уже слишкомъ много души, слишкомъ много поэзіи, очень много свѣта и почти совсѣмъ нѣтъ тѣней. Въ запискахъ, которыя нынче мною предложены, нѣтъ той теплоты и живообразности, но въ нихъ за то преобладаетъ спокойный критическій взглядъ и полезное намѣреніе прослѣдить жизнь кадета за порогомъ его «монастыря». Тутъ больше плоти, больше реальности, это какъ бы тѣнь къ тому, что Похитоновымъ выведено въ лучахъ заливающаго свѣта.

Н. Лѣсковъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Знакомство съ М. И. Глинкой.

ѢТОМЪ 1849 года, императоръ Николай Павловичъ жилъ въ Варшавѣ.

Небольшаго помѣщенія Лазенковскаго дворца хватало только для самыхъ приближенныхъ лицъ, поэтому для остальной свиты заняли прекрасный домъ съ садомъ на Маршалковской улицѣ. Комендантомъ главной квартиры императора былъ въ то время Алексѣй Николаевичъ Астафьевъ, человѣкъ въ высшей степени симпатичный: прямая, правдивая душа и прекрасная открытая наружность привлекали къ нему съ перваго раза всякаго, а широкое, чисто русское гостепріимство наполняло съ утра до вечера его квартиру разнымъ народомъ. Алексѣй Николаевичъ, какъ большинство людей николаевской эпохи, любилъ изящное, и у него постоянно можно было встрѣтить музыкантовъ, художниковъ, актеровъ, а нерѣдко и балеринъ варшавской сцены.

Въ свободные вечера къ нему собирались и остальныя лица царской свиты, и эти вечера были очень пріятны. Царскую свиту составляли все молодые люди съ блестящимъ образованіемъ, съ блестящею будущностью, острые и беззаботные; большинство ихъ уже давно лежитъ въ могилѣ, а кто остался живъ еще — доживаетъ

старческіе дни въ тепломъ углу. Астафьевъ былъ другомъ дѣтства моей матери и потому обращался со мной, какъ съ сыномъ, его дверь была всегда для меня открыта, и я проводилъ у него почти все свободное время.

Разъ какъ-то, вечеромъ, я зашелъ къ Алексѣю Николаевичу: за круглымъ столомъ передъ диваномъ сидѣли пять или шесть флигель-адъютантовъ и толковали о только что полученныхъ извѣстіяхъ съ театра военныхъ дѣйствій; у открытаго окна ежилась какая-то маленькая итальянская фигурка не то съ болѣзненнымъ, не то съ капризнымъ лицомъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и стакана чая, Алексѣй Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— Спой что нибудь, сдѣлай одолженіе, надоѣли они мнѣ ужасно (онъ указалъ рукою на своихъ гостей), толкуютъ цѣлый день о Бёмѣ да о Гёргеѣ, просто даже тошнитъ, а кстати вотъ тебѣ и аккомпаніаторъ.

Астафьевъ кивнулъ головой на маленькаго человѣчка въ штатскомъ платьѣ; тотъ какъ-то кисло поклонился и усѣлся за фортепіано.

Въ то время у меня былъ молодой, грудной теноръ; съ 14-тилѣтняго возроста я началъ учиться пѣть у довольно извѣстнаго тогда учителя Андрея Петровича Лодія, такъ что пѣлъ довольно порядочно, и рѣдкій вечеръ обходился у меня безъ того, чтобъ гдѣ нибудь не просили пѣть.

— Ну-съ, что же мы будемъ пѣть? — спросилъ меня аккомпаніаторъ.

— Я очень люблю музыку Глинки, — отвѣчалъ я: — только аккомпанементъ труденъ, а нотъ я не захватилъ съ собою.

Маленькій человѣчекъ, очевидно, едва удержался отъ смѣха, но, впрочемъ, довольно серьезно сказалъ:

— Я тоже очень люблю музыку Глинки, что же касается до аккомпанемента, то какъ нибудь справимся. Но, что же, однако, вы хотите пѣть?

Я назвалъ «Жаворонка».

Послѣ первыхъ же тактовъ аккомпанементъ положительно поразилъ меня; такъ еще мнѣ никто въ жизни не аккомпанировалъ.

— Очень недурно, — сказалъ маленькій человѣчекъ, когда я окончилъ: — а спойте еще что нибудь Глинки.

Я запѣлъ «Не называй ее небесной». Воодушевленный аккомпанементомъ, я пѣлъ бойко и съ выраженіемъ и въ послѣдней фразѣ романса сдѣлалъ весьма эффектное измѣненіе, которому научилъ меня Лодій.

— Очень, очень хорошо, — сказалъ аккомпаніаторъ, вставая и протягивая мнѣ обѣ руки. — Теперь я вамъ скажу двѣ вещи: вопервыхъ, несомнѣнно, что вы ученикъ Лодія; а, во-вторыхъ, по-

звольте мнѣ рекомендоваться: я—Михаилъ Ивановичъ Глинка, авторъ «Жизни за Царя» и «Руслана и Людмилы».

Я стоялъ совсѣмъ ошалѣлый; дружный хохотъ раздался за мной.

Оказалось, что веселое общество еще издали видѣло, какъ я шелъ по улицѣ, и подготовило мнѣ эту мистификацію.

— Ну-съ, давайте еще пѣть, — сказалъ Глинка.

— Нѣтъ, Михаилъ Ивановичъ, теперь уже я пѣть не стану.

— Вздоръ вы говорите, мой милый; вотъ что, послушайте моего совѣта: избѣгайте пѣть въ обществѣ плохихъ диллетантовъ, тамъ васъ или избалуютъ излишнею похвалою, что̀ всегда вредно, или надѣлаютъ замѣчаній, отъ которыхъ васъ будетъ коробить; въ обществѣ же настоящихъ музыкантовъ пойте смѣло, потому что отъ нихъ, кромѣ полезныхъ наставленій, вы ничего другаго не услышите. Ну, не капризничайте же, мой другъ, и начинайте опять «Жаворонка».

Я запѣлъ, Глинка сталъ мнѣ вторить; дуэтъ вышелъ великолѣпный. Когда мы окончили послѣднюю фразу, Михаилъ Ивановичъ, не измѣняя своего положенія и въ тонѣ романса, сказалъ:— «еще разъ». Я запѣлъ опять, онъ опять началъ вторить; но на этотъ разъ совершенно иначе, и такъ оригинально, такъ обаятельно, что я едва могъ держать тактъ; меня все тянуло слушать. Дуэтъ шелъ все тише и тише, послѣдняя фраза оканчивалась почти шепотомъ; при заключительныхъ словахъ: «и вздохнетъ украдкой», отъ нервнаго ли состоянія, или просто случайно, я невольно вздохнулъ; въ ту же самую минуту Глинка, который по своему обыкновенію вторилъ, отставая на полъ-такта, повторилъ этотъ вздохъ, но такъ хорошо, такъ мелодично, точно какое нибудь чуткое, тонкое эхо.

Я оглянулся. Все общество, оставивъ мѣста свои, стояло позади насъ и слушало въ глубокомъ молчаніи. Начались похвалы и рукоплесканія.

— Шампанскаго! — крикнулъ Астафьевъ.

— А теперь, Алеша, — сказалъ обращаясь къ нему Глинка: — вы себѣ толкуйте, о чемъ хотите, а я займусь разбойничьею пѣснею, которую ты мнѣ далъ. И доставши изъ боковаго кармана какой-то смятый лоскутокъ бумаги, онъ тщательно расправилъ его, положилъ на пюпитръ и, выпивъ два стакана вина, запѣлъ очень высоко: «Ой, спасибо тебѣ синему кувшину».

Общество опять помѣстилось за круглый столъ, опять пошли разговоры о Венгріи; между тѣмъ, вино разносилось довольно часто и дѣлало свое дѣло: посыпались шутки, остроты, даже кто-то запѣлъ французскую гривуазную пѣсенку; а захмѣлѣвшій Глинка, все возвышая и возвышая голосъ, оглашалъ комнату своею разбойничьею пѣснею.

— Да брось ты свой поганый синій кувшинъ, Михаилъ Ивановичъ, — сказалъ Астафьевъ: — надоѣлъ даже.

— Постой, постой, сейчасъ, послушай, какъ это эффектно!—и онъ, задыхаясь, затянулъ опять чуть не дискантомъ: «Ой, спасибо тебѣ синему кувшину».

Астафьевъ даже плюнулъ.

Мы пошли ужинать. Ужинъ былъ очень оживленный, много смѣялись, шумѣли, а Глинка все возился въ сосѣдней комнатѣ съ своимъ синимъ кувшиномъ. Разстались въ два часа. На улицѣ онъ мнѣ сказалъ:

— Заходите ко мнѣ когда нибудь, я живу въ улицѣ Нецалой, а самое лучшее завтра, въ 11-ть часовъ, тамъ спросите кого нибудь и вамъ всякій укажетъ.

Мы разошлись.

Въ то время въ Варшавѣ проживала одна очень оригинальная личность, нѣкто художникъ П. При безспорномъ дарованіи къ живописи, онъ былъ очень умный, острый и пріятный человѣкъ, имѣлъ во всевозможныхъ слояхъ общества сношенія, былъ знакомъ со многими литераторами, былъ очень милый и добрый малый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая забубенная, безшабашная голова въ мірѣ; его можно было назвать и душою, и enfant terrible холостыхъ сходокъ, съ нимъ рѣдко дѣло обходилось безъ скандала. По окончаніи курса въ академіи художествъ, его отправили за границу, на казенный ли счетъ, или на счетъ его родныхъ, этого я навѣрно не знаю, но только дѣло въ томъ, что онъ, доѣхавъ до Варшавы, сошелся съ веселою свитою князя Паскевича, прокутилъ всѣ свои деньги и дальше уже не поѣхалъ. Не имѣя опредѣленной квартиры, его скудный гардеробъ, папки и краски были разбросаны по всѣмъ знакомымъ. Гдѣ его заставала ночь, тамъ онъ и ночевалъ, какъ дома. Очевидно, послѣ описаннаго вечера у Астафьева, П. ночевалъ у Глинки, потому что, когда я, воспользовавшись приглашеніемъ, пришелъ на другой день, въ 11-ть часовъ, то засталъ такого рода картину: Михаилъ Ивановичъ, въ сѣренькомъ халатикѣ, блѣдный и даже желтый, лежалъ на диванѣ и охалъ, возлѣ него на стулѣ сидѣлъ П. въ костюмѣ, въ которомъ бываетъ только что вставшій съ постели человѣкъ, т. е., по просту говоря, въ одной рубахѣ и туфляхъ.

— Здравствуйте, Михаилъ Ивановичъ, — сказалъ я, входя: — что это вы нездоровы?

— Какое нездоровъ? — слабо проговорилъ Глинка. — Я умираю у меня болитъ и здѣсь, и вотъ здѣсь, дышать не могу. Онъ указалъ на бокъ и на грудь и тяжело вздохнулъ.

П. грустно покачалъ головою и тоже вздохнулъ.

— Вы бы послали за докторомъ, — сказалъ я.

— Нѣтъ, мой другъ, тутъ ничего не сдѣлаешь, смерть пришла.

— Послушай, Михаилъ Ивановичъ, — заговорилъ П.: — это чортъ знаетъ что, пріѣхалъ ты изъ Испаніи, да и думаешь здѣсь жить поиспански, здѣсь, братъ, климатъ совсѣмъ другой. Знаешь что, хвати водки съ перцемъ, ей-Богу!

— Ахъ, отвяжись! — брезгливо сказалъ Глинка: — и безъ того тошнитъ.

— Ну, такъ намъ прикажи подать, вотъ и я совсѣмъ боленъ, такія страшныя колики, охъ, умираю! — и П., схватившись обѣими руками за животъ, началъ комически корчиться и стонать. Слабая улыбка показалась на лицѣ Глинки; онъ лѣниво протянулъ свою бѣлую, пухлую руку, съ большимъ сердоликовымъ перстнемъ, и дернулъ за шнурокъ сонетки. Въ комнату вошелъ Педро, вывезенный имъ откуда-то изъ Севильи или Вальядолидо, исполнявшій при немъ обязанности: няньки, друга и дворецкаго. Глинка сказалъ ему что-то поиспански.

Черезъ нѣсколько минутъ принесли закуску и бутылку бѣлаго вина. П., какъ голодный волкъ, бросился къ столу, выпилъ три рюмки водки сразу и жадно принялся ѣсть.

— Это ужасно, это невыносимо! — жалобно стоналъ Глинка.

— Это у васъ часто бываетъ? — спросилъ я.

— Ахъ, Боже мой, всегда! Вы понимаете всегда, всегда! И здѣсь колетъ, и тамъ душитъ! — онъ опять указалъ и на грудь, и на бокъ.

— Я тебѣ говорю, Глинка, выпей водки, — отозвался съ полнымъ, набитымъ ртомъ П.

— Ахъ, отвяжись!

— Ну, знаешь что, водки не надо, ну, ее къ чорту! А хвати бѣленькаго. Посмотри, это вѣдь Педро-Хименезъ, испанское! Это тебѣ напомнитъ: Гренаду, Севилью, или какую нибудь тамъ донну Карменъ, или донну Инезъ; а ножки-то, ножки тамъ какія! А Альгамбра, а Гвадалквивиръ — выпей право.

И онъ, обернувшись, запѣлъ:

«Ночной зефиръ струитъ эѳиръ;
Шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ».

— А качуча-то, а качуча! — и, вставъ со стула, напѣвая и прищелкивая пальцами на манеръ кастаньетъ, онъ въ своемъ легкомъ костюмѣ началъ кружиться по комнатѣ.

Глинка мгновенно развеселился, легко всталъ съ своего дивана, подошелъ къ столу и выпилъ полъ-стакана бѣлаго вина. Быстро оживляясь, онъ заговорилъ объ испанской музыкѣ, о танцахъ и перешелъ къ варшавскому балету.

Когда черезъ нѣсколько минутъ я взглянулъ на столъ, бутылка была окончательно пуста, подали другую. Глинка совсѣмъ выздоровѣлъ и сдѣлался веселъ.

— Теперь за урокъ, — сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ.

Мы занимались болѣе часу.

— Вотъ что я вамъ скажу, — сказалъ Глинка, вставая изъ-за фортепіано: — приходите ко мнѣ ежедневно, въ 11 часовъ, и мы будемъ заниматься до 12, больше не могу. У меня, знаете, разныя дѣла, хлопоты, да вотъ и теперь писать надо. Онъ взялъ съ этажерки маленькую тетрадь въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ съ мелко разлинеянною нотною бумагою и присѣлъ къ столу.

Я раскланялся и вышелъ въ переднюю. П. провожалъ меня.

— Скажите, — спросилъ я: — сколько онъ беретъ за уроки?

— Ничего. И ради Бога не заикайтесь объ этомъ предметѣ. Вы не можете себѣ представить, сколько очень высокопоставленныхъ лицъ безплодно добиваются того, что вамъ такъ легко досталось; но Боже васъ сохрани манкировать, Глинка обидится и можетъ поссориться съ вами.

Съ тѣхъ поръ я ежедневно, въ 11 часовъ, приходилъ къ Михаилу Ивановичу и онъ занимался со мною часъ, а иногда и больше. Потомъ мы вмѣстѣ отправлялись куда нибудь завтракать. Раза два или три онъ просилъ меня собрать нашихъ казачьихъ пѣсенниковъ, чтобы записать народныя мелодіи, но не нашелъ въ нихъ ничего оригинальнаго. По вечерамъ мы часто встрѣчались у общихъ знакомыхъ, чаще всего у Астафьева. Глинка очень полюбилъ меня и, не смотря на разницу въ нашихъ лѣтахъ, часто разсказывалъ о своихъ предположеніяхъ, о семейныхъ дѣлахъ, а иногда даже по секрету сообщалъ о своихъ эротическихъ похожденіяхъ, о которыхъ, впрочемъ, я и безъ него зналъ отъ П.

Глинка пѣлъ обаятельно и едва ли кто нибудь еще будетъ такъ пѣть; съ этимъ согласится всякій, кто слышалъ его хотя одинъ разъ, но верхомъ совершенства исполненія у него были, по моему мнѣнію, романсы: «Когда въ часъ веселый», «Пью за здравіе Мери», «Ночной смотръ» и болеро «О, дѣва чудная моя!». Этого послѣдняго романса я не слыхалъ, чтобы кто нибудь, кромѣ Глинки, пѣлъ; его какъ-то всѣ обходили, оно, впрочемъ, и понятно. Со мною онъ пѣлъ почти всѣ свои дуэты, но особенно любилъ «Жаворонокъ»; я потомъ видѣлъ печатный дуэтъ этотъ, но Михаилъ Ивановичъ вторилъ мнѣ не такъ, какъ напечатано; другой дуэтъ, который онъ любилъ пѣть со мною, былъ: «Слышу ли голосъ твой звонкій и ласковый»; но, кажется, дуэтъ этотъ остался ненапечатаннымъ.

Лѣто приходило къ концу. Поговаривали о скоромъ отъѣздѣ императорской квартиры изъ Варшавы. Глинка задумалъ сдѣлать вечеръ; вечеръ этотъ онъ мотивировалъ странно: не то онъ праздновалъ день рожденія Глюка, не то день своего пріѣзда въ Гренаду, словомъ что-то въ этомъ родѣ.

Улица Нецалая, какъ извѣстно, не отличается своею шириною, такъ что въ ней лица, живущія визави, могутъ очень удобно переговариваться въ полголоса, особенно вечеромъ. Какъ разъ изъ окна въ окно противъ Глинки жила одна балерина, перлъ тогдашней варшавской сцены; это была женщина всѣми уважаемая, не первой молодости, жившая до крайности тихо съ своимъ многочисленнымъ семействомъ. Всякій вечеръ, когда Глинка игралъ или пѣлъ, ея окна буквально унизывались женскими головами, а по окончаніи музыки оттуда раздавались громкія браво и рукоплесканія, въ отвѣтъ на которыя Михаилъ Ивановичъ подходилъ къ своему окну и вѣжливо раскланивался. Рукоплесканія удвоивались.

Упомянутый вечеръ начался очень церемонно: по случаю какого-то раута, или торжественнаго обѣда, большинство военныхъ явилось въ мундирахъ, а штатскіе въ бѣлыхъ галстухахъ. Все это было до крайности этикетно и скучно; разговоръ шелъ какъ-то лѣниво и все болѣе о предметахъ, давно уже исчерпанныхъ, какъ, напримѣръ, о подробностяхъ пріѣзда австрійскаго императора въ Варшаву или о подробностяхъ сдачи Гёргея Ридигеру. Глинка ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и хандрилъ, вино тоже пилось вяло, не смотря на невозможные тосты, которые поминутно провозглашалъ П., усердно угощая всѣхъ, а въ особенности самого себя.

Часу въ двѣнадцатомъ царская свита и почти всѣ военные разъѣхались, такъ какъ назавтра былъ назначенъ смотръ; осталось не болѣе пятнадцати человѣкъ.

— Давайте, господа, сваримъ жженку теперь, а къ ужину она у насъ остынетъ, — сказалъ вдругъ Глинка.

Предложеніе было единогласно принято.

Педро и П. втащили громадный котелъ, влили въ него всякія снадобья и зажгли; свѣчи потушили. Комната приняла странный, фантастическій видъ: пламя жженки, переливаясь то голубымъ, то желтымъ, то розовымъ свѣтомъ, причудливо окрашивало лица гостей и бросало ихъ волнистые силуеты на стѣну. Педро стоялъ у котла, весь ярко освѣщенный, и мѣшалъ длиннымъ желѣзнымъ прутомъ; его испанское худощавое лицо казалось болѣе блѣднымъ и зловѣщимъ, чѣмъ когда нибудь.

Всѣ стихли, точно при совершеніи какого-то таинственнаго обряда, и разсѣлись въ глубинѣ комнаты. Поддавшись невольно впечатлѣнію этой обстановки, я запѣлъ речитативъ статуи командора изъ «Донъ-Жуана», но едва успѣлъ произнести второе слово, какъ уже услышалъ прелестный аккомпанементъ Глинки. Речитативъ кончился, а онъ продолжалъ фантазировать на эту тему: широкими волнами полилась мрачная, печальная мелодія, охватившая своимъ грандіознымъ обаяніемъ всѣхъ слушателей; въ этой мелодіи какъ будто слышались то голоса изъ-за могилы, то робкая безпо-

мощная жалоба, то стоны и рыданія наболѣвшей, изстрадавшейся души, и всѣ они, переплетаясь между собою, уносили воображеніе въ какую-то далекую, мистическую область; фантасмагоріей проходили передъ глазами образы Макбетовскихъ призраковъ, Валпургіева ночь, похороны Лючіи ди Ламермуръ, волчья долина, умирающая Дездемона и тоскливо бьющаяся передъ костромъ Ифигенія. Мы жадно слушали, слезы подступали къ горлу, даже жутко становилось.

— Фу, какая духота! Можно снять сюртукъ?—раздался изъ угла чей-то голосъ.

— Хоть донага раздѣвайся,—проговорилъ Глинка, продолжая играть.

— Вотъ это умно сказано,—воскликнулъ П., имѣвшій странную привычку при охмѣленіи раздѣваться и, мгновенно сбросивъ съ себя все, козлиными прыжками приблизился къ котлу.

— Да это уже выходитъ праздникъ островитянъ,—расхохотавшись, сказалъ Глинка и, сразу оборвавъ грустную мелодію, заигралъ что-то такое бѣшеное и съ такимъ учащеннымъ тактомъ, что насъ стало подергивать; казалось вотъ, вотъ сейчасъ мы всѣ пустимся плясать: тактъ все болѣе и болѣе ускорялся, мелодія потеряла свое названіе, это уже была какая-то дикая, разнузданная вакханалія, пламенная и опьяняющая; точно будто вырвавшись изъ мрака смерти, душа сладострастно погружалась въ самую глубину горнила жизни. Пальцы Глинки бѣгали по клавишамъ съ быстротою электричества; сухопарый П., размахивая длинными руками, какъ крыльями и присвистывая какъ-то поптичьи, волчкомъ кружился у котла.

— Нѣтъ, не могу больше!—наконецъ, прохрипѣлъ онъ, падая навзничь на полъ.

— Я тоже не могу больше, пойдемте ужинать,—сказалъ Михаилъ Ивановичъ и всталъ изъ-за рояля.

Въ воцарившейся на мгновеніе тишинѣ мы услышали звукъ торопливо запиравшихся оконъ балерины и женскіе голоса, которые отчаянно пищали:

— Боже, стыдъ якій! Езусъ, Марія! Отто выборня, фуй, фуй!

Тутъ только оказалось, что во время дикой пляски позабыли опустить сторы.

Прямо съ вечера я поѣхалъ на смотръ, а по окончаніи его снова вернулся въ Нецалую улицу.

Глинка, какъ всегда, лежалъ въ сѣренькомъ халатикѣ на диванѣ и охалъ, но, кромѣ того, на этотъ разъ видно было, что онъ на что-то злится. П., обыкновенно развлекавшій его по утрамъ, отсутствовалъ; онъ еще съ вечера куда-то безслѣдно пропалъ.

— Что это вы, Михаилъ Ивановичъ, опять нездоровы?—спросилъ я.

— Да, нездоровъ,—нервно отвѣчалъ онъ:—да къ болѣзни-то я привыкъ, а вотъ я вамъ скажу—край здѣсь такой, что жить невозможно; что это за климатъ: вчера было до духоты жарко, а сегодня хоть шубу надѣвай.

Я взглянулъ въ открытое окно: въ него врывались палящіе лучи солнца и струи горячаго воздуха; на дворѣ было невыносимо жарко.

— И потомъ еще то непріятно,—продолжалъ онъ:—что изъ-за всякаго вздора приходится имѣть объясненіе съ полиціею, а полиція эта грубая, знаете, такая; я не могу такъ, я опять уѣду въ Испанію.

Послѣдовала цѣлая серія смотровъ, такъ что только чрезъ десять дней я могъ навѣдаться къ Михаилу Ивановичу. Его не было дома; еще разъ пять заходилъ я къ нему, и мнѣ всякій разъ отвѣчали то же самое, наконецъ, я совсѣмъ пересталъ приходить; у знакомыхъ я его тоже не встрѣчалъ—Астафьевъ уѣхалъ. Поговаривали сперва, что у Глинки завелся какой-то романическій амуръ; затѣмъ пронесся слухъ, что онъ совсѣмъ уѣхалъ, и мало-по-малу о Михаилѣ Ивановичѣ позабыли въ Варшавѣ.

Наступила осень, дни хотя были и теплые, но зори и ночи стали очень холодны, сухой листъ шуршалъ подъ ногами, въ паркахъ деревья съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнажались. Съ отъѣздомъ императора прекратились всякія празднества, гости разъѣхались, пошла обычная будничная жизнь. Въ Варшавѣ становилось скучно, мы тоже со дня на день ожидали объявленія похода въ Петербургъ. Пользуясь остатками хорошей погоды, вся наша полковая молодежь каждое утро каталась верхомъ по окрестностямъ.

За Повонзковскою рогаткою стоялъ тогда ресторанъ, славившійся старыми венгерскими винами; хозяинъ ресторана былъ человѣкъ очень почтенный, а семья его совсѣмъ патріархальная; хорошенькія дочки получили прекрасное образованіе и держали себя такъ скромно, что поѣздки туда имѣли болѣе видъ визита къ хорошимъ знакомымъ, чѣмъ посѣщенія загороднаго ресторана; отъ этого, впрочемъ, наша молодежь туда рѣдко ѣздила. На дворѣ ресторана стояла собачья конура, а къ ней на цѣпи былъ прикованъ великолѣпный водолазъ, добрѣйшее созданіе въ мірѣ, котораго и приковали-то для того, чтобы кто нибудь не укралъ. Всякій разъ, какъ мнѣ случалось бывать тамъ, я ходилъ во дворъ и игралъ съ этимъ добрымъ псомъ.

Однажды, вдвоемъ съ товарищемъ мы поѣхали за Повонзковскую рогатку, остановились въ ресторанѣ и спросили себѣ бутылку венгерскаго; пока бѣгали на погребъ и ставили стаканы, я отпра-

вился къ своему другу водолазу и, дойдя до конуры, остановился, пораженный неожиданною картиною: на землѣ былъ разостланъ громадный холстъ, на немъ сидѣли хорошенькія дочки ресторатора, а между ними, въ красной шелковой сѣткѣ на головѣ (вѣроятно, испанской), Михаилъ Ивановичъ Глинка. Всѣ они очень усердно чистили бобы.

— Михаилъ Ивановичъ, — воскликнулъ я, бросаясь къ нему:— такъ вы еще не уѣхали?

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ онъ, немного, однако, сконфузившись.— А вы что тутъ дѣлаете?

— Я пріѣхалъ пить венгерское.

— Одни?

— Нѣтъ, съ товарищемъ.

— Такъ и я выпью съ вами стаканъ, пойдемте.

Онъ всталъ, отряхнулъ съ себя соръ отъ шелухи бобовъ, взялъ меня подъ руку и мы пошли къ ресторану.

— А что, — спросилъ дорогой Глинка, прижимая локтемъ мою руку: — хороша, не правда ли?

Онъ слегка кивнулъ головой назадъ.

— Да, хороша, — отвѣчалъ я.

— Да, хороша, — передразнилъ меня Глинка. — Вы такъ холодно это говорите, точно про похлебку съ бобами. Не хороша, а прелестна, очаровательна! Эта бы и въ Гренадѣ обратила на себя вниманіе.

— Простите, Михаилъ Ивановичъ, это я такъ съ холоду.

— То-то, съ холоду.

Мы вошли въ ресторанъ, выпили по рюмкѣ вина, послѣ чего Глинка подошелъ прямо къ роялю и началъ перебирать клавиши.

— А вѣдь я не пѣлъ еще вамъ одного романса, недавно написаннаго мною.

И вслѣдъ затѣмъ запѣлъ: «Ночной смотръ».

— Хорошо? — спросилъ онъ.

— Это прелесть, Михаилъ Ивановичъ.

— Да, кажется, порядочно; мнѣ нравится вотъ это мѣсто: «и армія честь отдаетъ».

— Постойте, я вамъ пропою еще, — и онъ пропѣлъ: «Кубокъ янтарный».

Я налилъ еще рюмку вина, мы чокнулись; очевидно, Глинка былъ въ музыкальномъ настроеніи.

— Споемъ теперь нашъ дуэтъ: «Слышу ли голосъ твой»,— сказалъ онъ.

Что-то зашелестѣло за нами; я оглянулся, всѣ хорошенькія хозяйки стояли сзади.

— Не тамъ стоите, — сказалъ имъ Михаилъ Ивановичъ: — перейдите сюда,—и указалъ имъ напротивъ себя. Послѣ этого онъ

быстро откинулся назадъ и запѣлъ еще не слышанный мною дотолѣ романсъ на слова Мицкевича: «Kochanko moja».

Романсъ былъ поразительно хорошъ.

— Это вы недавно сочинили, Михаилъ Ивановичъ?

— Да, недавно, даже еще не написалъ его, c'est pour elle, — шепнулъ онъ мнѣ, кивнувъ головою на одну изъ хозяекъ, которая налила рюмку вина и подала ему; Глинка выпилъ и сдѣлалъ движеніе, чтобы встать.

— Бога ради, Михаилъ Ивановичъ, — сказалъ я: — не откажите, пропойте еще одну только вещь: «Когда въ часъ веселый.»

Онъ опять откинулся назадъ, впился глазами въ хорошенькую хозяйку и запѣлъ.

Лучше этого раза онъ никогда не пѣлъ при мнѣ.

Послѣ художественнно произнесенныхъ словъ: «Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать», Глинка вскочилъ и, переваливаясь, побѣжалъ черезъ залъ.

— Михаилъ Ивановичъ, — крикнулъ я: — еще одно слово.

— Не могу, — отвѣчалъ онъ, на ходу отмахиваясь правою рукою: — некогда, надо еще бобы дочистить.

И онъ скрылся за дверью.

Это былъ послѣдній разъ, что я видѣлъ Михаила Ивановича въ Варшавѣ; черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ за границу.

Года черезъ полтора, Глинка отыскалъ самъ меня въ Петербургѣ; я былъ очень радъ опять встрѣтиться съ нимъ, потому что, помимо его громаднаго дарованія, я отъ души полюбилъ этого истинно хорошаго человѣка съ его мягкою, нѣжною и ребячески довѣрчивою душою; я часто посѣщалъ его и бывалъ почти на всѣхъ его музыкальныхъ вечерахъ; говорить о нихъ нечего, они извѣстны всему музыкальному и не музыкальному міру. Иногда Михаилъ Ивановичъ для этихъ вечеровъ перекладывалъ на нѣсколько фортепіано разныя классическія произведенія; въ исполненіи ихъ участвовали лучшія музыкальныя силы того времени: самъ Михаилъ Ивановичъ, Даргомыжскій, Сѣровъ и другіе, и высшей музыки я въ своей жизни не слышалъ.

Однажды, вечеромъ, я зашелъ къ Глинкѣ; онъ тогда только что переѣхалъ на квартиру въ домъ Лопатина, у Аничкина моста, такъ что еще комнаты не были прибраны и по угламъ въ безпорядкѣ валялись разныя вещи. Михаилъ Ивановичъ сидѣлъ у стола и охалъ; очевидно, онъ находился въ припадкѣ хандры; мнѣ подали чай; я сѣлъ противъ него и молча закурилъ папироску; время тянулось, мы изрѣдка съ нимъ перебрасывались нѣсколькими словами—становилось скучно, я собрался было уйдти, но онъ удержалъ меня, и такъ мы просидѣли часовъ до 10-ти; вдругъ раздался звонокъ, и

вошелъ мой бывшій учитель — Лодій. Глинка очень обрадовался и бросился ему навстрѣчу.

Андрей Петровичъ Лодій былъ очень веселаго нрава; иногда разсказывалъ такія вещи, что хоть кого могъ разсмѣшить; такъ случилось и въ этотъ вечеръ. Глинка развеселился и самъ пустился въ разсказы.

— Утѣшь же меня, Андрюша, — сказалъ онъ Лодію: — пропой: «Давно ли роскошно».

— Изволь, — сказалъ тотъ и пошелъ къ роялю.

Въ это время раздался еще звонокъ, и въ комнату вошелъ третій гость, кажется, Сѣровъ.

Я много разъ слышалъ романсъ: «Давно ли роскошно», слышалъ его отъ первоклассныхъ исполнителей; за исключеніемъ самого Глинки, лучше прочихъ, по моему мнѣнію, его пѣлъ Леоновъ; но та̀къ, какъ пѣлъ Лодій, его положительно не пѣлъ никто. Лодій въ этомъ романсѣ превосходилъ самого композитора. Столько было задушевной тоски и сожалѣнія о минувшемъ въ его andante и столько огня, жизни и неудержимой страсти въ alegro, что невольно, какъ говорится, «мурашки бѣгали по тѣлу».

— Спасибо, спасибо, Андрюша, спасибо, голубчикъ! — воскликнулъ Глинка, бросаясь къ нему и протягивая обѣ руки. Они крѣпко обнялись, у обоихъ на глазахъ были слезы.

— А за это, — продолжалъ онъ: — а за это мы тебѣ вотъ съ нимъ, — онъ указалъ на Сѣрова, — сыграемъ только что переложенную мною на четыре руки: «Амазонъ польку».

Я такъ и оторопѣлъ. Послѣ этой чудной музыки слушать «Амазонъ польку», которая, родившись подъ смычками Лядова и Гунгля и пройдя черезъ странствующіе оркестры и трактирные органы, пріютилась въ шарманки (попросту, въ простонародіи называемыя катеринки), уже служила потѣхою для посѣтителей какого нибудь грязнаго Глазова кабака.

Но при первыхъ аккордахъ я навострилъ уши; это переложеніе было такъ хорошо, что заставляло позабыть избитую тему; хотѣлось все слушать и слушать; и странное чувство пробѣгало въ душѣ при звукахъ этого тривіальнаго мотива, по которому прошла рука великаго композитора; оно почти было равносильно тому, какъ если бы истертая и истрепанная уличная красавица вдругъ заговорила могучимъ языкомъ Байрона.

Вскорѣ Глинка уѣхалъ за границу, я очутился на югѣ Россіи, и мы болѣе въ жизни не встрѣчались.

Въ 1861 году, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Берлинѣ, въ клиникѣ Грефе, я жилъ нѣкоторое время въ меблированныхъ комнатахъ, ежели не ошибаюсь, m-me Майеръ; она была очень доб-

рая женщина и, видя меня истомленнаго, блѣднаго и полуслѣпаго, приходила почти каждый день справляться о моемъ здоровьѣ, причемъ нещадно болтала. Одинъ разъ, выхваляя удобства своего заведенія, она сказала, что у нея постоянно останавливалось много русскихъ, которые всѣ остались очень довольны, и назвала нѣсколько извѣстныхъ именъ; а здѣсь даже одинъ и умеръ у меня вашъ русскій, — заключила она, — Глинка.

— Глинка, Михаилъ Ивановичъ!? — забывшись, вскричалъ я порусски.

— Ja, ja, Glinka, Michal Glinka, — улыбаясь, отвѣтила старуха.

Такъ, судьба еще разъ въ жизни привела меня быть въ комнатѣ, гдѣ жила и откуда улетѣла въ вѣчность пламенная душа нашего геніальнаго композитора.

II.

Лаврентьевъ.

Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ дано было порученіе въ раіонѣ расположенія ....скаго пѣхотнаго полка. Полкъ стоялъ лагеремъ за рѣкой Бѣлой, на правомъ крылѣ бывшей кавказской линіи. Я пріѣхалъ на исходѣ дня, какъ разъ передъ вечерней зарей. Весело было смотрѣть на ряды мужественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушныхъ лицъ кавказскихъ солдатъ; на каждой груди блестѣлъ или крестъ, или медаль; въ шеренгахъ попадались офицеры съ черными перевязками; по всему видно было, что война окончилась недавно. Ударили на молитву, и трехтысячный хоръ запѣлъ «Отче нашъ».

Да, хорошее это было время, да и какъ ему не быть хорошимъ; война тогда стягивала на Кавказъ лучшія силы Россіи.

Аристократія искала тамъ быстрой карьеры; жажда дѣятельности привлекала энергичныхъ людей, а сорви-головы, которымъ тѣсно и душно въ обыденной атмосферѣ жизни, какъ мотыльки на огонь, слетались на эту постоянно опасную и обильную приключеніями службу; кромѣ того, ученые, художники, артисты, путешественники съѣзжались со всего міра, и всѣ эти элементы сливались въ одну теплую, братскую семью и сливались искренно, потому что никто изъ нихъ не могъ поручиться за то, что черезъ минуту какая нибудь шальная пуля, пущенная изъ-за куста, или въ открытое окно, или, наконецъ, прилетѣвшая Богъ ее знаетъ откуда, не отправитъ его туда, гдѣ происхожденіе, богатство, подлость или клевета не имѣютъ никакого значенія; тѣ же самые люди въ другомъ болѣе безопасномъ мѣстѣ становились и гордецами, и эгоистами, и наушниками; казалось, ангелъ смерти, витав-

шій надъ гордыми твердынями Кавказа, отгонялъ прочь злую силу, которая внѣ черты этого очарованнаго края снова вступала въ права свои.

Барабанщикъ ударилъ отбой, горы глубже ушли въ мракъ ночи, звѣздочки высоко и ярко засвѣтились. Военный день окончился и солдаты разошлись по палаткамъ.

Полковой командиръ, полковникъ Б., пригласилъ меня остановиться на ночлегъ у него въ небольшомъ домикѣ, вблизи лагеря, куда мы съ нимъ и отправились.

Полковникъ Б. представлялъ собою типъ весьма не рѣдкій на тогдашнемъ Кавказѣ: онъ былъ грузинъ, добрый и дѣтски довѣрчивый человѣкъ, весь израненный, георгіевскій кавалеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, вѣроятно, не прочиталъ въ жизни ни одной книги, да если бы и захотѣлъ, то едва ли бы справился съ этимъ дѣломъ. За то браниться былъ крѣпокъ и въ минуты гнѣва не только не стѣснялся въ словахъ, но даже и въ жестахъ (натурально, съ солдатами). Легендарно храбрый, онъ первымъ встрѣчалъ смерть лицомъ къ лицу и первый бѣжалъ на помощь къ раненымъ; не разъ случалось, что онъ отдавалъ послѣднія деньги вдовѣ какого нибудь подчиненнаго, но за то, когда разсердится, то могъ довести до отчаянія нервнаго человѣка. Мы съ нимъ сдѣлали нѣсколько походовъ и были пріятелями.

Домикъ, занимаемый полковникомъ, былъ освѣщенъ какъ фонарикъ; чрезъ открытыя окна виднѣлись головы офицеровъ, успѣвшихъ прійдти ранѣе насъ.

У входа полковникъ остановился и вопросительно крикнулъ:

— Лаврентьевъ, а что чай готовъ?

— Готовъ, ваше высокоб—родіе,—какъ-то беззвучно отвѣчалъ встрѣтившій насъ деньщикъ.

— А закуска?

— Готова, ваше высокоб—родіе.

— То—то же, смотри у меня, сидѣть въ передней и не шляться чортъ знаетъ гдѣ, какъ въ прошлый разъ, когда гости были; а то я тебѣ, подлецу, ни одного зуба во рту не оставлю, слышалъ, а?

— Слушаю, ваше высокоб—родіе.

— Покорно прошу,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Мы вошли.

Вечеръ проходилъ весело, оживленно, какъ всѣ кавказскіе штабъ-квартирныя вечеринки того времени. Общество разбилось на группы. Молодежь окружила въ одномъ углу толстаго, краснолицаго капитана, который чистымъ московскимъ нарѣчіемъ разсказывалъ какой-то эпизодъ изъ скандальной станичной хроники. Въ другомъ углу, у окна, пріютились три медика и шипящимъ польскимъ языкомъ разговаривали хотя очень оживленно, но въ полголоса. Четыре баталіонныхъ командира чинно играли въ преферансъ, а да-

лѣе у дверей сидѣли въ высокихъ папахахъ два татарина, лукаво посматривая на все окружающее и скаля по временамъ бѣлые зубы, точно сверкая ими.

Я пріютился на диванѣ съ однимъ штабсъ-капитаномъ, который въ прошломъ году при мнѣ былъ тяжко раненъ и теперь какимъ-то неровнымъ, свистящимъ голосомъ разсказывалъ грустную исторію своей болѣзни.

Хозяинъ, веселый, довольный, съ разрумянившимся лицомъ, переходилъ отъ одной группы къ другой, радушно угощая всѣхъ единственнымъ «рафрешисементомъ»—кахетинскимъ виномъ. Лаврентьевъ шелъ за нимъ по пятамъ, съ подносомъ, установленнымъ бутылками.

Полковникъ подошелъ ко мнѣ. Мы съ нимъ чокнулись и выпили по стакану.

Въ это время послышался изъ сосѣдней комнаты какой-то молодой голосъ, напѣвающій не то пѣсню, не то романсъ.

— А что,—сказалъ мнѣ вдругъ полковникъ:—не споете ли вы намъ что нибудь, вѣдь съ вами, вѣроятно, по обыкновенію, есть ноты.

Мнѣ, по правдѣ сказать, вовсе не хотѣлось пѣть, — Б. ровно ничего не смыслилъ въ музыкѣ, но съ другой стороны и отказывать было неловко, тѣмъ болѣе, что когда рѣчь зашла о пѣніи, то всѣ встали съ своихъ мѣстъ и подошли къ намъ.

Дѣлать было нечего, я пошелъ за нотами.

Надо сказать, что я имѣлъ привычку во всѣ свои поѣздки брать съ собою нѣсколько тетрадей нотъ, и это мои знакомые знали

Возвратясь назадъ, я засталъ полковника на прежнемъ мѣстѣ. Лаврентьевъ съ подносомъ стоялъ за нимъ.

Я положилъ тетрадь на фортепіано и машинально раскрылъ ее на какомъ-то романсѣ.

— Кто же мнѣ будетъ аккомпанировать? — спросилъ я, обращаясь къ присутствовавшимъ.

— Объ этомъ не безпокойтесь, — отвѣчалъ Б. — Лаврентьевъ, маршъ за фортепіано!

Деньщикъ поставилъ на ближайшій столъ подносъ и исполнилъ приказаніе своего командира. Воцарилось глубокое молчаніе.

Я очутился въ довольно странномъ положеніи и уже окончательно не зналъ, какъ поступить; понастоящему, слѣдовало бы, сговориться съ аккомпаніаторомъ, котораго видишь въ первый разъ въ жизни. А какъ это сдѣлать: заговорить какъ съ артистомъ и называть его «вы», но вѣдь не дальше какъ часъ тому назадъ полковникъ категорически заявилъ, что онъ ему «ни одного зуба во рту не оставитъ»; заговорить же какъ съ деньщикомъ, съ человѣкомъ, который собирается мнѣ аккомпанировать—признаюсь, не хватило духу.

Я думалъ обо всемъ этомъ, безсознательно устремивъ взглядъ на свѣтлорусую голову Лаврентьева, апатично наклоненную надъ фортепіано.

— Ну, что же? — крикнулъ полковникъ.

Лаврентьевъ вздрогнулъ.

— Прикажете начать? — спросилъ онъ, привставая и полуоборачиваясь ко мнѣ.

— Да, пожалуйста, — разсѣянно проговорилъ я, не взглянувъ на ноты.

Тетрадь была раскрыта на романсѣ Глинки «Кубокъ».

Романсъ этотъ далеко не изъ легкихъ, особенно въ аккомпанементѣ, и потому я избѣгалъ пѣть его въ обществѣ.

Но было поздно думать объ этомъ. Лаврентьевъ быстро пробѣжалъ своими сухими пальцами по клавишамъ, затронулъ какой-то мотивъ и мастерски, двумя аккордами, перемѣнивъ тонъ, перешелъ къ романсу.

Я запѣлъ. Онъ аккомпанировалъ великолѣпно, на лету схватывая часто совсѣмъ произвольныя модуляціи. Подъ его костлявыми, не совсѣмъ чистыми руками, разбитое штабъ-квартирное фортепіано говорило страстнымъ, могучимъ языкомъ. Я былъ увлеченъ этимъ пламеннымъ аккомпанементомъ и чувствовалъ, что пьеса идетъ хорошо. Послѣдній куплетъ мы окончили среди оглушительныхъ рукоплесканій.

Меня подошли благодарить.

— Великолѣпная вещь, — сказалъ, обращаясь ко мнѣ, Лаврентьевъ: — но странно, я ее въ первый разъ слышу.

— А вы знакомы съ музыкой Глинки?

— Какъ-же-съ, многое пробовалъ на оркестръ перекладывать, да не выходитъ.

— Отчего же?

— Трудно, геніальный композиторъ былъ; переложу — вижу слабо и разорву партитуру. Вотъ Варламовъ — другое дѣло, его сочиненій я много переложилъ на нашъ полковой хоръ и удалось, недурно играютъ.

— Прапорщикъ М., пожалуйте сюда, — скомандовалъ полковникъ.

Подошелъ молодой офицеръ.

— А спойте-ка намъ тотъ дуэтъ, что я такъ люблю, — Лаврентьевъ начинай.

Послѣ прелюдіи, деньщикъ запѣлъ первое a parté только что вышедшаго тогда дуэта «Моряки».

Онъ пѣлъ звонкимъ, груднымъ теноромъ и владѣлъ имъ замѣчательно хорошо.

— Теперь, — скомандовалъ полковникъ, когда они окончили: — валяй свой вальсъ.

Офицеры подвинулись еще ближе къ фортепіано. Въ комнатѣ стало тихо, слышалось только крупное, сиплое дыханіе хозяина.

Волны звуковъ понеслись съ неудержимою силою, это была жгучая, бѣшеная пѣсня любви; Лаврентьевъ сидѣлъ, опрокинувъ голову, яркій румянецъ игралъ на щекахъ его, а звуки лились, какъ горный водопадъ, клубясь и увлекая за собою все; даже татары повставали съ своихъ мѣстъ. Такъ сочинить и такъ исполнить могъ только безумно влюбленный человѣкъ.

Восторгъ выражался на всѣхъ лицахъ.

— Очень хорошо, братецъ,—похвалилъ полковникъ.

Лаврентьевъ хотѣлъ было встать, но я удержалъ его и просилъ спѣть что нибудь изъ своего сочиненія.

Онъ провелъ руками по клавишамъ и, послѣ печальной, щемящей душу прелюдіи, запѣлъ на слова Лермонтова:

«На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла».

Глубоко тоскливо звучали и мелодія, и исполненіе; это, очевидно, было прощаніе съ чѣмъ-то милымъ, безгранично любимымъ. Я замѣтилъ, что голосъ его нѣсколько разъ дрогнулъ.

— Ну, а теперь довольно, — порѣшилъ послѣ романса полковникъ: — ужъ поздно; пошелъ, подавай закуску.

Лавреньевъ всталъ изъ-за фортопіано и, тихо вздохнувъ, началъ накрывать на столъ.

III.

Часу въ первомъ ночи въ домѣ полковника все стихло; я еще не тушилъ свѣчи и, лежа въ постели, курилъ, размышляя о только что окончившемся музыкальномъ вечерѣ, я бы сказалъ, по меньшей мѣрѣ, странномъ, но въ тѣ времена и не такія странности встрѣчались на Кавказѣ; живя тамъ, человѣкъ привыкалъ ничему не удивляться, я и не удивлялся, а просто думалъ о всемъ происшедшемъ передъ моими глазами.

Дверь тихо скрипнула, и въ комнату осторожно вошелъ деньщикъ-музыкантъ.

— Что вы Лавреньевъ? — спросилъ я.

— Пришелъ забрать платье и сапоги вашего высокоблагородія, почистить назавтра, — отвѣчалъ онъ.

— Хорошо, еще успѣете; берите стулъ, сядьте возлѣ меня. Папиросу хотите?

Деньщикъ совершенно свободно сѣлъ у моей кровати и закурилъ папироску. Нѣсколько минутъ мы оба молчали. Я съ любо-

пытствомъ разсматривалъ его. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 24-хъ, съ наружностью, положительно не представлявшею ничего особеннаго: довольно правильный носъ, тонкія, спокойныя губы и свѣтлосѣрые, равнодушные и какъ будто усталые глаза, вотъ и все.

— Я хотѣлъ просить васъ,—началъ я:—переписать для меня вашъ романсъ «На свѣтскія цѣпи».

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ:—но у меня нотной бумаги нѣтъ, а вы когда уѣзжаете?

— Да завтра утромъ.

— Значитъ не успѣю, теперь бѣжать къ капельмейстеру поздно, вѣроятно, спитъ, а то, пожалуй, и выпилъ.

— А онъ у васъ пьетъ?

— Да, знаете, пофельдфебельски,—на ночь, а человѣкъ, впрочемъ, хорошій.

— Такъ какъ же романсъ-то?

— Если позволите, то по времени я напишу его и попрошу полковника переслать къ вамъ; я вѣдь какъ сочинилъ, то еще не писалъ его, а иначе съ удовольствіемъ бы свой экземпляръ вамъ отдалъ.

— Давно вы его сочинили?

— Три года тому назадъ подъ Москвою.

— Простите за нескромность, вы тогда любили кого нибудь?

У него что-то мгновенно блеснуло въ глазахъ, но только на мгновенье, а потомъ онъ совершенно спокойно сказалъ.

— Да, любилъ, трудно было не любить; а, впрочемъ, все это было непростительно глупо съ моей стороны.

— Разскажите, Леврентьевъ, какъ вы попали сюда въ деньщики?

— Съ удовольствіемъ, только вѣдь поздно, вы, можетъ быть, спать хотите.

— Объ этомъ не безпокойтесь.

Онъ выкурилъ еще папироску, тщательно потушилъ ее и началъ:

— Я былъ крѣпостнымъ помѣщика Ивана Петровича Шейна подъ Москвою. Иванъ Петровичъ былъ вдовъ, очень богатъ и имѣлъ одну всего дочь, Наталью Ивановну, которой я приходился молочнымъ братомъ. Когда моя мать выкормила барышню, ее оставили въ нянькахъ и взяли жить въ горницу, а такъ какъ около этого времени умеръ мой отецъ, то взяли и меня. Съ самаго ранняго возроста я по цѣлымъ днямъ игралъ съ Наташей, лѣтомъ въ саду, а зимой въ громадной концертной залѣ, всецѣло принадлежавшей намъ, благо Иванъ Петровичъ почему-то не любилъ этой комнаты и никогда въ нее не заглядывалъ. Когда Наташѣ минуло 6-ть лѣтъ, приходскій священникъ отецъ Михаилъ началъ обучать ее грамотѣ, ариѳметикѣ и Закону Божію; стали вмѣстѣ обучать и меня, чтобы

барышнѣ скучно не было. Когда Наташѣ было 10-ть лѣтъ, ей выписали гувернантку француженку, а мнѣ Иванъ Петровичъ справилъ синій казакинъ съ красными сердечками на груди и приставилъ меня казачкомъ къ трубкамъ. Я уже тогда бойко читалъ и въ успѣхахъ перегналъ Наташу. Во мнѣ развилась страсть къ чтенію, тѣмъ легче удовлетворявшаяся, что ключи отъ библіотеки были сперва у моей матери, имѣвшей обязанностью пересматривать книги два раза въ годъ — о Рождествѣ да на Свѣтлый праздникъ, а потомъ обязанность эта вмѣстѣ съ ключами порешла ко мнѣ. Дѣла у меня было немного и потому я жадно и безъ разбора читалъ почти весь день. Читалъ я подрядъ: и романы Вальтеръ-Скота, и исторію крестовыхъ походовъ Мишле, и драмы Озерова, и сочиненія Эксхартсгаузена, однимъ словомъ все, что только попадалось подъ руку. Съ Наташей я видѣлся все рѣже и рѣже, хорошо сознавая, что она барышня, а я—крѣпостной, и старался избѣгать встрѣчъ съ нею, проводя все время за чтеніемъ, кромѣ старыхъ книгъ, и разныхъ современныхъ журналовъ, такъ какъ еще ежегодно выписывались: «Библіотека для Чтенія», «Отечественныя Записки» и «Сынъ Отечества», до которыхъ Иванъ Петровичъ даже не дотрогивался, довольствуясь исключительно «Московскими Вѣдомостями». Послѣ смерти моей матери, барышнѣ уже не зачѣмъ было бѣгать къ намъ въ комнату, такъ что мы съ ней почти перестали встрѣчаться.

Прошло два года. Француженка начала учить барышню на фортепіано. Я не могу передать вамъ то чувство, которое овладѣло мною, когда я услышалъ первый аккордъ: слезы подступили къ горлу и весело сдѣлалось мнѣ; казалось, я слышу что-то знакомое, уже когда-то слышанное. Незамѣтно прокрадываясь во время уроковъ въ залу, я оставался въ ней, пока онѣ уходили къ себѣ на верхъ, и тогда садился за фортепіано, открывалъ школу и старался инстинктомъ угадать то, что объяснялось недавно на чуждомъ для меня языкѣ. Разъ какъ-то, дойдя почти до отчаянія, я побѣжалъ съ школой въ рукахъ къ отцу Михаилу для разъясненія непонятныхъ для меня знаковъ. По счастью, старикъ, воспитываясь въ семинаріи былъ пѣвчимъ и зналъ начальныя правила музыки, хотя въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; онъ показалъ мнѣ значеніе нотъ, ихъ дѣленіе и паузы. Тогда для меня все стало ясно; я уже сознательно слушалъ уроки гувернантки и по уходѣ ея и Наташи сознательно садился за фортепіано. Я учился одинъ, самъ, и скоро далеко перегналъ барышню. Такъ прошло еще два года; гувернантка объявила Петру Ивановичу, что ея воспитанницѣ необходимо учиться пѣть, потому что голосъ у нея замѣчательный. Недѣли черезъ три послѣ этого, пріѣхалъ изъ Москвы учитель нѣмецъ, добрый старикъ, съ голубыми, какъ васильки, глазами, и съ Бетховенской улыбкой; звали его Августъ Ѳедоровичъ Браун-

таль. Начались уроки пѣнія, тутъ мнѣ не для чего было бѣгать къ отцу Михаилу: Августъ Ѳедоровичъ объяснялъ порусски, я свободно могъ, оставаясь одинъ въ залѣ, повторять пройденный урокъ. Я страстно занялся музыкой, даже чтеніе бросилъ. Однажды, во время моихъ упражненій, въ залу вошелъ старикъ-учитель, постоялъ нѣсколько минутъ, покачалъ головою и на ципочкахъ вышелъ; я все это видѣлъ въ зеркало. На другой день онъ просилъ Ивана Петровича дозволить учить меня даромъ. Меня уволили отъ должности козачка и приказали учиться опять вмѣстѣ съ барышней; успѣхи пошли быстрѣе, чѣмъ я думалъ. Наташѣ минуло 14, а мнѣ 15 лѣтъ, она была прелесть какая хорошенькая, а главное такая добрая и милая, что не любить было невозможно—и я полюбилъ ее, но странно: догадался я объ этомъ чувствѣ только тогда, когда потерялъ всякую надежду встрѣтиться съ ней когда нибудь въ этой жизни. У нея положительно была музыкальная способность, но выдержки—никакой, и дальше салоннаго пѣнія она навѣрное никогда не пошла бы, но за то голосъ—безъ всякаго преувеличенія—соловьиный. Мы начали пѣть дуэты. На досугѣ Августъ Ѳедоровичъ вызвался учить меня понѣмецки и поитальянски; для того, говорилъ онъ, что надо понимать то, что поешь. Наташа тоже начала было учиться этимъ языкамъ, но ей скоро надоѣло, и она бросила.

Браунталь получалъ 600 руб. въ годъ съ тѣмъ, чтобы, кромѣ уроковъ пѣнія, устроить домашній оркестръ, и такъ хорошо повелъ это дѣло, что черезъ годъ его оркестръ уже очень недурно игралъ легкія вещи.—Ты, Алеша,—сказалъ онъ мнѣ разъ:—долженъ быть послѣ меня капельмейстеромъ,—и сталъ мнѣ преподавать теорію гармоніи, генералъ-басъ и оркестровку. Съ той поры изъ Алешки я сдѣлался «Алексѣй Ивановичъ», у меня явилось отдѣльное помѣщеніе во флигелѣ и приборъ за столомъ Ивана Петровича. Да, тогда жизнь моя катилась хорошо.

Лаврентьевъ на минуту задумался и вздохнулъ.

— 26-го августа 1860 года, Наташѣ должно было исполниться 18 лѣтъ, это былъ вмѣстѣ и день рожденія, и день именинъ ея. У Ивана Петровича приготовлялся большой балъ, ожидали много гостей изъ Москвы. Концертную залу всю уставили цвѣтами, а для оркестра устроили возвышеніе, которое обили краснымъ сукномъ. Я въ первый разъ долженъ былъ дирижировать.

Это былъ лучшій день моей жизни. Собралось болѣе 100 человѣкъ, яркое освѣщеніе, роскошные туалеты, бальная обстановка, впервые увидѣнные мною, Наташа, которая въ прозрачномъ платьѣ, какъ бѣлая бабочка, носилась въ танцахъ, все это раздражающе подѣйствовало на мои нервы, и это настроеніе, какъ по магнетизму, сообщилось музыкантамъ.

— Прелесть, чудо! — неслось со всѣхъ сторонъ; Наташа нѣ-

сколько разъ подбѣгала и жала мнѣ руку въ знакъ благодарности.

Прикосновеніе этой горячей, ароматной руки еще болѣе кружило голову и доводило до какого-то восторженнаго изступленія. Оркестръ дѣйствительно игралъ очень хорошо, какъ бы придавая особенный смыслъ каждому танцу; самъ Иванъ Петровичъ подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку и сказалъ:

— Спасибо тебѣ, Алексѣй Ивановичъ, очень хорошо.

— Штраусъ! — больше нечего сказать, — прошепталъ надъ моимъ ухомъ Августъ Ѳедоровичъ.

Сѣли ужинать. Когда подали шампанское и гости встали, чтобы поздравить именинницу, я выждалъ и подошелъ послѣднимъ, держа въ одной рукѣ бокалъ, а въ другой—щегольски переписанную партитуру.

— Дай Богъ, Наталья Ивановна, — сказалъ я: — чтобы вся жизнь ваша была такъ же свѣтла и весела, какъ сегодняшній вечеръ, — и подалъ ей партитуру.

— Что это? — спросила она.

Но я уже былъ на своемъ возвышеніи, гдѣ, по знаку моей палочки, оркестръ заигралъ тотъ самый вальсъ, который вы давеча слышали.

— Браво, браво, bis! — закричали гости, когда мы окончили.

Наташа подошла ко мнѣ; она была блѣдна, слезы струились изъ глазъ и, схвативъ мои обѣ руки, проговорила въ полголоса:

— Алеша, я просто готова при всѣхъ броситься къ вамъ на шею. И потомъ громко произнесла: — Господа! здоровье друга моего дѣтства, нашего милаго капельмейстера.

Съ шумнымъ «ура!» всѣ выпили за мое здоровье.

Лаврентьевъ замолчалъ и опустилъ голову.

— Потомъ же что? — спросилъ я.

— Потомъ, въ октябрѣ того же года, Иванъ Петровичъ съ дочерью уѣхали на зиму въ Москву; она обѣщала писать, да такъ ни разу и не написала; тамъ же, зимой, вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ за границу. Скоро потомъ и Иванъ Петровичъ умеръ.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ пришло освобожденіе крестьянъ. Оркестръ распустили, Августъ Ѳедоровичъ уѣхалъ къ себѣ, въ Лейпцигъ. Бѣдный старикъ плакалъ, прощаясь со мною. Тутъ пришла очередь сдавать рекрута, міръ и присудилъ сдать меня, какъ бобыля.

— А Натальи Ивановны вы такъ и не видѣли?

— Такъ и не видѣлъ, даже не знаю, гдѣ она теперь и жива ли.

— Ну, а въ деньщики-то какъ же вы попали?

— Я было обрадовался, когда пригнали сюда. Тогда еще война была, а полкъ стоялъ на самой передовой линіи, только полковникъ посмотрѣлъ на меня, да какъ крикнетъ:

— Отчего у тебя руки бѣлыя, грамотный, что ли?

— Грамотный, — говорю.

— А, это хорошо, будешь писаремъ, у меня писарей мало; а до тѣхъ поръ надо узнать, что ты за птица такая, я тебя беру къ себѣ въ деньщики.

— Нельзя ли во фронтъ, — говорю.

Онъ даже ногами затопалъ.

— Молчать! А розги, знаешь, чѣмъ пахнутъ?

— Такъ я и остался у него, вотъ третій годъ теперь.

— Что же, хорошо вамъ?

— Ничего, хорошо, человѣкъ онъ добрый. Какъ боленъ я былъ двѣ недѣли, не хуже отца роднаго самъ ухаживалъ. Только что показывать меня, какъ звѣря, любитъ, кто бы ни пріѣхалъ, сейчасъ скомандуетъ: «маршъ за фортепіано», чтобы, знаете, удивить, вотъ, молъ, какой у меня деньщикъ: сейчасъ подавалъ чай, а теперь, смотри, какъ играетъ, — иногда невыносимо это, да еще какъ при постороннихъ бранить начнетъ, да въ спину толкать; просто, кажется, иной разъ ножомъ бы его пырнулъ.

— Вы бы написали Натальѣ Ивановнѣ!

— Къ чему? Захотѣла бы, сама бы написала, ей легче было меня найдти, чѣмъ мнѣ ее, да и что бы вышло изъ этого письма? Прислала бы рублей 100, вотъ и все, такъ у меня своихъ 300 рублей есть, да полковникъ даетъ 10 рублей въ мѣсяцъ жалованья, и тѣ всѣ лежатъ не тронутые — мнѣ тратить некуда.

Лаврентьевъ опять замолчалъ.

Блѣдный свѣтъ зари окрасилъ оконную раму въ синевато-сѣрый цвѣтъ.

— Спокойной ночи, — сказалъ деньщикъ, вставая.

Я протянулъ ему руку.

Онъ тихо пожалъ ее и вышелъ.

На другой день, часовъ въ семь утра, я усѣлся съ полковникомъ Б. въ его дорожную коляску. Лаврентьевъ суетился, застегивая фартукъ.

— Прощайте, — сказалъ я ему, протягивая руку: — не забудьте прислать романсъ.

— Счастливо оставаться, ваше высокоб—діе, — отвѣчалъ деньщикъ, снимая фуражку и принимая военную позу, но не прикасаясь руки.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, — началъ полковникъ, когда мы отъѣхали немного: — я могу такъ говорить вамъ, потому что я старикъ, а вы молодой человѣкъ: съ чего это вы взяли деньщику руку протягивать, вѣдь эдакъ вы совсѣмъ солдата испортите, вотъ мои офицеры то же было выдумали, да я запретилъ, а этому мерзавцу сказалъ, что, если только узнаю, что онъ подалъ офицеру руку — выпорю передъ баталіономъ. Это положительно ни съ чѣмъ не сообразно.

Полковникъ даже закашлялся отъ гнѣва.

— А всему, — продолжалъ онъ, откашливаясь: — виною этотъ глупый фортепьянъ, на которомъ даже передъ начальствомъ иначе нельзя играть какъ сидя, ну, и забывается человѣкъ, то ли дѣло тромбонъ или, напримѣръ, барабанъ — благородные и самые военные инструменты.

На горизонтѣ сѣрымъ силуетомъ обрисовалась станица.

Черезъ часъ полковникъ высадилъ моня на площади управленія и поѣхалъ обратно.

III.

Спустя годъ, я встрѣтилъ въ Тифлисѣ уже не полковника, а генералъ-маіора Б.; онъ шелъ прямо, самодовольно улыбаясь, и безпрестанно оправлялъ красные отвороты пальто, какъ бы желая привлечь на нихъ вниманіе проходящихъ.

— Ба, ба, ба! — издалека воскликнулъ онъ, завидя меня.

Мы дружески обнялись.

Послѣ первыхъ привѣтствій и поздравленій, я спросилъ его:

— А что вашъ Лаврентьевъ?

— Лаврентьевъ — съ ума сошелъ.

— Какъ такъ?

— Лучше того скажу — зарѣзался.

— Какъ зарѣзался?

— Извѣстно какъ — по горлу, еще моей бритвой, только пару разрознилъ, подлецъ!

— Да съ чего же это онъ?

— Съ жиру, должно быть. Я, знаете, какъ меня произвели, хорошее цивильное платье справилъ ему, жалованья прибавилъ, чтобы настоящимъ генеральскимъ камердинеромъ былъ, а онъ, мерзавецъ, вонъ въ какую сторону поѣхалъ.

— И письма не оставилъ?

— Какъ же, на мое имя оставилъ.

— Что же писалъ онъ?

— Да что, — въ голосѣ генерала зазвучала мягкая нота, — благодарилъ меня за все, 300 рублей, что у него было, просилъ роздать самымъ бѣднымъ изъ музыкантскаго хора.

— Роздали?

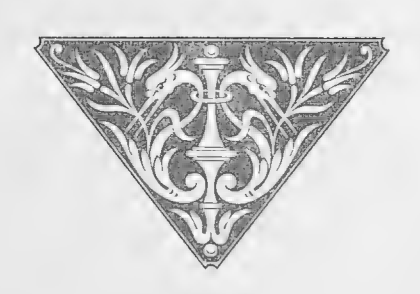
— Да, какъ же, есть мнѣ время разбирать этихъ чертей, кто бѣднѣе, а кто богаче; отдалъ огуломъ на музыкантскую артель, приказалъ отслужить панихиду и шабашъ.

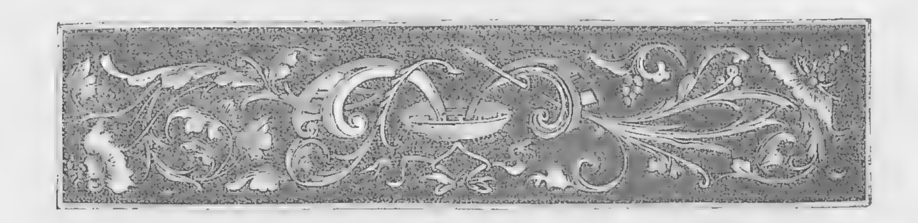
Бѣдный, бѣдный Лаврентьевъ, — думалъ я, разставаясь съ генераломъ. Истосковался ты, не выдержалъ, и за что судьба сыграла съ тобою такую коварную, скверную шутку?

Теперь времена измѣнились, при современномъ ходѣ вещей, быть можетъ, талантъ Лаврентьева не нашелъ бы случая такъ ярко развиться, но за то вся жизнь не была бы отравлена.

Да, хороша была широкая, могучая, барская жизнь прошлаго поколѣнія, много свѣтлаго, грандіознаго создала она, но за то сколько затертыхъ, истерзанныхъ, никому невѣдомыхъ жертвъ выбросила она на берегъ житейскаго моря.

П. Николаевъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ ПИРОГОВА.

I.

СЛИ БЫ МЫ вздумали высчитывать факты за послѣднія тридцать лѣтъ по вопросу о распространеніи школьнаго образованія въ Русской землѣ, то намъ пришлось бы перечислить ихъ немало и сдѣлать изъ нихъ несомнѣнный выводъ въ пользу этого распространенія, по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи. Этотъ прогрессъ могъ бы насъ порадовать. Но очень естественно, что намъ захотѣлось бы оцѣнить и прогрессъ въ отношеніи качественномъ, коснувшись вопроса, на сколько мы просвѣтились въ массѣ отъ нашего школьнаго образованія, какіе вопросы разрабатывали и разработали въ приложеніи къ русскому воспитанію въ связи съ той новой жизнью, которая получила новыя основы. Нѣтъ сомнѣнія, что мы переживали очень важную эпоху въ нашей исторіи, и будущему историку придется много надъ нею поработать, чтобы выяснить ея значеніе въ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Но у него будетъ и горизонтъ шире, ему будетъ многое виднѣе нашего. Тѣмъ не менѣе и намъ не мѣшаетъ оглянуться назадъ, если не въ качествѣ историка, то въ качествѣ людей, для которыхъ самопознаніе составляетъ одну изъ существенныхъ духовныхъ потребностей жизни. Это есть необходимое условіе жизни просвѣщеннаго народа. Онъ не можетъ жить безъ оглядки: ему необходимо освѣщать свое прожитое, выяснять то, что рѣшено и что нужно рѣшать въ ближайшемъ будущемъ. Наши дѣти въ правѣ

спрашивать насъ, какъ мы понимали жизнь съ ея потребностями, что мы наживали и что передаемъ имъ въ наслѣдство. Не будемъ же несостоятельны въ нашихъ отвѣтахъ. Сами мы немного получили отъ своихъ отцовъ. Но прежде всего поблагодаримъ ихъ за то, что они намъ дали. Они провели насъ черезъ школу, правда, школу сословную, которую мы потомъ осудили и постарались, сколько было въ нашихъ силахъ, смѣнить другою. Но, тѣмъ не менѣе, она дала намъ возможность увидѣть свѣтъ. Пусть мы потомъ отреклись отъ многихъ понятій, которыя они передали намъ. Но не будемъ ихъ винить въ томъ, что ихъ понятія вырабатывались въ условіяхъ крѣпостнаго права, за которое они отвѣчать передъ нами не могутъ: они сами получили его въ наслѣдство, съ нимъ сжились ихъ отцы и дѣды. Груба была вся масса, невысоко стоялъ въ нравственномъ развитіи и верхній слой ея; но среди него были и носители свѣтлыхъ идеаловъ, которые не мирились ни съ идеей рабства, ни произвола, ни невѣжества. Они выстрадали эти идеалы и горячо относились къ нимъ, съ полною вѣрою, что настанетъ и для нихъ пора. Сдѣлать болѣе этого они не имѣли возможности. Но отъ насъ они и за это заслужили большое спасибо. Они-то и есть наши духовные отцы, которые намъ передали свои идеалы, связавъ ими наше поколѣніе съ своимъ. Безъ нихъ и вся эта грубая масса, и всѣ эти толпы, блестящія и не блестящія, не имѣли бы и историческаго значенія.

За поколѣніемъ нашихъ отцовъ остается та честь, что оно выставило способныхъ людей въ новую пору, когда покойному государю Александру Николаевичу нужны были дѣятельные помощники въ его преобразовательныхъ планахъ. Пускай они были исключеніе изъ господствовавшей толпы; но всеже они дышали среди нея и были связаны съ нею многими связями. Въ настоящей статьѣ я останавливаюсь на одной изъ этихъ личностей, такъ какъ съ нею соединяются выставленные нами вопросы о прогрессѣ въ нашемъ школьномъ образованіи. На нее я смотрю, какъ на одну изъ самыхъ типическихъ и представительныхъ для своего времени, и потому заслуживающую особеннаго изученія. Я разумѣю Николая Ивановича Пирогова. Сначала онъ прославился, какъ спеціалистъ, и притомъ въ такой сферѣ, гдѣ легче всего огрубѣть въ узкой спеціальности, особенно, если и кругомъ толпа не задумывается о высшихъ вопросахъ жизни и живетъ однимъ своекорыстіемъ. Онъ былъ анатомъ, хирургъ [1]), учился надъ трупами; но въ то же время

[1]) Сынъ чиновника, Пироговъ родился въ 1810 году въ Москвѣ; до 12-лѣтняго возраста воспитывался дома, затѣмъ два года въ частномъ пансіонѣ и на пятнадцатомъ году поступилъ въ Московскій университетъ, на медицинскій факультетъ. Черезъ три года онъ кончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря и поступилъ въ профессорскій институтъ при Дерптскомъ университетѣ, гдѣ въ 1833 году получилъ степень доктора медицины и былъ посланъ за границу для дальнѣйшаго усо-

былъ идеалистъ и принималъ къ сердцу все человѣческое. Онъ постоянно расширялъ и углублялъ кругъ своего общаго образованія, задавалъ себѣ философскіе вопросы о жизни, анализировалъ дѣйствительную жизнь и убѣдился, что его стремленія не удовлетворяются этою жизнію, что ни къ одной толпѣ онъ пристать не можетъ. Его идеалъ создался на основахъ евангельскихъ, на любви къ ближнему, а идеалы толпы основаны на эгоизмѣ. И вотъ въ то время, какъ она видѣла его въ работѣ надъ трупами или за перевязкой раненнаго и прославляла его за искусство въ своемъ дѣлѣ, въ немъ самомъ происходила внутренняя борьба, переработка, перевоспитаніе самого себя. Онъ дошелъ до сознанія, что не жить съ толпою одною жизнію и остаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ нельзя, не воспитавъ въ себѣ силы воли, характера, способности бороться во имя своего идеала. Онъ самъ признавался, какъ трудно совершался въ немъ этотъ душевный процессъ, когда уже половина жизни была пройдена. Этотъ усиленный трудъ надъ самимъ собою и объясняетъ намъ тотъ неожиданный переходъ, который Пироговъ сдѣлалъ отъ поприща хирурга, уже успѣвшаго оказать большія услуги своему отечеству, къ поприщу педагога, когда послѣ несчастной войны зашевелились всѣ эти толпы, слывшія за русское общество, и когда почувствовалось появленіе новой эры русской жизни. Сильный умъ Пирогова сразу понялъ, что настала эпоха усиленной работы и вмѣстѣ борьбы, для которой каждому потребуется перевоспитывать себя, но это перевоспитаніе такъ трудно, что лучше прямо начать съ воспитанія, чтобы потомъ не приходилось перевоспитываться. «Я испыталъ,—говоритъ Пироговъ,— эту внутреннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно

вершенствованія. Два года слушалъ онъ лучшихъ профессоровъ въ Геттингенскомъ университетѣ и затѣмъ по возвращеніи въ отечество, въ скоромъ времени былъ приглашенъ занять каѳедру хирургіи въ Дерптскомъ университетѣ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе учеными трудами и былъ отправленъ отъ университета въ Парижъ къ знаменитому ученому Вельпо. Въ 1840 году, онъ представилъ проектъ объ учрежденіи въ Россіи госпитальныхъ клиникъ для оканчивающихъ курсъ и молодыхъ врачей. По утвержденіи этого проекта, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятія въ медико-хирургической академіи каѳедры госпитальной хирургіи. Въ 1845 году, Пироговъ внесъ въ конференцію медико-хирургической академіи проектъ объ учрежденіи анатомическаго института и вскорѣ затѣмъ былъ посланъ отъ академіи за границу, чтобы ознакомиться съ устройствомъ заграничныхъ анатомическихъ институтовъ. Въ 1847 году, онъ былъ командированъ на Кавказъ, на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ могъ съ успѣхомъ показать свою ученость, находчивость и изобрѣтательность, точно такъ же какъ и въ слѣдующемъ году, во время холеры въ Петербургѣ. Въ то же время ученыя сочиненія Пирогова, одно за другимъ, выходили въ свѣтъ и доставляли ему славу не только въ Россіи, но и за границей. Въ 1854 году, осада Севастополя привлекла Пирогова въ Крымъ, гдѣ онъ своею дѣятельностью обратилъ на себя общее вниманіе.

за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю, тотъ ли же успѣхъ».

Этотъ-то страхъ за дѣтей и вызвалъ его исповѣдь, которую онъ назвалъ «Вопросами жизни» и которая была первымъ его шагомъ въ педагогическую область. «Вопросы жизни» были напечатаны въ 1856 г. въ самомъ спеціальномъ журналѣ, «Морской Сборникъ», который до тѣхъ поръ читался только одними моряками; но они такъ глубоко затронули самый жизненный вопросъ, что привлекли общее вниманіе къ журналу. Я называю ихъ исповѣдью, потому что въ нихъ высказались сокровенныя мысли человѣка, который много поработалъ надъ собою и который вздумалъ, наконецъ, раскрыть свою душу, чтобы направить другихъ на лучшій путь къ обновленію жизни. Здѣсь высказалось сжато, даже отрывочно, но смѣло все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ въ той обстановкѣ жизни, въ какой застала насъ несчастная война, и выскажись онъ такъ же откровенно нѣсколько ранѣе, когда вся полуобразованная публика съ самоувѣренностью смотрѣла на себя, на свою мнимую силу, и на него, можетъ быть, посмотрѣли бы какъ на дерзкаго, безпокойнаго человѣка, подкапывающаго основы, пытающагося начать борьбу со всѣмъ обществомъ. Ему, можетъ быть, пришлось бы въ самой жизни разъиграть роль идеалиста Чацкаго. Но несчастно закончившаяся война подготовила умы смиренно выслушивать горькія и суровыя истины и принимать ихъ къ свѣдѣнію.

Что же сказалъ Пироговъ своимъ соотечественникамъ?

Во-первыхъ, что ихъ общество составляетъ не христіанское общество, а толпы: самая огромная толпа слѣдуетъ безсознательно по силѣ инерціи толчку, данному ей въ извѣстномъ направленіи; а другія толпы, несравненно меньшія по объему, увлекаемыя хотя также, болѣе или менѣе, по направленію огромной массы, слѣдуютъ уже различнымъ взглядамъ на жизнь. Но въ этихъ взглядахъ отзываются тѣ же начала, которыя руководствовали и поступками языческаго общества, только лишенныя корня, безжизненныя, и въ разладѣ съ вѣчными истинами, связанными съ христіанскимъ ученіемъ. Во всѣхъ ихъ въ практической и даже умственной жизни является рѣзко выраженное матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастіи и наслажденіяхъ въ жизни. Каждый пристаетъ къ той толпѣ, къ которой всего болѣе влекутъ его врожденныя наклонности и темпераментъ. Кто родился здоровымъ и даже черезчуръ здоровымъ, чей матеріальный бытъ развился энергически и въ комъ преобладаетъ чувственность, тотъ склоняется на сторону такихъ взглядовъ: «не размышляйте, не толкуйте о томъ, что необъяснимо, это, по малой мѣрѣ, лишь потеря времени; можно, думая, потерять и апетитъ, и сонъ; время же нужно для трудовъ и наслажденій; апетитъ—для наслажденій и трудовъ; сонъ—опять для трудовъ и наслажденій, труды и на-

слажденія—для счастья». Этотъ взглядъ Пироговъ назвалъ привлекательнымъ. Другой взглядъ—веселый: «Работайте для моціона и наслаждайтесь, покуда живете, ищите счастія; но не ищите его далеко; оно у васъ подъ руками, какой вамъ жизни еще лучшей нужно? Все дѣлается къ лучшему. Зло — это одна фантасмогорія для вашего же развлеченія,—тѣнь, чтобы вы лучше могли наслаждаться свѣтомъ. Пользуйтесь настоящимъ и живите себѣ припѣваючи».

У кого воображеніе не господствуетъ надъ умомъ, инстинктъ не превозмогаетъ разсудка, а воспитаніе было болѣе реальное, тотъ дѣлается послѣдователемъ одного изъ практическихъ взглядовъ: «Трудясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копѣйку на черный день; въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе или, по крайней мѣрѣ, для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно такъ же какъ и вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій». Другой практическій взглядъ имѣетъ свои оттѣнки: «Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, но только строго соблюдайте всѣ приличія и умѣйте съ людьми уживаться. Про начальниковъ и нужныхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь и ни подъ какимъ видомъ имъ не противорѣчьте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвеніе нездорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите, только молча въ кулакъ себѣ смѣйтесь».

Мечтательному характеру, при слабомъ или нервномъ тѣлосложеніи, подходитъ болѣе взглядъ, названный Пироговымъ религіознымъ или старообрядческимъ: «соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья; читайте только благочестивыя книги, но въ смыслъ не вникайте; это главное для спокойствія души; затѣмъ не размышляйте, живите такъ, какъ живется». Къ этому взгляду близокъ и другой, названный печальнымъ: «не хлопочите, лучшаго ничего не придумаете; новое только то на свѣтѣ, что хорошо было забыто; червякъ на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что стремитесь къ совершенству и принадлежите къ обществу прогрессистовъ; зритель и комедіантъ поневолѣ, какъ ни бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ; не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, зачѣмъ жили».

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось Пирогову общество, среди котораго ему приходилось жить и дѣйствовать. «Если бы поприще каждаго изъ насъ,—говорилъ онъ,—всегда непремѣнно оканчивалось выборомъ одной толпы или одного взгляда; если бы пути и

направленія послѣдователей различныхъ взглядовъ шли всегда параллельно одни съ другими и съ направленіемъ огромной толпы, движимой силою инерціи, то все бы тѣмъ и кончилось, что общество осталось бы вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Столкновеній между ними нечего было бы опасаться. Все шло бы спокойно, жаловаться было бы нечего. Но вотъ бѣда: во-первыхъ, всегда являются и люди, родившіеся съ притязаніемъ на умъ, чувство, нравственную волю, иногда слишкомъ воспріимчивые къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, опредѣляющаго цѣли нашей жизни въ христіанскомъ смыслѣ. Они слишкомъ проницательны, чтобы не замѣтить, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, рѣзкаго различія между этими основами и направленіемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое, слишкомъ разборчивы, чтобы довольствоваться выборомъ, сдѣланнымъ почти поневолѣ или по неопытности. Недовольные, они слишкомъ скоро разлаживаютъ съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ, и переходя отъ одного взгляда къ другому, вникаютъ, сравниваютъ и пытаютъ; все глубже и глубже роются въ родникахъ своей души и, неудовлетворенные стремленіями общества, не находятъ и въ себѣ внутренняго спокойствія; хлопочутъ, какъ бы согласить вопіющія противорѣчія, оставляютъ поочередно и то, и другое, съ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни; стараются, во что бы то ни стало, перевоспитать себя и тщатся проложить новые пути».

Понятно, что къ числу такихъ людей нужно отнести и самого Пирогова. Онъ описываетъ ихъ по своимъ собственнымъ ощущеніямъ. Но изъ этихъ безпокойныхъ людей немногіе выдерживаютъ: родившіеся съ преобладающимъ чувствомъ, съ живостью ума и слабостью воли не выдерживаютъ этой внутренней борьбы, устаютъ, отдаются на произволъ и бродятъ на распутьѣ; готовые пристать туда и сюда, они дѣлаются, по мѣрѣ ихъ способностей, то невѣрными слугами, то шаткими господами той или другой толпы.

А съ другой стороны и ревностные послѣдователи различныхъ взглядовъ не идутъ параллельно ни съ массою, ни съ другими толпами; пути ихъ пересѣкаются и сталкиваются между собою; менѣе ревностные, слѣдуя въ половину нѣсколькимъ взглядамъ вмѣстѣ, образуютъ новыя комбинаціи. Въ этомъ раздорѣ сектаторовъ и инертной толпы, въ этомъ столкновеніи противоположныхъ направленій общества Пироговъ находилъ опасность. Онъ предсказывалъ, такъ сказать, теоретически, что при самыхъ твердыхъ политическихъ основаніяхъ общество можетъ, всетаки, рано или поздно поколебаться. «На бѣду еще,—замѣчаетъ онъ,—эти основы не во всѣхъ обществахъ крѣпки, движущіяся толпы громадны, а правительства, какъ исторія учитъ, не всегда дальнозорки».

Чтобы выйдти изъ этого ложнаго и опаснаго положенія, Пироговъ видитъ только одинъ дѣйствительный путь—воспитаніемъ приготовить насъ къ внутренней борьбѣ, по его взгляду, неминуемой и роковой, доставивъ намъ всѣ способы и всю энергію выдерживать неравный бой. Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно:

Сдѣлать насъ людьми.

Вотъ его знаменитый выводъ, который у насъ не остался безъ послѣдствій въ педагогическомъ мірѣ, хотя и не всѣми такъ широко былъ понятъ. Въ поясненіе къ нему Пироговъ еще прибавилъ: то есть сдѣлать тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша реальная школа въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ съ самаго нашего дѣтства негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ. Этотъ путь труденъ,—замѣчаетъ онъ,—но возможенъ. Главная же трудность состоитъ въ томъ, что, избравъ его, придется прежде всего многимъ воспитателямъ перевоспитать себя.

Отсюда вытекали двѣ задачи: дать другое направленіе нашимъ школамъ, которыя оказывались несостоятельными въ воспитательномъ дѣлѣ, и призвать на педагогическое поприще тѣхъ, которые способны къ собственному перевоспитанію и понимаютъ цѣли истиннаго воспитанія. Несостоятельность нашихъ школъ, по опредѣленію Пирогова, состояла въ томъ, что онѣ, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, не могли въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ. Это приготовленіе должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ спеціальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной ближайшей цѣли, въ заботахъ, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ... Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою работу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе его представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества. Отвѣчайте мнѣ, положа руку на сердце,—спрашиваетъ Пироговъ,—можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступить на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого заранѣе для него опредѣленнаго поприща и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно и ревностно приготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта?.. Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное у васъ будутъ люди и граждане... Уже давно оставленъ

варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привиллегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ... Вникните и разсудите отцы и воспитатели!—восклицаетъ Пироговъ, доказывая всю неразумность существовавшаго у насъ воспитанія. Онъ не хочетъ допустить законность существованія раннихъ спеціальныхъ школъ для какихъ бы ни было потребностей страны. «Нѣтъ ни одной потребности,—замѣчаетъ онъ,—для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ. Количество не устоитъ передъ качествомъ, а если и превозможетъ, то, всетаки, рано или поздно, подчинится непроизвольно, со всею своею громадностью, духовной власти качества».

Это историческая аксіома.

Изъ устъ Пирогова, одного изъ талантливѣйшихъ спеціалистовъ своего времени, были многозначительны и такія слова: «истинные спеціалисты никогда не нуждались такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ».

Стараясь точнѣе опредѣлить тотъ идеалъ, къ которому Пироговъ думалъ направить воспитаніе общеобразовательной школы, мы замѣчаемъ, что это не былъ идеалъ, оторванный отъ почвы, идеалъ человѣка вообще; нѣтъ, это былъ идеалъ человѣка-гражданина, слѣдовательно, связаннаго съ интересами своей страны, признающаго себя человѣкомъ общественнымъ, врагомъ всякой общественной неправды. Выгоду заводить общеобразовательныя школы онъ видитъ, между прочимъ, и въ томъ, что всѣ воспитанники будутъ дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитанія, до вступленія ихъ въ число гражданъ. А всѣ готовящіеся быть полезными гражданами,—настаиваетъ онъ,—должны сначала научиться быть людьми. На эту связь человѣка съ гражданиномъ мы должны указать теперь, чтобы потомъ отличить идеалъ Пирогова отъ другихъ, принятыхъ нашею новою школою. Воспитаніе по этому идеалу онъ ставитъ въ тѣсной связи съ приготовленіемъ къ неизбѣжной предстоящей борьбѣ, которую онъ называетъ роковою—къ борьбѣ внутренней съ самимъ собою и къ борьбѣ съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта.

Но какимъ способомъ, какимъ путемъ приготовить къ этому?—такой вопросъ Пироговъ считалъ однимъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ жизни. Самъ онъ ставилъ два необходимыя условія: воспитуемый долженъ имѣть отъ природы хотя какое нибудь притязаніе на умъ и чувство, а воспитатели должны пользоваться этими благими дарами природы, но одаренныхъ они не

должны дѣлать безсмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума. Отъ педагоговъ онъ требуетъ глубокаго знанія дѣла и горячей любви къ правдѣ и ближнему. Только такіе и могутъ правильно направить воспитаніе на умъ и чувство.

Но откуда же было ихъ взять хотя на первое время? Если, по свидѣтельству Пирогова, воспитаніе не дало имъ того, что съ перваго вступленія на поприще жизни должно бы быть ихъ неотъемлемою собственностью, то приходилось съ неимовѣрнымъ трудомъ самимъ пріобрѣтать это, т. е. перевоспитывать себя. Какъ человѣкъ, самъ прошедшій этотъ путь перевоспитанія, Пироговъ подробно его описываетъ. Мы только вкратцѣ прослѣдимъ за нимъ.

Проведя полъ-жизни, говорилъ онъ, испытавъ на себѣ вліяніе различныхъ взглядовъ, предпринявъ во что бы то ни стало перевоспитать себя, разобравъ прошедшее, вы остановились на распутьѣ вашего поприща... Вы думали было, что вы уже убѣждены. Но вы убѣждаетесь, что убѣжденія даются не каждому. Это даръ неба, требующій усиленной разработки. Прежде чѣмъ вамъ захотѣлось имѣть убѣжденія, нужно было бы узнать: можете ли вы еще ихъ имѣть. Только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя, кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни любить искренно правду, стоять за нее горою и быть непринужденно откровеннымъ какъ съ наставниками, такъ и съ сверстниками. Безъ этихъ свойствъ вы никогда не достигнете никакихъ убѣжденій. А эти свойства достигаются вѣрою, вдохновеніемъ, нравственною свободою мысли, способностью отвлеченія, упражненіемъ въ самопознаніи. Все это Пироговъ называетъ самыми первыми, самыми главными основами истинно-человѣческаго воспитанія, безъ которыхъ, замѣчаетъ онъ, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но никогда настоящихъ людей... Вы начинаете развивать въ себѣ способность къ убѣжденіямъ, и скоро убѣждаетесь, что вы тронули этимъ лишь одну сторону самопознанія, а чтобы вступить въ борьбу, вамъ нужно владѣть имъ, какъ нельзя лучше... Вы пытаетесь начать борьбу и убѣждаетесь, что не умѣете вести ее безъ вражды, не умѣете любить безпристрастно то, за что боретесь; не умѣете достаточно оцѣнить того, что хотите побѣдить. Но чтобы любить то, за что вы боретесь и устоять въ такой борьбѣ, вамъ нужно еще одно свойство. Вамъ нужна способность жертвовать собою. Но, образовавъ ее въ себѣ, влекомые однимъ неяснымъ безсознательнымъ ощущеніемъ высокаго, вы превращаетесь въ искателя сильныхъ ощущеній. Исканіе сильныхъ ощущеній есть одно изъ ненормальныхъ проявленій вдохновенія, кото-

рое уничтожить въ человѣкѣ не въ состоянiи никакое матерiальное или практическое направленiе въ свѣтѣ. Грусть или какъ будто тоска по родинѣ овладѣваетъ вами. Вы чувствуете пустоту, вамъ недостаетъ чего-то. Вамъ нужны вдохновенiе и сочувствiе. Свѣтло и торжественно вдохновенiе; оно какъ праздничная одежда облекаетъ духъ, устремляя его на небо. Томно и тихо сочувствiе; оно, какъ заунывная пѣсня, напоминаетъ отдаленную родину... Безъ вдохновенiя нѣтъ воли, безъ воли нѣтъ борьбы; а безъ борьбы — ничтожество и произволъ. Безъ вдохновенiя умъ слабъ и близорукъ. Чрезъ вдохновенiе мы проникаемъ въ глубину души своей и, однажды проникнувъ, выносимъ съ собою то убѣжденiе, что въ насъ существуетъ завѣтно-святое. И такъ вдохновенiе можно найдти въ самомъ себѣ; но гдѣ найдти сочувствiе? Вы вспоминаете невольно, какимъ участiемъ угощало человѣчество лучшихъ друзей своихъ, когда съ полнымъ сознанiемъ высокаго они увлекались вдохновенiемъ и сочувствiемъ. Оно искони было только искателемъ сильныхъ ощущенiй. Когда и какое добро принимало оно изъ рукъ своихъ благодѣтелей, не омывъ его багряною влагою жизни? Не Онъ, не воплощенное слово любви и мира, а совершитель кровавыхъ дѣлъ Варрава былъ подаренъ участiемъ.

Остается сочувствiе потомства, которое Пироговъ называетъ безсмертiемъ земли. Все, что живетъ на землѣ животно-духовною жизнью, говоритъ онъ, и въ грубомъ инстинктѣ, и въ идеалѣ высокаго проявляетъ мысль о потомствѣ, и безсознательно и сознательно стремится жить въ немъ. О, если бы самопознанiе хотя бы только до этой степени могло быть развито въ толпахъ, бѣгущихъ отвлеченiя. Если бы этотъ слабый отблескъ идеи безсмертiя одушевилъ ихъ, то и тогда бы уже земное бытiе человѣчества исполнилось дѣлами, передъ которыми потомство преклонилось бы съ благоговѣнiемъ. Тогда исторiя, до сихъ поръ оставленная человѣчествомъ безъ приложенiя, достигла бы своей цѣли—остерегать и одушевлять его.

Найдти еще сочувствiе, по мнѣнiю Пирогова, возможно было бы въ своей семьѣ. И этотъ вопросъ переводитъ его къ настоящему положенiю женщины.

«Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи,—спрашиваетъ онъ,—жена будетъ смотрѣть съ безсмысленною улыбкою идiота на вашу завѣтную борьбу? Или какъ Марѳа, расточая всевозможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслiю—угодить и улучшить матерiальное, земное ваше бытiе? Что если, какъ Ксантиппа, она будетъ поставлена судьбою для испытанiя крѣпости и постоянства вашей воли? Что если, стараясь нарушить ваши убѣжденiя, купленныя полужизнiю перевоспитанiя, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитанiи дѣтей?»

Отвѣтъ на все это, конечно, найдетъ каждый самъ. Но Пиро-

говъ считаетъ возможнымъ и для женщины такое же положеніе, въ какомъ ему представляется мужчина, если она была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, если, оставивъ дюжинное направленіе толпы, она отчетливо и ясно постигнетъ, что въ будущемъ назначена ей цѣль жизни. «Мужчина,—говоритъ онъ,—обманутый надеждою на сочувствіе въ семейномъ быту, какъ бы ни былъ грустенъ и тяжелъ этотъ обманъ, еще можетъ себя утѣшить, что выраженіе его идеи—дѣла найдутъ участіе въ потомствѣ. А каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать и жертвовать развита несравненно болѣе и которой недостаетъ еще довольно опыта, чтобы хладнокровнѣе перенести обманъ надежды, скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который, поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?»

Ни возрастъ женщины, ни воспитаніе, ни опытъ жизни не могутъ дать ей средствъ выбраться на путь къ настоящему ея призванію и успокоить вопіющую потребность къ сочувствію. Молодость влечетъ ее къ суетѣ, воспитаніе дѣлаетъ куклу, опытъ жизни родитъ притворство. «Пусть женщина, окруженная ничтожествомъ толпы,—говоритъ Пироговъ,—падаетъ на колѣна передъ провидѣніемъ, когда, положивъ руку на юное сердце, почувствуетъ, что оно еще бьется для святаго вдохновенія, еще готово убѣждаться и жить для отвлеченной цѣли. Отъ воспитанія она не получаетъ никакой помощи: оно, наряжая, выставляетъ ее на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а черезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эманципація—вотъ ея мысль. Паденіе—вотъ первый шагъ». Очевидно, что здѣсь Пирогову эманципація представляется въ тѣхъ крайностяхъ, въ какихъ проявляли себя такъ называемыя въ то время эманципированныя женщины въ Сѣверной Америкѣ, во Франціи, Англіи. У насъ ихъ еще не было. Пироговъ не былъ противъ свободы женщины; онъ только стоялъ за нравственную чистоту ея. «Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ,—говорилъ онъ,—она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ. Не всякій—врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, дышать и нюхать то, что отвратительно смердитъ». Но онъ признаетъ, что раннее развитіе мышленія и воли для женщины такъ же нужно, какъ и для мужчины. «Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ—ей также нужно знать искус-

ство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе, чтобы избирать и чтобы имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитаніи дѣтей». Вотъ какія черты входятъ у него въ идеалъ женщины. Понятно, что для такого идеала требуется и особое воспитаніе. Понятно, что женщина, воспитанная по такому идеалу, должна найдти себѣ свободу, не сбрасывая съ себя своихъ настоящихъ обязанностей. «Только близорукое тщеславіе людей,— говоритъ Пироговъ,— строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видитъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя. Пусть женщины поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву, дѣлаются и главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками. Христіанство открыло женщинѣ ихъ назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. И Мареа, и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя».

Въ воспитаніи женщины, по мнѣнію Пирогова, заключается воспитаніе всего человѣчества; оно-то и требуетъ перемѣны. «Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникнетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эманципаціи».

Мы изложили въ подробности содержаніе перваго педагогическаго труда Пирогова, названнаго имъ «Вопросами жизни». Онъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ этому названію, касаясь не одного какого либо учрежденія, не одной какой либо стороны жизни, а самыхъ основныхъ вопросовъ тогдашней русской жизни. Они были не только передуманы, но и глубоко перечувствованы авторомъ. Въ нашей печати это былъ одинъ изъ первыхъ смѣлыхъ голосовъ послѣ долгаго вынужденнаго молчанія. Замѣчательно еще и то, что всѣ эти первые голоса были болѣе или менѣе нервные, раздражительные, призывавшіе какъ бы къ отвѣтственности недавнее прошлое; голосъ же Пирогова былъ спокойный, разсудительный, никого не обвинявшій, какъ голосъ историка, сознающаго, что у каждаго народа, какъ и у всего человѣчества, есть своя судьба, которую изслѣдуютъ, но не обвиняютъ. Этимъ спокойствіемъ, этой разсудительностью, не смотря даже на сжатость и отрывочность своей рѣчи, онъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто тогда послѣ недавняго военнаго погрома задумывался надъ русскою жизнію. Горькія истины вводилъ Пироговъ въ сознаніе русскихъ людей; но не согласиться съ ними было нельзя. Оказалось, что знаменитый хирургъ не только разсѣкалъ человѣческія тѣла и анализировалъ ихъ; но онъ точно такъ же анализировалъ и цѣлое чело-

вѣческое общество,—и тѣло, и душу его, и нашелъ тамъ застарѣлыя болѣзни, которыя нужно лѣчить радикальными средствами. Прежде всего въ этихъ толпахъ людей, принадлежавшихъ къ одной многомилліонной націи, онъ не находилъ такого общества, которое бы развивалось на истинныхъ нравственныхъ основахъ; находилъ, что воспитаніе, придерживающееся этихъ основъ, ставило потомъ человѣка въ двусмысленное положеніе: тотъ скоро замѣчалъ противорѣчіе между воспитательными идеалами и дѣйствительными стремленіями въ жизни, и если у него не оказывалось характера, то онъ незамѣтно увлекался общимъ теченіемъ; и только увеличивалъ численность той толпы, къ которой приставалъ; если же природа одарила его нѣкоторою силою, то онъ долженъ былъ выдержать борьбу въ самомъ себѣ, чтобы удержать основы, вынесенныя съ нравственнымъ воспитаніемъ; но онъ чувствовалъ себя одинокимъ, и идти далѣе, чтобы вступить въ борьбу съ этими толпами, у него не доставало силъ, которыя нужно было самому воспитывать въ себѣ, или иначе перевоспитывать себя. Но такихъ натуръ было немного, тѣмъ болѣе, что и самое воспитаніе болѣе приспособливалось къ требованіямъ текущей жизни массы. Оно съ дѣтства готовило спеціалистовъ для извѣстной службы и не возвышалось до высшихъ идеаловъ жизни; женщину же готовило для свѣтскаго общества и не давало ей ничего болѣе.

Вотъ какая болѣзнь представлялась общественному хирургу въ организмѣ общества. Но онъ не довольствовался тѣмъ, что раскрылъ ее, онъ указывалъ и на способъ леченія. Всѣмъ этимъ толпамъ, составленнымъ изъ разныхъ спеціалистовъ, этому свѣтскому обществу, убивающему праздное время въ разныхъ развлеченіяхъ, не доставало одного общаго идеала, идеала человѣка, а съ нимъ вмѣстѣ и гражданина. Безъ него никто не могъ честно исполнять даже своихъ обязанностей, всякій думалъ только о самомъ себѣ. «Сдѣлайте насъ людьми»,—сказалъ Пироговъ, вотъ средство для исцѣленія отъ общественныхъ недуговъ. Но со словомъ «люди» или «человѣкъ», онъ не соединялъ одной отвлеченной идеи; ему представлялся реальный человѣкъ, какъ слуга своей родины, какъ истинный гражданинъ. Идеала гражданина онъ не отдѣлялъ отъ идеала человѣка. «Всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми»,—говорилъ онъ. Но если не было у насъ въ этихъ толпахъ спеціалистовъ настоящихъ людей, то значитъ не было и полезныхъ гражданъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; значитъ не было и истиннаго гражданскаго общества; да при той сословной розни, при томъ мертвящемъ нравственность крѣпостномъ правѣ его не могло и быть. Итакъ для нравственнаго общественнаго подъема нужно было школьнымъ общественнымъ воспитаніемъ создать людей, которые, въ свою очередь, должны будутъ создать гражданское общество на смѣну един-

ственно существовавшаго тогда свѣтскаго общества. Но общественный врачъ не считалъ этотъ процесъ легкимъ; онъ видѣлъ, что нельзя пускать этихъ воспитанныхъ новыхъ людей въ ту испорченную больную среду, безъ способности бороться и отстаивать свои идеалы. И вотъ онъ ставитъ цѣлью воспитанія—развивать эту способность, готовить для борьбы, вызывать нравственныя силы, нужныя для нея. Вотъ какая у Пирогова составилась программа.

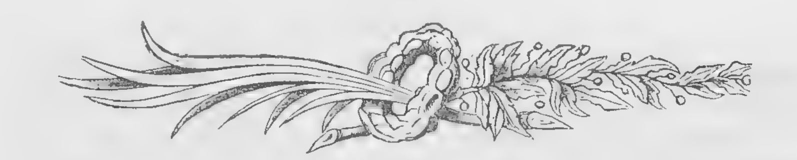
Надо замѣтить, что въ то время сильно былъ возбужденъ русскій патріотизмъ, но онъ рѣзко отличался отъ того патріотизма, съ какимъ мы въ 1853 году встрѣчали войну, съ самоувѣренностью ожидая англійскіе и французскіе флоты. Тогда мы вѣрили въ свои силы физическія и нравственныя, за исключеніемъ очень немногихъ, которые лучше понимали всѣ обстоятельства и нашу мнимую силу и со страхомъ смотрѣли въ будущее на исходъ готовящейся борьбы. Всѣ другіе были увѣрены въ своемъ превосходствѣ передъ врагами. Но затѣмъ, послѣ тяжелаго разочарованія, явилось горькое сознаніе въ полной своей отсталости передъ Европою, и вспыхнулъ сильный порывъ впередъ, явилось съ безпощаднымъ самоосужденіемъ и желаніе передѣлать, перевоспитать себя, какъ можно скорѣе поднять свое отечество, униженное передъ Европою. И въ это-то время русскимъ людямъ, такъ патріотически настроеннымъ, было высказано, что источникъ всѣхъ бѣдъ заключается въ нихъ самихъ, что такія толпы, какія составляютъ они, не могутъ составить общества, сильнаго нравственными силами; что имъ нужно прежде всего позаботиться о воспитаніи новаго поколѣнія по другимъ идеаламъ. И предлагалось, повидимому, самое простое и естественное средство: воспитывать просто людей, не задаваясь никакими спеціальностями. Это показалось такъ просто и убѣдительно, что никто даже не отнесся критически къ вызову Пирогова. Всѣ, и педагоги и не-педагоги, заговорили о воспитаніи человѣка, не замѣтивъ даже тѣхъ трудностей, на которыя указалъ Пироговъ: «придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя». Только такимъ воспитателямъ и можно было пойдти по новому пути въ воспитаніи. А какъ не легко перевоспитывать себя, Пироговъ, какъ мы видѣли, показалъ это на самомъ себѣ.

Разумѣется требованія Пирогова оказались слишкомъ идеальными.

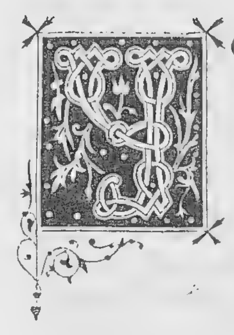
Изъ его программы только приняли за принципъ: воспитывать людей, а не спеціалистовъ; но какъ воспользовались этимъ принципомъ, мы скажемъ потомъ; а теперь посмотримъ, что могъ сдѣлать самъ Пироговъ, когда получилъ возможность дѣйствовать согласно со своими взглядами, ставъ во главѣ цѣлаго учебнаго округа. Тогдашнее правительство сочувственно отнеслось къ его идеалу и предоставило ему ту сферу дѣятельности, гдѣ онъ могъ на практикѣ примѣнять свои идеи.

В. Стоюнинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ЛУЧАХЪ ЛЮБВИ И МИЛОСЕРДІЯ [1].

СВОЕННАЯ нами привычка забывать человѣка въ его профессіи часто доставляетъ намъ возможность проходить мимо глубочайшихъ трагедій, мимо величайшихъ скорбей, когда либо терзавшихъ человѣческое сердце, безъ всякаго вниманія.

Хирургъ, въ виду слабой надежды спасти задыхающагося отъ горловой болѣзни ребенка, натачиваетъ ланцетъ, долженствующій прорѣзать страдающему младенцу горло. Это его профессія, говорятъ намъ, и потому, отдавая всѣ наши слезы, всѣ симпатіи страдающему, мы не сохранимъ ни одной капли состраданія для оперирующаго врача. Но вѣдь этотъ врачъ человѣкъ, и ничто человѣческое не должно быть ему чуждо! Усильте краски: вообразите, что умирающій ребенокъ — дитя самого врача, и попробуйте вообразить состояніе его души именно въ ту минуту, когда его руки обогряются самою дорогою для него кровью, разумъ подсказываетъ, что онѣ не должны трепетать, совершая это ужасное, но безусловно нужное дѣло! Загляните тогда въ душу этого отца-хирурга и попробуйте не отдать ему всего вашего состраданія, всѣхъ вашихъ слезъ.

Исторія человѣчества и исторія народовъ имѣютъ также свои болѣзни, требующія жестокихъ, кровавыхъ операцій. Къ этимъ операціямъ, въ которыхъ какъ орудіями излеченія, такъ и язвами

[1]) Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 году. Сост. Л. М. Чичаговъ. Спб. 1885.

болѣзни являются живые люди, — приступать тяжело. Монархъ, или правитель, объявляя кому либо войну, этимъ самымъ обрекаетъ часть своихъ подданныхъ, или часть своихъ согражданъ, преждевременной смерти, большимъ лишеніямъ и страшнымъ мукамъ. Это его право, говорятъ намъ, это его обязанность! Прекрасное право и нетрудная обязанность, если въ лицѣ такого правителя, или монарха, мы представляемъ себѣ одну только воплощенную историческую идею, не имѣющую своего сердца, не знающую радостей извѣстнаго опредѣленнаго человѣка и незнакомую ни съ горечью слезъ человѣческихъ, ни съ сомнѣніемъ въ личной правотѣ, при пользованіи конкретно выраженнымъ правомъ. Но вѣдь этотъ представитель власти человѣкъ! Ему вѣдомо чувство отца, теряющаго всякую надежду со смертію молодаго сына; онъ понимаетъ горечь слезъ матери; слышитъ плачъ вдовъ и дѣтей осиротѣлыхъ!

Наконецъ, ему, какъ живому человѣку, знакомо физическое страданіе и страхъ преждевременной смерти. Подписать манифестъ о войнѣ совсѣмъ нетрудно, особенно думая, подобно Елисаветѣ Англійской, выведенной Шиллеромъ въ своей трагедіи, что:

«Ничего не значитъ
Бумаги листъ: не убиваетъ имя?»

Но можетъ ли такъ думать человѣкъ — въ монархѣ, человѣкъ, сознающій страшную силу своего монаршаго имени, сознающій всѣ послѣдствія, вытекающія изъ бумаги, этимъ именемъ подписанной? Можетъ ли въ то же время не страдать этотъ же человѣкъ, будучи убѣжденъ, что онъ обязанъ исторіи подписать роковую бумагу, обязанъ издержать ту каплю роковыхъ чернилъ, вслѣдъ за которой потекутъ рѣки невинной и дорогой ему крови.

Вотъ гдѣ величайшая изъ всѣхъ возможныхъ трагедій!

Въ сердцѣ этого человѣка, раба великаго историческаго долга и господина тѣхъ, кого этотъ долгъ обрекаетъ смерти, ищите благороднѣйшія страданія, прислушивайтесь къ горестнѣйшимъ слезамъ, міру невидимымъ, вѣдомымъ Богу!

1.

Кто не знаетъ одного фотографическаго изображенія покойнаго императора Александра II-го, снятаго съ него во время русско-турецкой войны за освобожденіе Болгаріи. На этомъ портретѣ покойный государь изображенъ въ пальто и фуражкѣ, сидящимъ на походномъ складномъ креслѣ. Но какое страдальческое лицо, какая худоба и какое выраженіе скрытой тоски въ этихъ глубоко впавшихъ глазахъ! Видно, сильно страдалъ въ этомъ монархѣ человѣкъ, проводившій безсонныя ночи подъ убогими крышами болгарскихъ мазанокъ, полъ-года изо дня въ день прислушивавшійся

къ стонамъ раненыхъ, полъ-года присутствовавшій на праздникѣ смерти, вызванномъ его подписью, его историческимъ долгомъ!

Но знаемъ ли мы что нибудь объ этихъ страданіяхъ? Не слишкомъ ли скоро, не слишкомъ ли равнодушно прошли мы вообще мимо того величайшаго подвига великодушія и любви, который выразился въ объявленіи войны Турціи, не пожелавшей оградить христіанъ Босніи, Болгаріи и Герцеговины отъ произвола мѣстныхъ властей и отъ страданій мусульманскаго ига? Останавливали ли мы когда нибудь нашу праздную мысль на чувствахъ того человѣка, который повелѣлъ доблестнымъ войскамъ своимъ вступить въ предѣлы Турціи, не смотря на то, что ему были дороги кровь и достояніе каждаго вѣрноподданнаго, и всѣ его личныя симпатіи клонились въ пользу сохраненія мира?

Нѣтъ, мы надъ этимъ не останавливались, нѣтъ, мы этого не знаемъ!

Даже наши художники, поспѣшившіе занести на свои неизмѣримые холсты всѣ ужасы, всю грязь и всю кровь этой великой войны, не нашли ни красокъ на своихъ палитрахъ, ни умиленія въ своихъ сердцахъ, чтобы воплотить въ живомъ образѣ полугодовую страду великаго страдальца за свой народъ и за свое войско, совершавшуюся то въ госпитальныхъ шатрахъ, то подъ крышею порадимской хижины, то въ убогихъ церквахъ болгарскихъ деревушекъ!

Эти бѣдные мыслями, хотя и перворазрядные маляры, очевидно, не понимаютъ мукъ безъ крови, не видятъ страданій тамъ, гдѣ никто не кричитъ, никто не щеголяетъ ранами и не симфонируетъ стономъ. Величіе страданій безъ словъ для нихъ непонятно, стоновъ въ молчаніи они не слышатъ, ну, а такіе люди, какого человѣчество потеряло въ лицѣ Александра II-го, не говорятъ, когда плачутъ, и не плачутъ, когда говорятъ!

Вышедшая къ 1-му марту 1885 года книга г. Чичагова «Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 году» является живымъ обвинителемъ такого непониманія, такого жестокаго невниманія нашихъ художественныхъ силъ къ тѣмъ высокимъ темамъ и задачамъ, какія создала жизнь покойнаго императора на войнѣ. Именно здѣсь онъ является въ золотыхъ лучахъ любви и милосердія, доступныхъ только тому, кто, облеченный высочайшею властью и могущественнѣйшею силою на землѣ, вѣчно помнилъ, что сила не въ силѣ, а сила въ любви. Раскрывъ однажды безхитростную книгу г. Чичагова, являющуюся къ тому же весьма неполнымъ сборникомъ дѣяній императора Александра II въ средѣ его войскъ въ теченіе добалканскаго періода кампаніи, вы отъ нея не оторветесь, до того это простое повѣствованіе о совершенномъ добрѣ, захватываетъ вашу душу и поражаетъ воображеніе величіемъ выступающей изъ всего разсказа фигуры добраго, любвеобильнаго, смиреннаго монарха!

Мы позволимъ себѣ воспроизвести нѣкоторыя изъ этихъ картинъ и разсказовъ.

2.

Краснорѣчивѣйшимъ свидѣтелемъ внутреннихъ страданій и тревогъ императора за время войны служитъ его исключительная религіозность. Твердый, какъ монархъ Россіи, обязанный блюсти ея честь и славу, хотя бы цѣною крови ея лучшихъ сыновъ, но слабый и добрый человѣкъ, покойный государь, начиная войну, все свое упованіе, всю свою надежду возложилъ на Бога. Многія страницы дневника, изданнаго г. Чичаговымъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что молитвы царя не были одними только оффиціальными отправленіями общественнаго богослуженія, приличными торжеству и случаю. Государь часто и подолгу молился одинъ и, запершись въ своей комнатѣ, часами простаивалъ на колѣняхъ, вознося свою страждущую мольбу къ престолу Всевѣдущаго, Всемогущаго Царя царей. Когда въ Кишиневѣ уже были собраны войска и конвертъ съ манифестомъ, повелѣвающимъ вступить въ предѣлы Турціи, былъ переданъ епископу Павлу, государь Александръ Николаевичъ заѣхалъ въ соборъ и долго стоялъ тамъ на колѣняхъ передъ алтаремъ, погруженный въ благочестивую бесѣду съ Богомъ. Также искренно и просто молился онъ, какъ каждый изъ присутствовавшихъ офицеровъ и солдатъ во время общаго молебна на кишиневскомъ плацу, и вездѣ, гдѣ ему впослѣдствіи приходилось праздновать новое торжество русскаго оружія или новую побѣду. Но послѣ паденія Плевны и сдачи Османа-паши, вернувшись къ себѣ въ хижину Порадима, государь опять заперся и долго молился одинъ, стоя на колѣняхъ. Это была молитва благодарственная. Каковы же были его молитвы въ тяжелые дни августа, во время турецкихъ аттакъ на слабо защищенную Шипку, или послѣ неудачныхъ штурмовъ Плевны 30-го и 31-го августа? Про то знаетъ только онъ да Богъ, внимавшій такимъ скорбнымъ молитвамъ. Неудивительно, что, постоянно находясь въ тревогѣ и въ то же время живя въ обстановкѣ слишкомъ для него непривычной, государь одинъ изъ первыхъ сдѣлался добычей мѣстныхъ лихорадокъ. Но это нездоровье, безпокоившее окружающихъ его и докторовъ, не нарушало общаго хода его занятій. Вотъ какъ описанъ день государя во время пребыванія его въ Горномъ Студнѣ. Обыкновенно императоръ вставалъ около 8-ми часовъ утра и пилъ кофе. Какъ бы ни былъ онъ утомленъ наканунѣ, какія бы заботы и дѣла ни изнуряли его, государь не перемѣнялъ этого часа. Если случалось, что докторъ замѣчалъ его величеству, что онъ почивалъ мало, то государь говорилъ: «Я не могу вставать позже, потому что не успѣю иначе всего сдѣлать». Послѣ кофе государь прогуливался; иногда заходилъ въ лазареты, но, бо̀льшею частью, спѣ-

шилъ домой заняться чтеніемъ телеграммъ, а въ дни затишья — просмотрѣть журналы. Въ 12 часовъ, въ большомъ шатрѣ подавали завтракъ, къ которому собиралась вся свита. Императоръ садился въ срединѣ стола, обыкновенно былъ разговорчивъ и всегда очень любезенъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда что нибудь особенное его заботило. Если къ этому времени получалась телеграмма, то государь ее приносилъ съ собою и прочитывалъ вслухъ.

Послѣ завтрака слѣдовали доклады. Его величество садился работать и занимался нѣсколько часовъ сряду, разсматривалъ бумаги, присылаемыя изъ Петербурга, на коихъ дѣлалъ замѣчанія и полагалъ резолюціи. Въ дни отправленія курьеровъ въ Петербургъ такія занятія продолжались особенно долго. Временами когда стояли такіе жаркіе дни, что термометръ стоялъ въ тѣни на 32-хъ градусахъ, государь, не смотря на изнуряющую духоту, всетаки, продолжалъ работать и переносилъ всѣ невзгоды безропотно. Въ октябрѣ и ноябрѣ, когда пошли холода, его величество надѣвалъ пальто, но, всетаки, не переставалъ трудиться. Въ 4 часа пополудни, императоръ ложился отдыхать и приказывалъ себя будить, если получалось важное извѣстіе. Въ 5 онъ вставалъ и дѣлалъ прогулку въ лагерь и лазаретъ... Обѣдалъ государь въ 7 часовъ, а въ половинѣ десятаго подавали чай. Во время чая обыкновенно читались выписки изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, и это чтеніе продолжалось часъ... Послѣ одиннадцати часовъ расходились, но императоръ, вернувшись въ свою комнату, работалъ у себя до часу ночи. Если ночью получались телеграммы, то государя каждый разъ будили. Такого образа жизни онъ не измѣнялъ во все время своего пребыванія въ дунайской арміи, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда его величество ѣздилъ на позиціи подъ Плевну. Поѣздка эта, нарушая обычный порядокъ, заставляла императора работать по ночамъ болѣе обыкновеннаго.

Отправляясь на войну, въ дѣйствующую армію, государь говорилъ: — «Я ѣду братомъ милосердія»! И дѣйствительно, раненые и больные являлись его вѣчною, неустанною заботою, имъ посвящалъ онъ большую часть своего свободнаго времени, ихъ утѣшалъ онъ въ госпиталяхъ и лазаретахъ, и потому образъ этого вѣнценоснаго брата, для многихъ тысячъ страдальцевъ, являлся воплощеніемъ самого милосердія, самой любви.

Справедливо говоритъ г. Чичаговъ, что эта христіанская служба государя милосердію создастъ цѣлыя легенды и, глубоко запавъ въ исторической памяти народа, навѣки запечатлѣетъ неугасимымъ сіяніемъ, въ лицѣ этого монарха, образъ человѣческій.

Трудно себѣ представить, до какого вниманія къ мелкимъ нуждамъ людей, до какого смиренія, истинно царскаго, доходила служба царя среди страждущихъ воиновъ его арміи. Встрѣтивъ на другой день послѣ переправы деньщика капитана Мацкевича

(котораго ошибочно полагали раненымъ) и видя, что онъ плачетъ, не находя среди раненыхъ своего барина, государь, вернувшись къ себѣ домой, тотчасъ же отъ себя послалъ розыскивать раненаго.

Подъ 24-мъ іюнемъ мы читаемъ въ «Дневникѣ» слѣдующую картину.

Въ этотъ день въ одномъ изъ лазаретовъ его величество подошелъ къ раненому армейскому пѣхотному офицеру, въ то время, когда послѣднему дѣлали перевязку.

— Тебя, можетъ быть, мы безпокоимъ?—ласково обратился къ нему государь.

— Останьтесь, Бога ради, ваше императорское величество, — жалобнымъ голосомъ взмолился офицеръ: — не уходите; я васъ вижу въ первый разъ...

— А ты бы закурилъ папиросу, я полагаю, тебѣ легче бы было,— замѣтилъ государь.

— Точно такъ, ваше величество,—слабымъ голосомъ отвѣтилъ больной.

Императоръ вынулъ свой портъ-сигаръ, досталъ папиросу и, самъ закуривъ ее, подалъ офицеру.

Конечно, какъ только государь отошелъ, офицеръ поспѣшно сбросилъ огонь и спряталъ эту папиросу подъ подушку.

Впослѣдствіи, уже находясь въ Порадимѣ, когда чувства жалости и состраданія давно могли бы уже притупиться, государь императоръ, всетаки, не пропускалъ мимо своего соломеннаго дворца ни одного транспорта съ ранеными, и въ «Дневникѣ», изданномъ г. Чичаговымъ, читатели найдутъ подробный разсказъ одного студента-медика объ остановкѣ порученнаго ему транспорта съ ранеными передъ порадимскою хижиною государя. Во время этой остановки, угощая офицеровъ чѣмъ Богъ послалъ, императоръ самъ завертывалъ въ бумагу часть закусокъ, давая эти пакеты то тому, то другому изъ раненыхъ на дорогу.

3.

Но среди множества такихъ фактовъ, упомянутыхъ или описанныхъ въ книгѣ г. Чичагова, особенное впечатлѣніе производитъ разсказъ о посѣщеніи государемъ флигель-адъютанта Лукошкова, уже долго послѣ войны, въ Маріинской больницѣ, и сцена отпѣванія поручика Тюрберта, погибшаго однимъ изъ первыхъ при переправѣ черезъ Дунай.

При штурмѣ Горняго Дубняка, лейбъ-Гренадерскаго полка капитанъ Лукошковъ былъ тяжело раненъ, но государю донесли о немъ въ числѣ убитыхъ. За обѣдомъ, обращаясь къ находившемуся въ почетномъ конвоѣ поручику того же полка Поливанову, государь сообщилъ ему о смерти Лукошкова.

Поливановъ поѣхалъ въ Боготъ узнать о судьбѣ своего товарища и тамъ нашелъ его въ числѣ тяжело раненыхъ, однако, еще живымъ.

Когда объ этомъ доложили государю, то его величество немедленно самъ поѣхалъ въ Боготъ, чтобы навѣстить умирающаго.

Но этимъ не ограничилось высочайшее вниманіе къ судьбѣ этого офицера. Въ 1880 году, разсказывается въ «Дневникѣ», 13-го апрѣля, въ день полковаго праздника лейбъ-гренадеръ, капитанъ Лукошковъ, лежа въ Маріинской больницѣ, ждалъ посѣщенія друзей-однополчанъ и солдатъ своей роты. Но въ отворившуюся дверь вдругъ неожиданно вошелъ государь императоръ.

— Твой первый шефъ пріѣхалъ поздравить тебя съ полковымъ праздникомъ, — произнесъ государь, подавая руку больному.

Лукошковъ, тронутый до слезъ, едва могъ выговорить слово. Императоръ сѣлъ къ нему на кровать и старался его успокоить.

— А знаешь, кто къ тебѣ еще пришелъ? — продолжалъ монархъ: — твой фельдфебель и двое солдатъ роты. Я ихъ встрѣтилъ на лѣстницѣ и обѣщалъ самъ доложить объ ихъ приходѣ. Можно позвать? — спросилъ государь.

Затѣмъ, его величество самъ отворилъ дверь, позвалъ солдатъ и еще болѣе получаса разговаривалъ съ Лукошковымъ и солдатами.

Въ рукахъ монарховъ всегда находится великая милость. Но для оказанія такой милости, какую мы видимъ въ разсказанномъ фактѣ, надо имѣть не власть, а любовь, надо имѣть въ груди сердце человѣческое.

Только это сердце можетъ подсказать такую милость, только оно научитъ, какъ довершить ее до конца.

То же человѣческое сердце подсказало монарху его поведеніе и на похоронахъ Тюрберта.

Судьба подпоручика Тюрберта вообще картинная судьба. Какъ историческій атомъ, этотъ офицеръ жилъ одно мгновеніе, но это мгновеніе было замѣчено исторіей, и потому, не совершивъ ничего особеннаго, погибшій юноша можетъ жить вѣчно. Имя его будетъ вдохновлять поэтовъ, а судьба можетъ дать тему для нѣсколькихъ превосходныхъ картинъ.

По жребію попалъ подпоручикъ Тюрбертъ въ ту часть почетнаго конвоя, которая пошла во главѣ переправы. Случай, случай роковой, далъ ему мѣсто на томъ понтонѣ съ орудіемъ, которому суждено было погибнуть отъ непріятельскаго выстрѣла въ мутныхъ волнахъ Дуная. Гибель, сама по себѣ, очень живописная и потому достойная стать предметомъ баталической картины. Эта картина, хотя не самостоятельно, но въ видѣ необходимаго аксессуара, уже нарисована въ общей картинѣ, изображающей переправу русскихъ войскъ черезъ Дунай[1]).

[1]) Не знаю навѣрное, Виллевальдомъ, или Ковалевскимъ, такъ какъ оба они трактовали этотъ сюжетъ. В. П.

Но для нашихъ русскихъ художниковъ, этихъ кровожадныхъ художниковъ, какъ выразился одинъ изъ моихъ сотоварищей по перу, такая тема еще недостаточно сенсаціонна. Вниманію ихъ я предлагаю нѣчто лучшее.

Тѣло утонувшаго артиллерійскаго офицера было выброшено около песчанаго острова Вардина и найдено тамъ только черезъ шесть дней послѣ переправы. На поискъ его отправились три офицера и всѣ артиллеристы, состоящіе въ почетномъ конвоѣ. Пароходъ «Анета» доставилъ этихъ путешественниковъ на островъ, съ гробомъ, а самъ отправился за смолою для осмоленія разложившагося трупа утопленника, оставивъ команду, отрѣзанную отъ всего міра на песчаной отмели, среди широкихъ водъ Дуная.

Величественная картина разстилалась передъ глазами конвойцевъ: островъ, возвышавшійся надъ уровнѣмъ воды, окруженный быстрой рѣкой, по которой удалялся привезшій ихъ пароходъ; безоблачное небо темно-голубаго цвѣта, разстилавшееся надъ ихъ головами, яркое, жгучее солнце, золотившее песчаные обрывы береговъ, представляли превосходный контрастъ съ тою мрачною цѣлью, которая привела этихъ людей на островъ, и особенно ярко оттѣняли всѣ окружающіе ихъ ужасы.

А ужасы были дѣйствительно достойны вниманія русскихъ Рембрандтовъ и Веласкезовъ.

Обезображенные трупы, слегка покрытые комками намокшей земли, лежали распростертыми на травѣ, такъ какъ нельзя было въ топкомъ грунтѣ вырыть могилы. Руки, сжатыя конвульсіями въ кулаки, и ноги, совершенно посинѣвшія, торчали повсюду наружу, а въ водѣ, подъ тѣнью склонившихся ракитъ, качались еще тѣла, во всевозможныхъ ракурсахъ, синія, одутлыя, частію голыя, частію сохранившія на себѣ кое-какія одежды, а надо всѣмъ въ воздухѣ роились хищныя птицы, недружелюбно смотрѣвшія на людей, пришедшихъ отнять у нихъ лакомую добычу.

Въ числѣ тѣлъ, плававшихъ около острова, было найдено также и тѣло Тюрберта. Около склонившагося надъ водою дерева, лежалъ бѣдный юноша плашмя, лицомъ кверху, такъ что голова его касалась корня, а туловище слегка прикрывалось вѣтвями.

Не правда ли, ужасная картина?

Но будь я художникомъ, не ее выбралъ бы я для моего полотна. Нѣтъ, я бы нарисовалъ убогій болгарскій храмъ, лишенный всякаго благолѣпія, но являвшійся за то живымъ свидѣтелемъ совершавшихся въ этихъ краяхъ утѣсненій,—храмъ, среди котораго на простой скамейкѣ возвышается осмоленный гробъ, только что принесенный въ него загорѣлыми руками русскихъ воиновъ. Это гробъ Тюрберта, а правѣе его, колѣнопреклоненная фигура государя, поднявшаго мечъ за возрожденіе и за свободу этой самой убогой церкви и теперь возносящаго теплыя мольбы къ Царю царей, за упокой

души своего погибшаго офицера. Во время похоронъ Тюрберта, императоръ уже сѣлъ обѣдать, но, услышавъ звуки похороннаго марша и узнавъ, что хоронятъ гвардейскаго офицера его почетнаго конвоя, оставилъ обѣдъ и, сопровождаемый наслѣдникомъ цесаревичемъ, его высочествомъ главнокомандующимъ, великими князьями Владиміромъ, Алексѣемъ и Сергѣемъ Александровичами и всей свитой, вошелъ въ церковь. Въ этой церкви, не обращая вниманія на сквозной вѣтеръ и зловоніе, онъ достоялъ до окончанія панихиды. Могила Тюрберта была вырыта около ограды, и его величество, проводивъ до нея гробъ, первый бросилъ въ нея лопату земли. Воздавъ такую высокую почесть покойному офицеру, государь не забылъ и его родныхъ. Саблю и фуражку подпоручика Тюрберта онъ приказалъ графу Адлербергу переслать его родителямъ, а впослѣдствіи отецъ покойнаго имѣлъ счастіе получить, наравнѣ съ всѣми офицерами, бывшими въ почетномъ конвоѣ, фотографическую карточку государя императора, съ собственноручною надписью его величества.

Да, такую картину я бы хотѣлъ видѣть нарисованною великимъ талантомъ, вѣря, что она навѣки могла бы служить данью добротѣ и славой милосердію почившаго монарха России.

4.

Пессимисты говорятъ, что сѣющій добро чаще другихъ пожинаетъ неблагодарность. Но они ошибаются, потому что, если бы ихъ мрачное воззрѣніе находило бы всегда и вездѣ свое оправданіе, то добра давно бы уже вовсе не было на свѣтѣ. Да вѣдь истинное, отъ души истекающее добро и не ищетъ благодарности, не нуждается въ ней, зная, что оно само родитъ добро въ сердцахъ ближнихъ и единственно своимъ присутствіемъ подымаетъ общій строй жизни.

Доброта государя, несомнѣнно, подымала духъ его войска, заставляла мужественныя сердца воиновъ биться сильнѣе, крѣпче вѣрить въ успѣхъ и шире надѣяться на милосердіе Божіе въ часы несчастія и скорби. Мы уже цитировали выше эпизодъ съ царской папиросой, спрятанной раненымъ офицеромъ на память, но такихъ эпизодовъ въ книгѣ г. Чичагова собрано множество. При входѣ государя въ госпиталь, больные видимо оживали, начинали подшучивать надъ своими страданіями, просились на выписку и вообще чувствовали себя гораздо легче.

Однажды, государь, въ началѣ кампаніи, выходя изъ палатки, гдѣ лежали трудно-больные, на прощаньѣ пожелалъ имъ поскорѣе выздоровѣть. Совершенно неожиданно для всѣхъ, въ отвѣтъ на это пожеланіе прокатилось дружное:

— Рады стараться, ваше императорское величество!

— Трудно повѣрить,—говоритъ очевидецъ:—чтобы такъ кричали тяжко больные, почти умирающіе люди.

Государь горько улыбнулся и промолвилъ:

— Не отъ васъ это зависитъ!

Послѣ Телиша, гдѣ такъ сильно пострадали гвардейскіе егеря, его величество съ особеннымъ участіемъ и грустью обходилъ лазареты. Въ палаткѣ тяжело-раненыхъ императоръ взялъ за руку одного изъ лежавшихъ офицеровъ и голосомъ, изобличавшимъ глубокое состраданіе, сталъ его успокоивать.

Но, въ свою очередь, этотъ офицеръ, до глубины души тронутый участіемъ государя и желая облегчить его собственныя страданія, собралъ свои послѣднія силы и стараясь казаться бодрымъ, вымолвилъ вполголоса.

— Не извольте безпокоиться, ваше величество, мнѣ хорошо; всѣмъ намъ хорошо. Я вовсе не страдаю...

И, проговоривъ это... скончался, едва государь успѣлъ оставить палатку.

Въ другой разъ, императоръ съ особеннымъ чувствомъ обратился къ раненымъ гвардейцамъ и назвалъ ихъ молодцами.

— Какъ намъ не быть молодцами съ такими офицерами, какъ наши!—отвѣтилъ государю одинъ изъ раненыхъ.

— Эти слова должны быть вамъ очень пріятны,—замѣтилъ императоръ, обратясь къ окружающимъ его офицерамъ.

Тутъ же, въ этой юдоли плача и страданій, иногда невыразимыхъ, его величеству приходилось не разъ лично убѣждаться въ въ удивительныхъ качествахъ русскаго воина.

Такъ, напримѣръ, передъ переправою, генералъ Драгомировъ приказалъ своимъ войскамъ беречь патроны и дѣйствовать болѣе штыкомъ. Въ приказѣ было сказано, что генералъ будетъ очень недоволенъ тѣмъ солдатомъ, у котораго послѣ дѣла останется въ сумкѣ менѣе 30-ти патроновъ.

Послѣ переправы, когда государь обходилъ раненыхъ и подошелъ къ одному рядовому Волынскаго полка, то этотъ первымъ дѣломъ открылъ патронную сумку и показалъ царю цѣльные тридцать патроновъ.

Не правда ли, какъ это характерно? Но вотъ сцена еще болѣе трогательная.

Во время посѣщенія государемъ императоромъ въ Боготѣ раненыхъ подъ Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ гвардейцевъ, одинъ раненый офицеръ л.-гв. Егерскаго полка окликнулъ государя.

— Ваше величество!

— Что, другъ мой, что такое?—спросилъ вполголоса государь, ожидая какой либо просьбы и желая дать возможность просителю объясниться безъ участія постороннихъ.

— Что егеря?.. Что, должны они были взять Телишъ? Или... или это было только...

Государь угадалъ смыслъ и чувства волновавшагося офицера и сказалъ громко:

— Да, да! егеря свое дѣло сдѣлали. Это была только демонстрація.

При этихъ словахъ, лицо офицера просіяло. Онъ перекрестился лѣвою рукою (правая была ранена) и сказалъ:—слава Богу! а то я ужасно боялся за полкъ!

Читая подобные разсказы, а ихъ много разсыпано въ книгѣ г. Чичагова, разумѣется, перестанешь дивиться совершеннымъ въ минувшую войну подвигамъ. Государь стоилъ своего «чуднаго» войска, войско стоило своего великодушнаго, чуднаго царя, и потому совершенно естественно, что на его глазахъ, чувствуя его присутствіе, русскіе полки не мѣрили ширины Дуная, не справлялись о высотѣ снѣговыхъ Балканъ.

5.

Посвящая свои досуги страждущимъ воинамъ и не упуская ничего, что бы могло принести облегченіе ихъ страданіямъ, императоръ Александръ II былъ столь же ласковъ и предупредительно внимателенъ къ нуждамъ и желаніямъ окружающихъ его лицъ почетнаго конвоя, чиновъ его штаба и квартиры.

Не приходило сколько нибудь важнаго извѣстія съ полей сраженій, которымъ бы великодушный монархъ, сознавая общее всѣмъ нетерпѣніе и естественное любопытство, не спѣшилъ подѣлиться. Не выключалъ онъ въ этихъ случаяхъ изъ числа осчастливленныхъ такимъ вниманіемъ и своихъ конвойцевъ.

26-го іюня, генералъ Гурко захватилъ безъ боя Тырновъ, столицу Болгаріи. Это извѣстіе пришло поздно вечеромъ и весьма обрадовало государя. Гвардейская рота его конвоя въ это время укладывалась уже спать. Офицеры сидѣли безъ сюртуковъ за самоварами, какъ вдругъ раздалась знакомая команда: всѣмъ на линію. Было слишкомъ поздно, и потому ни офицеры, ни солдаты сразу не повѣрили крику и сначала выскочили изъ палатокъ поглядѣть, въ чемъ были одѣты.

Но государь уже стоялъ передъ офицерскими шатрами. Увидѣвъ царя, всѣ бросились опять въ палатку одѣваться, но его величество сказалъ:

— Господа офицеры,—ко мнѣ, радостное извѣстіе! Солдаты могутъ также подойдти, не одѣваясь.

Вслѣдъ затѣмъ, онъ имъ прочелъ телеграмму и разсказалъ, какъ отличился гвардейскій полуэскадронъ конвоя подъ начальствомъ штабсъ-капитана Савина.

Во время тревожныхъ августовскихъ дней на Шибкѣ, государю не разъ приходилось повторять то же самое. Въ теченіе этихъ безпокойныхъ часовъ, императору подавали полученныя телеграммы отъ генераловъ Дерожинскаго и Радецкаго даже поздней ночью. Но и въ это время онъ приказывалъ звать Д. А. Милютина и А. В. Адлерберга, чтобъ сообщить и имъ получаемыя извѣстія.

Тотъ же характеръ искренней любви и вниманія къ войскамъ носили царскіе объѣзды позицій во время блокады Плевны. Нельзя безъ умиленія читать тѣ страницы книги г. Чичагова, на которыхъ описано посѣщеніе государемъ войскъ отряда Гурко послѣ дѣлъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Самый пріѣздъ государя, съ цѣлью быть ближе къ войскамъ, въ Порадимъ на жительство былъ уже подвигомъ. Въ этомъ Порадимѣ ему было до того холодно и неудобно въ отведенной ему хаткѣ, что онъ, наконецъ, рѣшился обратиться къ саперамъ своего конвоя съ просьбою.

— Очень ужъ мнѣ холодно въ мазанкѣ, не сложите ли мнѣ, голубчики, небольшую печь.

А въ это время онъ уже сильно страдалъ постоянными пароксизмами лихорадки! Конечно, саперы на другой же день соорудили большую печку, а какой-то купецъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, обилъ всю комнатку солдатскимъ сукномъ. Государь остался очень доволенъ такимъ улучшеніемъ своей комнатки и постоянно говорилъ, что нигдѣ онъ еще не пользовался такимъ удобствомъ, какъ въ Порадимѣ.

Еще ужаснѣе выпала на его долю ночевка въ Медованѣ, гдѣ ему пришлось провести ночь на походной кровати въ комнатѣ безъ рамъ, отверстія которыхъ наскоро заклеили бумагой.

Характерно также, что казаки конвоя на бѣлыхъ стѣнахъ этой мазанки написали множество черныхъ крестовъ, оправдывая свое усердіе тѣмъ, «что не подобаетъ православному царю ночевать въ невѣрномъ, некрещеномъ домѣ». И всѣ эти неудобства и лишенія, съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, государь предпринялъ единственно, чтобы лично поблагодарить свои гвардейскія войска, одержавшія кровавую побѣду, и лично роздать отличившимся награды.

Его величество благодарилъ каждый полкъ отдѣльно; раненыхъ, но оставшихся въ строю, разспрашивалъ о положеніи ранъ; громко разсказывалъ о товарищахъ, видѣнныхъ имъ въ госпиталяхъ; вспоминалъ объ убитыхъ командирахъ, останавливаясь на хорошихъ чертахъ изъ ихъ жизни. При этомъ въ голосѣ государя звучало большое волненіе...

Благодарственное молебствіе служилось въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку, и когда священникъ провозгласилъ вѣчную память убіеннымъ на полѣ брани за вѣру, царя и отечество, императоръ сталъ на колѣни и все время, пока пѣли молитву, стоялъ на ко-

лѣняхъ, опустивъ голову. Тутъ сердце царя вдругъ сказалось слезами; тщетно онъ ихъ хотѣлъ скрыть, ихъ всѣ увидѣли, когда государь подошелъ приложиться ко кресту.

Нельзя не замѣтить также о слѣдующемъ эпизодѣ на полковомъ праздникѣ лейбъ-казаковъ, совпавшемъ съ взятіемъ кавказскою арміею Карса.

Тутъ его величество пожелалъ откушать пищу, приготовленную для праздничнаго обѣда нижнихъ чиновъ. Когда государь подошелъ къ столу, то его высочество главнокомандующій крикнулъ:

— Ребята, дайте ложку.

Казаки стали переминаться.

— Эхъ, да у нихъ и ложки-то нѣтъ, — улыбаясь, сказалъ государь.

Это замѣчаніе заставило близь стоящаго казака полѣзть за голенищу и достать ложку. Вынувъ ложку, казакъ вытеръ ее своими пальцами и подалъ государю. Монархъ, видя все это, улыбаясь, взялъ у казака ложку и началъ ею кушать казачьи щи.

«Дневникъ», изданный г. Чичаговымъ, по его собственному сознанію, далеко не полонъ, въ немъ записано только небольшое число случаевъ, рисующихъ намъ дѣятельность вѣнценоснаго брата милосердія въ тылу и на позиціяхъ его арміи, но и сказаннаго здѣсь совершенно достаточно, чтобы тронуть человѣка съ глубоко-похороненнымъ сердцемъ и растрогать до слезъ самыя прочные нервы. Понятно уже само собой, что государь, жертвуя своимъ личнымъ покоемъ, не забывалъ награждать всѣхъ сколько нибудь участвовавшихъ въ трудахъ и тягостяхъ войны всѣми находившимися въ его рукахъ способами. Почти всегда эти награды превышали заслуги и ожиданія отличившагося.

За переправу черезъ Дунай, государь, прибывъ въ Систово и встрѣтивъ генерала Радецкаго, поцѣловалъ его и вручилъ орденъ Георгія 3-й степени, горячо благодаря за службу. Генералъ Радецкій совершенно смутился и произнесъ:

— Я не причемъ. Это, ваше величество, генералу Драгомирову.

— Успокойся, — отвѣтилъ государь: — онъ получитъ сейчасъ Георгія.

Награждая такимъ образомъ всѣхъ выше заслугъ, государь послѣ паденія Плевны подумалъ и о себѣ.

Утромъ 29-го ноября, собираясь въ Плевну, императоръ спросилъ графа Адлерберга:

— Какъ ты думаешь, это ничего, если я надѣну георгіевскій темлякъ на саблю; кажется, я заслужилъ?

Пріѣхавъ въ Плевну уже съ георгіевскимъ темлякомъ, государь подошелъ послѣ молебна къ великому князю Николаю Николаевичу и сказалъ:

— Я надѣюсь, что главнокомандующій не будетъ сердиться на

меня за то, что я надѣлъ себѣ на шпагу георгіевскій темлякъ на память о пережитомъ времени.

Узнавъ о наградѣ, которую самъ себѣ выбралъ государь за полугодовые усиленные труды, опасности и лишенія войны, офицеры почетнаго конвоя рѣшили поднести ему золотую саблю. Къ несчастію, настоящую золотую саблю негдѣ было взять, а потому офицеры рѣшили временно поднести обыкновенную золотую саблю безъ надписи, съ тѣмъ, чтобы въ Петербургѣ замѣнить ее другою.

2-го декабря, принимая офицеровъ конвоя съ саблей, государь произнесъ:

— Я очень доволенъ и этой саблей и другой мнѣ не нужно. Искренно благодарю васъ за эту дорогую память о васъ и еще разъ спасибо за службу.

Думалъ ли кто нибудь тогда, что эта простая сабля, въ недалекомъ будущемъ, ляжетъ на крышку гроба незабвеннаго монарха, какъ самая имъ любимая и почитаемая?..

Уже четыре года минуло съ роковаго дня 1-го марта, съ того страшнаго дня, когда перестало биться великодушное сердце, біеніе котораго «за люди своя» было видимо даже подъ скадками тяжелой императорской порфиры, и палъ отъ руки послѣдняго злодѣя монархъ, оставившій неизгладимый, глубокій слѣдъ въ исторіи судебъ новой Россіи.

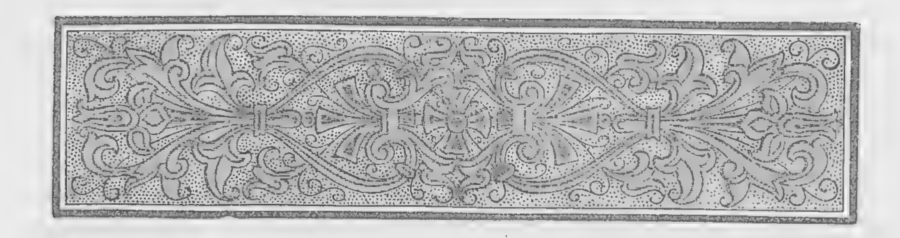
Но убитые горемъ, ошеломленные современники, плача надъ этимъ священнымъ прахомъ, не умѣютъ найдти для въ Бозѣ почившаго подходящаго историческаго имени. Царь освободитель, — говорятъ одни; царь мученикъ, — говорятъ другіе. Но потомство не санкціонируетъ этихъ искусственныхъ и частныхъ названій. Оно прямо скажетъ — Великій царь, потому что лучше насъ оцѣнитъ плоды его дѣяній, ближе подойдетъ къ результатамъ его неустанныхъ работъ. Это-то потомство, жарче и искреннѣе боготворя въ его памяти память великаго человѣка, пойметъ, что императоръ Александръ II отличался отъ другихъ великихъ людей, страшныхъ силою своей воли и характера, только искреннимъ служеніемъ христіанскому девизу:

«Сила не въ силѣ, — сила въ любви».

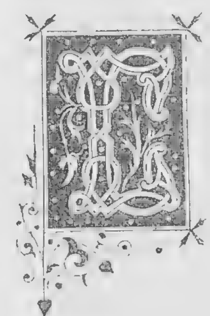
Кто же пожелаетъ измѣрить значеніе его царственныхъ дѣяній, пусть спроситъ объ этомъ значеніи у десятковъ милліоновъ освобожденныхъ имъ рабовъ крѣпостничества и мусульманства!

Эти съумѣютъ и теперь отвѣтить, чѣмъ было для нихъ и чѣмъ будетъ вѣчно дорого для ихъ потомства имя императора Александра II.

В. П.

СВЯТО-ДУХОВСКІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМЪ ВЪ ЯКОБШТАДТѢ.

ВЯТО-ДУХОВСКІЙ храмъ въ городѣ Якобштадтѣ, истребленный 16-го января пожаромъ отъ злоумышленнаго взрыва, составлялъ древнѣйшій памятникъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ, и потому мы считаемъ долгомъ сохранить воспоминаніе о немъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника»[1]).

Прошлое этого храма богато религіозными и историческими воспоминаніями. Первоначальное построеніе его относится къ 1670—1675 годамъ, когда православные жители этой мѣстности, поселившіеся еще во времена царя Алексѣя Михайловича, получили разрѣшеніе устроить православный храмъ во имя Сошествія Святаго Духа.

Здѣсь при храмѣ былъ основанъ, упраздненный впослѣдствіи, въ 1818 году, монастырь, вскорѣ прославившійся чудотворною иконою Якобштадтской Божіей Матери. Эта икона и доселѣ чтится чудотворною и для поклоненія ей стекается немалое число богомольцевъ.

Здѣсь же завоеватель Лифляндіи, фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ, приносилъ благодарственныя моленія за одержанную имъ побѣду. Сюда же стремились богомольцы въ особенно большомъ числѣ въ 1845—1848 годахъ, когда стремленіе латышей и эстовъ къ переходу въ православіе проявлялось съ наибольшею силою.

---

[1]) Приносимъ искреннюю благодарность предсѣдателю Прибалтійскаго православнаго братства, М. Н. Галкину-Врасскому за сообщеніе намъ фотографическаго снимка съ храма и историческихъ о немъ свѣдѣній.

Но вскорѣ послѣ того, въ 1850 году, богослуженіе въ храмѣ, за ветхостію его, было прекращено, и икона, чтимая чудотворною, перенесена въ сосѣднюю малую Николаевскую церковь.

Мысль о возобновленіи этого храма давно уже занимала мѣстныхъ жителей. Памятно въ этомъ случаѣ имя почтеннаго старца Желтова, долгое время путемъ печати и личныхъ сношеній укрѣплявшаго въ этой мысли; но ей суждено было осуществиться лишь въ послѣднее время, благодаря участію Прибалтійскаго православнаго братства, образовавшагося въ 1882 году изъ сліянія братствъ Гольдингенскаго и Спасскаго.

Благодаря только заботамъ братства и собраннымъ предсѣдателемъ его М. Н. Галкинымъ-Врасскимъ пожертвованіямъ, въ количествѣ 20,397 руб. 30 коп., кромѣ поступившихъ пожертвованій лѣсомъ и вещами и доплаты изъ текущихъ средствъ братства 11,103 руб., древній храмъ этотъ возсталъ изъ обветшалаго, полуразрушеннаго состоянія въ обновленномъ, достойномъ святыни видѣ. Работами по сооруженію храма руководилъ строительный комитетъ, состоявшій подъ руководствомъ преосвященнаго Доната и подъ предсѣдательствомъ рижскаго гражданина И. А. Шутова; строителями же храма были архитекторы Флугъ и Кизельбамъ. Соединеннымъ усиліямъ этихъ зодчихъ удалось возстановить храмъ въ прежнемъ его видѣ, сохранивъ вполнѣ всѣ особенности древней архитектуры. Живописныя работы возобновлены художникомъ Зыковымъ.

Возобновленіе Свято-Духовскаго храма имѣло особенное значеніе, такъ какъ указывало на зрѣлость въ стремленіяхъ ревнителей православія, ибо почитаніе старины является несомнѣнно признакомъ высокаго какъ общественнаго, такъ и религіознаго развитія. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія возобновленіе Свято-Духовскаго храма должно быть, конечно, поставлено на ряду съ замѣчательнѣйшими явленіями текущей жизни края.

Древняя деревянная Свято-Духовская церковь, по преданію православныхъ латышей, «вышедшая изъ воды», а по преданію другихъ, привезенная на плотахъ, была выстроена на деревянныхъ столбахъ, или стульяхъ.

Въ настоящее время подъ храмъ былъ выведенъ каменный фундаментъ равной высоты снаружи и опущенный въ землю равномѣрно на всю длину на два фута ниже горизонта. Наружный обветшавшій видъ храма и недостаточная глубина вынудили произвести разборку и замѣну стараго матеріала новымъ, причемъ подошва фундамента опущена на глубину 5 футъ до сплошнаго скалистаго грунта.

При разборкѣ стараго фундамента оказалось, что онъ былъ подведенъ въ позднѣйшее время, когда первоначальное основаніе, деревянные стулья, пришли въ негодность и повредили стѣны

церкви. Стулья эти оказались замуравленными въ толщѣ фундамента и уже совершенно сгнившими. Неизвѣстно, съ какою цѣлью работавшіе оставили ихъ на своихъ мѣстахъ: боялись ли, вынувъ ихъ, повредить устойчивости церкви, или разсчитывали на экономію въ камнѣ—только благодаря этому остались слѣды ремонта. Какъ сказано выше, фундаментъ былъ опущенъ въ землю всего на 2 фута на насыпной грунтъ, хотя на 3 фута ниже находится сплошная скала. Недостаточная глубина фундамента была второю причиной неравномѣрной осадки и выпячиванія стѣнъ. При углубленіи фундамента оказалось, что подъ нимъ до скалистаго грунта сплошь помѣщались могилы; какъ и внутри церкви, нѣкоторыя были обдѣланы камнемъ и склепы покрыты кирпичными сводами. По нѣкоторымъ признакамъ, иныя изъ нихъ можно отнести къ концу XVII столѣтія. Въ нихъ найдены 2 монеты—одна шведская серебряная, совершенно стертая, съ едва замѣтными признаками рисунка трехъ коронъ; другая—польская, мѣдная, съ отчетливыми цифрами 1654 года.

Стѣны изъ прекраснаго лѣса сильно пострадали, выпучились въ мѣстахъ соединенія и футъ на 5 совершенно сгнили подъ крышей. Но не матеріалъ былъ тому причиною. Тамъ, гдѣ не было вредныхъ условій, онъ оказался до того свѣжъ и крѣпокъ, что топоръ при ударѣ звенѣлъ и плохо углублялся. Означенные стулья и мелкій фундаментъ были главными и первыми поводами разрушенія. Отъ нихъ стѣны начали выпячиваться, отъ нихъ же сгнили и нижніе вѣнцы, отъ нихъ же протекала подъ крышу вода и уничтожила весь верхній ярусъ стѣнъ. Отъ того же сгнили концы балокъ, деревянныя арки, державшія главный куполъ, рубленныя изъ горизонтальныхъ брусьевъ, запущенныя однимъ концомъ въ стѣнѣ; сгнила часть обшивки, покрытая иконописью. Крыша была покрыта таблицами легкаго луженаго желѣза, спаянными между собою въ вертикальныхъ швахъ оловомъ и связанными фальцемъ въ горизонтальныхъ. На куполахъ и барабанахъ желѣзо еще сохранило свой бѣлый цвѣтъ, хотя слегка и было уже попорчено ржавчиною. Что же касается покрытія собственно кровли, то на ней желѣзо уже было негодно, такъ какъ сильно проржавѣло и во многихъ мѣстахъ швы были раскрыты. На всѣхъ куполахъ были укрѣплены кресты изъ квадратнаго желѣза съ затѣйливыми орнаментами изъ тонкаго тесанаго желѣза. Величина ихъ на маленькихъ куполахъ 12 футъ, а на большихъ 16 футъ. Всѣ кресты оказались сильно поврежденными, въ особенности мелкія части и въ мѣстахъ соединенія ихъ съ деревомъ, гдѣ, благодаря конструкціи, не было воронки, защищающей отъ прохода воды къ деревяннымъ частямъ.

При исправленіи этихъ частей на заводѣ Розенкранца, послѣднимъ было заявлено, что онъ не можетъ реставрировать ихъ тѣмъ

же матеріаломъ, что качество послѣдняго такъ высоко и рѣдко, что, къ сожалѣнію, теперь нельзя уже найдти подобнаго желѣза. Оно было выработано на древесномъ углѣ, чѣмъ и объясняется его пластичность и способность сопротивляться ржавчинѣ; кресты были лишь позолочены. По оставшимся слѣдамъ фундамента, можно было

Свято-Духовскій православный храмъ въ Якобштадтѣ, сгорѣвшій отъ взрыва 16-го января 1885 года.

полагать, что вокругъ задней части церкви была открытая галлерея, или притворъ, съ 2-мя входами, соотвѣтственно входамъ церкви.

При подводѣ фундамента, подъ главною частью алтаря былъ найденъ камень, круглый, известковый, съ крестообразнымъ отверстіемъ внутри и подписью вокругъ: «Въ лѣто Господне 1742 г.». Камень этотъ былъ положенъ при подводѣ фундамента, когда уже сгнили стулья, и относится ко времени ремонта, а не основанія

церкви. За это говоритъ уже высказанное предположеніе относительно стульевъ и документы.

При разборѣ верхней части покрытія церкви, были найдены слѣды древней конструкціи куполовъ. Въ наше время они были прямо поставлены на потолочныя балки, на усиленіе положенныхъ надъ ними вторымъ поперечнымъ рядомъ балокъ. Слѣды же болѣе древней конструкціи показывали, что куполы съ ихъ барабанами, имѣя большой діаметръ, помѣщались не на балкахъ, а на особыхъ восьмигранныхъ, брусчатыхъ основаніяхъ, укрѣпленныхъ подкосами къ стѣнамъ. Подобная конструкція вредно дѣйствовала на стѣны, производя распоръ въ ихъ верхнихъ частяхъ, и помогала, совмѣстно съ мелко сидящими стульями, нарушенію ихъ связи и выходу изъ вертикальнаго положенія, а слѣдовательно и порчѣ покрытія. Всѣ стѣны церкви были покрыты живописью, какъ видно, нѣсколько разъ возобновленною въ манерѣ письма Кіево-Печерской лавры. Остатки иконостаса, въ стилѣ рококо, съ позолотою и серебреніемъ платиною, указывали на сравнительно недавнее его происхожденіе, а иконы иконостаса, писанныя въ манерѣ фряжскаго письма, по заявленію художника Зыкова, должны быть отнесены къ половинѣ XVIII столѣтія. Кажется, основываясь на изложенныхъ данныхъ, безошибочно можно прійдти къ выводу, что постепенно подгнивавшіе стулья, распоръ верхней части стѣнъ отъ барабановъ куполовъ, порча чрезъ то кровли и живописи на стѣнахъ, потребовали въ 1774 году большой ремонтъ храма: былъ подведенъ новый фундаментъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнена конструкція куполовъ и ихъ форма въ ущербъ изящному виду, реставрирована попорченная отъ тѣхъ же причинъ на стѣнахъ и куполахъ живопись, поставленъ новый, болѣе богатый и модный иконостасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстныя иконы фряжскаго письма.

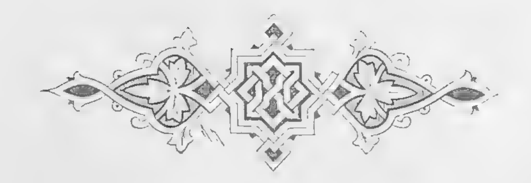
Въ настоящее время крыша была покрыта новымъ желѣзомъ и вообще произведенъ столь большой ремонтъ, что онъ равносиленъ созданію храма вновь. Въ память прежняго возобновленія, подъ главнымъ алтаремъ, во вновь возведенномъ фундаментѣ положенъ упомянутый выше камень съ надписью: «Въ лѣто Господне 1742 года».

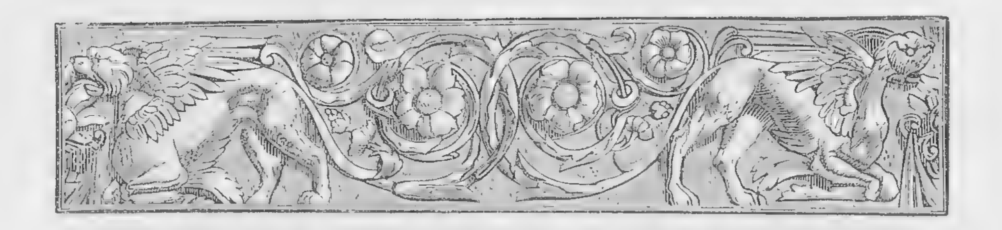
Произведенные Прибалтійскимъ православнымъ братствомъ расходы по возобновленію храма простирались всего до 27,000 руб., не считая стоимости поступившихъ пожертвованій лѣсомъ и вещами.

Торжество освященія храма было совершено 1-го ноября минувшаго 1884 года высокопреосвященнымъ Платономъ, митрополитомъ кіевскимъ, въ сослуженіи епископовъ рижскаго и митавскаго Доната и ковенскаго Сергія, въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ лицъ и массы народа.

Ко дню освященія, покровительница братства, государыня императрица, пожертвовала икону Спасителя въ изящной, вызолоченной, съ эмалевыми украшеніями ризѣ.

Кто изъ участниковъ этого знаменательнаго, религіознаго торжества могъ думать тогда, что возсозданный съ такими трудами древній и драгоцѣнный памятникъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ сдѣлается черезъ два мѣсяца жертвой возмущающаго душу преступленія!

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРІЯ ДИРЕКТОРІИ.

IV.

Прибѣжище отъ злобы дня. — Успѣхи науки въ концѣ XVIII вѣка. — Ученые на службѣ отечества. — Естественныя науки во время революціи. — Конвентъ, покровительствующій литературѣ и гильотинирующій литераторовъ.—Критика, развивающаяся послѣ паденія Робеспьера.—Политика и философія въ V году.— Шатобріанъ и новая литературная школа.—Преобладаніе романа.—Салонъ г-жи Сталь и ея политическая роль. — Поэзія при Директоріи. — Жакъ Делиль и его поэмы.—Эпиграмма Шенье.—Анжъ Питу и уличная поэзія.—Драматическая литература.—Дюсисъ и Шекспиръ на французской сценѣ.—Mари-Жозефъ Шенье.— Комедія и мелодрама.—Живопись, скульптура, гравюра, архитектура.—Политическія событія.—Неизбѣжность паденія Директоріи. — Роль Жозефины въ переворотѣ 18-го брюмера.—Двѣ супруги Цезаря.—Конецъ Республики.

Ъ ТЯЖЕЛЫЯ минуты политической жизни государствъ, когда свѣтлую мысль, свободное слово давитъ грубое насиліе и произволъ, или когда народныя страсти, вырвавшись на просторъ послѣ вѣковаго гнета, въ свою очередь, деспотически требуютъ приниженія личности передъ стадными, часто нелѣпыми увлеченіями толпы, — и здравая мысль, и независимое слово находятъ убѣжище отъ печальной злобы дня — въ наукѣ, въ литературѣ. Эти два источника, вливающіе если не счастіе, то спокойствіе въ сердце человѣка, не изсякали въ самые тяжелые, кровавые моменты французской революціи, а во время Директоріи мирили поэта и мыслителя съ распущенностью общества. Кювье, въ отчетѣ своемъ императору Наполеону, имѣлъ основаніе сказать, что въ послѣднія двадцать лѣтъ наука сдѣлала больше успѣховъ, чѣмъ

въ два столѣтія, но онъ долженъ былъ прибавить, что Конвентъ, закрывая академію наукъ вмѣстѣ съ другими академіями, допустилъ преслѣдованіе ученыхъ, позволилъ революціонному трибуналу отправить на гильотину Лавуазье и обратился къ наукѣ съ приказаніемъ найдти средства для защиты страны противъ коалиціи непріятеля. И наука, забывъ гоненія, которымъ она подверглась, отвѣчала па призывъ отечества. Менѣе чѣмъ въ девять мѣсяцевъ было приготовлено двѣнадцать милліоновъ фунтовъ селитры, 45 литейныхъ заводовъ изготовляли въ годъ до 20,000 пушекъ, 20 оружейныхъ заводовъ выдѣлывали холодное оружіе по новому ускоренному способу; одна парижская фабрика поставила въ теченіе года до 140,000 ружей; медонская фабрика производила изслѣдованіе надъ новыми гремучими составами, зажигательными, пустотѣлыми снарядами. Сегенъ изобрѣлъ способъ дубленія кожъ въ самое короткое время; аэростатъ и телеграфъ начали примѣнять къ военнымъ цѣлямъ. Съ основаніемъ Института въ 1795 году, науки развились особенно быстро. По слѣдамъ преобразователя химіи Лавуазье шелъ Бертолетъ, основатель «химической статики»; Гаюи создалъ кристаллографію; онъ едва не погибъ во время террора, какъ бывшій священникъ, но конвентъ выпустилъ его изъ тюрьмы и назначилъ членомъ коммиссіи мѣръ и вѣсовъ. Фуркруа обнародовалъ теорію развитія теплоты; трудъ его продолжалъ американецъ Румфордъ, женившійся на вдовѣ Лавузье и воспользовавшійся открытіями и наблюденіями ея перваго мужа, оставшимися въ его замѣткахъ; Вокеленъ открылъ хромъ и, вмѣстѣ съ Фуркруа, палладій, осмій, иридій и родій; Тенаръ извлекъ новыя органическія вещества изъ желчи и мяса, Дарсе — изъ костей желатинъ. Куломбъ изобрѣлъ электрическіе вѣсы и усовершенствовалъ компасъ. Вольта дѣлалъ изумительные опыты своимъ гальваническимъ столбомъ, Біо и Ге-Люссакъ положили основаніе метеорологіи. По костямъ, найденнымъ въ 1798 году въ известковыхъ копяхъ Монмартра, Кювье, основатель сравнительной анатоміи, создалъ новую науку палеонтологію и можетъ считаться основателемъ конхиліологіи. Въ ботаникѣ также сдѣлано много трудами Кандоля и Жюсье, но въ 1789 году знали только 1,300 видовъ растеній. Что же это въ сравненіи съ ихъ теперешнимъ числомъ! Парижскій музей естественныхъ наукъ уже и въ то время не имѣлъ равныхъ себѣ въ Европѣ; зоологія была чисто французскою наукою съ тѣхъ поръ, какъ Добантонъ сдѣлалъ новую классификацію родовъ и видовъ. Ласепедъ продолжалъ Бюфона. Жофруа Сент-Илеръ тогда только что началъ работать по физіологіи и былъ ученикомъ Кювье, прежде чѣмъ сдѣлаться его противникомъ во взглядахъ на теорію естественныхъ наукъ. Патологія получила блестящее развитіе въ трудахъ Порталя и Корвизара; Пинель лечилъ душевно-больныхъ какъ настоящій психіатръ. Съ 1798 года оспопрививаніе приняло гро-

мадные размѣры. Галль создалъ френологію, что же касается до хирургіи, то понятно, что вѣчныя войны, начавшіяся съ революціи, представляли широкую карьеру ея развитію. Любимою наукою революціи была математика. Конвентъ ввелъ единство мѣръ и вѣсовъ прежде преобразованія календаря. Названія республиканскихъ мѣсяцевъ сочинилъ Фабръ д'Эглантинъ, писатель и актеръ. «Бюро долготъ», оказавшее столько услугъ мореплавателямъ и географамъ, основано въ 1795 году. Въ 1799 году окончилось измѣреніе меридіана, начатое еще въ 1792 году Деламбромъ и Мешеномъ. Основаніе политехнической школы содѣйствовало развитію математическихъ наукъ. Эпоха террора не только не казнила, но и не преслѣдовала ни одного математика. Достаточно упомянуть имена Лагранжа, Монжа, Лаланда, Лежандра, чтобы понять, какіе громадные успѣхи сдѣлала математика въ эту эпоху. Первые два тома знаменитой «Небесной механики» Лапласа изданы на счетъ казны въ 1800 году (послѣдній—пятый въ 1825 г.), но еще прежде имя автора этой книги, произведшей переворотъ въ астрономіи, пользовалось громкою славою по его трудамъ въ области аналитической механики, по изслѣдованіямъ законовъ движенія и равновѣсія, пертурбаціи планетъ, спутниковъ Юпитера и др. По теоріи Лапласа, Деламбръ вычислилъ элиптическую орбиту Урана и его пертурбаціи. О томъ, какъ трудны подобныя астрономическія выкладки, можно судить потому, что Лаландъ могъ представить точную теорію движенія Меркурія только послѣ сорокалѣтнихъ наблюденій. Не даромъ Біо, въ своей «Исторіи наукъ во время революціи», отзывается съ глубокимъ уваженіемъ о заслугахъ своихъ великихъ собратовъ. Но процвѣтаніе всѣхъ наукъ, кромѣ математическихъ, началось собственно съ эпохи Директоріи. Внутреннія потрясенія, еще больше, чѣмъ внѣшнія войны, вредятъ мирному развитію ума и творческой силы.

Національный Конвентъ утвердилъ въ 1793 году право писателей на собственность ихъ произведеній. Передъ тѣмъ только что была обнародована «декларація о правахъ человѣка», и Лаканаль, докладчикъ новаго закона о литературной собственности, назвалъ его «декларацiей о правахъ интеллигенціи». Но литература ничего не выиграла отъ этой деклараціи, потому что духъ времени и правительства требовалъ уничтоженія почти всего, что создано прежними вѣками въ области мысли и творчества. Журналъ «Зритель Революціи» говорилъ: «Революція, происшедшая въ общественномъ мнѣніи и во взглядахъ правительства, не менѣе изумительна, какъ и въ политикѣ. Наши прежнія историческія, философскія, драматическія произведенія кажутся созданными другимъ народомъ, совершенно чуждымъ нашему времени, нашимъ понятіямъ. Но кто не пожелалъ бы, чтобъ отвращеніе, внушаемое нашими прежними властителями, не распространялось на все, чѣмъ блистало ихъ правленіе».

Конвентъ хотѣлъ предписывать законы литературѣ, уму, творческой фантазіи. Осудивъ въ массѣ все, что создалъ вѣкъ Людовика XIV, онъ отправилъ на гильотину, во время терроризма, столько писателей, что въ первые два года Республики вышло изъ печати нѣсколько плохихъ драматическихъ произведеній да порнографическихъ романовъ. Только въ концѣ своего существованія, Конвентъ началъ выдавать пенсіи болѣе мирнымъ и бѣднымъ писателямъ, но не семьямъ тѣхъ, чьи головы онъ рубилъ на гильотинѣ. Однако, достаточно было нѣсколькихъ мѣсяцевъ спокойствія, послѣ паденія Робеспьера, чтобы литература пріобрѣла новыя силы, воскресла къ новой жизни. Прежде всего развилась критика. Первымъ критическимъ журналомъ была «Декада» Женнгене. Шамфоръ умеръ въ 1794 году, не успѣвъ окончить своихъ коментарій на Лафонтена; почти семидесятилѣтній Палиссо издалъ «Записки о нашей литературѣ» и коментировалъ Вольтера. Лагарпъ посылалъ свою «Литературную корреспонденцію» наслѣднику русскаго престола. Болѣе всего, въ эпоху революціи, вышло философскихъ и политическихъ сочиненій, но всѣ они не выше посредственности. Лучшимъ произведеніемъ этого времени былъ «Очеркъ картины человѣческаго ума» Кондорсе, изданный уже послѣ того, какъ онъ убилъ себя, чтобы не пойдти на гильотину. Вольней еще въ 1793 году издалъ свой «Естественный законъ, или физическія основанія нравственности», переработавъ ихъ потомъ въ «Катихизисъ французскаго гражданина». Это сочиненіе слабѣе «Всемірнаго катихизиса» Сен-Ламберта, который умеръ 83 лѣтъ, оставивъ неоконченными свои «Нравственные принципы всѣхъ націй». Въ 1796 году, вышелъ десятитомный трудъ Дюпюи «Происхожденіе всѣхъ культовъ». Кабанисъ въ 1798—1799 г. печаталъ свой «Трактатъ о физическихъ и нравственныхъ свойствахъ человѣка». Гарнье въ 1796 году издалъ «Элементарную политическую экономію». Уничтожая цензуру, революція не переставала, однако, преслѣдовать не нравившіяся ей сочиненія, и въ 1796 году, Директорія захватила книгу Бональда «Теорія политической и религіозной власти въ гражданскомъ обществѣ». Изъ мемуаровъ въ это время вышли мемуары г-жи Роланъ, Дюмурье и Булье; всѣ они, конечно, не на сторонѣ крайностей революціи, встрѣтившей талантливыхъ противниковъ, сначала въ лицѣ Прюдома, издавшаго въ 1797 году «Всеобщую исторію заблужденій, фактовъ и преступленій, совершенныхъ во время революціи». Но въ томъ же году, вышло въ Лондонѣ еще болѣе замѣчательное сочиненіе молодаго писателя «Историческій, философскій и моральный опытъ о революціяхъ», доставившій вдругъ громкую извѣстность имени Шатобріана.

Этого безспорно даровитаго, но еще безспорнѣе напыщеннаго и вычурнаго писателя, французы возносятъ на слишкомъ высокій пьедесталъ, хотя одинъ изъ его же соотечественниковъ гораздо вѣрнѣе опредѣлилъ его значеніе, назвавъ его «Атлантомъ, носящимъ

щепку». Но національное самолюбіе, страсть къ громкимъ фразамъ, рутина, нежеланіе провѣрять однажды составленные, хотя бы и ложные, выводы, не позволяютъ французамъ представить въ настоящемъ видѣ ихъ «великаго писателя», но еще болѣе великаго фразера и эгоиста. Лучшій біографъ его, Ипполитъ Кастиль, говоритъ

Шатобріанъ. Съ портрета Жироде.

прямо, что истина для французовъ — слишкомъ крѣпкій напитокъ, который необходимо подслащать, чтобы они его проглотили. Они обижаются, если съ нихъ снимаютъ не ретушированную фотографію. Шатобріану было тридцать лѣтъ, когда онъ выступилъ съ сочиненіемъ противъ революціи. Его прошедшее было таково, что онъ не могъ питать къ ней симпатіи. Десятый ребенокъ обѣднѣв-

шаго дворянина, но гордаго своими предками, онъ былъ не любимъ отцомъ, хорошо учился, и его готовили въ моряки, но онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ порывы необыкновенной набожности и объявилъ, что хочетъ вступить въ духовное званіе. Тогда отецъ добылъ для него патентъ на званіе подпоручика и отправилъ въ полкъ, стоявшій въ Камбре. Присутствуя при взятіи Бастиліи, Шато-

Госпожа Сталь. Съ портрета Жерара.

бріанъ видѣлъ въ этомъ событіи торжество развратниковъ и проститутокъ, позабывъ о томъ, сколько времени торжествовали проститутки и развратники въ Луврѣ и Версали. Монархистъ по рожденію и убѣжденію, онъ, однако, не остался во Франціи защищать тронъ и монархію и въ 1791 году уѣхалъ въ Америку, откуда вернулся, впрочемъ, въ слѣдующемъ году и вступилъ въ армію

Конде, гдѣ, участвуя въ осадѣ Тіонвиля, захворалъ чесоткой и корью. Съ трудомъ перебравшись въ Лондонъ, онъ бѣдствовалъ тамъ, живя переводами и сочиняя политическія брошюры. Въ Парижъ онъ вернулся только въ 1800 году и напечаталъ въ журналѣ «Меркурій» свою «Аталу», написанную вычурнымъ языкомъ, но проникнутую религіознымъ чувствомъ. Парижу въ это время уже надоѣло безвѣріе и онъ съ жадностью бросился читать сентиментальную новость, гдѣ луна не называется иначе, какъ «царица ночи», а солнце—«свѣтлокудрый Фебъ». «Духъ христіанства», появившійся вслѣдъ за «Аталой», сдѣлалъ Шатобріана знаменитымъ. Бонапарте въ это время возстановлялъ алтари, въ ожиданіи пока возстановитъ свой тронъ—и былъ очень доволенъ появленіемъ книги съ религіознымъ направленіемъ. Онъ далъ автору мѣсто перваго секретаря посольства въ Римѣ. Потомъ поэтъ былъ назначенъ посланникомъ въ Швейцарію, но въ это время былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгіенскій, и Шатобріанъ подалъ въ отставку, въ негодованіи на варварскую казнь. За этотъ благородный протестъ Бурбоны даже не поблагодарили смѣлаго роялиста, рѣшившагося потомъ въ своемъ журналѣ «Меркурій» говорить о деспотизмѣ Нерона, о томъ, что исторія отмститъ за угнетеніе, за преслѣдованіе свободы. «Меркурій» былъ запрещенъ за слишкомъ ясную алегорію. Шатобріанъ отправился путешествовать, былъ въ Іерусалимѣ, Каирѣ, Тунисѣ. Выбранный въ члены академіи на мѣсто Шенье, онъ заклеймилъ во вступительной рѣчи всѣхъ цареубійцъ. Намекъ на убійство герцога Энгіенскаго былъ ясенъ въ этой рѣчи, но цензурѣ невозможно было придраться, и Шатобріана оставили въ покоѣ. Когда Людовикъ XVIII вернулся во Францію, брошюра «Бонапарте и Бурбоны» нанесла послѣдній ударъ развѣнчанному цезарю. Но когда король спросилъ писателя, что онъ думаетъ о будущности Франціи, тотъ отвѣчалъ откровенно:—«Я думаю, что монархія въ ней кончена».—«И я то же думаю»,—сказалъ Людовикъ. Во время реставраціи, Шатобріанъ былъ пѐромъ, ораторомъ, журналистомъ, посланникомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, но былъ всѣмъ недоволенъ, постоянно фрондировалъ. Конечно, нельзя и быть довольнымъ въ эпоху «бѣлаго террора», когда всякая свобода была почти совершенно уничтожена, но если министръ, по словамъ самого Шатобріана, «былъ прогнанъ, какъ лакей, обокравшій короля», нельзя не сказать, что главною причиною его отстраненія отъ дѣлъ были его неуживчивость и непомѣрное самолюбіе. Послѣ паденія бурбонской монархіи, онъ отказался отъ званія пѐра, двѣнадцати тысячъ пенсіи и не хотѣлъ принести присяги герцогу Орлеанскому. Онъ умеръ при началѣ новой революціи и второй республики, оставивъ «Замогильныя записки», полныя неправды, афектаціи, громкихъ, но пустыхъ фразъ, озлобленія противъ Вольтера, Руссо и Бонапарте. Въ то время, какъ записки Руссо рисуютъ

его, какъ человѣка, записки Шатобріана рисуютъ—дворянина, говоритъ Кастиль.

Революція произвела переворотъ и въ литературѣ, какъ въ обществѣ. Псевдо-классицизмъ отжилъ свой вѣкъ и съ эпохи энциклопедистовъ стала формироваться во Франціи новая литературная

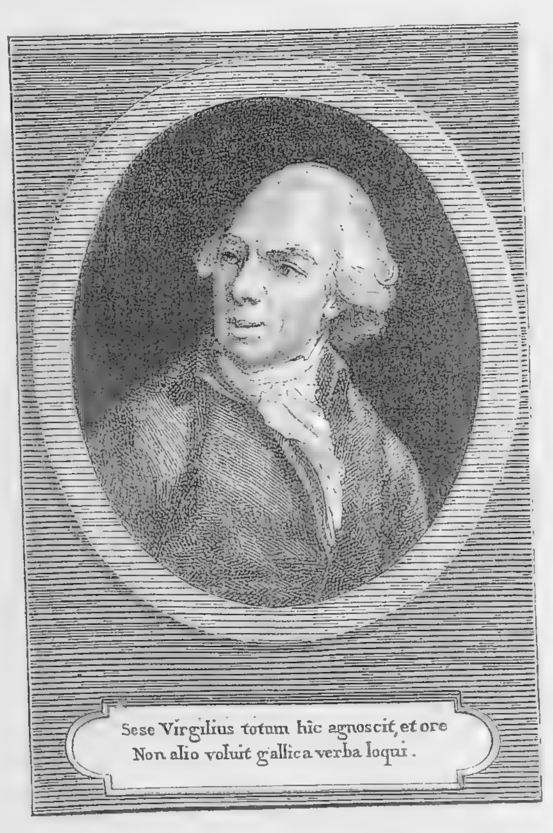
Пріемъ у госпожи Сталь. Рисунокъ Дебюкура.

школа. Основанія ея были еще шатки, и она выбирала еще путь, по которому должна была идти. Въ ней сказывалось вліяніе идей Англіи и Германіи, но форма новыхъ произведеній еще не установилась, языкъ ихъ былъ напыщенъ, полонъ риторическихъ, рутинныхъ оборотовъ, поэтическихъ фигуръ и тропъ, неумѣстныхъ въ прозаическомъ сочиненіи. Представителемъ этой школы былъ

Бернарденъ де-Сен-Пьеръ, сентиментальный, но монотонный, написавшій «Павла и Виргинію» еще въ 1787 году и въ 1790 году «Индѣйскую хижину». Недовѣрчивый, нелюдимый, онъ жилъ въ уединеніи, восхищая поклонниковъ безконечными діалогами своихъ меланхолическихъ героевъ и героинь. Сентиментализмъ былъ въ то время модною болѣзнью, которою сильно страдалъ и Шатобріанъ. Ея не избѣгнулъ даже такой талантъ, какъ г-жа Сталь, издавшая въ первый годъ консульства свою книгу «О литературѣ, разсматриваемой въ ея отношеніяхъ къ общественнымъ учрежденіямъ». Но и приверженцы новой школы вели между собою перестрѣлку, какъ старые классики. Шатобріанъ обругалъ сочиненіе Сталь, Шенье — повѣсть Шатобріана «Атала». Но критика общественныхъ учрежденій была гораздо рѣзче критики литературныхъ произведеній. Мерсье, обличавшій еще до революціи пороки, глупости и смѣшныя стороны парижанъ, въ своей двѣнадцатитомной «Картинѣ Парижа», написанной грубо, рѣзко и, мѣстами, цинично, задумалъ изобразить всѣ измѣненія, какія произошли въ столицѣ Франціи послѣ совершившагося въ ней соціальнаго переворота, и издалъ въ 1797 году «Новый Парижъ», въ шести частяхъ, гдѣ онъ безпощадно, но безъ мѣры и безъ всякой системы, бичуетъ своихъ современниковъ. О распространеніи журналистики мы уже говорили въ первой нашей статьѣ.

Ни въ одну эпоху не писалось и не читалось столько романовъ, какъ во время Директоріи. Это былъ любимѣйшій родъ литературныхъ произведеній, раскупавшійся нарасхватъ. Недовольные дѣйствительностью всегда охотно обращаются къ вымысламъ фантазіи. Во вторую половину послѣдняго года XVIII вѣка каждый день выходило въ свѣтъ по четыре новыхъ романа. Ихъ много читали при Людовикахъ XIV и XVI, но тогда они писались для образованныхъ лицъ, теперь сдѣлались любимымъ чтеніемъ всѣхъ классовъ общества. Понятно, что для удовлетворенія всѣхъ вкусовъ и грубыхъ инстинктовъ толпы романъ долженъ былъ упасть въ своемъ литературномъ значеніи. Въ нравахъ той эпохи преобладала распущенность, которой надо было угождать — это было причиной появленія множества скандалезныхъ и даже прямо циническихъ произведеній, которыя нерѣдко читались и въ высшихъ кругахъ, разумѣется, тайкомъ. Чтобы удовлетворить страсти къ чтенію, во время Директоріи явились «кабинеты для чтенія», и въ короткое время число ихъ въ Парижѣ дошло до пятисотъ. Абонировались помѣсячно или платили за прочтеніе каждаго тома. Лучшія кофейни принуждены были открыть у себя подобные кабинеты. Г-жа Сталь, въ своемъ сочиненіи «О романахъ, разсматриваемыхъ съ новой точки зрѣнія», находитъ эту точку въ томъ, что чтеніе вымышленныхъ романовъ заставляетъ забывать дѣйствительныя горести, облегчаетъ тоску и страданія. Мари Жозефъ Шенье въ своей «Исто-

рической картинѣ прогресса французской литературы съ 1789 года» называетъ романы—особымъ родомъ изящныхъ произведеній, «приближающимся къ исторіи изложеніемъ событій, къ эпопеѣ—поэтическою фантазіею, къ трагедіи—силою страстей, къ комедіи—изображеніемъ нравовъ. Исторія часто безотрадна; прошедшее походитъ на настоящее. Кто же не чувствуетъ иногда потребности удалиться въ идеальный міръ, чтобы забыть міръ реальный». Страсть къ ро-

Делиль. Съ портрета Монье.

манамъ начинаетъ уменьшаться съ эпохи консульства, хотя первый консулъ былъ большой любитель ихъ, и ему посылали изъ Парижа всѣ новые романы даже въ армію, съ которою онъ проходилъ по Европѣ. Для выигранія мѣста, романы печатались для него сжатымъ шрифтомъ, почти безъ полей, чтобы въ одномъ томѣ умѣстились два обыкновенной печати. Извѣстно, что въ молодости Наполеонъ самъ написалъ романъ изъ корсиканской жизни, оставшійся неизданнымъ. Всѣ его братья также любили и даже писали романы: Луціанъ Бонапарте написалъ въ 1799 году «Индійское племя, или

Стеллина», Іосифъ въ томъ же году—«Моину», Людовикъ—«Марія, или горести любви». Библіотека Жозефины въ Мальмезонѣ была почти вся составлена изъ романовъ. Часто они выходили съ гравюрами, почти всегда съ виньетками. Писали ихъ и государственные люди, и ученые, и военные, и дворяне, и юристы, и историки, и книгопродавцы, и журналисты. Очень часто авторами являлись женщины; между ними были такія, которыя работали для насущнаго хлѣба, какъ г-жа Сен-Венанъ, и отъ бездѣлья, какъ Иллирина де-Моранси, поклонница реализма, и для извѣстности, какъ Жанлисъ, Коттенъ, баронесса Суза и Сталь. Вліяніе послѣдней во французской литературѣ было такъ велико, что мы должны остановиться на ней нѣсколько долѣе.

Положеніе публициста и оратора становится тяжелымъ, когда они почему нибудь принуждены молчать, но для женщины, привыкшей много говорить и писать, принужденное молчаніе дѣлается уже несчастіемъ. Наполеонъ заставилъ замолчать г-жу Сталь, и она, чтобы свободно говорить объ немъ дурное, отправилась изъ Парижа даже въ Петербургъ. Самый ужасный моментъ въ ея жизни былъ тотъ, когда министръ полиціи конфисковалъ ея книгу по приказанію императора. Трудно сказать, что она любила больше: писать, или говорить? Но, не смотря на ея салонъ, открывавшійся вездѣ, гдѣ бы она ни была, и въ которомъ Бенжаменъ Констанъ проводилъ иногда по восемнадцати часовъ сряду; не смотря на ея постоянные разъѣзды, даже на опіумъ, который она пріучилась часто принимать въ послѣднее время, — она, всетаки, нашла время написать восемнадцать томовъ романовъ, разсужденій и монографій. Но съ другой стороны было что-то мелкое, недостойное въ преслѣдованіяхъ Наполеономъ этой женщины изъ личной непріязни. Когда такой министръ, какъ Фуше, преслѣдуетъ писателя, оскорбившаго его самолюбіе, это возмущаетъ чувство справедливости, но когда самъ властитель Франціи и пол-Европы подвергаетъ изгнанію изъ родины женщину, виновную только въ томъ, что она не одобряла его деспотическихъ поступковъ,—это уже не возмутительно, а заслуживаетъ презрѣнія. Въ семействѣ Неккеровъ, женевскихъ протестантовъ, доктринеровъ и резонеровъ, всѣ были писателями. Анна-Луиза, воспитанная матерью-методисткою, до конца жизни слѣпо вѣрила въ ораторское, политическое и писательское дарованіе своего отца, любила его, поклонялась ему. Ей было десять лѣтъ, когда съ Неккеромъ познакомился знаменитый англійскій историкъ Гиббонъ, весьма непривлекательной наружности. Видя, что отецъ отъ него въ восторгѣ, дѣвочка вдругъ предложила выйдти за Гиббона замужъ, лишь бы онъ чаще бывалъ у нихъ, такъ какъ это доставляетъ большое удовольствіе ея отцу. Шестнадцати лѣтъ она мечтала не о прекрасномъ юношѣ, а о политикѣ, и написала пространный, панегирическій обзоръ финансоваго отчета, составленнаго ея от-

цомъ. Съ тѣхъ поръ отецъ сталъ удивляться дочери столько же, сколько дочь удивлялась отцу. Двадцати лѣтъ она вышла за барона Сталь-Гольстейнъ, шведскаго посланника въ Парижѣ. И въ этомъ бракѣ, какъ и во всей жизни г-жи Сталь, больше участвовалъ разсудокъ, чѣмъ сердце. При началѣ революціи молодая женщина была душою партіи конституціоналистовъ, желавшей для Франціи монархіи съ

Гравюра изъ поэмы Делиля: «Сады». Рисунокъ Монсіо.

народнымъ представительствомъ, надѣленнымъ широкими правами. Дочь популярнаго министра, жена философа-политика, единственнаго представителя монархіи, оставшагося при республикѣ, она также достигла популярности своимъ талантомъ и умѣньемъ привлекать выдающихся людей на сторону своей партіи. Въ своемъ салонѣ она являлась, въ одно и то же время, писательницею, пла-

меннымъ ораторомъ, вдохновеннымъ мыслителемъ, увлекательною женщиною. Красота ея отличалась не правильностью линій, а оживленіемъ и граціею. Не имѣя возможности гремѣть съ трибуны оратора, увлекать за собою толпу на площади, или на полѣ сраженія, захватить въ свои руки власть надъ страною, она хотѣла, по крайней мѣрѣ, управлять тѣмъ, кому доставила бы эту власть. Видя слабость Людовика XVI и усиленіе революціи, она придумала сумасбродный планъ—отдать корону Франціи герцогу Брауншвейгскому; съ одобренія Лафайета Кюстинъ повезъ герцогу это странное предложеніе, которое тотъ переслалъ Людовику. Тѣмъ и кончилась эта первая политическая интрига г-жи Сталь. Потомъ въ ея салонѣ составился планъ бѣгства короля, также не удавшійся; руководить имъ взялся ея обожатель Нарбоннъ. Со вторымъ своимъ обожателемъ, Бенжаменъ Констаномъ она сошлась уже въ Коппетѣ, куда эмигрировала послѣ своей брошюры, написанной въ защиту королевы, и гдѣ снова открыла свой салонъ, который перенесла въ Парижъ тотчасъ послѣ 9-го термидора. Мужъ ея, баронъ Сталь, также вернулся опять представителемъ Швеціи передъ Конвентомъ и, въ публичномъ засѣданіи, посланникъ короля объявилъ, что является «воздать почесть прирожденнымъ и неотъемлемымъ правамъ народовъ». Президентъ Конвента привѣтствовалъ барона братскимъ объятіемъ и приказалъ поставить ему кресло въ собраніи, гдѣ посланникъ присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, что не помѣшало однажды мяснику Лежандру назвать съ трибуны жену посланника «безстыдной интриганткой». Благодушный супругъ не счелъ нужнымъ оскорбиться такою непарламентскою выходкою.

А интрига, дѣйствительно, процвѣтала въ новооткрытомъ салонѣ г-жи Сталь, гдѣ собирались всѣ выдающіеся дѣятели эпохи Директоріи. Чаще всего она давала аудіенціи въ саду своего отеля, гдѣ, окруженная поклонниками, съ одинаковой любезностью принимала республиканцевъ и роялистовъ, стараясь пріобрѣсти вліяніе на ходъ политики, на дѣла правленія. Здѣсь она старалась выдвинуть на первый планъ своего новаго поклонника, Талейрана, и, въ свою очередь, употребляла всѣ усилія, чтобы увлечь Карно. Но суровый якобинецъ не поддавался ея авансамъ. Она старалась также привлечь на себя вниманіе Бонапарте, но тотъ отнесся къ ней не только равнодушно, даже враждебно и однажды на ея вопросъ: кого онъ считаетъ первою женщиною, отвѣтилъ: ту, у которой больше дѣтей. Сдѣлавшись первымъ консуломъ, онъ, однако, предложилъ ей возвратить два милліона, оставленные Неккеромъ въ казначействѣ передъ его отъѣздомъ изъ Франціи. Она отказалась отъ этой суммы, которою хотѣли купить ея молчаніе, и продолжала осуждать произволъ консула. Бенжаменъ Констанъ, въ трибунатѣ, назвалъ его прямо деспотомъ. Полиція начала преслѣдовать ее мелкими придирками. Она оставила Парижъ и переселилась по

близости Версаля, но и тамъ явился къ ней жандармскій начальникъ и потребовалъ, чтобы она въ двадцать четыре часа оставила Францію. Сталь удалилась въ Веймаръ, гдѣ сблизилась съ Гёте, Шиллеромъ, Виландомъ, Шлегелемъ, потомъ жила въ Берлинѣ, гдѣ

Гравюра изъ поэмы Делиля: «Милосердіе». Рисунокъ Монсіо.

король и королева относились къ ней съ особеннымъ уваженіемъ. Въ Италіи она написала романъ «Коринна», имѣвшій огромный успѣхъ. Второй романъ ея, «Дельфина», написанъ лучше, но слабѣе по мысли. Когда же явилось ея сочиненіе «О Германіи», Наполеонъ увидѣлъ въ немъ рѣзкую критику своего управленія и возве-

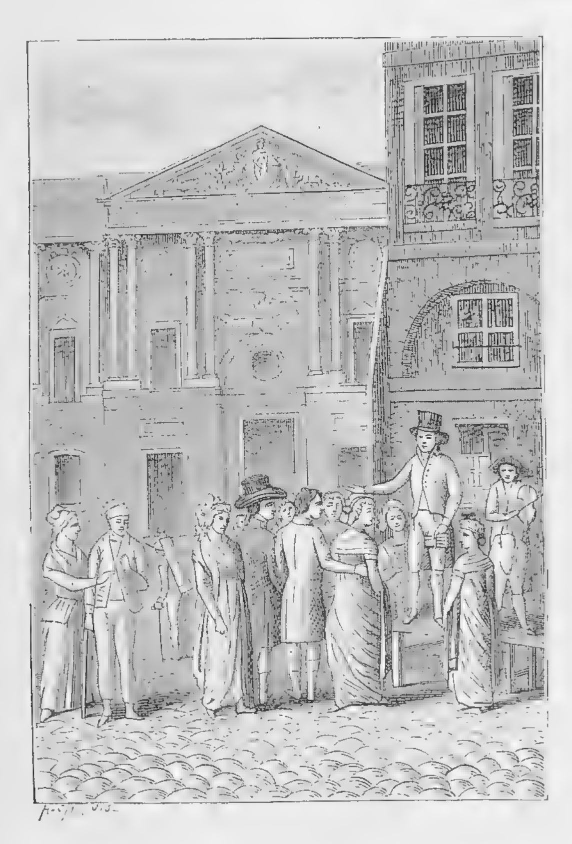
личеніе Германіи передъ Франціею—и приказалъ уничтожить все изданіе. Оно было сожжено и полицейскія преслѣдованія дошли до того, что женевскій префектъ явился къ писательницѣ, жившей въ своемъ замкѣ Коппетъ, чтобы сдѣлать у нея домовый обыскъ. Не найдя у нея ни одного экземпляра ужасной книги, осужденной на сожженіе, префектъ посовѣтовалъ ей, чтобы возвратить милость императора, написать что нибудь по поводу рожденія римскаго короля, пожелавъ ему наслѣдовать блестящій геній его августѣйшаго родителя.

— Я могу пожелать только, чтобы ему пріискали хорошую кормилицу,—отвѣчала г-жа Сталь.

Въ 1812 году, черезъ Галицію и Польшу, она пріѣхала въ Москву, но и оттуда, съ приближеніемъ Наполеона, уѣхала въ Петербургъ, гдѣ высшее общество приняло ее радушно, какъ врага Наполеона. Оттуда, черезъ Або, она пріѣхала къ другому, болѣе серьезному врагу императора, Бернадоту, и провела у него нѣсколько мѣсяцевъ, составляя свою книгу «Десять лѣтъ изгнанія». Потомъ она поѣхала въ Лондонъ, откуда вернулась въ Парижъ вслѣдъ за арміями союзниковъ. Но Наполеонъ возвратился съ Эльбы, и Сталь поспѣшила уѣхать въ свой Коппетъ. Оттуда ей послали оффиціальное приглашеніе пріѣхать въ Парижъ «для поддержанія конституціонныхъ идей», въ которыхъ Наполеонъ думалъ найдти поддержку своей рухнувшей деспотической имперіи. — «Могъ же онъ двѣнадцать лѣтъ обходиться безъ конституціи и безъ меня, — отвѣчала Сталь: — теперь же мы оба устарѣли, чтобы помочь ему». Полная волненій жизнь писательницы кончилась, однако, не политикой, а любовью. Еще въ 1810 году, въ Женевѣ, она познакомилась съ гусарскимъ офицеромъ, Рокка, лечившимся отъ тяжелой раны. Ему было 23 года, г-жѣ Сталь 45. Онъ, однако, влюбился въ нее и съумѣлъ убѣдить ее выйдти за него (баронъ Сталь умеръ еще въ 1802 году). У нихъ родился сынъ, и они поселились въ Пизѣ, гдѣ ея стараніями здоровье возвратилось раненому офицеру. Но сама она захворала отъ употребленія опіума и, вернувшись во Францію, умерла въ 1817 году, 52-хъ лѣтъ. Рокка умеръ черезъ годъ послѣ нея.

Въ противоположность роману, поэзія далеко не процвѣтала при Директоріи. Впрочемъ, даже еще задолго до 1789 года, не смотря на множество стихотвореній, издаваемыхъ поэтами безъ числа, во Франціи не было истинной поэзіи. Появлялись мадригалы, сонеты, идилліи, сентиментальные романсы, «Букетъ Хлориды», «Гирлянды Дориды» — но все это были только плоды холодной версификаціи, а не лирическаго вдохновенія. Даже въ эпоху террора, на ряду съ патріотическими гимнами и республиканскими одами, выходили «альманахи музъ и грацій», посвященные «прекраснѣйшей» (à la plus belle). Только «Альманахъ грацій» съ 1790 года пересталъ по-

священться графинѣ д'Артуа и началъ появляться съ эпиграфомъ: «Надъ сердцемъ царствуютъ лишь граціи однѣ». Въ то время, когда на площадь Революціи отвозили ежедневно по 20-ти — 30-ти жертвъ гильотины, на улицахъ, по которымъ проѣзжали телеги съ обреченными на казнь, продавались летучіе листки стихотвореній «Тріумфъ купидона», «Любовь мотылька и розы». Стукъ топора гильотины не будилъ эха на французскомъ Парнасѣ. Могло ка-

Анжъ Питу на площади Сен-Жерменъ д'Оксеруа.

заться, что поэзія не возбуждаетъ подозрительности мрачныхъ кровопійцъ, завладѣвшихъ Франціею, что поэты, живя въ мірѣ иллюзіи и фантазіи, чужды волненіямъ и заботамъ о злобѣ дня. И, однако, поэтъ Фабръ д'Эглантинъ, хотя самъ террористъ, но врагъ Робеспьера, клалъ свою голову подъ топоръ въ то время, когда весь Парижъ распѣвалъ его нѣжный романсъ: «Пастушка! дождичекъ идетъ!»—и въ телегѣ, отвозившей на казнь жертвы гильотины, авторъ поэмы «Мѣсяцы», Руше, встрѣчался съ другомъ своимъ

Андре Шенье, единственнымъ высокодаровитымъ поэтомъ царствованія Людовика XVI. «Альманахъ музъ», печатая трогательное прощаніе Руше со своими дѣтьми передъ смертью, не смѣлъ выставить подъ стихами имени поэта.

Сдерживаемая нѣсколько во время террора страсть къ стихотворству, при Директоріи разразилась съ неудержимою силою. Невозможно перечислить всѣхъ альманаховъ, сборниковъ стихотвореній, явившихся въ эти четыре года. Въ 1797 году, началъ выходить «Журналъ музъ», наполненный одними стихами. Такая же «Вечеринка музъ» появлялась выпусками въ теченіе трехъ лѣтъ. Стихами наполнялись столбцы всѣхъ періодическихъ изданій, не исключая «Философской декады». Лучшими поэтами V—VIII годовъ были Арно, Демутье, Лайя и Легуве. Поэма послѣдняго: «Достоинство женщины», въ одинъ годъ выдержала семь изданій. Но главою поэтовъ былъ Жакъ Делиль, получившій за переводъ «Энеиды» по пяти франковъ за стихъ и десять тысячъ за второе изданіе поэмы «Милосердіе». Побочный сынъ неизвѣстнаго отца и дочери знаменитаго канцлера Лопиталя, отвергнутой своею знатною роднею за грѣхъ молодости, онъ былъ воспитанъ на счетъ общественной благотворительности и сдѣлался аббатомъ. Долгое время онъ былъ скромнымъ профессоромъ въ Парижѣ. Луи Расинъ заставилъ его издать переводъ «Георгикъ» Виргилія, встрѣченный милостиво Вольтеромъ. Избранный въ члены академіи, онъ еще въ 1780 году написалъ свою лучшую поэму «Сады» и сдѣлался любимцемъ публики и салоннымъ поэтомъ. Во время террора онъ былъ арестованъ, но его спасъ прокуроръ коммуны Шометъ и поручилъ ему написать гимнъ въ честь верховнаго существа, замѣнившаго Бога, упраздненнаго революціей. Не смотря на покровительство террориста, эксаббатъ счелъ болѣе надежнымъ бѣжать изъ Парижа и, живя въ Швейцаріи и Германіи, написалъ поэмы: «Селянинъ», «Три царства природы» и «Милосердіе», а въ Англіи перевелъ «Потерянный рай» Мильтона. Консульство сдѣлало его профессоромъ поэзіи во французской коллегіи. До конца жизни (въ 1813 году) онъ пользовался вниманіемъ и любовью общества, услуживая всѣмъ, восхваляя всѣ предержащія власти, любезничая съ дамами, сочиняя правильные, звучные стихи, но скучныя поэмы. Делиля считаютъ если не творцомъ, то представителемъ «описательной поэзіи». Онъ описывалъ все, что ему попадалось на глаза: всѣ три царства природы, всѣ одушевленные и неодушевленные предметы, посвящалъ сотни стиховъ описанію быка, осла, лошади, но болѣе всего картинамъ природы, и чаще всего искусственной, какъ въ его «Садахъ». Настоящую природу онъ видѣлъ только изъ оконъ салоновъ, какъ говоритъ въ эпиграммѣ на Делиля Шенье, осмѣивающій его страсть описывать мелочные предметы:

«Засѣлъ ли гдѣ въ грязи тяжелый экипажъ,
Съ нимъ вмѣстѣ лѣзетъ въ грязь поэтъ любезный нашъ,
Чтобъ лучше описать событiе такое.
Оселъ идетъ—осла-ль оставитъ онъ въ покоѣ?» и проч.

Шенье отзывался ѣдко не только объ этой особенности Делиля онъ называлъ аббата — торгашомъ стиховъ, старой кокеткой, лакеемъ, румянившимъ Виргилiя и подкрашивавшимъ Мильтона, одинаково восхвалявшимъ эмигрантовъ и Катона. При Робеспьерѣ онъ бралъ Бога подъ свое покровительство, но не пѣлъ гимновъ диктатору только потому, что этотъ не далъ ему пенсiи. Слишкомъ тщеславный, чтобы любить ближнихъ, но слишкомъ низкiй, чтобы обойдтись безъ господина, Делиль дѣйствительно расшаркивался передъ Наполеономъ, прославляя этого «возстановителя трона и алтаря», и Шенье правъ, говоря, что изъ стиховъ, за которые ему

Дюсисъ. Съ портрета Жерара.

платятъ по шести франковъ, двѣ трети не стоятъ ни гроша. Нелегко, однако, доставались Делилю эти шесть франковъ. Жена его была настоящей мегерой, которая не разъ била скромнаго стихотворца и запирала его на цѣлые дни въ своемъ кабинетѣ, чтобы онъ «выколачивалъ ей франки», необходимые по хозяйству. А между тѣмъ, поэмы его на расхватъ покупались эмигрантами и высшимъ кругомъ имперіи, издавались съ многочисленными гравюрами, въ тысячахъ экземпляровъ.

Мы говорили уже о господствѣ въ эту эпоху на театрѣ, въ салонахъ и на улицахъ романсовъ, пѣсенокъ, застольныхъ куплетовъ. Они носили названіе «водевиля» и чаще всего распѣвались на обѣдахъ и ужинахъ. Отъ V до IX года выходилъ ежемѣсячно сборникъ новыхъ пѣсенъ этого рода, подъ заглавіемъ «Обѣды водевиля». Въ такомъ же родѣ выходилъ «Журналъ гастрономовъ и красавицъ». На улицѣ огромнымъ успѣхомъ пользовались сатирическіе куплеты, постоянно преслѣдуемые полиціей, такъ какъ въ нихъ зачастую осмѣивались не общественные недостатки, не частныя лица, а правительство и его мѣропріятія. Представителемъ такого рода уличныхъ поэтовъ былъ Анжъ Питу, лицо историческое, выведенное въ извѣстной опереткѣ «Дочь мадамъ Анго». Онъ принадлежалъ къ духовному званію, но вышелъ изъ него во время революціи и сдѣлался уличнымъ пѣвцомъ, чтобы имѣть средства къ жизни. Горячій приверженецъ монархіи, онъ сочинялъ пѣсни противъ республики и распѣвалъ ихъ на площадяхъ, сопровождая прозаическими объясненіями, въ которыхъ всегда осмѣивались правительственныя лица. Полиція Директоріи пятнадцать разъ сажала его въ тюрьму, но выпускаемый на свободу онъ всякій разъ принимался за прежнее. Тогда, во время переворота 18-го фруктидора, его сослали въ Кайенну. Прощенный во время консульства, онъ вернулся въ Парижъ и попробовалъ снова приняться за свое обыкновенное занятіе, но осмѣивать Наполеона было не такъ безопасно, какъ Директорію, и посаженный въ тюрьму онъ получилъ свободу только подъ условіемъ—не раскрывать рта на улицѣ. Тогда, чтобы жить, онъ напечаталъ (въ 1805 году) «Разсказъ о моемъ путешествіи въ Кайенну и къ людоѣдамъ», возбудившій интересъ, но заключающій въ себѣ, между нѣсколькими любопытными фактами, много вздора. Тутъ, конечно, ему былъ предоставленъ полный просторъ ругать революцію и онъ не отказываетъ себѣ въ этомъ удовольствіи, называетъ республику — утопіей, анархію — пьяной свободой и т. п. Во время реставраціи онъ писалъ множество монархическихъ брошюръ и просилъ пенсіи, утверждая, что его защита монархіи во время Директоріи привлекла болѣе 50,000 приверженцевъ на сторону королевской власти и что для ея поддержанія онъ истратилъ 250,000 франковъ, собранныхъ его пѣснями. Съ трудомъ выпросивъ себѣ полторы тысячи пенсіи, онъ умеръ въ 1818 году,

всѣми забытый, но продолжалъ издавать брошюры о безвѣріи, Бурбонахъ, Вандеѣ, правосудіи, истинѣ и чести.

Полная характеристика идей, нравовъ, стремленій эпохи Директоріи рельефнѣе всего отражалась въ драматической литературѣ, и въ этой отрасли искусство Франціи стало на высокую сту-

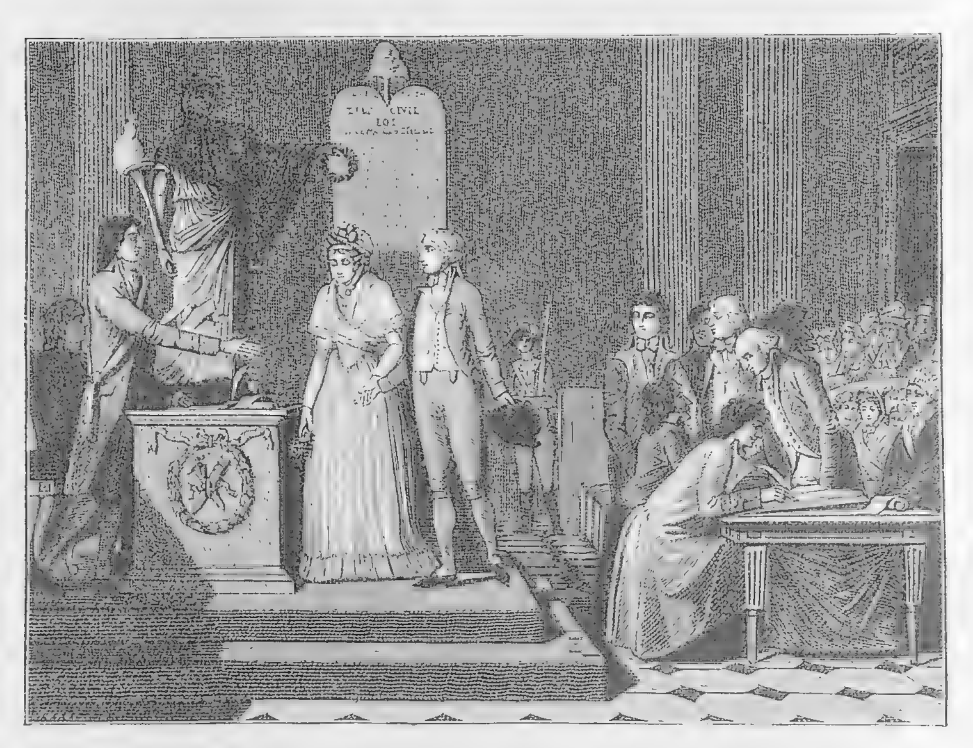
М. Ж. Шенье. Съ портрета Верне.

пень, не смотря на то, что на сценѣ во время террора появлялись произведенія, не имѣющія ничего общаго съ назначеніемъ театра, а, напротивъ, не появлялись такія, которыя составляютъ его славу, какъ трагедіи Корнеля и Расина. Директорія, допустивъ снова на сцену королей и принцевъ, положила конецъ передѣлкѣ, въ комедіяхъ Мариво, маркизовъ и графинь въ гражданъ и гражданокъ, а лакеевъ въ оффиціантовъ. Но въ эту трагическую эпоху тра-

гедія на сценѣ имѣла гораздо болѣе успѣха, чѣмъ комедія. Жанъ-Франсуа Дюсисъ, преемникъ Вольтера въ академіи, считался и его преемникомъ на сценѣ. Въ это время ему было уже болѣе 60-ти лѣтъ. Первая попытка его перенести на французскую сцену Шекспира относится еще къ 1769 году. «Гамлетъ» имѣлъ огромный успѣхъ, не смотря на крики Вольтера противъ «англійскаго варвара скомороха» и на попытки его помѣшать представленію пьесы, такъ какъ, по его совѣтамъ, Лекенъ отказался играть Гамлета. «Ромео и Юлія», поставленная черезъ три года, была встрѣчена публикою также съ восторгомъ, не смотря на искаженіе трагедіи Дюсисомъ, не знавшимъ вовсе англійскаго языка. Гораздо меньше успѣха имѣла его трагедія изъ классической древности: «Эдипъ у Адмета», и умный писатель обратился снова къ Шекспиру, передѣлавъ въ 1783 «Лира» и въ слѣдующемъ «Макбета». Въ 1792 году, явился «Отелло». Покровительствуемый графомъ Прованскимъ, писатель сдѣлался, однако, жаркимъ приверженцемъ принциповъ 1789 года, хотя громко осуждалъ крайности революціи и кровожадныхъ террористовъ. Въ 1795 году, онъ поставилъ хорошую пьесу «Абуфаръ», изъ быта кочевыхъ арабовъ, и черезъ два года передѣлалъ неудавшуюся трагедію, навѣянную Софокломъ, и назвалъ ее «Эдипъ въ Колоннахъ». Пьеса на этотъ разъ имѣла успѣхъ—послѣдній въ жизни писателя, больше ничего уже не ставившаго на сцену, хотя онъ умеръ въ 1816 году. Дюсисъ былъ типъ настоящаго, вполнѣ независимаго, честнаго писателя. Онъ никогда не принималъ отъ правительства никакого мѣста или положенія, никакой награды или пенсіи, отказался и отъ мѣста сенатора при консульствѣ, хотя о назначеніи его было уже напечатано въ «Мониторѣ», и отъ ордена почетнаго легіона. Онъ не принималъ и должности консерватора въ національной библіотекѣ; побѣды имперіи приводили его въ ужасъ; онъ сталъ до того ненавидѣть картины сраженій и пролитія крови, что пересталъ читать Иліаду. Для насъ онъ имѣетъ значеніе, потому что мы впервые познакомились съ Шекспиромъ въ передѣлкахъ Дюсиса.

Еще болѣе его имѣлъ успѣхъ на сценѣ болѣе даровитый писатель Мари-Жозефъ Шенье, братъ блестящаго, высокоталантливаго поэта, погибшаго на гильотинѣ, наканунѣ паденія Робеспьера. Сынъ гречанки и французскаго консула въ Константинополѣ, Шенье рано началъ писать для сцены, но первыя пьесы его не имѣли успѣха, и только «Карлъ IX», поставленный въ 1789 году, сразу сдѣлалъ поэта извѣстнымъ. Но это былъ скорѣе политическій, чѣмъ литературный успѣхъ. Революція нашла въ Шенье своего поэта. Если «Свадьба Фигаро» убила аристократію, «Карлъ IX» убьетъ монархію,—говорилъ Дантонъ. «Трагедія эта подвигаетъ наши дѣла лучше, чѣмъ взятіе Бастиліи»,—прибавлялъ Камиль Демуленъ. Парижъ прислалъ автору дубовый вѣнокъ—награду за гражданское мужество.

Въ 1791 году, былъ поставленъ его «Генрихъ VIII», встрѣченный уже съ меньшимъ восторгомъ. «Кай Гракхъ» въ слѣдующемъ году напомнилъ успѣхъ «Карла IX», но, не смотря на чисто республиканскій характеръ трагедіи, она была запрещена террористами за высказывавшіяся въ ней воззванія къ кротости и человѣколюбію и въ особенности за стихъ: «Мы требуемъ законовъ, а не крови!». «Фенелонъ», полный тѣми же гуманными тенденціями, возстановилъ еще болѣе якобинцевъ противъ автора, а «Тимолеонъ», направленный противъ тираніи Робеспьера, былъ запрещенъ имъ въ 1794

Республиканскій бракъ. Гравюра Леграна.

году. Авторъ, въ присутствіи Барера, долженъ былъ сжечь оригиналъ пьесы. По счастію, одна изъ актрисъ сохранила копію и трагедія была дана тотчасъ послѣ 9-го термидора. Послѣдующія его трагедіи «Филиппъ II», «Тиверій», «Брутъ и Кассій» имѣютъ тѣ же литературныя достоинства, но менѣе сценичны. Онъ переводилъ также Софокла, писалъ республиканскіе гимны, между которыми «Chant du départ» раздѣлилъ успѣхъ марсельёзы, ѣдкія сатиры и поэтическія элегіи. Но какъ человѣкъ, онъ стоялъ не только ниже Дюсиса, но заслуживаетъ упреки исторіи за свою безхарактерность. Онъ вотировалъ смерть короля, торжественное погребеніе Марата

въ Пантеонѣ, потомъ принадлежалъ къ врагамъ Робеспьера, то защищалъ свободу печати, то, какъ членъ совѣта пятисотъ и трибуната, подвергалъ ее преслѣдованіямъ. Въ то же время онъ дѣятельно работалъ по распространенію просвѣщенія въ народѣ, по учрежденію консерваторіи, политехнической школы, института. Одобряя переворотъ 18-го брюмера, онъ написалъ на коронацію Наполеона трагедію «Киръ» съ похвалами основателю новой династіи, но вскорѣ послѣ того въ «Посланіи къ Вольтеру» помѣстилъ такія выходки противъ деспотизма императора, что потерялъ всѣ свои мѣста. Впослѣдствіи Наполеонъ далъ ему, впрочемъ, пенсію. Эта же слабость характера подала поводъ къ тому, что враги обвиняли его въ томъ, что онъ былъ причиною смерти своего брата. Но во время процеса Андрея Шенье, Мари-Жозефъ былъ во враждѣ съ Робеспьеромъ и не могъ ничего сдѣлать для спасенія осужденнаго, такъ какъ самъ скрывался отъ розысковъ революціоннаго трибунала. Это не помѣшало, однако, роялисту Мишо, историку крестовыхъ походовъ, преслѣдовать Мари-Жозефа въ своемъ журналѣ и спрашивать: — «Каинъ, что ты сдѣлалъ со своимъ братомъ?». Эту фразу писатель получалъ постоянно въ анонимныхъ письмахъ; ее писали на дверяхъ его квартиры; за нѣсколько дней до своей смерти въ 1811 году, онъ нашелъ ее даже подъ подушкой своего смертнаго одра. —Цареубійцѣ ничего не стоило сдѣлаться братоубійцей,—говорили спокойно враги писателя, сами убѣжденные въ клеветѣ. Шенье умеръ 47 лѣтъ.

Изъ другихъ трагедій, во время Директоріи, имѣли большой успѣхъ: «Эпихариса и Неронъ, или договоръ въ пользу свободы», «Квинтъ Фабій, или римская дисциплина» и «Этеоклъ» Легуве; «Эфраимскій левитъ» и «Агамемнонъ» Лемерсье; «Муцій Сцевола» и «Періандръ» Люсъ де-Лансиваля; «Цинцинатъ», «Марій въ Минтурнѣ», «Оскаръ, сынъ Оссіана» Арно, «Катонъ Утическій» Ренуара; изъ комедій: «Умиротворенныя Аѳины»—передѣлка Аристофана—Кальява, «Артисты» и «Старый холостякъ» Коленъ д'Арлевилля; «Наставникъ» Фабръ д'Эглантина, «Разводъ», «Женщины» Демутье, «Актриса» Андріё, «Свадебные проекты» Александра Дюваля, «Школьные друзья» Пикара. Драма въ эту эпоху имѣла немногихъ представителей, лучшими пьесами были: передѣлка «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» Коцебу, «Евгенія» и «Преступная мать» Бомарше, «Побочный сынъ» Лакретеля. Но въ это же время, на бульварахъ, театрахъ, начиналось господство мелодрамы, развившейся въ эпоху консульства и имперіи, и отецъ которой Жильберъ де-Пиксерекуръ написалъ до трехсотъ пьесъ въ этомъ родѣ. О музыкѣ временъ Директоріи мы уже говорили.

Искусства не процвѣтали. Революція не произвела ни одного высокоталантливаго живописца. Она заказывала не картины, а только декораціи для національныхъ праздниковъ. Лучшіе живописцы

послѣдняго царствованія Грезъ и Фрагонаръ были забыты и умерли въ эпоху косульства. Первый республиканскій художникъ, Луи Давидъ, писалъ картины въ строго классическомъ стилѣ, но холодныя и безжизненныя. Прюдонъ продолжалъ рисовать своихъ амуровъ и грацій. Ученики Давида Жераръ, Гро, Жироде, Изабе только что начинали свое артистическое поприще. Выставки 1796

Императрица Жозефина. Съ портрета Жерара.

и 1798 года были богаты числомъ, но не достоинствомъ картинъ. Изъ Италіи и Египта прислано было въ Парижъ много художественныхъ произведеній. Бонапарте ввелъ въ обычай грабить музеи городовъ, занимаемыхъ французскою арміею. Привозились даже монументы съ площадей, какъ статуи лошадей съ площади св. Марка въ Венеціи. Болѣе всего процвѣтала портретная живо-

пись. Скульптура ограничивалась только изваяніемъ неуклюжихъ статуй, изображающихъ свободу и равенство, или народа, въ видѣ Геркулеса, поражающаго гидру федерализма. На развалинахъ бастиліи, воздвигли фонтаны со статуею Возрожденія (Régénération), въ видѣ Ириды, у которой изъ грудей, поддерживаемыхъ ея руками, текла вода. Изъ классическихъ боговъ, изображали только Геркулеса, Вулкана, Минерву, Цереру, забывъ о Венерѣ, Апполлонѣ, Амурѣ, нимфахъ и граціяхъ. Гудонъ и его ученики представляли бюсты Вольтера, Руссо и Марата, олицетворяли день 10-го октября въ видѣ генія Франціи, ломающаго скиптры и короны. Лемо изваялъ барельефы для трибуны законодательнаго корпуса и Нуму Помпилія для совѣта пятисотъ. Гравюра была въ пренебреженіи; никто не находилъ нужнымъ увѣковѣчивать сцены террора, вырѣзывая ихъ на мѣди. Только для романовъ много работали малоизвѣстные художники. Большія изданія, иллюстрированныя рисунками, начали появляться позже, во время консульства и имперіи. Образцы лучшихъ работъ Дебюкура, Леграна, Монсіо, Бланшара, Годефруа, помѣщены въ нашемъ очеркѣ. Всѣ они гравировали больше всего карикатуры. Архитектура, сильно поднявшаяся въ царствованіе Людовика XVI и совершенно упавшая во время террора, начала замѣтно возрождаться при Директоріи. Въ революцію болѣе 40,000 церквей, монастырей и дворцовъ, не считая другихъ правительственныхъ зданій, сдѣлались національною собственностью и, продаваясь съ молотка, получили другое назначеніе. Республика не созидала, а разрушала. Въ одномъ Парижѣ было конфисковано болѣе 6,000 отелей, принадлежащихъ эмигрантамъ и казненнымъ лицамъ. Директорія строила только театры: въ 1798 году — театръ Національныхъ побѣдъ въ улицѣ дю-Бакъ, въ 1799 году театръ молодыхъ воспитанниковъ въ улицѣ Дофины. Въ украшеніяхъ зданій, меблировкѣ, орнаментахъ, въ ювелирномъ и декоративномъ искусствѣ преобладалъ римскій стиль.

1799 годъ, въ концѣ котораго погибла Директорія, начался для нея также очень дурно. Коалиція Англіи, Австріи и Россіи угрожала республикѣ, которая могла выставить армію только въ 170,000 для своей защиты. Лучшія войска были въ Египтѣ съ генераломъ Бонапарте. Кампанія началась отступленіемъ Журдана на Дунаѣ, передъ натискомъ эрц-герцога Карла, и Шеррера въ Италіи до Адды. Только Массена держался въ Швейцаріи. Шеррера замѣнили генераломъ Моро, но и онъ былъ разбитъ Суворовымъ при Требіи; храбрый Жуберъ палъ при Нови; Италія, казалось, была потеряна. Директорія начала опасаться вторженія во Францію. Чтобы поправить нѣсколько разстроенные финансы, прибѣгли къ акцизной системѣ: на парижскихъ заставахъ стали, какъ при монархіи, брать пошлину за привозъ съѣстныхъ припасовъ. Это возбудило ропотъ въ народѣ. Братья Бонапарте, чтобы отвлечь вни-

маніе публики отъ неудачныхъ дѣйствій генерала въ Египтѣ и Сиріи, отъ пораженія французовъ при Абукирѣ и Сен-Жан-д'Акрѣ, начали обвинять директоровъ—въ расточительности, въ неумѣньѣ управлять страною. Трое изъ нихъ, честные республиканцы Ларевелльеръ-Лепо, Трельяръ и Мерленъ должны были уступить мѣсто приверженцамъ Бонапарте или безхарактернымъ лицамъ, Рожеру Дюко, Гойе и Мулену. Баррасъ, чтобы сохранить свою власть, отрекся отъ своихъ товарищей. Пятый директоръ Сіейесъ, замѣнившій Ревбеля, также былъ на сторонѣ военной диктатуры, которую

Марія-Луиза. Съ портрета Прюдома.

призывало тогда почти все общество капиталистовъ, чиновниковъ, спекуляторовъ. Центромъ бонапартистскаго заговора былъ маленькій домикъ въ улицѣ Шантеренъ, гдѣ привычная къ интригамъ, жена молодаго генерала, вербовала всѣми средствами приверженцевъ своему мужу. Роялистовъ и эмигрантовъ Жозефина увѣряла, что Бонапарте готовъ, какъ полководецъ будущаго короля, сдержать своею сильною волею всѣ опасные революціонные элементы и въ особенности этихъ опасныхъ республиканскихъ генераловъ: Журдана, Бернадота, Массену, Ожеро, которые, вмѣсто того, чтобы тушить пожаръ, только разжигаютъ его. По счастію, солдаты больше ихъ

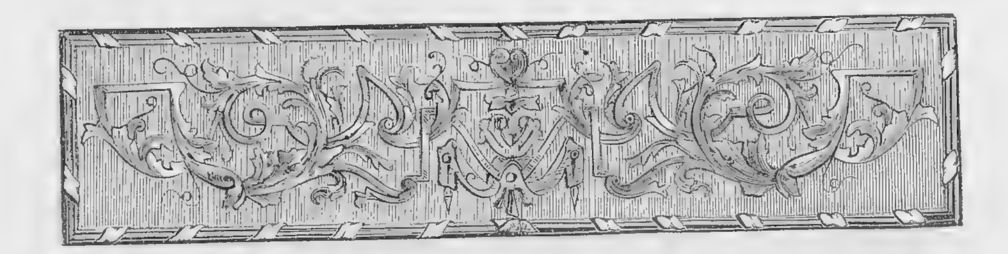
преданы Бонапарте и съ нимъ пойдутъ, куда онъ захочетъ повести ихъ. Честолюбцевъ она привлекала на свою сторону приманкою власти и почестей. Она была такою искусною и полезною помощницею своему мужу, что онъ не могъ не цѣнить ея услугъ и прощалъ ей и ея расточительность, и увлеченія. Креолка, родившаяся подъ горячимъ солнцемъ Мартиники, Жозефина шестнадцати лѣтъ была выдана за виконта Богарне. Когда онъ былъ посаженъ въ тюрьму во время террора, она употребляла всѣ усилія, чтобы спасти его отъ гильотины, но, не успѣвъ въ этомъ, сама была арестована и раздѣлила бы участь своего мужа, если бы ее не спасло паденіе Робеспьера. Одинъ изъ главныхъ виновниковъ этого паденія, Таліенъ, покровительствовалъ молодой вдовѣ и возвратилъ ей ея имущество. Потомъ не меньшее покровительство ей оказывалъ Баррасъ и отдалъ ее замужъ за своего протеже, генерала Бонапарте, хотя ему было 27 лѣтъ, а ей 33. Для вступленія въ бракъ она представила метрическое свидѣтельство своей сестры, умершей въ молодыхъ годахъ, по которому невѣстѣ было только 24 года. Впрочемъ, въ то время для брака и не требовалось особыхъ формальностей. Женихъ съ невѣстой являлись въ мерію, расписывались въ присутствіи мера въ томъ, что вступаютъ въ бракъ, подписи скрѣплялись свидѣтелями; меръ во имя закона объявлялъ ихъ супругами—и этимъ все оканчивалось.

Генералъ Бонапарте заключилъ точно такой бракъ. Въ числѣ его свидѣтелей были Баррасъ и Таліенъ. Жозефина была въ муселиновомъ платьѣ, убранномъ бѣлыми, синими и красными цвѣтами, съ поясомъ и гирляндою тѣхъ же цвѣтовъ. Этимъ она хотѣла показать, что раздѣляетъ республиканскіе принципы своего мужа, не смотря на то, что всегда была роялисткой и по отцу, и по первому мужу. Она любила Наполеона, но онъ постоянно жаловался на ея вѣтренность. Черезъ пять дней послѣ свадьбы, принужденный уѣхать въ армію, онъ писалъ ей: «Ты весела, шутишь со своими друзьями и я упрекаю тебя въ томъ, что ты такъ скоро забыла тяжелую разлуку. Ты вѣтрена, тебѣ легко утѣшиться; въ тебѣ нѣтъ никакого глубокаго чувства». Въ 1798 году, въ письмѣ къ своему брату Іосифу изъ Каира, Бонапарте жалуется ему на свои домашнія несчастія и черезъ десять лѣтъ въ письмѣ къ Жозефинѣ упрекаетъ ее въ томъ же непостоянствѣ. Наканунѣ своей коронаціи, въ концѣ 1804 года, бракъ ихъ былъ освященъ церковью, но черезъ пять лѣтъ Наполеонъ объявилъ ей, что ему необходимъ наслѣдникъ, который продолжилъ бы его династію, а такъ какъ въ 46 лѣтъ Жозефина не можетъ надѣяться имѣть дѣтей, то онъ принужденъ съ ней развестись. Объявилъ онъ ей это однажды за завтракомъ, и она упала въ такой глубокій обморокъ, что онъ не могъ привести ее въ чувство. Тогда онъ позвалъ дежурнаго камергера Боссе и, не желая дѣлать другихъ придворныхъ свидѣте-

лями этой сцены, попросилъ его помочь отнести императрицу въ ея комнату. Наполеонъ взялъ ее за ноги, Боссе за плечи, и они понесли ее такимъ образомъ, но у дверей камергеръ запнулся за коверъ и употребилъ большое усиліе, чтобы удержать свою драгоцѣнную ношу. Вдругъ Жозефина повернула къ нему голову и шепнула: «послушайте, вы ужъ черезчуръ крѣпко жмете меня!». Императрицей она дѣлала большіе долги, за что Наполеонъ дѣлалъ ей сцены. Онъ долженъ былъ также не разъ прогонять интригантовъ, которыми она любила себя окружать. Разведясь съ ней, онъ далъ ей Мальмезонъ и два милліона франковъ пенсіи, но продолжалъ, по временамъ, съ ней переписываться, чѣмъ была очень недовольна его вторая жена, Марія-Луиза. Не смотря на всѣ свои недостатки, Жозефина была и наружностью, и характеромъ лучше этой австрійской эрц-герцогини. Стоитъ только взглянуть на ихъ портреты, чтобы убѣдиться въ этомъ. Выросшая подъ тропическимъ солнцемъ, смуглая Жозефина только сильно бѣлилась. Умерла она въ годъ паденія своего мужа, отъ жабы, на 51 году. Если въ ней не было сильной привязанности къ Наполеону, то вѣдь надо помнить, какъ и онъ держалъ себя въ отношеніи къ ней, а особенно, когда сдѣлался всевластнымъ господиномъ Франціи. Онъ толковалъ о разводѣ съ ней даже наканунѣ 18-го брюмера, когда она все подготовила къ тому, чтобы онъ успѣлъ захватить власть въ свои руки. Но она искренно, горячо любила своихъ дѣтей отъ перваго мужа, успѣхи Гортензіи предпочитала своимъ собственнымъ, просила прощенія у шестнадцатилѣтняго Евгенія Богарне, когда выходила за Бонапарте, и обѣщала ему, что вотчимъ его сдѣлается героемъ. И въ то время, когда отреченіе Наполеона ускорило ея кончину, та, которую французы называли, какъ Марію-Антуанету, «австрійка», — спокойно разставалась со своимъ трехлѣтнимъ сыномъ, которому такъ нужны были заботы матери, для того, чтобы больше никогда не видѣть его. Лучше ли Марія-Луиза относилась къ своимъ дѣтямъ отъ генерала Нейперга — этого мы не знаемъ.

Какимъ образомъ Наполеону удалось уйдти изъ Египта, гдѣ передъ Александріею стоялъ англійскій флотъ адмирала Сиднея Смита, а Нельсонъ настаивалъ, что французскому генералу не слѣдуетъ позволить вернуться въ Европу? — это объяснилось только недавними, сравнительно, историческими изысканіями, также какъ и закулисными подробностями заговора 18-го брюмера. Но этотъ трагикомическій эпизодъ, закончившій четырехлѣтній періодъ властвованія Директоріи, заслуживаетъ особаго изслѣдованія и описанія, и мы представимъ впослѣдствіи читателямъ правдивую исторію этого любопытнаго государственнаго переворота.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія искусствъ. П. Гнѣдича. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1885.

ВОТЪ КНИГА, какихъ у насъ еще не бывало. Предметъ, обѣщанный въ ея заголовкѣ, занимателенъ для многихъ, внѣшность привлекательная, по формѣ и содержанію книга г. Гнѣдича совсѣмъ не похожа на имѣющіеся у насъ труды по искусству. За безподобность своей книги, въ сравненіи съ этими трудами, ручается и самъ авторъ въ коротенькомъ, но вразумительномъ предисловіи.

По словамъ г. Гнѣдича, его книга — «первая попытка дать на русскомъ языкѣ, въ живомъ и сжатомъ изложеніи, картину общаго хода развитія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней». Все, что у насъ было и есть по исторіи искусствъ, по увѣренію г. Гнѣдича, «представляетъ переводъ иностранныхъ компиляцій, годныхъ болѣе для справокъ, чѣмъ для чтенія»! Смѣлость такого огульнаго приговора въ данномъ случаѣ оказывается вполнѣ понятной,—г. Гнѣдичъ, очевидно, до того боится «справокъ», что не пожелалъ узнать толкомъ о «всемъ изданномъ у насъ по этому предмету». Говорю «не пожелалъ», ибо не хочу допустить мысли о намѣренно недобросовѣстномъ и ложномъ заявленіи съ цѣлью отвлечь вниманіе любопытствующихъ отъ этого «всего» къ своей единственной, небывалой, «первой попыткѣ». Конечно, Віоле-ле-Дюкъ, Каррьеръ, Куглеръ, Любке, Реймонъ, сочиненія которыхъ переведены порусски, не имѣютъ претензіи «давать картины». Они просто трактуютъ объ искусствѣ, какъ о дѣлѣ серьезномъ и достойномъ изученія. Г. Гнѣдичъ понимаетъ это дѣло иначе. И въ этомъ иномъ смыслѣ его «Исторія искусствъ», дѣйствительно, «первая попытка». Пожалуй, даже всякія серьезныя «справки» могли бы только помѣшать ея появленію.

Хорошо или дурно поступалъ г. Гнѣдичъ, пугаясь «справокъ», отвѣтить на это можетъ сама книга краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій.

Г. Гнѣдичъ, уклоняясь отъ тяжкой необходимости наводить справки о томъ, чего не знаешь, порѣшилъ, что и читателямъ его книги всякія серьезныя справки должны быть въ тягость и должны показаться «излишними и спеціальными подробностями». Само собою разумѣется, при такой рѣшимости, «ученаго сочиненія» тутъ никто и ждать не станетъ. Также напрасно опасается авторъ, что его книгу могутъ принять за «учебникъ». Въ ней научиться нечему. Авторъ, однако, «смѣетъ думать, что предлагаемое изданіе должно заинтересовать вообще образованное общество, и художниковъ попреимуществу». Что касается до художниковъ, то въ средѣ ихъ попадаются всякіе и есть, конечно, такіе, которымъ очень тягостно выносить бремя знанія. Для тѣхъ, кто открываетъ, напримѣръ, «Альгамбру въ Каирѣ» (см. журналъ «Ласточка»), отсутствіе мало-мальски серьезныхъ знаній служитъ даже нѣкоторымъ украшеніемъ ихъ развязности, свободной отъ предразсудковъ просвѣщенія. Тутъ, стало быть, все пойдетъ на потребу, тутъ и книгѣ г. Гнѣдича найдется мѣсто. По Сенькѣ и шапка... Но, когда предполагается оказать услугу «образованному обществу», пригодность книги должна быть подтверждена дѣйствительными достоинствами. Имѣются ли таковыя въ «Исторіи искусствъ» г. Гнѣдича?

Эта «Исторія» не обременена фактами и свѣдѣніями. Все сколько нибудь серьезное, касающееся искусства, «обходится» въ ней. То «не позволяетъ мѣсто распространяться», то «дѣло излишнее для неспеціалистовъ», то «не считаемъ возможнымъ утомлять читателя». Въ особенности послѣднее обстоятельство сильно заботило автора «Исторіи». Растяжимость понятія «культуры», играющей роль цѣлаго по отношенію къ искусству, дало возможность г. Гнѣдичу съ избыткомъ развлечь читателя. Какъ плодились еврейки при фараонахъ, какъ взнуздывали и сѣдлали лошадей арабы, какъ пировалъ Лукуллъ и пр., и пр.,—объ этомъ обстоятельно разсказывается въ «Исторіи искусствъ». Подобнаго сорта «факты», встрѣчающіеся въ лубочныхъ книжкахъ, дополняются анекдотами, легендами, изрѣченіями, выдержками изъ учебныхъ христоматій. Вотъ подвернулось автору слово «диванъ», и г. Гнѣдичъ подробно объясняетъ его значеніе, разсказываетъ его исторію. Все свѣдѣнія изъ любаго энциклопедическаго словаря. Тутъ и «мѣсто позволяетъ». А какъ только приходится говорить объ искусствѣ, авторъ «Исторіи» довольствуется «бѣглымъ обзоромъ» и «отсылаетъ» читателя, интересующагося дѣломъ, «утомляться» надъ какой нибудь случайно попавшейся журнальной статейкой. Этихъ статеекъ, впрочемъ, оказывается очень немного въ запасѣ у г. Гнѣдича. Въ большинствѣ случаевъ прибѣжищемъ, облегчающимъ отъ утомленія и скучныхъ справокъ, служитъ «Исторія умственнаго развитія Европы» Дрэпера, которую и гимназисты перестали читать, да еще «Внѣшній бытъ народовъ» Вейса. Цитатами отсюда переполнена «Исторія искусствъ».

Причемъ же, однако, «искусство» у Дрэпера и Вейса? Въ томъ-то и бѣда, что г. Гнѣдичъ, повидимому, непремѣнно желаетъ «заинтересовать образованное общество» этими неутомительными писателями. Ради этого и самое искусство исчезаетъ подъ баластомъ цитатъ, почерпнутыхъ у нихъ, и вольнаго изложенія матеріала, какой нашелся идущимъ къ «Исторіи» въ названныхъ сочиненіяхъ и предлагается «образованному обществу», въ видѣ «первой попытки дать на русскомъ языкѣ»... и пр. И все это изъ опасенія не утомить читателей!

Этимъ же опасеніемъ, вѣроятно, объяснить надо и то, что г. Гнѣдичемъ тщательно, весьма тщательно, скрывается самый главный изъ могущихъ «утомлять образованное общество», источникъ приведенныхъ въ его «Исторіи» скудныхъ свѣдѣній по искусству. Источникъ этотъ, правда находится подъ спудомъ и доступенъ лишь немногимъ счастливцамъ. Но разоблачить его, всетаки, слѣдовало бы. Многое въ книгѣ г. Гнѣдича сразу объяснилось бы сколько нибудь свѣдущимъ людямъ; разъяснилась бы и его «начитанность», и значеніе его «монографій», какъ названы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», главы и главки (нѣкоторыя буквально въ нѣсколькихъ строкахъ трактуютъ о цѣломъ и важномъ періодѣ въ развитіи искусства, подъ особыми заглавіями) «Исторіи» г. Гнѣдича. Межъ тѣмъ, авторъ только въ двухъ мѣстахъ, да и то очень глухо, упоминаетъ о своемъ главномъ источникѣ по искусству. Назовемъ его прямо, не боясь утомлять читателей. Это—старыя, сохранившіяся въ немногихъ экземплярахъ, литографированныя записки академическихъ лекцій извѣстнаго профессора Горностаева.

Если бы г. Гнѣдичъ перепечаталъ эти записки (конечно, не выдавая ихъ за свои), дополнивъ то, что въ нихъ устарѣло и требуетъ обновленія, онъ оказалъ бы услугу и «образованному обществу, и художникамъ попреимуществу». Но, видно, авторъ «Исторіи» не хотѣлъ «утомлять» читателя и предпочелъ систематическому изложенію понадерганныя оттуда выдержки, безъ указанія источника. Замѣтимъ кстати, что въ запискахъ Горностаева немало заимствованій изъ переведенныхъ у насъ «компиляцій, годныхъ для справокъ». И вотъ г. Гнѣдичъ разсортировалъ матеріалъ этихъ записокъ по своему, т. е. поступилъ такъ, какъ и подобало сочинителю небывалой у насъ «первой попытки». Порядокъ размѣщенія отдѣловъ тотъ же, факты сокращены, урѣзано не мало дѣльнаго, извлечены общія мѣста, много перефразировано и нельзя сказать, чтобъ удачно, и собранный Горностаевымъ матеріалъ растасованъ г. Гнѣдичемъ безъ разбора по разнымъ главамъ, носящимъ иныя названія. Такая операція обнаруживается особенно ясно при обзорѣ отдѣловъ древнехристіанскаго искусства. Византійское искусство, въ составъ котораго, по Горностаеву, входятъ армянская и русская церковная архитектура, г. Гнѣдичемъ включено въ видѣ главы особой «монографіи», подъ заглавіемъ «Древнехристіанская эпоха», а обзоръ русской и армянской архитектуръ отнесенъ къ другой «монографіи», называющейся: «Русь въ связи съ дальнѣйшимъ развитіемъ христіанства въ Европѣ». Причемъ, разумѣется, дѣло не обошлось безъ оправданій на тему — «знаю, да не скажу»: «объемъ книги не позволяетъ»... Для примѣра сокращеній, урѣзокъ подлинника въ копіи, откроемъ на удачу страницу записокъ Горностаева. Вотъ соборъ св. Марка въ Венеціи. Подыскиваемъ въ «Исторіи» г. Гнѣдича соотвѣтствующую страницу. Получается слѣдующее:

Горностаевъ.	*Г. Гнѣдичъ.*
Планъ его въ формѣ греческаго креста, но не похожъ ни на одинъ изъ плановъ уцѣлѣвшихъ византійскихъ церквей... (Опускаемъ нѣсколько строкъ, не воспроизведенныхъ г. Гнѣдичемъ) по всему, кажется, что нартексъ кругомъ передней части собора—позднѣйшая пристройка. Формы его порталей скорѣе романскія, нежели византійскія...	Первичный его планъ представляетъ обычный греческій крестъ, хотя и не похожъ ни на одинъ изъ плановъ византійскихъ церквей. Нартексъ передней части собора возведенъ несомнѣнно позже, тѣмъ болѣе (?), что стиль его романскій...

Такимъ манеромъ копируется оригиналъ, со вставками, кстати и не кстати, словъ, идущихъ и вовсе не идущихъ къ дѣлу. Особенно кстати пришлось это «тѣмъ болѣе»! Такими-же прилагательными, разными «несомнѣнно», «конечно», повторяемыми на каждомъ шагу, ограничивается вся самостоятельность сочинителя. Въ содержаніи и методѣ изложенія, авторъ «Исторіи» вполнѣ подчиненъ своему источнику. Этой же подчиненностью объясняется и такое необычное пристрастіе г. Гнѣдича къ одеждамъ. Горностаевъ съ этимъ знакомилъ учениковъ академіи, какъ будущихъ изобразителей костюмовъ на картинахъ. А г. Гнѣдичъ рѣшилъ, что въ костюмахъ главная суть «Исторіи искусства». Благо, въ 6-ти томахъ Вейса можно понабрать богатый матеріалъ. Встрѣчаются и болѣе курьезныя позаимствованія у Горностаева, но о нихъ скажемъ когда нибудь потомъ, въ случаѣ надобности. Пока же слѣдуетъ пожалѣть, что г. Гнѣдичъ слишкомъ произвольно распорядился съ записками Горностаева, самой лучшей ихъ частью (о Готикѣ) пренебрегъ, а взамѣнъ того, воспроизвелъ самую устарѣлую со всѣми ея промахами (византійское и вообще древне-христіанское искусство).

Нельзя не пожалѣть, однако, что сочинитель «Исторіи искусства» въ порывѣ увлеченія слабостями Ивана Александровича Хлестакова, какъ извѣстно, приписывавшаго себѣ «Капитанскую Дочку» Пушкина и одновременно «Юрія Милославскаго» Загоскина, совсѣмъ позабылъ о своемъ академическомъ источникѣ и ручается такимъ сочиненіемъ пополнить «ощутительный пробѣлъ» въ «прохожденіи курса исторіи искусствъ въ Академіи». Въ этомъ курсѣ будто бы, по словамъ г. Гнѣдича, «вниманіе учащихся обращается болѣе всего на эпоху классицизма, и съ позднѣйшими стадіями искусства они знакомятся въ большинствѣ случаевъ по отрывочнымъ журнальнымъ статьямъ». На повѣрку, оказывается, что самъ авторъ «Исторіи» пополнилъ въ самомъ себѣ «ощутительный пробѣлъ» по академическому курсу. А теперь хочетъ вернуть академіи ея же добро, только въ поношенномъ, искаженномъ, истрепанномъ видѣ. Что и говорить, остроумно!

Нѣтъ ничего мудренаго, что при недостаточности дѣльныхъ «справокъ» и при такой смѣлой операціи съ устарѣлымъ источникомъ въ «сочиненіи» г. Гнѣдича много баласта, правда, легковѣснаго, но, всетаки, мѣшающаго серьезному изученію исторіи искусства, и никакихъ собственныхъ мыслей. Вся эстетика тутъ взята у Тэна и Реймона. Противоположности воззрѣній обоихъ эстетиковъ не смутили автора, вѣроятно, потому, что въ исторіи вообще все примиряется, сглаживается, а въ его «Исторіи» въ особенности, ибо въ ней свалено въ одну кучу—важное и неважное, идущее къ дѣлу и совсѣмъ къ нему не подходящее. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерной частью книги—если, конечно, тутъ возможны какія нибудь сравненія—является отдѣлъ русскаго искусства. О «новомъ» искусствѣ ужъ нечего и говорить. Оно совершенно невѣдомо автору, хотя бы по «отрывочнымъ журнальнымъ статьямъ». Это невѣдѣніе такъ прямо и доказывается всѣмъ рѣшительно, случайнымъ подборомъ рисунковъ и непозволительно нелѣпымъ перечнемъ художниковъ. Маринистъ (Айвазовскій) рекомендуется горнымъ пейзажемъ; Жанристъ (Ѳедотовъ)—портретнымъ этюдомъ. Какъ горохъ разсыпано нѣсколько именъ русскихъ художниковъ, изъ нихъ маленькія имена удостоились упоминанія, а многія изъ крупныхъ пропущены. Но еще менѣе извинительна небрежность автора по отношенію къ древнему русскому искусству. Г. Гнѣдичъ не знаетъ самыхъ разработанныхъ изслѣдованій, а пожалуй, и не

хочетъ ихъ знать, какъ сочиненія, годныя только для справокъ. О нашей церковной архитектурѣ, объ иконописи, въ любой иностранной «компиляціи» узнаешь больше, чѣмъ въ русской «Исторіи» г. Гнѣдича. Эллиноскиѳское искусство — совсѣмъ terra incognita для автора, сибирскія древности даже не упомянуты. За то г. Гнѣдичъ не забываетъ порекомендовать прочесть «Картины нашей миѳологіи»; козыряетъ цитатами изъ Ибнъ-Фоцлана, разсказываетъ о «собственномъ достоинствѣ Владиміра», приводитъ, наконецъ, всякій вздоръ, въ родѣ Марціалова объясненія одной изъ туалетныхъ принадлежностей римлянъ: «эту руку (ручка для чесанія) засунь за спину, если кусаетъ тебя блоха, а можетъ быть, что и похуже блохи».

Газетные благопріятели г. Гнѣдича нисколько не смущаются такимъ вздоромъ и вполнѣ одобряютъ подобную «Исторію искусствъ», конечно, не читая ея, такъ какъ она годна развѣ для недоучившихся гимназистовъ и не успѣвающихъ въ наукахъ академистовъ. Эти благопріятели подчеркиваютъ, что недостатокъ серьезныхъ свѣдѣній въ книгѣ восполняется указаніемъ на источники, которыми любопытствующіе могутъ сами воспользоваться. Во-первыхъ, желающіе серьезно изучать предметъ и безъ г. Гнѣдича найдутъ подходящіе источники. Во-вторыхъ, что же это за книга, которая на всѣ требованія, предъявленныя къ ней, согласно ея титулу, на каждомъ шагу отсылаетъ, да отсылаетъ къ другимъ источникамъ, сама же довольствуется тѣмъ, что или изрекаетъ многозначительно «знаю да не скажу», или отговаривается недостаткомъ мѣста. Мало того, въ настоящей «Исторіи искусствъ» и указанія то сдѣланы такъ облыжно, что ничего по нимъ не найдешь. Самъ рекомендатель явно не видѣлъ рекомендуемыхъ имъ источниковъ. Сочиненія, которыя давно уже вышли, для г. Гнѣдича только выходятъ (Люцова, Kunstschätze Italiens») и, наоборотъ, только-что начавшія выходить объявляются вышедшими (Мюллера, Художественный словарь). Извольте, напримѣръ, разобраться въ такого сорта указаніяхъ. О Греціи рекомендуются буквально, кромѣ «безчисленнаго множества сочиненій», «сырые матеріалы», причемъ встрѣчается такой курьезъ, что книга «Древности Босфора Киммерійскаго» отнесены къ «сырымъ» трудамъ по классицизму, при чемъ книга приписывается г. Скамони. Г. Гнѣдичъ, значитъ, не знаетъ и не видалъ самой книги. О Римѣ буквально предлагается опятьтаки «очень почтенное число изданій». «Особенно извѣстны труды Canina, Desgodetz». Что говорятъ публикѣ такіе перечни: гг. «Брунна, Росса, Серродифалько и пр.», или простая ссылка на изданія археологическаго общества. Какіе труды, о чемъ въ нихъ трактуется,—одинъ аллахъ вѣдаетъ. Да и вѣрнѣе было бы не смѣшивать археологическаго общества съ археологической коммиссіей, которой «Доклады» и «Приложенія» къ нимъ представляютъ большой интересъ для изучающихъ искусство. Наконецъ, помимо недоступныхъ публикѣ источниковъ, съ серьезно-научными смѣшиваются совсѣмъ курьезные. Рядомъ съ Лепсіусомъ рекомендуется «Египетъ» г. Андреевскаго, столь же краснорѣчиво изобличившій собой новѣйшій способъ сочинительства съ выдаваніемъ за свои чужихъ сужденій и даже впечатлѣній. За то ссылки на «Ниву» дѣлаются обстоятельныя даже тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ никакой надобности.

Вообще эта «Исторія Искусствъ», очевидно, написана для «Нивы». Прилагаемые рисунки, большинство которыхъ хорошо извѣстно читателямъ «Нивы» по прежнимъ годамъ, оказываются, дѣйствительно, краснорѣчивѣе текста. Они хоть исполнены хорошо, но набраны нерѣдко, что называется, ни къ селу ни къ городу. На однихъ воспроизведены лишь части и частицы

картинъ, попадаются снимки съ гравюръ, а не съ картинъ (Рембрандта), карандашные рисунки вмѣсто картинъ, встрѣчаются такія смутныя обозначенія: «христіанскія катакомбы» (?), безъ опредѣленнаго названія. Короче сказать, это—альбомъ изъ иллюстрацій «Нивы», съ текстомъ, весьма часто ихъ не оправдывающимъ, при полномъ непониманіи, что искусство и «Нива»—двѣ области совершенно разныя, какъ «образованное общество», для котораго назначается «Исторія Искусствъ» г. Гнѣдича, и недоучившіеся гимназисты, для которыхъ собственно она и годна, вовсе не одно и то же. Этой путаницѣ понятій и этому смѣшенію задачъ «Нивы» съ цѣлями исторіи искусства, а равно смѣшенію интереса къ искусству въ «образованномъ обществѣ» съ празднымъ любопытствомъ недоучившихся гимназистовъ, и обязана своимъ происхожденіемъ эта «первая попытка». Книга, долженствующая возбуждать интересъ къ искусству, не даетъ о немъ никакихъ серьезныхъ свѣдѣній или, понабравъ послѣднія кусочками, на подобіе вербной литературы, мѣшаетъ ихъ въ одну пеструю кучу съ лоскутками, вырванными изъ легковѣсныхъ книжекъ и, безъ сомнѣнія, можетъ сообщить лишь превратный взглядъ на предметъ. Это, дѣйствительно, небывалая еще «первая попытка»!

Ѳ. Булгаковъ.

„Всеобщая исторія литературы", начатая подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжаемая подъ редакціей профессора А. Кирпичникова. Выпускъ XVI. „Славянскія литературы" О. И. Морозова. „Итальянская литература въ средніе вѣка". И. М. Болдакова. 1885.

Въ 1880 году одинъ изъ нашихъ книгопродавцевъ, издатель дѣльныхъ и серьезныхъ книгъ, Карлъ Риккеръ, предложилъ покойному В. Ѳ. Коршу составить «Всеобщую исторію литературы» въ трехъ томахъ. Въ первый томъ должна была войдти литература древнихъ вѣковъ—Востока, Греціи и Рима, во второй — средневѣковая, въ третій — новѣйшихъ временъ. Всѣхъ выпусковъ предполагалось 15 — 18. Въ этихъ размѣрахъ изданіе приносило существенную пользу: на русскомъ языкѣ не было вовсе всеобщей исторіи литературы, кромѣ краткаго и поверхностнаго очерка Шерра; «Исторія всемірной литературы» В. Зотова, также въ трехъ томахъ, составлялась по другому плану, въ которомъ, на первомъ мѣстѣ, стояли оцѣнки отдѣльныхъ произведеній писателей и образцы этихъ произведеній. Въ книгѣ Корша обѣщано было участіе десяти ученыхъ и литераторовъ, извѣстныхъ спеціалистовъ, что придавало болѣе значенія этому труду. Первые выпуски стали быстро выходить въ свѣтъ одни за другими. На первыхъ порахъ мы дѣйствуемъ всегда горячо и усердно—это свойство признано за русскимъ человѣкомъ, но въ немъ преобладаетъ и другое свойство—страсть расплываться и неумѣнье сдерживать себя въ заранѣе опредѣленныхъ рамкахъ — и это свойство обнаружилось тѣмъ, что литература древняго міра заняла болѣе одиннадцати выпусковъ, въ 1700 страницъ, изъ которыхъ одна греческая литература, произведеніе самого Корша, наполнила пять выпусковъ, т. е. пятьдесятъ печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Понятно, что если древній міръ занялъ почти XI выпусковъ, то средніе и новые вѣка не могли умѣститься въ остальныхъ 4 — 6 выпускахъ. Потомъ изданіе начало выходить очень неакуратно; вмѣсто обѣщанныхъ авторовъ явились другіе; появи-

лись новые отдѣлы, не намѣченные первоначальною програмою; въ исторію среднихъ вѣковъ вошла новѣйшая литература арабовъ г. Муркоса; г. Болдаковъ продолжалъ г. Кирпичникова; наконецъ, въ 1882 году, изданіе прекратилось на XV выпускѣ, о чемъ нельзя было не пожалѣть, потому что, не смотря на многіе недостатки, книга, всетаки, была полезна и интересна. Поэтому нельзя не порадоваться возобновленію изданія, которое, держась прежняго плана, представитъ общесравнительную исторію литературы и не будетъ «разбивать ее по народностямъ или по родамъ прозы и поэзіи». Безъ раздѣленія произведеній литературы на эпосъ, драму, лирику и пр., конечно, можно обойдтись, но не раздѣлять ихъ по народностямъ — невозможно, да и сама новая редакція, въ первомъ же выпускѣ, ввела новую рубрику: «Итальянская литература въ средніе вѣка», а въ статьѣ «Славянскія литературы», послѣ общихъ замѣчаній о литературномъ движеніи въ славянствѣ, описываетъ отдѣльно исторію болгарской, сербской, русской, чешской и польской литературы, стало быть не только разбивая ее по народностямъ, но и по отдѣльнымъ племенамъ одной и той же народности, что совершенно естественно и чего вовсе не слѣдуетъ избѣгать. Не смотря на сжатость очерковъ этихъ литературъ, они составлены очень хорошо и даютъ вѣрное и довольно полное понятіе о первыхъ литературныхъ произведеніяхъ у насъ и у родственныхъ намъ племенъ. Хотѣлось бы только въ русской книгѣ видѣть болѣе подробные отзывы о началѣ русской литературы, тогда какъ весь ея до-монгольскій періодъ умѣщается на тринадцати страницахъ. Первыхъ нашихъ писателей и ихъ произведенія г. Морозовъ характеризуетъ двумя-тремя словами: поученіе митрополита Илларіона — очень замѣчательное по формѣ (почему?), Θеодосій печерскій и Кириллъ туровскій выдаются изысканнымъ риторизмомъ (будто только этимъ?), епископъ Серапіонъ пишетъ болѣе простымъ слогомъ и т. д. Неужели подобныя оцѣнки могутъ дать какое нибудь понятіе объ этихъ лицахъ? Авторъ останавливается нѣсколько долѣе только на «Повѣсти временныхъ лѣтъ», отрицая принадлежность ея Нестору, и на «Словѣ о полку Игоревѣ», подлинность котораго г. Морозовъ не отрицаетъ, но говоритъ, однако, что оно возбуждаетъ множество недоразумѣній по своему тону, рѣзко противорѣчащему настроенію эпохи, когда оно написано. «Какіе книжные люди,—говоритъ авторъ,—могли переписывать въ продолженіе трехъ или четырехъ вѣковъ, этотъ плодъ языческаго вдохновенія, звучащаго рѣзкимъ диссонансомъ среди поразительно однообразнаго хора древней русской письменности? Вѣдь это все равно, какъ если бы въ православномъ храмѣ, во время богослуженія, вдругъ раздался какой нибудь оперный мотивъ». Не имѣя возможности разобрать подробно это странное мнѣніе, мы напомнимъ автору его же выводъ о сильномъ вліяніи латинства въ чешской литературѣ. А вѣдь оно допускаетъ въ храмахъ и оперные мотивы. Почему же южный славянинъ, по примѣру латинскихъ писателей, вводившихъ миѳологическія божества даже въ проповѣди, не могъ сдѣлать того же въ эпосѣ, воспѣвавшемъ судьбу русскаго князя, замѣнивъ только греко-римскихъ боговъ древне-русскими — для приданія своему произведенію мѣстнаго, хотя и книжно-риторическаго колорита?..

Въ статьѣ о средневѣковой итальянской литературѣ очень недурны характеристики Данте, Петрарки и Боккачіо, но изложенію и оцѣнкѣ «Божественной комедіи» слѣдовало бы придать гораздо больше развитія.

В—ъ.

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь. (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи). Спб. 1885.

Собираніе матеріаловъ для научнаго изслѣдованія западныхъ окраинъ Россіи было начато въ концѣ 50-хъ годовъ по почину министерства внутреннихъ дѣлъ, со стороны котораго были командированы въ западныя губерніи, съ согласія военнаго вѣдомства, штабъ-офицеры генеральнаго штаба. Собранные ими матеріалы, относящіеся къ юго-западному краю, послужили основаніемъ для исходатайствованія высочайшаго повелѣнія на ихъ изданіе. Такимъ образомъ было положено начало изданію «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ». Первые четыре выпуска этого изданія, вышедшіе въ 1868 году и составляющіе нынѣ библіографическую рѣдкость, заключаютъ въ себѣ описаніе волынскихъ древностей. Дальнѣйшее изслѣдованіе западныхъ губерній Россіи приняли на себя лица, находившіяся въ составѣ Виленскаго учебнаго округа, труды которыхъ, касающіеся сѣверо-западнаго края, вошли въ V и VI выпуски «Памятниковъ русской старины», также распроданные до послѣдняго экземпляра. Теперь передъ нами VII выпускъ «Памятниковъ», изданный П. Н. Батюшковымъ подъ редакціей В. П. Кулина и относящійся къ тѣмъ мѣстностямъ Привислинскихъ губерній, которыя извѣстны подъ названіемъ «Холмской Руси».

По самому историческому значенію этого края, находившагося нѣсколько вѣковъ подъ чуждымъ для него польскимъ владычествомъ, изданный сборникъ заключаетъ въ себѣ историко-археографическія статьи и изслѣдованія, доказывающія принадлежность жителей Забужья къ русской народности и русской вѣрѣ, описывающія положеніе его при польскомъ правительствѣ, происходившую борьбу народа за вѣру и народность и т. п. Всѣ эти матеріалы состоятъ изъ отдѣльныхъ статей и монографій, въ числѣ которыхъ, на первомъ планѣ, встрѣчаемъ статью профессора Д. И. Иловайскаго: «Даніилъ Романовичъ Галицкій и начало Холма». За нею идутъ описанія холмскихъ древностей, какъ, напримѣръ: Бѣлавинской и Столпьенской башенъ— Г. К. Хрусцевича; холмской чудотворной иконы—священника А. С. Будиловича; апостола львовской первопечати московскаго печатника Ивана Ѳедорова; древнихъ рукописныхъ книгъ и т. п.; очеркъ о православныхъ монастыряхъ: Холмскомъ, Замостьскомъ и Яблочинскомъ; свѣдѣнія о положеніи отдѣльныхъ приходскихъ церквей, какъ, напримѣръ, древней Николаевской въ Замостьѣ, Чернеевской, Щебрешинской и Буковичской, и объ отношеніяхъ къ нимъ со стороны «колляторовъ»—польскихъ помѣщиковъ, доведшихъ свое попеченіе о церквахъ до полнаго ихъ разрушенія. Рядъ этихъ статей весьма краснорѣчиво показываетъ, какими мѣрами польское правительство, папы и католическое духовенство силились ополячить и окатоличить искони русскій народъ Холмскаго края. Затѣмъ нельзя не упомянуть о весьма интересной статьѣ «Греко-уніаты въ царствѣ Польскомъ (1864—1866 г.) и князь Черкаскій», въ которой неизвѣстный авторъ, очевидно, одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ князя В. А. Черкаскаго, описываетъ дѣятельность его по управленію находившимися въ его вѣдѣніи греко-уніатскими дѣлами; статья эта служитъ важнымъ матеріаломъ для біографіи этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля. Всѣ эти историческія и археографическія статьи и изслѣдованія за-

канчиваются этнографическою статьей протоіерея Н. И. Страшкевича и молодаго ученаго К. Ю. Заусцинскаго: «Очерки быта крестьянъ Холмской и Подляской Руси по народнымъ пѣснямъ»; трудъ этотъ представляетъ особенное значеніе потому, что вѣковое ополяченіе края нанесло значительный ущербъ русской въ немъ народности и уже теперь есть мѣстности, преимуществу въ Седлецкой губерніи, гдѣ малороссійскія пѣсни дѣлаются непонятными для народа.

Къ изданію приложенъ большой альбомъ, составленный русскими художниками и заключающій въ себѣ снимки съ акварельныхъ рисунковъ, воспроизведенныхъ хромолитографіей. Альбомъ этотъ краснорѣчиво иллюстрируетъ текстъ изданія, представляя иногда на своихъ листахъ картины такого печальнаго положенія русскихъ церквей, до котораго въ состояніи былъ довести ихъ только польско-католическій фанатизмъ. Всѣ снимки исполнены тщательно, а нѣкоторые даже роскошно, и изъ нихъ особенно выдѣляется какъ по выполненію, такъ и по содержанію, рисунокъ шести-яруснаго иконостаса Замостьской Николаевской церкви, устроеннаго въ 1648 году греческими художниками, присланными для того на мѣсто константинопольскимъ патріархомъ; такъ какъ Замойская ставропигія присоединилась къ уніи лишь въ 1698 году, то иконостасъ этотъ получаетъ значеніе не только какъ художественный памятникъ церковной древности, но еще потому, что онъ пережилъ унію, во времена которой иконостасы или искажались или совершенно уничтожались

Седьмой выпускъ «Памятниковъ русской старины» является какъ нельзя болѣе своевременнымъ, такъ какъ 11 мая настоящаго года совершится первое десятилѣтіе возсоединенія холмскихъ уніатовъ съ православною церковью. Нельзя не поблагодарить П. Н. Батюшкова за его настойчивыя заботы о продолженіи столь полезнаго изданія, безукоризненнаго какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны.

М. Городецкій.

Преданія о ростовскихъ князьяхъ. А. Титова. Москва. 1885.

Можно сказать, что въ печати впервые является подобнаго рода литературное произведеніе. Это сказочникъ XVIII вѣка. Очень можетъ быть, что сообщенныя въ этой книгѣ «преданія» составляютъ произведеніе вымысла, но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что какъ огня не бываетъ безъ дыма, такъ и для подобнаго вымысла былъ въ дѣйствительной жизни какой нибудь поводъ. Подвигами доблести, отваги, храбрости изобиловала Русь въ старинные годы и въ этомъ отношеніи ей нѣтъ основанія завидовать рыцарскимъ эпопеямъ Западной Европы.

Ростовъ-Ярославскій искони изобиловалъ любителями нашей старины, собиравшими рукописи, въ особенности все, что касалось ихъ роднаго города. Въ числѣ такихъ собирателей-любителей извѣстны Маракуевъ (М. И.), Храниловъ, Шестаковъ, Хлѣбниковъ (П. В.). Въ книгохранилищѣ послѣдняго находился «ростовскій лѣтописецъ», форматомъ въ листъ, писанный мелкимъ полууставомъ, законченный царствованіемъ Іоанна Грознаго. Составитель «лѣтописца» (рукопись, повидимому, пропала при пожарѣ дома Хлѣбникова въ 1856 году) былъ, какъ надобно полагать, ростовецъ, близкій къ княжескому дому, мѣстнымъ административнымъ учрежденіямъ, такъ какъ въ под-

робности занимается бытомъ и исторіею Ростова, Ростовскаго княжества и подростовныхъ селеній. Семидесятилѣтній крестьянинъ Ростовскаго уѣзда, Александръ Яковлевичъ Артыновъ, имѣлъ въ рукахъ рукописи вышеупомянутыхъ любителей старины, равно какъ и довольно объемистую рукопись, писанную скорописью XVIII вѣка, которая принадлежала послѣднему владѣльцу села Угодичъ (въ 6 верстахъ отъ Ростова), дворянину Карру, и перешла къ нему по наслѣдству отъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Село Угодичи было вотчиною ростовскихъ князей Луговскихъ. Свои выписки изъ разныхъ лѣтописей Артыновъ передалъ А. А. Титову, который и издалъ ихъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, снабдивъ своими примѣчаніями и дополненіями.

Въ «преданіяхъ о ростовскихъ князьяхъ» помѣщены разсказы: 1) о князѣ Андреѣ Львовичѣ Луговкѣ, XIV вѣка; 2) о князѣ Семенѣ Андреевичѣ Луговскомъ-Гривѣ, того же столѣтія; 3) о князѣ Семенѣ Михайловичѣ Луговскомъ, XV вѣка; 4) о князѣ Сергѣѣ Семеновичѣ Луговскомъ, XV—XVI вѣка; 5) о князѣ Юдѣ Сергѣевичѣ Луговскомъ, XVI столѣтія; 6) о князѣ Юріи Сергѣевичѣ Луговскомъ, того же времени; 7) о князѣ Иванѣ Томиловичѣ Луговскомъ, XVII вѣка; 8) о княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ Луговской, бывшей замужемъ за Алексѣемъ Богдановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Отъ нихъ родился сынъ Иванъ Алексѣевичъ, впослѣдствіи сенаторъ и графъ, современникъ Петра Великаго и помѣщикъ села Угодичъ. Алексѣй Богдановичъ Мусинъ-Пушкинъ любилъ заниматься отечественною исторіею, въ чемъ у него была сотрудницею его жена. Имъ была написана рукопись: «О великихъ князьяхъ русскихъ, отколѣ произыде корень ихъ». По словамъ А. Я. Артынова, эта рукопись сохранялась въ архивѣ села Угодичъ и въ 1842 году была подъ руками Артынова. Сверхъ преданій о князьяхъ Луговскихъ, въ книгѣ содержатся также повѣствованія о князьяхъ ростовскихъ, Бритыхъ-Бычковыхъ, въ томъ числѣ: преданіе о Шемякиномъ судѣ, о князѣ Юріи Дмитріевичѣ Бритомъ-Бычковѣ и о ростовскомъ архіепископѣ Іосафѣ Оболенскомъ.

Во всѣхъ этихъ преданіяхъ хронологія чувствительно страдаетъ, но нѣкоторыя подробности въ нихъ имѣютъ за собою историческую достовѣрность. Подобныя преданія служили матеріаломъ для сказочниковъ, которые въ старину составлялись въ домахъ богатыхъ бояръ, находившихся не у дѣлъ, ихъ дворецкими или другими приближенными грамотными людьми, со словъ разныхъ проходимцевъ, пользовавшихся гостепріимствомъ баръ и передававшихъ имъ для развлеченія разныя слышанныя ими исторіи и вѣсти старинныя и новѣйшія. Дворецкіе читали подобные сказочники своимъ господамъ для разогнанія ихъ скуки. Сказочники передавались изъ рода въ родъ. Вѣроятно, подобный же сказочникъ сохранился и въ родѣ Мусиныхъ-Пушкиныхъ и попалъ въ руки Артынова. Во всякомъ случаѣ «преданія о ростовскихъ князьяхъ» читаются не безъ интереса.

П. У.

Дочь шута. Романъ въ двухъ томахъ, соч. П. Р. Фурмана. Спб. 1885.

Это сочиненіе писателя, давно уже забытаго, который умеръ около тридцати лѣтъ назадъ. Въ сороковыхъ годахъ имя Петра Родіоновича Фурмана пользовалось извѣстностью, какъ плодовитаго и не лишеннаго дарованія литератора. Кромѣ повѣстей и журнальныхъ статей, особенно заслуживали вни-

маніе его небольшіе историческіе романы, построенные главнымъ образомъ на событіяхъ изъ жизни замѣчательныхъ русскихъ людей: напр., «Александръ Даниловичъ Меншиковъ», «Сынъ рыбака. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ», «Григорій Александровичъ Потемкинъ», «Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій», и «Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ». Пользуясь не многими источниками, Фурманъ умѣлъ, однако же, довольно вѣрно и живо обрисовывать личность своихъ героевъ и придать ихъ жизни занимательность въ своемъ разсказѣ. Притомъ всѣ эти небольшіе романы по содержанію и изложенію приноровлены преимущественно для дѣтей, такъ что ихъ можно поставить на ряду съ лучшими дѣтскими книгами въ нашей литературѣ, хотя онѣ не лишены интереса и для взрослыхъ читателей. Теперь, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ выхода этихъ сочиненій, является новымъ изданіемъ историческій, и уже не дѣтскій, романъ покойнаго Фурмана «Дочь шута», чтеніе котораго во многихъ отношеніяхъ любопытно и ведетъ къ соображеніямъ, не лишеннымъ значенія. Содержаніе романа относится ко времени послѣднихъ лѣтъ царствованія императрицы Анны Іоанновны и непродолжительнаго регентства Бирона. Извѣстно, что одинъ изъ родовитыхъ русскихъ дворянъ, князь Михаилъ Голицынъ, за переходъ въ католическую вѣру былъ причисленъ къ толпѣ придворныхъ шутовъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ пожалованъ въ насмѣшку въ камеръ-пажи. По волѣ государыни онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ простаго званія, и свадьбу эту праздновали въ знаменитомъ ледяномъ домѣ, устроенномъ на Невѣ подъ наблюденіемъ кабинетъ-министра Волынскаго. Эта оригинально-грубая потѣха, описанная, между прочимъ, въ запискахъ Манштейна и въ сочиненіи Вейдемейера, послужила основнымъ сюжетомъ извѣстнаго романа Лажечникова и еще недавно темою для картины профессора В. И. Якоби. Въ романъ Фурмана входитъ также свадьба въ ледяномъ домѣ, но главная интрига состоитъ въ томъ, что шутъ Голицынъ отыскиваетъ свою дочь, которая была похищена и неизвѣстно куда увезена его тещею, фанатической раскольницей. Оказывается, что старуха вмѣстѣ съ дѣвочкой уѣхала въ знаменитую Вѣтку, чтобы тамъ воспитать внучку ради душевнаго спасенія въ обрядахъ старой вѣры, вдали отъ всякихъ новшествъ церковной реформы. Тамъ дѣвушка ростетъ, не зная своего происхожденія, и только по смерти старухи узнаетъ, что принадлежитъ къ княжескому роду. Еще въ бытность въ вѣткинскомъ скитѣ она встрѣчается съ офицеромъ, проѣзжавшимъ черезъ тѣ мѣста послѣ турецкой кампаніи. Молодые люди сближаются при помощи одной услужливой раскольницы, а затѣмъ ихъ разлучаютъ, и послѣ разныхъ приключеній они встрѣчаются уже въ Петербургѣ, гдѣ, наконецъ, Голицынъ, которому возвращены были званіе и имущество, находитъ любимую дочь и празднуетъ ея свадьбу уже не въ ледяномъ, а въ каменномъ своемъ наслѣдственномъ домѣ. Къ этой интригѣ привязаны историческія событія того времени — соперничество Бирона съ Волынскимъ, судъ надъ кабинетъ-министромъ и казнь его, кончина императрицы Анны Іоанновны и назначеніе регентомъ герцога курляндскаго, заговоръ Миниха и арестъ Бирона. Въ ходѣ романа есть немало анахронизмовъ, несовсѣмъ правдоподобныхъ положеній и придуманныхъ эффектовъ. Конечно, такихъ недостатковъ далеко нечуждъ и «Ледяной домъ» Лажечникова, хотя въ немъ они выкупаются другими талантливыми сторонами, какихъ нѣтъ въ романѣ Фурмана. Но когда мы вспомнимъ, что романъ этотъ писанъ чуть не полвѣка назадъ, и сравнимъ его съ большин-

ствомъ нашихъ современныхъ историческихъ романовъ, построенныхъ на событіяхъ той же излюбленной нынѣшними Вальтеръ-Скоттами эпохи, то едва ли отдадимъ преимущество послѣднимъ. Въ рукахъ Фурмана, очевидно, не было многихъ источниковъ, которые теперь даютъ возможность ближе и точнѣе ознакомиться съ бытомъ русскаго общества въ половинѣ XVIII вѣка, и это заставляло его иногда замѣнять дѣйствительность несвойственнымъ эпохѣ вымысломъ. Но за то романъ его, страдая въ нѣкоторыхъ эпизодахъ и подробностяхъ отсутствіемъ исторической и бытовой правды, не представляетъ одной голой компиляціи мемуаровъ и историческихъ актовъ, что сплошь и рядомъ находимъ въ литературныхъ издѣліяхъ, нынѣ фабрикуемыхъ подъ именемъ историческихъ романовъ. Въ этомъ отношеніи «Дочь шута» Фурмана наводитъ на весьма невеселыя мысли относительно нашей современной литературы.

А. М.

Исторія XIX вѣка. До Ватерло. Мишле. Томъ III, переводъ О. Поповой и М. Цебриковой. Спб. 1884.

Мы говорили уже о первыхъ двухъ томахъ этого замѣчательнаго изданія. Настоящимъ томомъ заключается послѣдній трудъ даровитаго французскаго историка. Онъ довелъ его только до 1815 года, и только этотъ третій томъ относится собственно къ «исторіи XIX вѣка», такъ какъ два первые излагаютъ эпоху Директоріи, не дожившей и до конца 1799 года. Въ одномъ томѣ трудно было передать событія первыхъ пятнадцати лѣтъ новаго вѣка, нѣсколько разъ совершенно измѣнявшихъ политическое положеніе континентальной Европы, и Мишле почти не касается военныхъ событій этого времени, а набрасываетъ широкими штрихами картину ихъ результатовъ. Отзываясь во всѣхъ случаяхъ крайне несимпатично о Наполеонѣ, онъ не отдаетъ справедливости даже его военнымъ соображеніямъ и, не говоря уже о Маренго, Фридландѣ, Лейпцигѣ, русской кампаніи, Ватерло, гдѣ, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, императоръ французовъ дѣлалъ много ошибокъ, — не признаетъ его стратегическихъ плановъ при Аустерлицѣ, Іенѣ Ваграмѣ, въ кампаніи 1814 года. Вообще это далеко не систематическая, а тѣмъ болѣе не прагматическая исторія конца XVIII и начала XIX вѣка, а скорѣе любопытные, прекрасно написанные комментаріи главныхъ событій этого времени. О многихъ изъ нихъ Мишле говоритъ вскользь, мимоходомъ, какъ будто читатель и безъ того знакомъ съ ними, сообщаетъ о своихъ собственныхъ ощущеніяхъ и впечатлѣніяхъ, какія производили на него лично тѣ или другія событія и лица. Такъ, между прочимъ, онъ передаетъ разсказъ о свиданіи съ его отцомъ Туссенъ-Лувертюра, причемъ подробно передаетъ, какъ этотъ плѣнный диктаторъ черной республики бесѣдовалъ съ отцомъ историка. Подобныхъ отступленій немало въ книгѣ Мишле, страдающей вообще отсутствіемъ системы и строгаго плана въ изложеніи событій, но выкупающей эти недостатки мастерскимъ ихъ освѣщеніемъ, не всегда вполнѣ точнымъ, но всегда эффектнымъ. Такъ, у него является въ новомъ свѣтѣ императоръ Павелъ, «стремившійся возстановить справедливость на землѣ, единственный честный правитель того времени». Растроганный сначала эмигрантами, Павелъ, «не подозрѣвая ни ихъ измѣны, ни ихъ призыва непріятелей на Францію», принялъ живѣйшее участіе въ неаполитанской

королевѣ, въ свергнутомъ съ престола королѣ Піемонта и послалъ въ Италію Суворова съ стотысячнымъ войскомъ, но, когда подъ Цюрихомъ Австрія не поддержала русскихъ въ борьбѣ съ Массеною и была причиною пораженія, обиднаго для славы русскаго оружія, Павелъ вышелъ изъ коалиціи, сблизился съ Франціей, готовился къ войнѣ съ Англіей, но довѣрился «грубой Германіи, ставшей стѣною между Россіею и Европою, наложившей на геній русскихъ свою печать посредственности, тугости, парализовавшей тѣ нѣжные органы, посредствомъ которыхъ Россія ощущала электрическія теченія запада, ту теплоту, которую далеко распространяютъ искусства Франціи и Италіи, чудеса промышленной Англіи». Европа готовилась принять совершенно иной видъ, когда положеніе ея снова измѣнилось, при внезапной кончинѣ Павла. Особенно блестящими у Мишле являются характеристики: Александра I (отдавая справедливость его качествамъ, историкъ не скрываетъ и его ошибокъ въ кампанію 1805—1807 годовъ), Нельсона, Суворова, Шатобріана, Гренвиля и его поэмы: «Послѣдній человѣкъ», Массены (такъ несправедливо оклеветаннаго Наполеономъ), Мальтуса, Гортензіи и Жозефины, Беннигсена. Въ предисловіи къ послѣдней части своего труда, историкъ бросаетъ общій взглядъ на XIX вѣкъ и, называя его «метисомъ и незаконнорожденнымъ», находитъ, что всѣ государства клонятся къ упадку, что онъ склоняется къ фатализму, въ то время, какъ XVIII вѣкъ поднимался къ свободѣ; что въ немъ замѣтна литературная плодовитость, но философское безсиліе; что нервное истощеніе его происходитъ, главнѣйше, отъ исповѣди, романа и алкоголя, «этихъ великихъ развратителей XIX вѣка». Къ алкоголю, этому «опасному подкрѣпленію, смѣшанному съ помраченіемъ ума», авторъ присоединяетъ и табакъ, «эту первую летаргію усталыхъ народовъ». Во введеніи Мишле говоритъ прямо, что нашъ вѣкъ быстро несется въ пропасть.

Таковъ конечный выводъ послѣдняго произведенія высокоталантливаго историка, не дожившаго до послѣдней четверти этого вѣка и не оцѣнившаго въ немъ тѣхъ успѣховъ науки, мысли, общественной жизни, того прогрессивнаго движенія, которое совершается въ самосознаніи всѣхъ народовъ, не смотря на реакціонные періоды, временно возникающіе въ иныхъ странахъ. Что онъ не ниже своего предшественника въ культурномъ отношеніи и сдѣлалъ не меньше его для развитія и усовершенствованія человѣчества вообще и отдѣльныхъ націй въ частности—этого не отвергнутъ и блестящіе выводы Мишле, въ частности мѣткіе и вѣрные, въ общемъ — парадоксальные.

Переводъ книги сдѣланъ хорошимъ языкомъ. Продается она въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ, но цѣна ея — 5 рублей, всетаки, велика.

В. З.

Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ. „Ловча и Плевна". Генеральнаго штаба генералъ-маіора Куропаткина. 2 части. Спб. 1885.

Этотъ литературный и военно-историческій трудъ нашего извѣстнаго боеваго генерала, ближайшаго сподвижника покойнаго Скобелева, представляетъ сборникъ статей г. Куропаткина, помѣщавшихся въ «Военномъ Сборникѣ» въ теченіе прошедшаго года, дополненныхъ приложеніемъ переводовъ нѣкоторыхъ турецкихъ источниковъ, описывавшихъ тѣ же военныя

событія, а также писемъ разныхъ лицъ, читавшихъ статьи, помѣщенныя авторомъ въ нашемъ военномъ журналѣ, и имѣвшихъ возможность дополнить сказанное г. Куропаткинымъ еще своими личными воспоминаніями.

Подъ перомъ участника сраженій подъ Ловчею и Плевной, забытыя уже событія какъ бы снова воскресаютъ, и старыя чувства, порожденныя геройскимъ штурмомъ Плевны отрядомъ Скобелева, 30-го—31-го августа 1877 года, при чтеніи описанія этихъ боевъ, сдѣланнаго генераломъ Куропаткинымъ, возникаютъ вновь и наполняютъ душу читающаго то тяжелыми, то радостными ощущеніями, смотря по тому, какихъ сторонъ этихъ кровавыхъ, блестящихъ и, въ концѣ-концовъ, всетаки, неудачныхъ дѣлъ касается авторъ.

Книга снабжена картою сѣверной Болгаріи и довольно значительнымъ числомъ плановъ, поясняющихъ различные моменты сраженій, происходившихъ въ концѣ августа 1877 года. Фактическое изложеніе событій, дѣйствительно совершившихся, дополняется еще критическою оцѣнкою этихъ фактовъ, съ объясненіями вѣроятныхъ причинъ постигшихъ насъ подъ Плевною неудачъ. Приложенное описаніе тѣхъ же событій по турецкимъ источникамъ дѣлаетъ книгу г. Куропаткина болѣе толстою, но и сообщаютъ всему труду надлежащую полноту и всесторонность. Вышедшіе два тома, изъ дѣйствій отряда Скобелева, объясняютъ дѣла подъ Ловчею и Плевной, остается еще дѣло подъ Шейново, рѣшившее участь всей кампаніи и въ «Военномъ Сборникѣ» уже описанное авторомъ, и потому надо разсчитывать, что въ скоромъ времени къ вышедшимъ 2-мъ томамъ не замедлитъ присоединиться и третій, въ которомъ военно-историческая задача, поставленная себѣ авторомъ, будетъ вполнѣ исчерпана. Мы не считаемъ нужнымъ особенно рекомендовать это сочиненіе нашимъ военнымъ читателямъ, ибо увѣрены, что одного имени генерала Куропаткина достаточно, чтобы для спеціалистовъ военнаго дѣла все украшенное этимъ именемъ было въ высшей степени интересно.

А. М.

Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884.

Виленскій русскій календарь издается группою мѣстныхъ русскихъ дѣятелей, которые не ограничиваютъ свою службу русскому дѣлу въ краѣ однимъ только исполненіемъ обязанностей, лежащихъ на нихъ по офиціальному ихъ положенію, но идутъ дальше этихъ обязанностей — по пути обновленія края въ духѣ русской народности и русской вѣры.

Положеніе сѣверо-западнаго края слишкомъ извѣстно, чтобы доказывать необходимость самаго широкаго проявленія дѣятельности со стороны мѣстныхъ русскихъ людей, направленной къ поддержанію духовныхъ силъ народа, смущаемаго тайными и явными польско-латинскими «миссіонерами». Русскому православному народу Виленскаго края уже начинаютъ навязывать польскія дешевыя изданія, а въ числѣ ихъ календари на польскомъ языкѣ. А грамотный простолюдинъ, какъ извѣстно, не заглядываетъ въ книжные магазины и покупаетъ только ту книгу, которую ему принесутъ въ деревню. Вотъ и предлагается теперь русскому поселянину нашей западной окраины, вмѣсто польскаго Kalendarza, русскій календарь.

Составители «Виленскаго календаря» имѣли, главнымъ образомъ, въ виду намѣреніе дать мѣстному русскому населенію вѣрныя понятія о своей

роднне,—понятія, основанныя на историческихъ истинахъ, не искаженныхъ никакою тенденціей, и съ этою цѣлью почти половину книги отвели для такихъ статей, какъ, напр., очеркъ изъ «Исторіи уніи въ Бѣлоруссіи»; «Краткое описаніе Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря»; «Славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій» и т. д.

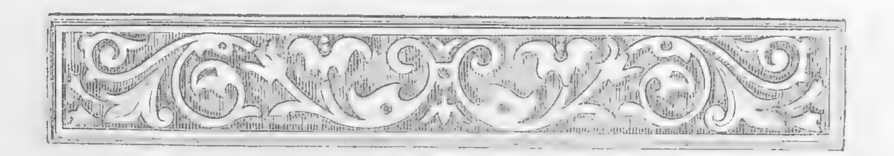
Изъ этихъ статей и разсказовъ обращаетъ на себя вниманіе описаніе Супрасльской Благовѣщенской церкви, выстроенной въ 1509 — 1516 годахъ. Заботливостію архимандрита Сергія Кимбара, вся внутренность церкви была расписана въ 1557 году изображеніями святыхъ альфреско; большая часть живописи въ настоящее время находится подъ слоями извести, наложенной уніатами послѣ завладѣніи ими, въ 1614 году, Супрасльскимъ монастыремъ. Авторъ статьи выражаетъ опасеніе, что это драгоцѣнное украшеніе церкви,—если не явится помощи со стороны,—навсегда останется въ закрытомъ видѣ, потому что средства монастыря едва даютъ скудное пропитаніе братіи. Нельзя не присоединиться къ этому сѣтованію; но будемъ надѣяться, что драгоцѣнный памятникъ живописи XVI вѣка въ Супрасльской церкви не останется въ забвеніи со стороны ревнителей церковной иконописи.

Замѣчательны также описанныя въ той же статьѣ отношенія уніатовъ къ древнимъ православнымъ иконамъ. Почти всѣ иконы Супрасльской церкви, изъ которыхъ бо́льшая часть относится къ XVI вѣку, были въ драгоцѣнныхъ окладахъ, но уніаты обратили эти оклады или на свои надобности, или въ помощь польскому правительству, которому базиліане, во время войнъ, пожертвовали: въ 1776 году 900 злотыхъ; въ 1794 году 82 фунта серебра и 2,000 злотыхъ; затѣмъ серебряные кресты, сосуды, подсвѣчники и проч.

Въ концѣ календаря помѣщены болѣе или менѣе подробные некрологи русскихъ людей изъ мѣстныхъ дѣятелей, умершихъ въ 1884 году, и на первомъ планѣ поставлены некрологи сотрудника митрополита Іосифа Сѣмашко по обращенію уніатовъ въ православіе, архіепископа Антонія Зубко и директора 1-й виленской гимназіи Я. А. Балвановича, 27 лѣтъ трудившагося въ краѣ надъ воспитаніемъ юношества и заслужившаго всеобщую любовь.

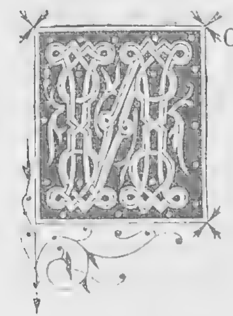
Выражая полное сочувствіе русскимъ дѣятелямъ сѣверо-западнаго края въ достойныхъ и заслуживающихъ вниманія со стороны русскаго общества трудахъ ихъ на пользу русской народности и русской церкви въ краѣ, не можемъ, въ заключеніе, не сказать нѣсколько словъ по поводу приложеннаго къ календарю портрета наслѣдника цесаревича. Портретъ этотъ исполненъ литографически въ Москвѣ; выполненіе крайне посредственное и портретъ мало имѣетъ сходства; издатели могли бы избѣжать этихъ недостатковъ, обративъ свой заказъ въ петербургскія графическія заведенія, произведенія которыхъ, въ видѣ ксилографій, цинкографій, фототипій и т. п. репродукцій, доведены до бо́льшаго совершенства и изящества, при относительно недорогой цѣнѣ.

М. Городецкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Гомерическій эпосъ. — Новыя изслѣдованія о Маріи Стюартъ. — Бранденбургскій курфюрстъ въ сношеніяхъ съ Россіею. — Первые нѣмецкіе переселенцы въ Америкѣ. — Фридрихъ II и Іосифъ II. — Волонтеры Лютцова въ исторіи и въ преданіяхъ. — Три дѣятеля въ южной Америкѣ. — Осада Парижа въ запискахъ ординарца. — Маршалъ Фаберъ. — Французскія кладбища. — Бретань во время революціи. — Графы Парижскіе, какъ спасатели Франціи. — Наряды и книги Маріи-Антуанетты. — Исторія Яна Собѣскаго. — Въ дельтѣ Лены. — Кавалеръ д'Эонъ. — Словарь національной біографіи.

СТОРИЧЕСКИМИ сочиненіями въ послѣднее время обогатилась въ особенности нѣмецкая литература. Извѣстный знатокъ древняго міра, Гельбихъ, издалъ замѣчательное археологическое изслѣдованіе: «Гомерическій эпосъ, объясненный памятниками» (Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert). Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о внѣшней культурѣ гомерическихъ временъ, говоритъ авторъ, необходимо ознакомиться съ добытыми изъ раскопокъ коллекціями, имѣющими отношеніе къ этой культурѣ. Поэтому Гельбихъ говоритъ прежде всего объ этихъ раскопкахъ. Древнѣйшія изъ нихъ въ Гисарликѣ носятъ на себѣ слѣды халдейской культуры. Древніе памятники и вещи, открытыя въ Терѣ и особенно въ Микенахъ, относятся къ догомерической эпохѣ и превосходятъ ее болѣе роскошною отдѣлкою предметовъ, свидѣтельствующею о превосходствѣ восточной культуры передъ развитіемъ первобытныхъ эллиновъ. Время, когда жили герои Гомера, было ретрограднымъ по отношенію къ искусствамъ и культурѣ. Вторженіе сѣверныхъ эллинскихъ племенъ, дорійцевъ и этолійцевъ, въ области, занятыя уже болѣе развитыми іонійцами и эолійцами, принесло въ Пелопонезъ болѣе грубую культуру. Это видно даже въ архитектурѣ, куда пришельцы внесли другой, менѣе изящный стиль и способъ построекъ. Хотя гомерическія рапсодіи принадлежатъ дорійскому племени, но росписныя вазы съ ихъ высоко художественными орнаментами и сценами домашней жизни, находимыя въ Аѳинахъ и на греческихъ островахъ, принадлежатъ къ гораздо болѣе позднѣйшей эпохѣ. Гораздо ближе къ

гомерическимъ временамъ относятся художественные предметы, отрытые въ итальянскихъ колоніяхъ Греціи, въ Кумахъ и Сиракузахъ. Въ то время, когда догомерическая эпоха знала искусство ваянія изъ камня, послѣ нея камень подвергался только полировкѣ, да и вообще деревянныя постройки встрѣчались чаще, нежели каменныя. Одежда съ ея украшеніями была гораздо богаче и изящнѣе, чѣмъ при Гомерѣ, только по отношенію къ вооруженію сдѣланы значительныя усовершенствованія: въ то время, какъ въ микенскихъ гробницахъ найдены только металлическіе шлемы и щиты, герои Гомера носили брони и наколѣнники, заимствованные дорійцами изъ Каріи. За то у нихъ нѣтъ ни щитовъ въ ростъ человѣка, ни высокой митры, господствующаго головнаго украшенія микенцовъ, ни военныхъ колесницъ. Статуи боговъ во время Гомера были не самостоятельными произведеніями, а подражаніемъ восточнымъ изваяніямъ. Эта эпоха носила явные слѣды восточнаго происхожденія въ одеждѣ, въ уборкѣ головы и бороды, въ женскихъ нарядахъ и украшеніяхъ, въ стѣнной живописи, въ пристрастіи къ благоуханіямъ, необходимымъ при недостаточной чистотѣ въ домахъ, и въ костюмахъ героевъ. Только умственный кругозоръ дорійцевъ значительно шире, чѣмъ у другихъ племенъ, а поэтическое творчество, выразившееся въ рапсодіяхъ Гомера, поставило это племя на такую высокую степень культуры, какой не достигали и послѣдующія поколѣнія, болѣе развитыя въ другихъ отношеніяхъ.

— Судьба Маріи Стюартъ не перестаетъ быть предметомъ изслѣдованій историковъ. Кардаунсъ подвергаетъ тщательному изученію эпоху ея паденія (Der Sturz Maria Stuarts). Книга его обнимаетъ собою періодъ отъ 1565 по 1568 годъ, т. е. отъ выхода королевы замужъ за Генриха Дарнлея до ея бѣгства въ Англію. Заключительный выводъ автора тотъ, что Марія была жертвою хладнокровно разсчитанной измѣны. Главными врагами ея были шотландскіе дворяне, нѣсколько разъ измѣнявшіе ей, и не изъ-за религіозныхъ вопросовъ, а изъ личныхъ разсчетовъ. Обвиненія, возводимыя лично на Марію, остаются, всетаки, не выясненными и не доказанными и въ сочиненіи Кардаунса, какъ въ книгахъ Сеппа, издавшаго въ 1883 году «Дневникъ несчастной шотландской королевы», а въ прошломъ: «Марія Стюартъ и ея обвинители въ Іоркѣ, Вестминстерѣ и Гамптон-Кортѣ». Чтобы произнести безусловно справедливый приговоръ надъ королевой — у исторіи все еще нѣтъ никакихъ необходимыхъ для того документовъ.

— Д-ръ Эрмансдёрферъ въ восьми огромныхъ томахъ приводитъ и анализируетъ «Документы и акты къ исторія курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго. (Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürster Friedrich Wilhelm von Brandenburg). Послѣдній томъ, относящійся къ событіямъ 1636—1660 г., любопытенъ въ особенности для насъ, потому что излагаетъ исторію отношеній Бранденбурга къ Россіи, завязавшихся еще въ 1654 году посольствомъ Порошина къ курфюрсту съ цѣлью склонить его къ нейтралитету во время войны Россіи съ Польшей. Черезъ два года, въ виду непріязненныхъ столкновеній съ Швеціей, царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ новое посольство, прося уже не нейтралитета, а союза съ курфюрстомъ, но тотъ согласился только соблюдать прежнее нейтралитетное положеніе, прося въ то же время отозвать посла Богданова, вздумавшаго требовать, чтобы Пруссія признала себя вассаломъ Россіи. Два новыхъ посольства въ 1657 году, одно для разбора жалобы на Богданова, другое съ

извѣщеніемъ о перемиріи съ Польшею, и послѣдовавшія затѣмъ посольства нѣмцевъ въ Москву скрѣпили еще болѣе ихъ отношенія, и въ 1658 г. новый русскій посолъ Нестеровъ провелъ три мѣсяца въ Берлинѣ. Въ донесеніяхъ прусскихъ пословъ и въ особенности въ депешахъ камеръ-юнкера Боррентина много интересныхъ подробностей о Москвѣ и Россіи. Въ бумагахъ, относящихся къ политическимъ переговорамъ съ Польшей, Швеціей, Австріей, Даніей и рейнскими княжествами также много любопытнаго.

— Въ Филадельфіи, въ память перваго переселенія нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Америку, совершившагося двѣсти лѣтъ тому назадъ, издана книга «Die erste deutsche Einwanderung in America und die Gründung wom Germantown im Jahre 1683». Потомки этихъ переселенцевъ, основавшихъ на рѣкѣ Делаварѣ «Нѣмецкій городъ» (Germantown), который, разросшись, получилъ названіе знаменитаго въ древности лидійскаго города на Тмолусѣ, основаннаго царемъ Атталомъ Пергамскимъ, — вспомнили о своихъ предкахъ и составили подробную картину этого переселенія, вызваннаго Вильямомъ Пенномъ. Прибытіе эмигрантовъ, приглашенныхъ еще въ Германіи этимъ филантропомъ-колонизаторомъ, ихъ борьба съ природою, и множествомъ препятствій, ихъ религіозныя и гражданскія постановленія, протестъ противъ невольничества, заявленный ими еще въ 1688 году, жизнь и подвиги дѣятельнаго вождя этой колоніи Франца Даніеля Писторіуса—все это передано въ живомъ, замѣчательномъ разсказѣ, не смотря на то, что въ немъ нѣтъ ни сраженій, ни пролитія крови, ни дипломатическихъ обмановъ.

— Въ Готѣ уже давно издается извѣстнымъ Пертесомъ «Исторія европейскихъ государствъ», составляемая такими выдающимися писателями какъ Гизебрехтъ, Гееренъ, Укеръ и др. Шестой томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ «Вѣкъ Фридриха Великаго и Іосифа II» (Das Zeitalter Friedrich des Grossen und Josephs II), Альфреда Дове. Это только начало обширнаго историческаго труда, обнимающаго годы 1740—1745. Хотя объ этой эпохѣ имѣются уже извѣстныя сочиненія Дройзена, Арнета, Ранке, Онкена и др., но авторъ съумѣлъ освѣтить многія изъ своихъ изслѣдованій новымъ свѣтомъ и выдвинуть впередъ нѣкоторыя частности, оставшіяся въ тѣни. Считая смерть Карла VI поворотнымъ пунктомъ нѣмецкой исторіи, Дове широкими чертами рисуетъ характеристику его наслѣдницы, притязанія Баваріи, войну въ Силезіи. Томъ оканчивается Дрезденскимъ миромъ.

— Извѣстный историкъ Трейчке издалъ сочиненіе Коберштейна «Дикая, отчаянная охота Лютцова» (Lützows wilde verwegene Jagd), весьма патріотическое, но еще болѣе фантастическое сочиненіе, въ которомъ подвиги этого партизана въ войну за освобожденіе Германіи представлены въ преувеличенномъ видѣ. Теперь одинъ изъ его наслѣдниковъ написалъ книгу «Волонтеры Адольфа Лютцова въ 1813 и 1814 годахъ» (Adolf Lützows Freikorps in Jahren 1813 und 1814). Это простой, историческій очеркъ партизанскихъ дѣйствій Лютцова, переданный безъ всякихъ шовинистскихъ выходокъ. Вдохновителемъ отряда Лютцова не былъ вовсе знаменитый патріотъ Янъ; отрядъ сформировали Гнейзенау и Шарнгорстъ; состоялъ онъ подъ начальствомъ Блюхера; гражданскій элементъ не былъ въ немъ преобладающимъ, это вовсе не была «республика упоенной свободою молодежи, съ избранными ею предводителями, внесшими живую струю въ мертвый военный регламентъ и выбросившими за бортъ всѣ казарменные пріемы»,—это былъ просто королевско-прусскій корпусъ волонтеровъ, нисколько не помышлявшій о германскомъ

единеніи. Офицеры корпуса принадлежали, большею частью, къ составу прусской арміи 1806 года, къ тѣмъ юнкерамъ, которые при Іенѣ получили давно заслуженный ими урокъ. У Лютцова не было вовсе черно-краснаго знамени, шитаго золотомъ, ни мундировъ такихъ же цвѣтовъ. Бурши и члены гимнастическихъ ферейновъ не поклонялись ему какъ кумиру. Все это, конечно, снимаетъ съ лютцовскихъ волонтеровъ ихъ романтическія прикрасы, но за то возстановляетъ историческую истину.

— Исторія южной Америки гораздо менѣе извѣстна, чѣмъ сѣверной, хотя не менѣе интересна. Изъ событій послѣдняго столѣтія (отъ 1760 по 1860 годъ) составилъ Шумахеръ свои «Южно-Американскіе этюды» (Südamericanische Studien). Это три картины изъ жизни малоизвѣстныхъ въ Европѣ лицъ: Мутиса, Кальдаса и Кодацци. Донъ Хозе Бруно Мутисъ, врачъ и натуралистъ, пріѣхалъ съ вице-королемъ Мехіа де ла Серда въ Новую Гренаду съ цѣлью устройства этой колоніи. Положеніе ея было печально: внутри безпорядки, въ странѣ — ни дорогъ, ни порядочныхъ городовъ, на границахъ вѣчная борьба съ индійцами. Мутисъ поселился въ Боготѣ, сдѣлался тамъ учителемъ, занялся торговлею хинной коры, вошелъ въ переписку съ Линнеемъ, совершалъ ученыя экскурсіи въ глубь страны, развелъ ботаническіе сады и, какъ истый испанецъ, вступилъ въ духовное званіе; въ 1801 году помогалъ Гумбольдту и Эме Бонплану въ ихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Еще болѣе услугъ знаменитымъ ученымъ оказалъ Франсиско Кальдасъ, самоучка изъ маленькаго городка Попайяна, сначала юристъ, потомъ астрономъ. Гумбольдтъ съ удивленіемъ отзывается о его дарованіяхъ, Въ 1805 году, онъ началъ издавать въ Боготѣ газету, а въ 1810 году принялъ участіе въ революціонномъ движеніи и вступилъ капитаномъ инженеровъ въ войска Новогренадской республики. Въ 1816 году испанскій генералъ Морильо разбилъ республиканскую армію, захватилъ ея предводителей въ плѣнъ и разстрѣлялъ ихъ. Въ число ихъ попалъ и креолъ Кальдасъ, ученый, храбро сражавшійся за освобожденіе своего отечества. Генералъ Энриле, которому подали просьбу о помилованіи Кальдаса, въ виду его ученыхъ заслугъ, написалъ резолюцію: «казнить; въ Испаніи довольно ученыхъ». Между тѣмъ губернаторъ, Хуанъ Сомано, далъ слово женѣ Кальдаса, что мужъ ея будетъ прощенъ. Когда же получилось извѣстіе о его казни, жена явилась къ губернатору и сказала ему, при многочисленной аудіенціи: «вы подлецъ: дали женщинѣ честное слово и не сдержали его; вотъ вамъ за это!»—и она дала пощечину гранду Испаніи и вышла никѣмъ не потревоженная. Ее не смѣли отдать подъ судъ и пощечина такъ и осталась безнаказанной. Другой боецъ за свободу южной Америки, Агостино Кодацци, пользуется еще большею извѣстностью. Въ 1817 году, когда возстаніе южно-американскихъ колоній было, казалось, окончательно подавлено, его поддерживалъ на островахъ и на приморскомъ берегѣ смѣлый корсаръ, итальянецъ Кодацци. Авантюристъ, сражавшійся въ наполеоновской арміи, онъ принималъ дѣятельное участіе въ освобожденіи Новой Гренады Боливаромъ, и послѣ паденія диктатора занялся географическимъ изслѣдованіемъ и описаніемъ озера Маракаибо, Венесуелы и другихъ городовъ, помогалъ президенту Льянеро Паэзу подавить военное возстаніе, ѣздилъ въ Парижъ съ составленными имъ картами республики, гдѣ работы его встрѣтили лестные отзывы академіи. Новое возмущеніе въ Венесуелѣ, въ 1848 году, заставило его переселиться въ Боготу, гдѣ онъ основалъ военную академію, измѣрилъ страну и составилъ подробныя карты ея,

работалъ по устройству на Даріенскомъ перешейкѣ канала и желѣзной дороги. Но въ 1859 году новое возстаніе заставило его бѣжать изъ страны, которой онъ оказалъ столько услугъ. У подножія Сіерра Невады умеръ отъ изнурительной лихорадки 66-тилѣтній дѣятель. Другъ его изгнанія, Паэзъ, съ помощью погонщика ословъ, вырылъ въ саваннѣ одинокую могилу и зарылъ въ нее трупъ Кодацци, въ его походномъ плащѣ, заваливъ мѣсто погребенія тяжелымъ камнемъ, въ защиту отъ дикихъ звѣрей.—Эти біографіи трехъ южно-американскихъ дѣятелей даютъ ясное понятіе о культурной и исторической жизни страны въ теченіе цѣлаго столѣтія.

— Продолжаютъ появляться документы о паденіи второй имперіи. Графъ д'Эриссонъ издалъ «Журналъ ординарца» (Journal d'un officier d'ordonnance), обнимающій событія отъ іюля 1870 по февраль 1871 года. Авторъ этой интересной книги былъ ординарцемъ у генерала Трошю и участвовалъ во всѣхъ событіяхъ осады Парижа, какъ парламентеръ, переводчикъ и участникъ переговоровъ съ непріятелемъ. Онъ былъ въ Нью-Іоркѣ при объявленіи войны, но тотчасъ же вернулся на родину, чтобы принять участіе въ ея защитѣ. Журналъ его начинается въ Америкѣ и оканчивается въ Версали, въ маленькомъ домикѣ, занимаемомъ Бисмаркомъ. Вся исторія этихъ восьми мѣсяцевъ передана въ запискахъ автора съ анекдотической стороны, съ любопытными подробностями, между которыми выдается описаніе бѣгства Евгеніи изъ Парижа. Книга въ короткое время достигла двадцатаго изданія.

— Полковникъ Бурелли издалъ біографію маршала Фабера (Le maréchal de Fabert), по его письмамъ и по не изданнымъ документамъ. Книга эта переведена уже на англійскій языкъ и за нее парижская академія выдала первую премію, въ виду патріотическаго примѣра, представляемаго «жизнью славною, безупречною, полезною, изъ которой можно почерпнуть благородные уроки». Исторія этого солдата, получившаго маршальскій жезлъ единственно за свои заслуги, составлена авторомъ по оффиціальнымъ источникамъ и обнимаетъ всю жизнь его отъ рожденія, въ 1599 году, до окончанія фронды и смерти маршала, въ 1662 году. Его первыя кампаніи при Ришелье, административная и инженерная дѣятельность въ Седанѣ, сношенія съ Мазариномъ, его роль, какъ уполномоченнаго королемъ вести переговоры съ непріятелемъ, какъ финансиста и преобразователя военной системы — вѣрно оцѣнены и переданы авторомъ, особенно борьба маршала съ многочисленными врагами, привиллегіи которыхъ нарушали реформы Фабера. Равнодушіе къ нимъ Мазарини служило также немалымъ препятствіемъ къ ихъ осуществленію, и Фаберъ умеръ, не дождавшись плодовъ своей многообразной и полезной дѣятельности на службѣ государству.

— Докторъ Ганналь задумалъ описать «Кладбища отъ основанія французской монархіи до нашего времени» (Les cimetières depuis la fondation de la monarchie française jusqu'à nos jours). Авторъ излагаетъ подробно ихъ исторію и законодательства, относящіяся къ погребенію умершихъ. Въ введеніи говорится о кладбищахъ до 1776 года; затѣмъ слѣдуютъ описанія отдѣльныхъ кладбищъ по оффиціальнымъ документамъ. Къ книгѣ приложены планы и рисунки. Всѣхъ томовъ будетъ четыре. Встрѣчается много новыхъ подробностей, какъ, напримѣръ, въ исторіи закрытія, въ 1787 году, кладбища des Innocents.

— «Происхожденіе революціи въ Бретани» (Les origines de la révolution en Bretagne) передаетъ событія въ этой провинціи только до открытія генеральныхъ штатовъ. Изъ всѣхъ провинцій, вошедшихъ въ составъ Франціи, Бретань одна, въ теченіе шести вѣковъ, сохраняла свою независи-

мость и, когда былъ заключенъ бракъ ея послѣдней герцогини съ королемъ Франціи, герцогство, не покоренное и не купленное, соединилось съ королевствомъ, на основаніи особыхъ условій, принятыхъ обѣими сторонами и скрѣпленныхъ формальнымъ договоромъ. Потомъ, конечно, Бретани не разъ приходилось отстаивать, даже съ оружіемъ въ рукахъ, пункты этого договора, постоянно нарушаемаго королями Франціи. Одна изъ всѣхъ провинцій, Бретань противилась безграничному самодержавію монархической власти и защищала свои права и привиллегіи, уважать которыя торжественно обѣщали короли. Передъ самымъ началомъ великой революціи Бретань настояла на отправленіи въ генеральные штаты представителей по сословіямъ. Но среднее сословіе требовало болѣе справедливаго распредѣленія сословій въ штатахъ, уничтоженія привиллегій дворянства—не платить налоговъ, и равномѣрной уплаты налоговъ всѣми классами общества. Дворянство не хотѣло, въ этомъ случаѣ, поступиться своими старинными правами: начались безпорядки на улицахъ, дуэли, драки между враждебными партіями; были убитые и раненые, но среднее сословіе одержало верхъ и, отправляя своихъ представителей въ генеральные штаты, потребовало, чтобы были сохранены всѣ права и привиллегіи Бретани. Извѣстно, что дворянство и духовенство отказались послать своихъ депутатовъ въ собраніе штатовъ, на томъ основаніи, что «временное броженіе общества не имѣетъ будущности». Въ книгѣ передаются всѣ подробности этой бретанской оппозиціи.

— Орлеанизмъ, почти совершенно лишившійся почвы во Франціи, пробуетъ подогрѣть усердіе своихъ немногочисленныхъ сторонниковъ историческими сочиненіями. Профессоръ военной сенсирской школы Геннеберъ издалъ подъ названіемъ «Графы Парижскіе» (Les comtes de Paris) біографіи лицъ, носившихъ это званіе. Сами по себѣ біографіи эти не лишены интереса, но авторъ выводитъ изъ нихъ такое заключеніе: «Безъ графовъ Парижскихъ, посланныхъ провидѣніемъ, безъ Роберта Сильнаго, Эвда, Гуго Великаго и Гуго Капета, мы были бы теперь нѣмецкими подданными и соотечественниками нашими были бы князь Бисмаркъ и генералъ Мантейфель».

— Двѣ книги изъ эпохи революціи любопытны по многимъ отношеніямъ. Графъ Резе составилъ на основаніи записной книжки г-жи Элофъ, модной торговки, «Моды и обычаи во время Маріи Антуанетты» (Modes et usages au temps de Marie Antoinette). Элофъ была придворной модисткой, поставляла наряды для большей части версальскихъ дамъ и вносила въ свою книжку всѣ разсчеты по заказамъ двора и богатой буржуазіи. Все это она акуратно записывала, хотя и безъ всякой литературы и даже правописанія, начиная съ 1-го января 1787 года по 19-е августа 1793 года. Изъ этого скучнаго и сухого перечня авторъ съумѣлъ, однако, извлечь интересные выводы. Марія-Антуанетта, какъ видно изъ подробнаго отчета о ея туалетахъ, была даже очень экономна, вопреки сложившемуся о ней мнѣнію. Книга иллюстрирована любопытными рисунками. Другое сочиненіе—«Библіотека королевы Маріи Антуанетты въ тюльерійскомъ замкѣ» (Bibliothèque de la reine Marie Antoinette au château de Tuileries). Существуютъ два каталога ея книгъ: «Книги будуара королевы» и «Библіотека Малаго Тріанона». Первое изданіе составлено съ цѣлью доказать, что королева читала только пустыя и легкія произведенія; второе—для доказательства, что въ загородномъ дворцѣ королевы были и серьезныя сочиненія. Вышедшій нынѣ каталогъ убѣждаетъ, что въ Тюльери у королевы была прекрасная библіотека въ 1,800

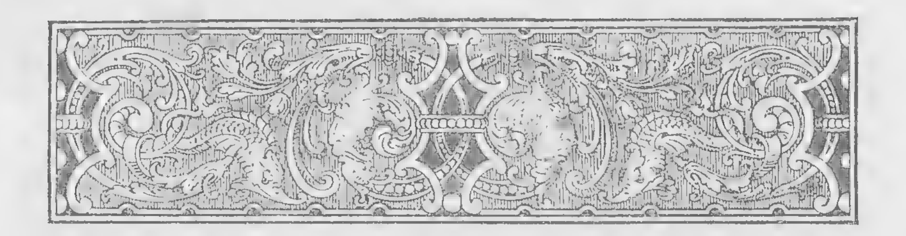
томовъ изъ лучшихъ сочиненій по исторіи, теологіи, наукамъ, искусствамъ и литературѣ. Какому роду чтенія, однако, королева отдавала преимущество— этого нельзя узнать изъ каталоговъ.

— Въ Краковѣ вышла хорошая исторія «Яна Собѣскаго и его вѣка» (Jan Sobieski i wiek jego). Авторъ Людвигъ Лелива обладаетъ несомнѣнно дарованіемъ. Книга его написана блестящимъ языкомъ, къ сожалѣнію, не выкупающимъ кореннаго недостатка, общаго автору со многими изъ его соотечественниковъ: крайняго ультрамонтанства и консерватизма. Лелива—псевдонимъ польской аристократки, принадлежащей къ одной изъ древнѣйшихъ графскихъ фамилій и живущей въ Петербургѣ. Въ четырехъ томахъ исторіи видна большая эрудиціи, но еще больше католическаго фанатизма.

— Объ экспедиціи шкуны «Жаннетта» издано уже много сочиненій, но это не мѣшаетъ вышедшей нынѣ книгѣ «Въ дельтѣ Лены» (In the Lena delta) представлять большой интересъ. Авторъ Джорджъ-Мельвиль, главный инженеръ на суднѣ несчастнаго Делонга, былъ главнымъ лицомъ при походѣ экипажа шкуны изъ устья Лены, гдѣ погибла «Жаннетта». Книга его составлена на основаніи оффиціальныхъ документовъ, представленныхъ морскому департаменту въ Вашингтонѣ, но въ ней, кромѣ того, много личныхъ замѣтокъ и наблюденій автора о Сибири, Якутскѣ, Томскѣ и пр. Вся исторія этихъ добровольныхъ мучениковъ науки не можетъ не возбудить участія къ ихъ тяжелой судьбѣ и безплоднымъ попыткамъ открыть свободный путь по морямъ, по которымъ нельзя ходить иначе, какъ въ теченіе самаго короткаго срока, да и то рискуя ежеминутно своею жизнью.

— Объ одномъ изъ авантюристовъ XVIII вѣка, кавалерѣ д'Эонѣ, продолжаютъ появляться новыя изслѣдованія. Недавно герцогъ Брольи извлекъ изъ французскихъ архивовъ документы о дипломатическихъ порученіяхъ, какія давались этому женоподобному кавалеру. Теперь капитанъ Тельферъ издалъ объ немъ на англійскомъ языкѣ обширное сочиненіе «The Chevalier d'Eon de Beaumont». Здѣсь также много оффиціальныхъ документовъ, портретовъ кавалера въ разныя эпохи его жизни, въ мужскомъ и женскомъ костюмѣ. Не смотря на всѣ розысканія автора, всетаки, остается нерѣшеннымъ вопросъ, почему Людовику XV вздумалось отправить кавалера къ императрицѣ Елисаветѣ, въ роли дипломатическаго агента, въ женскомъ платьѣ, а министрамъ Людовика XVI требовать, чтобы кавалеръ и во Франціи наряжался женщиною. Въ русскихъ архивахъ нельзя искать рѣшенія этой загадки, но въ иностранныхъ можно же доискаться разгадки. По своимъ личнымъ качествамъ кавалеръ, конечно, не заслуживаетъ, чтобы объ немъ заботилось потомство, но онъ, всетаки, былъ замѣшанъ въ сложной политической интригѣ, которую не мѣшаетъ разъяснить.

— Въ то время, когда наше историческое общество сбирается издать русскій біографическій словарь, въ Англіи уже появился первый томъ «Словаря національной біографіи» (Dictionnary of National Biography). Издатель Лесли Стефенъ не предпослалъ никакого предисловія своему труду, объяснивъ предварительно въ періодическихъ изданіяхъ цѣль, методу и планъ своей книги. Въ газетѣ «Athenaeum» печатается алфавитъ лицъ, которыя войдутъ въ словарь, и издатель проситъ публику пополнять этотъ списокъ. Первый томъ оканчивается біографіей королевы Анны. Къ каждой статьѣ присоединены библіографическія примѣчанія и указано, откуда она взята. Словарь этотъ поставитъ Англію высоко въ глазахъ иноземцевъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

—

Письмо Н. И. Пирогова.

Ъ 1864 ГОДУ, издательница дѣтскаго журнала «Дѣло и Отдыхъ», Е. Н. Ахматова (нынѣ издательница «Собранія русскихъ и переводныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ»), обратилась къ Н. И. Пирогову, находившемуся тогда за границей, съ просьбой прислать для журнала какую нибудь статью. Пироговъ отказался исполнить просьбу Е. Н. Ахматовой и причину своего отказа объяснилъ въ письмѣ, которое, по нашему мнѣнію, на столько любопытно по выраженнымъ въ немъ взглядамъ на воспитаніе, что мы, съ любезнаго позволенія Е. Н. Ахматовой, приводимъ его здѣсь въ подлинникѣ:

«Берлинъ. 1864 г., 30 окт. н. с.

«Я только что надняхъ возвратился изъ Италіи, почтеннѣйшая Лизавета Николаевна, нашелъ ваше письмо ко мнѣ отъ 5 іюля, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ писемъ, и спѣшу вамъ отвѣчать.

«Я съ радостію исполнилъ бы, какъ умѣлъ, ваше предложеніе, но, къ сожалѣнію, не могу этого сдѣлать по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я рѣшился съ нѣкотораго времени ничего не печатать въ журналахъ, во-вторыхъ, я считаю статьи о такихъ предметахъ, какъ нервная система, для дѣтскаго журнала дѣломъ мало полезнымъ, скорѣе вреднымъ, съ педагогической точки зрѣнія. Я того мнѣнія, что дѣтей нужно учить немногому, но хорошо; а многому и хорошо, къ сожалѣнію, по слабости нашей натуры, учиться нельзя. Я знаю, вы мнѣ скажете, что здѣсь идетъ дѣло вовсе не объ ученіи, а о развитіи (понятія?) посредствомъ чтенія. Но въ этомъ-то вся и загадка воспитанія, чтобы развивать немногимъ,—немногое имѣя подъ руками. Тотъ не

мастеръ воспитывать, кто беретъ горстями и охабками изъ всего окружающаго, чтобы развить ребенка. Пользуйтесь немногимъ, но съ разборомъ, съ тактомъ и умѣйте имъ такъ ловко распорядиться, чтобы ребенокъ и не замѣчалъ, что вы его кормите однимъ и тѣмъ же. Старо сравненіе занятій съ пищею, но тѣмъ не менѣе справедливо. Если вы съ малыхъ лѣтъ начнете вашего ребенка кормить разными рагу и фрикассе, то желудку его не сдобровать. Толковать же дѣтямъ о нервахъ и мускулахъ это то же, что ихъ кормить соусами. Правда,—и безъ большаго искусства, можно сдѣлать понятнымъ все главное; но, не забудьте,—понятнымъ въ нашемъ смыслѣ, смыслѣ взрослыхъ. Не забудьте, что ребенку, — и при самомъ безъискусственномъ развитіи,—приходится каждый день, каждый часъ даже, осиливать множество новыхъ фактовъ изъ обыденной жизни,—и именно осиливать. Убѣдитесь же, ради Бога, сначала, что онъ точно умѣетъ уже осиливать и справляться съ ними, прежде чѣмъ вы дадите ему переваривать другіе болѣе запутанные для него представленія и факты. Мы часто думаемъ не только про дѣтей, но даже про самихъ себя, что мы хорошо понимаемъ уже давно извѣстныя намъ вещи,—и вдругъ,—какъ часто,—оказывается, что мы вовсе ихъ не понимаемъ. Для будущности же человѣка нѣтъ ничего хуже,—вѣрьте мнѣ,—какъ нагрузить его тѣмъ, чего онъ не можетъ ясно себѣ представить,—еще хуже, если онъ спозаранку пріучится думать, что онъ непонятное ясно понялъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что дѣтскій журналъ въ такихъ рукахъ какъ ваши принесетъ всегда громадную пользу».

Н. Пироговъ.

Холера въ Петербургѣ въ 1848 году.

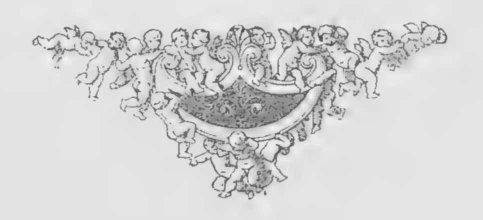
Лѣтомъ 1848 года, въ Петербургѣ появилась холера. Хотя эта незванная гостья уже не въ первый разъ появлялась у насъ и даже въ бо́льшихъ размѣрахъ, но въ народѣ она и на этотъ разъ возбудила какой-то суевѣрный страхъ. Говорили, что холеру привезли нѣмцы, что доктора морятъ народъ въ больницахъ и т. п.; боялись и больницъ, и докторовъ, и медикаментовъ. Въ то время еще впервые появились въ Петербургѣ папиросы (раньше курили трубки и сигары), фабрикаціей которыхъ занимался, между прочимъ, одинъ англичанинъ, проживавшій на Васильевскомъ островѣ. Со времени появленія холеры стали косо посматривать на этого англичанина и торговцы Андреевскаго рынка, и каменотесы, обтесывавшіе гранитъ для строившагося тогда Николаевскаго моста (каменотесовъ этихъ было до 1000 человѣкъ).

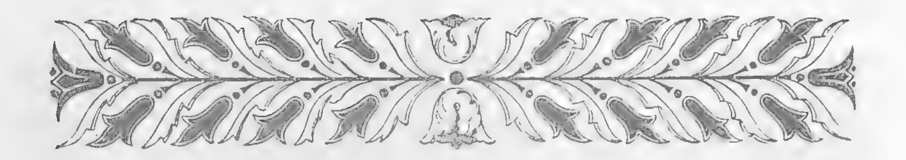
Какъ-то, въ разгарѣ холеры, этотъ англичанинъ пошелъ въ екатерининскую аптеку (въ 1-й линіи Васильевскаго острова) что-то купить. Одинъ изъ торговцевъ рынка и дворникъ близь лежащаго дома сговорились прослѣдить за нимъ. Выйдя изъ аптеки, англичанинъ сталъ вытряхивать соръ, накопившійся въ карманѣ (то же онъ дѣлалъ и на пути въ аптеку, что̀ и подало поводъ слѣдить за нимъ). Дворникъ и торговецъ подошли къ нему и стали спрашивать, что онъ вытряхиваетъ изъ кармана. Тотъ отвѣтилъ имъ поанглійски (порусски онъ не говорилъ, да, можетъ быть, и не понималъ ни слова). Соглядатаи бросились въ рынокъ и разсказали, что видѣли, какъ «нѣмецъ» холеру вытряхивалъ изъ кармана. Толпа торговцевъ пошла навстрѣчу англичанину, а слухъ о вытряхиваніи холеры, съ быстротою мол-

нія, распространился между торговцами рынка и дошелъ до каменотесовъ (они работали по 6-й линіи, отъ набережной до Большаго проспекта, т. е. противъ рынка). Англичанинъ и толпѣ торговцевъ, остановившей его, отвѣчалъ поанглійски. Толпа этимъ не удовольствовалась и начала уже его тормошить, но полиція отбила иностранца и отправила для безопасности въ помѣщеніе Васильевской части. Толпа разбрелась по рынку. Стали говорить, что «холера» сидитъ въ части. Каменотесы начали собираться толпами и скоро двинулись къ Васильевской части, гдѣ и потребовали выдачи «холеры». За отказомъ полиціи, толпа, узнавъ какъ-то, гдѣ помѣщается англичанинъ, выломала двери и, вытащивъ несчастнаго иностранца, поволокла его, сопровождая побоями, въ Зимній дворецъ. Зачѣмъ во дворецъ — этого, кажется, никто не зналъ; только кричали: «Во дворецъ, къ батюшкѣ-царю!» Чтобы остановить толпу, былъ разведенъ Исаакіевскій мостъ (отъ Павловскаго училища къ памятнику Петра I). Тогда толпа, дотащивъ англичанина до академіи художествъ (въ 5-й линіи), заколотила его до смерти и тутъ же бросила обезображенный трупъ несчастнаго. Полиція успѣла арестовать зачинщиковъ безпорядка и на другой же день было приказано сѣчь ихъ на площади, между Андреевскимъ рынкомъ и соборомъ. Пришла рота солдатъ. Собрались тѣ же торговцы и каменотесы смотрѣть на наказаніе вчерашнихъ вожаковъ.

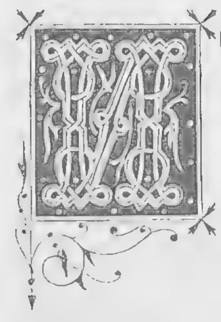
Во время экзекуціи вдругъ пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ съ Орловымъ. «Отбой!»—скомандовалъ онъ, подъѣхавъ и вставъ въ коляскѣ. Наказаніе прекратили. «Въ арестантскія роты на вѣчныя времена!» — крикнулъ государь, указывая на преступниковъ. Народъ, завидѣвъ государя, бросился къ его экипажу. Императоръ, со слезами на глазахъ и въ голосѣ, упрекалъ народъ за буйство. «Вы должны Богу молиться, чтобы онъ избавилъ васъ отъ посланнаго наказанія, а вы звѣрски убили ни въ чемъ неповиннаго человѣка»,—такъ, приблизительно, говорилъ императоръ.—«Вотъ гдѣ ваше спасеніе!» — прибавилъ онъ, указавъ на Андреевскій соборъ. Сказавъ еще нѣсколько словъ, государь уѣхалъ, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы на другой день былъ совершенъ крестный ходъ по острову изъ Андреевскаго собора.

Сообщено М. Т.

СМѢСЬ.

Императорское русское историческое Общество въ 1884 году. 18-го февраля состоялось въ Аничковомъ дворцѣ годовое собраніе императорскаго русскаго историческаго Общества. Собраніе почтили своимъ присутствіемъ Его Императорское Величество Государь Императоръ, почетный предсѣдатель Общества, и почетные члены его ихъ императорскія высочества государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ. Предсѣдатель Общества А. А. Половцевъ открылъ засѣданіе чтеніемъ годоваго отчета, въ слѣдующихъ словахъ: «Приступая къ исполненію лежащей на мнѣ обязанности представить отчетъ о дѣятельности нашего Общества за истекшій годъ, я долженъ просить извиненія въ томъ, что, не смотря на многолѣтнюю къ этому дѣлу привычку, нахожусь сегодня въ большомъ смущеніи. Скромные труды наши получаютъ въ нынѣшній вечеръ удостоеніе, соразмѣрное отнюдь не достоинству ихъ, а исключительно любви нашего Августѣйшаго Основателя къ отечественной исторіи. Среди неисчислимыхъ заботъ о дѣлахъ государственныхъ, нашъ Державный Хозяинъ не только удѣляетъ намъ драгоцѣнную часть своего скуднаго досуга, но и удостоиваетъ высокой чести имѣть сочленомъ наслѣдника цесаревича. То, что̀ мы видимъ здѣсь, въ этой памятной намъ библіотекѣ Аничкова дворца, составляетъ свѣтлое для русской исторіи событіе, и счастливо историческое Общество, на долю коего выпало внести этотъ день въ свою лѣтопись». Въ дальнѣйшемъ содержаніи отчета предсѣдатель представилъ обозрѣніе дѣятельности Общества за минувшій 1884 годъ. Въ истекшемъ году Обществомъ отпечатано восемь книгъ издаваемаго имъ Сборника, съ тома XLII-го по XLVIII-й включительно. Томъ XLII-й заканчиваетъ собою изданіе переписки императрицы Екатерины, хранящейся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ бумаги съ 1789 года по 1796, также дополненія и объясненія къ предшествующимъ томамъ переписки; сюда вошли: письма, рескрипты и записки императрицы къ разнымъ лицамъ, съ 1789 года по день ея кончины; разнаго рода записки и замѣтки государыни, безъ обозначенія времени ихъ написанія. Кромѣ того, настоящій томъ дополненъ, въ видѣ опыта, указами, замѣтками и резолюціями императрицы Екатерины за іюнь, іюль и августъ 1762 года. XLIII-й томъ, содержитъ въ себѣ продол-

женіе изданія дѣлъ Екатерининской комисіи по составленію проекта новаго уложенія. Сюда вошли наказы, данные депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ; многія изъ приложеній не сохранились въ архивѣ II-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, откуда извлечены означенные документы. XLIV-й томъ, изданный подъ наблюденіемъ Я. К. Грота, заключаетъ въ себѣ письма барона Мельхіора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, на французскомъ языкѣ. XLV-й томъ посвященъ финансовой исторіи времени Александра I и содержитъ въ себѣ: планъ финансовъ, предложенный М. М. Сперанскимъ, генеральный годовой отчетъ о государственныхъ расходахъ и доходахъ, росписи о государственныхъ приходахъ и расходахъ за царствованіе Александра I, съ 1801 по 1825 годъ, также отчеты объ исполненіи росписей, съ 1801 по 1825 годъ. Въ XLVI-мъ томѣ, помѣщены донесенія австрійскаго посла при русскомъ дворѣ графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и канцлеру Кауницу съ 2-го іюля 1762 года по осень 1763 года, а также донесенія того же дипломата за послѣдніе мѣсяцы царствованія императрицы Елисаветы. Томъ XLVII-й содержитъ въ себѣ рядъ русскихъ историческихъ документовъ изъ второй половины XVIII столѣтія: бумаги Я. И. Булгакова, бывшаго русскимъ посломъ въ Константинополѣ, когда совершалось присоединеніе Крыма и Кубани къ Россіи, и затѣмъ посломъ въ Варшавѣ съ 1789 по 1792 годъ. Наконецъ, послѣдній томъ, XLVIII-й, содержитъ въ себѣ переписку Екатерины II по внѣшнимъ дѣламъ, а также и ея личную переписку съ царствовавшими и иностранными государственными дѣятелями. Сюда же включены инструкціи и рескрипты русскимъ дипломатическимъ агентамъ и командующимъ войсками въ военное время.

Кромѣ собиранія и обнародованія историческихъ документовъ, Общество, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предприняло обширный трудъ—составленіе біографическаго словаря русскихъ дѣятелей. Предварительная работа по этому словарю заключается въ составленіи списка лицъ, біографіи коихъ должны быть въ немъ помѣщены. По настоящее время отпечатано 14 листовъ этого списка, на буквы А, Б, В, Г и М, причемъ при имени каждаго лица обозначены годы его рожденія и смерти.

Кромѣ чтенія отчета о дѣятельности Общества, въ годовомъ собраніи его было сдѣлано нѣсколько ученыхъ сообщеній нѣкоторыми изъ членовъ. Вице-предсѣдатель Общества А. Ѳ. Бычковъ представилъ обзоръ приготовительныхъ работъ для изданія писемъ императора Петра I. Появленіе въ свѣтъ собраній писемъ Петра и документовъ касательно его царствованія подало мысль о своевременности сосредоточить въ одномъ изданіи всѣ, какъ уже обнародованные, такъ и хранящіеся еще въ разныхъ архивахъ, письма, указы, резолюціи и бумаги Петра I. Мысль эта была одобрена императоромъ Александромъ II, и для осуществленія ея была образована особая комисія. Все число собранныхъ по настоящее время документовъ простирается до 8,000 нумеровъ. Между ними, самыми ранними являются учебныя тетради Петра и письмо его къ матери, царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, изъ Переяславля, отъ 20-го апрѣля 1688 года, въ которомъ онъ, именуя себя ея сынишкою, въ работѣ пребывающимъ, говоритъ о высылкѣ канатовъ для кораблей, строящихся на Переяславскомъ озерѣ. Оканчиваются же собранные документы письмомъ Петра къ Прусскому королю отъ 25-го января 1725 г., въ которомъ государь, за три дня до своей кончины, проситъ Фридриха-Вильгельма I о присылкѣ ему врача, королевскаго «лейбъ-медикуса фонъ-Сталя, яко славнаго практикуса». Въ этомъ обширномъ собраніи документовъ находятся драгоцѣнные и любопытные. Въ числѣ послѣднихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе черновыя бумаги руки государя, несомнѣнно свидѣтельствующія, что главная и существенная часть содержанія нѣкоторыхъ дипломатическихъ актовъ во время Сѣверной войны, подписанныхъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ, писана самимъ государемъ; что важныя

письма и бумаги, шедшія отъ имени разныхъ лицъ, какъ боярина Ѳ. А. Головина, графа Б. П. Шереметева, генерала А. А. Вейде и др., принадлежатъ также Петру Великому; наконецъ, что значительное число законодательныхъ актовъ и документовъ, заключающихъ въ себѣ распоряженія по устройству морскаго и военнаго дѣла, по развитію въ государствѣ промышленности и торговли, по устройству въ немъ заводовъ и фабрикъ, по распространенію грамотности въ народѣ и образованія въ высшемъ сословіи, по водворенію правосудія, по искорененію взяточничества и хищенія казны, по водворенію экономіи въ расходахъ и пр., были составляемы лично государемъ, иногда даже въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Не менѣе имѣютъ значенія черновыя работы Петра по составленію уставовъ воинскаго и морскаго. До сихъ поръ приписывалось Ѳеофану Прокоповичу составленіе пространнаго и очень важнаго указа синоду, отъ 31-го января 1724 г., о званіи монашескомъ, о правилахъ жизни въ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ, о помѣщеніи въ монастыряхъ мужскихъ—убогихъ отставныхъ солдатъ и нищихъ, а въ женскихъ—малолѣтнихъ сиротъ обоего пола; между тѣмъ, указъ этотъ отъ начала до конца писанъ самимъ Петромъ; его же перу принадлежатъ очень многія реляціи о побѣдахъ надъ шведами и о взятіи разныхъ крѣпостей, а въ сочиненіи Шафирова «Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество къ начатію войны противъ короля Карола XII шведскаго имѣлъ», многія мѣста и все заключеніе писаны Петромъ. Не смотря, однако, на обиліе собраннаго комисіей матеріала, утратилось много писемъ Петра къ князю А. Д. Меншикову, къ князьямъ Голицынымъ, къ Я. Ѳ. и Г. Ѳ. Долгоруковымъ и многимъ другимъ лицамъ.

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи этого Общества подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Вяземскаго, на разсмотрѣніе присутствовавшихъ въ засѣданіи было представлено новое изданіе Общества: «Костромскія церковныя древности» (объяснительный текстъ и 20 снимковъ), и, кромѣ того, княземъ П. П. Вяземскимъ — рѣзная (на кости) панагія, съ серебрянымъ ободкомъ; Е. Н. Опочининымъ — мѣдный благословляющій крестъ и рѣзная икона, на которой, въ видѣ плоскаго рельефа, изображено распятіе Спасителя, раскрашенное красками и снабженное рѣзными надписями, среди которыхъ оказываются надписи, не совсѣмъ обычныя на памятникахъ этого рода. Въ томъ же засѣданіи Ю. Б. Иверсенъ принесъ въ даръ Обществу пробные оттиски таблицъ къ своему труду: «Медали въ память русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ», а И. В. Помяловскій — списокъ греческой панихиды начала нынѣшняго столѣтія, съ крюковыми нотами, писанный на константинопольской бумагѣ. Возвратившійся изъ путешествія по Болгаріи и Македоніи магистръ славянской филологіи, В. В. Кочановскій, сдѣлалъ также въ засѣданіи сообщеніе объ остаткахъ того нарѣчія, которымъ, несомнѣнно, воспользовались славянскіе просвѣтители Кириллъ и Меѳодій, при переводѣ книгъ священнаго писанія съ греческаго языка на славянскій. Указавъ на то, что зародышъ христіанства на Руси былъ посѣянъ еще до проповѣди славянскихъ апостоловъ мораво-паннонскимъ славянамъ (причемъ приведено было свидѣтельство житія св. Кирилла, какъ онъ, во время своей миссіи къ хазарамъ, нашелъ въ Херсонесѣ псалтырь и евангеліе, писанное русскими письменами, и человѣка, говорящаго русскимъ языкомъ), докладчикъ, тѣмъ не менѣе, нисколько не умалилъ значенія заслугъ славянскихъ просвѣтителей и для русскаго народа наравнѣ съ другими славянскими народами, а напротивъ, выразилъ желаніе, чтобы память объ ихъ дѣятельности была ознаменована живымъ вниманіемъ къ ихъ дѣлу, принесшему столько плодовъ всему славянству. Г. Кочановскій составилъ къ тысячелѣтію св. Меѳодія болгарско-русскій словарь, изъ котораго были сообщены въ засѣданіи Общества всѣ слова, сохранившія донынѣ голосовое произношеніе, составляющее

отличительную особенность старо-славянскаго языка. Трудъ этотъ можетъ способствовать литературному сближенію русскихъ и болгаръ; послѣдніе чувствуютъ настоятельную потребность въ пособіи для успѣшнаго пользованія произведеніями русской литературы.

Годичное собраніе славянскаго Общества. Послѣднее передъ празднованіемъ дня св. Меѳодія, засѣданіе славянскаго Общества отличалось особенной торжественностью: секретарь Общества прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества за минувшій годъ и о состояніи его денежныхъ средствъ. Годичный бюджетъ не превышаетъ 15,000 руб. Весь же капиталъ въ настоящее время въ славянскомъ Обществѣ, съ суммами для выдачи премій, достигаетъ 200,000 руб. Главная дѣятельность Общества сосредоточена въ настоящее время на трудахъ по изданію «Извѣстій Общества». Разсмотрѣніемъ сочиненій, представленныхъ разными авторами на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи, занимался профессоръ И. С. Пальмовъ. Всего представлено болѣе 30 рукописей, изъ которыхъ двѣ удостоены преміи. Послѣ отчета читалъ рѣчь профессоръ Кояловичъ, избравшій темою бесѣды Грюнвальдскую битву въ 1410 году. Ораторъ напомнилъ слушателямъ впечатлѣніе отъ картины Матейки, гдѣ поляки исключительно окружены ореоломъ побѣды, и высказалъ мысль, что въ Грюнвальдской битвѣ славянъ съ прусскими рыцарями можно видѣть отраженіе нравственной силы нашей Куликовской битвы. Тутъ сказались и сила славянъ, и вмѣстѣ ихъ разъединеніе, страсть къ раздорамъ, мѣшавшая имъ быть въ единствѣ, и давшая возможность въ сердцѣ Литвы, среди славянства, завестись иноплеменному, враждебному славянству элементу. Сколько разъ славяне могли уничтожить гнѣздо прусскихъ рыцарей, и каждый разъ славянская рознь сохраняла его; тогда оно разрослось и стало грознымъ врагомъ славянства, посредствомъ насилій порабощая и онѣмечивая окрестныхъ славянъ. Почти то же самое происходитъ и теперь. Рознь же славянская есть главнымъ образомъ слѣдствіе фанатизма славянъ западныхъ, когда славяне, прежде всѣ православные, раздѣлились на двѣ церкви вслѣдствіе происковъ папизма, стремящагося все захватить въ свои сѣти, все латинизировать.—Профессоръ И. С. Пальмовъ сдѣлалъ сообщеніе объ историческомъ значеніи Велеграда для славянъ. Велеградъ, въ которомъ католики собрались праздновать память св. Кирилла и Меѳодія, есть Новый Велеградъ, основанный маркграфомъ Владиславомъ Генрихомъ въ 1198 году, гдѣ первоучитель славянскій совсѣмъ не могъ быть погребенъ. И монастырь тамошній и каплица — называемая кирилкой — происхожденія позднѣйшаго; тамъ хозяйничали католическіе монахи, а со временъ Іосифа II — нѣмцы. Все стремленіе католиковъ было уничтожить въ этой мѣстности духъ ученія Кирилла и Меѳодія и вмѣстѣ и духъ славянства. Прочтя наставленія св. Кирилла и Меѳодія къ своей паствѣ и молитву ихъ, — ораторъ изъ текста прочитаннаго доказалъ, что святые энергично возставали противъ того, что теперь признается латинской церковью, напримѣръ, противъ «треязычной ереси» (т. е. ученія латинянъ, будто богослуженіе можетъ быть совершаемо только на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ, а потомъ даже признавался приличнымъ только одинъ латинскій языкъ), противъ ученія объ исхожденіи святаго Духа и т. д. Латиняне, не могши уничтожить преданій кирилло-меѳодіевскихъ въ Велеградѣ, старались всѣми силами затемнить ихъ смыслъ, пріурочить ихъ къ латинскому культу,—такъ, св. Меѳодія они нарочно соединяютъ съ св. Бернардомъ, патрономъ цистеріанцевъ; вмѣсто чествуемой народомъ памяти Яна Гуса, латиняне, чтобы сбить съ толку, выдвинули торжественное чествованіе памяти Яна Непомука, и все въ этомъ родѣ.

Тамбовская архивная коммиссія. Въ послѣднемъ засѣданіи этой ученой губернской коммиссіи, предсѣдатель ея И. И Дубасовъ сообщилъ, что онъ нашелъ въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи, множество столбцовъ, совре-

менныхъ основанію Тамбова. Это — отписки первыхъ тамбовскихъ воеводъ, Р. Ѳ. Боборыкина и И. В. Биркина. Одинъ изъ этихъ столбцовъ—длиною аршинъ въ 500. Въ то же время, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится масса статейныхъ списковъ, составленныхъ мѣстными дипломатами, напримѣръ, елатомскимъ намѣстникомъ, княземъ С. Шаховскимъ и шацкимъ воеводою Я. Простевымъ. А въ Румянцовскомъ музеѣ нѣсколько весьма важныхъ документовъ относительно обращенія мѣстной мордвы въ христіанство, при извѣстномъ арх. Мисаилѣ, убитомъ мордвою въ окрестностяхъ села Конобѣева.

Д. В. Ильченко принесъ въ даръ тамбовскому музею академическій атласъ Россійской имперіи за 1745 годъ, а Ю. А. Ознобишинъ—двѣ книги Рахманинскаго изданія. Въ концѣ царствованія Екатерины II, въ Петербургѣ жилъ конно-гвардейскій офицеръ, И. Г. Рахманиновъ, человѣкъ весьма образованный. Еще въ дѣтствѣ, онъ «возымѣлъ склонность къ литературнымъ упражненіямъ» и сталъ заниматься переводами, преимущественно французскихъ авторовъ, между которыми любимцемъ его былъ Вольтеръ. Литературная извѣстность Рахманинова не только какъ переводчика, но и какъ самостоятельнаго писателя, начинается съ 1790 года. Въ то же время, онъ былъ извѣстенъ въ Петербургѣ, какъ основатель и содержатель собственной типографіи. Какъ издателя книгъ, Рахманинова знала сама Екатерина, которой черезъ графа П. А. Зубова, была поднесена имъ книга его изданія: «Извѣстія о дворянахъ россійскихъ». Въ 1791 году бригадиръ Рахманиновъ, по случаю выхода въ отставку, переселился въ свое имѣніе — село Казинку, Козловскаго уѣзда. Сюда же была переведена имъ и типографія, изъ которой въ томъ же году вышла книга подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Полное собраніе всѣхъ донынѣ переведенныхъ на россійскій языкъ и въ печати изданныхъ сочиненій господина Вольтера; второе изданіе съ поправленіемъ противъ прежнихъ и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, кои еще никогда изданы не были». Послѣ заглавія было напечатано, что книга эта вышла съ указаннаго дозволенія въ городѣ Козловѣ. Между тѣмъ, козловскій городничій Сердюковъ, единственный цензоръ въ городѣ Козловѣ, донесъ въ Петербургъ, что типографія Рахманинова существуетъ не въ Козловѣ, а въ селѣ Казинкѣ, и книги въ ней печатаются безъ всякаго указаннаго дозволенія. Это было уже спустя два года по выходѣ книги и произошло вслѣдствіе ссоры Рахманинова съ Сердюковымъ. На основаніи этого доноса, сдѣлавшагося извѣстнымъ государынѣ, генералъ-прокуроръ Самойловъ приказалъ тамбовскому губернатору В. С. Звѣреву — типографію у Рахманинова запечатать и печатаніе запретить, а книги всѣ конфисковать и всѣмъ имъ прислать реестръ. По полученіи этого приказа Звѣревъ немедленно командировалъ въ село Казинку капитана Салькова съ тремя рядовыми и съ членомъ козловскаго нижняго земскаго суда. Книги были конфискованы; типографщиковъ арестовали. Въ заключеніе, посланные приступили къ составленію реестра книгамъ. Всѣхъ книгъ въ типографіи оказалось 5,205 экземпляровъ, подъ слѣдующими заглавіями: 1) Аллегорическія, философическія и критическія сочиненія господина Вольтера; 2) Сатирическій духъ господина Вольтера; 3) Собраніе разныхъ сочиненій и новостей; 3) Тактика господина Вольтера и его разсужденіе о воинскомъ искусствѣ; 5) Колесо счастія; 6) Утренніе часы; 7) Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ; 8) Бесѣдующій гражданинъ; 9) Ненависть, побѣжденная любовью, и 10) Политическое завѣщаніе господина Вольтера. Нѣкорыя изъ этихъ книгъ были переведены самимъ Рахманиновымъ, напримѣръ, №№ 1-й, 9-й и 10-й.

Извѣщая Екатерину II о своихъ распоряженіяхъ, Звѣревъ, между прочимъ, писалъ:

«Всемилостивѣйшая государыня! Имѣя счастіе до старости моей слу-

жить вашему императорскому величеству 50 лѣтъ съ непремѣннымъ вѣрноподданническимъ усердіемъ и чувствуя неоднократныя монаршія вашего императорскаго величества милости, дерзаю Державной Особѣ Вашей представить то, что душа моя, состарѣвшаяся подъ благословеннымъ скипетромъ вашимъ, чувствуетъ: книги, бригадиромъ Рахманиновымъ переведенныя и печатанныя, не служатъ къ благому наставленію людей Твоихъ. Лучше было бы употребить талантъ свой на доставленіе соотечественникамъ своимъ чего нибудь полезнаго, нежели критическаго и двоесмысленнаго».

Дѣло о типографіи Рахманинова затянулось, вслѣдствіе искусной защиты обвиненнаго, до слѣдующаго царствованія. А въ 1797 году типографія въ селѣ Казинкѣ сгорѣла со всѣми запечатанными въ ней книгами. Остальные экземпляры казинскихъ изданій, бывшіе у разныхъ лицъ, въ 1800 году повелѣно было собрать и «безъ изъятья сжечь».

Кружокъ нумизматовъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ основался кружокъ нумизматовъ, поставившихъ своею цѣлью разработку нумизматическихъ данныхъ, столь важныхъ для исторіи, обнародованіе рѣдкихъ и неизвѣстныхъ монетъ, сближеніе нумизматовъ, охраненіе ихъ, по возможности, отъ эксплоатаціи торговцевъ и т. д. Кружокъ основался по мысли нѣкоторыхъ московскихъ нумизматовъ. Въ январѣ было первое засѣданіе въ помѣщеніи московскаго археологическаго Общества, предложившаго кружку свое помѣщеніе, и за нимъ состоялись два другія засѣданія, посвященныя главнымъ образомъ выработкѣ программы и правилъ кружка. Но было также сдѣлано нѣсколько сообщеній объ ассигнаціяхъ временъ Отечественной войны и ихъ французскихъ поддѣлкахъ, о причинахъ разновидностей чекана монетъ Петра I, о чеканѣ Лжедмитрія I, о портретѣ Петра, приписываемомъ Таннауеру и хранящемся въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца, и его сходствѣ съ червонцемъ Петра 1716 года, съ латинской легендой, о кенигсбергскихъ монетахъ Елисаветы Петровны и др. Въ кружкѣ участвуютъ нумизматы, пріобрѣвшіе уже извѣстность въ Россіи и за границей. По возможности будетъ преслѣдоваться преимущественно разработка русской нумизматики, оставляющей желать еще очень многаго.

Памятникъ Джордано Бруно. 10-го февраля, состоялось въ Москвѣ чествованіе памяти итальянскаго философа-мученика Джордано Бруно. Общество московскихъ любителей словесности получило изъ Рима приглашеніе принять участіе въ обще-итальянскомъ торжествѣ закладки памятника сожженному Бруно. Словесники наши горячо откликнулись на это приглашеніе, а на помощь имъ пришло и новое московское Общество психологіи; совмѣстное засѣданіе этихъ двухъ Обществъ 10-го февраля и было посвящено памяти Джордано Бруно. Г. Веселовскій прочелъ публикѣ живой, интересный очеркъ жизни философа; г. Троицкій (предсѣдатель психологовъ) изложилъ его философскую систему, а г. Стороженко дополнилъ это литературной характеристикой личности Бруно. Такимъ образомъ, даже и мало знакомая съ исторіей философіи публика теперь имѣла передъ собою ясный обликъ мыслителя-мученика, пострадавшаго за идею триста лѣтъ назадъ. Живой, сочувственный откликъ Москвы оцѣненъ по достоинству итальянскимъ Обществомъ.

Банкетъ, устроенный въ честь Виктора Гюго издателями національнаго изданія его сочиненіи, по случаю 83-й годовщины его дня рожденія, происходилъ въ «Hôtel Continental» и прошелъ блистательно. Собралось болѣе 200 гостей, множество художниковъ и представителей парижской печати безъ различія политическихъ оттѣнковъ. За дессертомъ Ришаръ, одинъ изъ издателей, обратился къ Гюго и привѣтствовалъ въ немъ высшее олицетвореніе современной Франціи, «возвѣщающей міръ грядущаго», и поднесъ ему медаль, выбитую въ память этого празднества, и роскошно переплетенный первый выпускъ «національнаго изданія» со словами: «Черезъ четыре года 25 томовъ

будутъ окончены. Тогда-то, подобно нашимъ предкамъ 1789 года, мы пойдемъ на Елисейскія поля, руководимые вами, на другой федеративный праздникъ и возложимъ на тотъ же алтарь ваше твореніе и принесемъ нашу признательность Франціи». Сенскій префектъ сказалъ: «Вашимъ именемъ, учитель, сказано все. Въ немъ выражаются всѣ восторги, вся гордость, всѣ славы, всѣ скорби Франціи въ теченіе полвѣка». Президентъ муниципальнаго совѣта поднялъ тостъ отъ имени всего Парижа. Арсэнь Уссе отъ лица общества писателей прочелъ стихи. Филиппъ Журдъ, отъ имени синдиката печати, пилъ за Гюго-журналиста. 17-ти лѣтъ, знаменитый поэтъ основалъ «Le conservateur littéraire», потомъ внушилъ мысль объ изданіи «Evénement» 1848 г. и не переставалъ отстаивать, какъ право естественное, свободу мыслить и писать. Викторъ Гюго съ видимымъ волненіемъ отвѣтилъ на эти заявленія почитанія и удивленія слѣдующими словами, которыя были выслушаны всѣми стоя: «Господа, я хочу сказать только нѣсколько словъ, мое волненіе слишкомъ живо, чтобъ говорить долго. Благодарю васъ всѣхъ, слушающихъ меня и являющихся представителями французской мысли».

† 17-го февраля, въ Дерптѣ, другъ и біографъ В. А. Жуковскаго, **Карлъ Карловичъ Зейдлицъ**, на 88-мъ году жизни, полной неутомимой и разнородной дѣятельности. Онъ родился въ Ревелѣ, въ 1798 г., слѣдовательно, былъ моложе Жуковскаго на 15 лѣтъ. Окончивъ, въ 1821 г., курсъ въ Дерптскомъ университетѣ со степенью доктора, Зейдлицъ переѣхалъ въ Петербургъ на службу въ госпиталь морскаго министерства. Въ 1823 г. былъ посланъ въ Астрахань бороться съ холерною эпидеміею. Въ 1826 г. поѣхалъ за границу заниматься въ Парижѣ и Монпелье. Въ Пизѣ ознакомилъ ученыхъ съ употребленіемъ стетоскопа. Въ 1829 г. поступилъ главнымъ врачомъ въ нашу армію; во время Турецкой войны, выказалъ энергическую дѣятельность въ чумномъ госпиталѣ въ Андріанополѣ, былъ врачомъ нашего посольства въ Константинополѣ. Записки объ этомъ времени изданы Зейдлицемъ въ 1854 г. на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1836 г., былъ назначенъ профессоромъ при медико-хирургической академіи и завѣдывалъ терапевтическою клиникою. Въ 1847 г., окончательно покинулъ государственную службу, и съ тѣхъ поръ жилъ въ Дерптѣ или въ своемъ имѣніи Мейерсгофѣ, купленномъ имъ у Жуковскаго. Ясный умъ, начитанность и энергія не покидали Карла Карловича до послѣдняго времени. Членъ многихъ ученыхъ обществъ, онъ постоянно работалъ на пользу науки и общеполезныхъ учрежденій. Къ столѣтнему юбилею В. А. Жуковскаго, 1883 года, онъ подготовилъ новое изданіе писанной имъ въ 1868 г. біографіи Жуковскаго. Въ «Русской Старинѣ» Зейдлицъ, въ январѣ 1883 г., печаталъ рядъ писемъ Жуковскаго къ любимой имъ дѣвушкѣ, а потомъ женщинѣ, первой вдохновительницѣ его музы. Одинокую могилу ея на дерптскомъ православномъ кладбищѣ старикъ Зейдлицъ посѣщалъ до послѣдняго времени. «Другъ и братъ», пишетъ ему въ письмахъ Жуковскій и Зейдлицъ былъ достоинъ беззавѣтной дружбы Жуковскаго. Составивъ біографію Василія Андреевича, проникнутую умомъ, искренностью и теплотою чувства, онъ поставилъ поэту лучшій литературный памятникъ.

† Извѣстный натуралистъ-путешественникъ, докторъ зоологіи **Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ**, погибъ при переѣздѣ рѣки Икорца. 27-го января, въ 5 часовъ вечера, Сѣверцовъ и генералъ Стрижевскій выѣхали изъ имѣнія послѣдняго, на Дону, въ Воронежъ, по дѣламъ. Ѣхали Дономъ въ коляскѣ обычной дорогой, по которой ежедневно ходятъ хлѣбные обозы. Вдругъ, противъ устья рѣки Икорца, коляска погрузилась въ воду. Стрижевскій успѣлъ выбраться изъ воды, ухватившись за ледъ. Затѣмъ, при помощи кучера, спасшагося первымъ, вытащилъ на ледъ и Сѣверцова; они пошли пѣшкомъ обратно, но, пройдя нѣсколько шаговъ, Сѣверцовъ опустился на ледъ, — у него отнялись ноги и онъ едва говорилъ. Стрижевскій и кучеръ пытались

тащить его подъ руки, но это оказалось невозможнымъ. Тогда, приказавъ кучеру всѣми средствами стараться поддерживать теплоту въ Сѣверцовѣ, Стрижевскій, самъ мокрый и обледенѣлый, пошелъ на свой хуторъ за помощью; но, какъ онъ ни торопился, прошло слишкомъ много времени, и когда на мѣсто катастрофы подоспѣли люди—было уже поздно: Сѣверцовъ, по словамъ кучера, умеръ вскорѣ послѣ ухода Стрижевскаго. Такъ погибъ одинъ изъ выдающихся нашихъ ученыхъ, родившійся въ 1827 г. и получившій высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ.

Еще восемнадцатилѣтнимъ юношей, познакомившись съ изслѣдователемъ Средней Азіи, Г. С. Карелинымъ, Сѣверцовъ былъ до того увлеченъ разсказами послѣдняго о тамошней, богатой оригинальной природѣ съ рѣзкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знойныхъ низинъ и снѣговыхъ хребтовъ, лѣтняго жара и зимняго холода, что съ тѣхъ поръ, по его собственному признанію, Средняя Азія сдѣлалась научной цѣлью его жизни. Въ 1857 году, представилась и возможность путешествія въ Среднюю Азію: Сѣверцовъ былъ командированъ академіей наукъ на Сыр-Дарью для изслѣдованія континентальнаго климата и вообще объясненія теперешняго географическаго распространенія животныхъ физическими условіями земной поверхности. Путешествіе это было сопряжено со многими лишеніями и едва не стоило ему жизни, когда, захваченный разбойнической шайкой туркестанцевъ, онъ весь израненный былъ доставленъ плѣннымъ въ Ташкентъ и освобожденъ Данзасомъ. Результатомъ этого путешествія было обстоятельное изученіе сыр-дарьинской фауны и фауны западныхъ, пріуральскихъ степей арало-каспійской низины, въ связи съ геологической исторіей мѣстной страны. Выполнивъ блистательно свою задачу, онъ занялся сводомъ добытаго имъ богатѣйшаго матеріала, принялъ профессорскую каѳедру... но представился случай посѣтить Тянь-шань въ походъ генерала Черняева, въ 1864 г., и каѳедра была брошена, сводъ наблюденій — отложенъ. Плодомъ этого путешествія, помимо открытія многихъ видовъ средне-азіатскихъ звѣрей и птицъ, было появленіе важнаго для зоологической географіи труда, изданнаго Обществомъ любителей естествознанія въ Москвѣ: «Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ». Этимъ спеціальнымъ трудомъ Сѣверцовъ положилъ фундаментъ для своего общаго труда по предмету зоологической географіи, изложенію и разъясненію климатическихъ и геологическихъ условій географическаго распространенія животныхъ. Всѣ его долголѣтнія работы были посвящены этому важному предмету и онъ много сдѣлалъ въ этомъ направленіи, и многое готовилъ еще: послѣдніе четыре года, поселившись въ своемъ имѣніи, въ пяти верстахъ отъ Боброва, Воронежской губерніи, онъ занятъ былъ сводомъ своихъ богатѣйшихъ изысканій, подводилъ итоги многотрудной работы... роковая случайность разрушила всѣ планы.

† **Эдмонъ Абу**, извѣстный французскій писатель и публицистъ, въ Парижѣ. Онъ родился въ 1828 г., окончилъ курсъ «Нормальной школы» и затѣмъ отправился въ Аѳины. Здѣсь первымъ его трудомъ было изслѣдованіе, подъ заглавіемъ «L'Ile d'Égine». По возвращеніи въ Парижъ, въ 1853 г., Абу съ успѣхомъ дебютировалъ этюдомъ «Современная Греція». Уже въ этомъ сочиненіи сказались свойства, присущія литературнымъ работамъ Абу: бойкость и легкость изложенія, остроуміе и блестящій стиль. «Revue des deux mondes» тотчасъ же открылъ свои страницы его роману «Tolla». Романъ этотъ, наполненный біографическими подробностями, былъ вдохновленъ очень малоизвѣстной книгой «Vittoria Savorelli, istoria del secolo XIX». Хотя Абу указалъ на свой источникъ, тѣмъ не менѣе обвиненія въ плагіатѣ надѣлали много шума. Буря нападокъ не стихла и тогда, когда Абу рискнулъ поставить на сценѣ Comédie Française свою пьесу «Gillery», первоначально называвшуюся «L'Effronté». Пьеса провалилась торжественно и послѣ двухъ

представленій была снята съ репертуара. Нападки критики поуспокоились лишь послѣ успѣха, доставшагося на долю Абу рядомъ его повѣстей «Les Mariages de Paris». Онъ вступилъ потомъ въ редакцію «Figaro», гдѣ подъ псевдонимомъ «Vicomte de Quevilly» велъ полемику со своими противниками. Нѣсколько романовъ, появившихся одновременно съ этимъ въ «Moniteur», окончательно упрочили извѣстность покойнаго. Но онъ не удовольствовался этой извѣстностью и послѣ поѣздки въ Италію напечаталъ памфлетъ въ антипапскомъ духѣ «La Question Romaine», писалъ еженедѣльно въ «Opinion nationale» свои «Lettres d'un bon jeune homme à sa cousine Madeleine». На сценѣ «Gymnase» была поставлена его «Rosette», а въ «Odéon» — «Gaëtana». Эту драму сняли со сцены послѣ четырехъ шумныхъ и бурныхъ представленій, на которыхъ составили коалицію всѣ враги автора, политическіе, религіозные и литературные. Въ то время Абу состоялъ при редакціи «Constitutionel» и напечаталъ вскорѣ цѣлый рядъ политическихъ брошюръ и нѣсколько романовъ. Съ 1868 г. онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Gaulois»; эта газета не разъ платилась за его остроуміе запрещеніемъ розничной продажи. Въ парижскихъ театрахъ, затѣмъ, шли его пьесы, написанныя въ сотрудничествѣ съ Нажакомъ. Сверхъ того, нѣсколько пьесъ Абу напечатаны подъ заглавіемъ «Théâtre impossible».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ біографіи А. Н. Воронихина.

Въ виду предстоящаго 75-тилѣтняго юбилея Казанскаго собора въ Петербургѣ, воскресаетъ въ памяти личность его талантливаго строителя, профессора Андрея Никифоровича Воронихина. Въ мартовской книгѣ «Русской Старины» за нынѣшній годъ помѣщена обстоятельная статья о немъ; поэтому я не буду повторять предъ читателями «Историческаго Вѣстника» біографическія свѣдѣнія, только что опубликованныя, но приведу лишь нѣсколько новыхъ данныхъ, которыя еще оставались неизвѣстными. Этой замѣткой я желаю почтить память А. Н. Воронихина, тѣмъ болѣе, что, въ связи съ предстоящимъ юбилеемъ Казанскаго собора, приходится и 100-лѣтняя годовщина отъ остающагося до сихъ поръ не вполнѣ еще разслѣдованнымъ дня рожденія его строителя.

Свѣдѣнія, которыя я здѣсь привожу, относятся къ вступленію А. Н. въ бракъ и къ опредѣленію дня его рожденія. Первыя, помимо частнаго интереса, рисуютъ и религіозные нравы прежняго времени, а потому сообщаю ихъ вполнѣ.

Андрей Никифоровичъ Воронихинъ былъ женатъ на дочери пастора Лондъ, по происхожденію англичанкѣ. По законамъ того времени, для вступленія въ бракъ лица православнаго исповѣданія съ иновѣрцемъ необходимо было испрашивать разрѣшеніе просьбою, подаваемою на высочайшее имя въ консисторію, причемъ какъ отъ жениха, такъ и отъ невѣсты отбирались показанія. Такая просьба была подана А. Н. Воронихинымъ 20-го сентября 1801 года. При этомъ онъ и его невѣста показали слѣдующее:

«1801 года сентября 20 дня въ Санктпетербургской духовной консисторіи сопрящеся желающіе находящійся при строеніи Казанскаго собора 8-го класса архитекторъ Андрей Никифоровъ сынъ Воронихинъ, содержащій вѣру

грекороссійскаго исповѣданія, и посягающая за него агличанка дѣвица Марья Ѳедорова дочь Лондъ, состоящая въ реформатскомъ законѣ, спрашиваны и показали:

«8-го класса архитекторъ Воронихинъ — отъ роду ему 41-й годъ, родился въ городѣ Перми, отецъ его, Никифоръ Степановъ Воронихинъ, былъ канцеляристомъ и помре, а мать Пелагея Иванова находится въ живыхъ и содержитъ вѣру грекороссійскаго исповѣданія, въ коей и онъ рожденъ и воспитанъ, женатъ не былъ, и ежели позволено ему будетъ совокупиться законнымъ первымъ бракомъ съ показанною дѣвицею Марьей Ѳедоровою, состоящею въ реформатскомъ законѣ, то онъ спрящися желаетъ и притомъ обязуется по сочетаніи брака во всѣ воскресные, господскіе, богородичные и прочихъ парочитыхъ святыхъ праздники и высокоторжественные дни для моленія ходить въ россійскія церкви къ вечернямъ и утренямъ, наипаче же ко святымъ литургіямъ и въ домѣ своемъ святые образа содержать чисто, честно и всякихъ святынь сподоблятися отъ россійскихъ священниковъ, въ преданные посты запрещенныхъ брашенъ не ясть, благочестія россійскаго не оставлять, къ реформатскому закону не склоняться и ежели отъ нихъ Андрея и Маріи будутъ рождатися дѣти, то оныхъ обоего пола крестить въ православную вѣру и, отъ младенчества возращая, обучать всякому православному церкви восточной обычаю, а въ реформатскій законъ не допущать и по семи лѣтъ отъ рожденія для исповѣди и святаго причастія представлять россійской церкви священникамъ, и все сіе показалъ онъ самую сущую правду. (Подпись). Къ сей сказкѣ 8-го класса архитекторъ Андрей Никифоровъ Воронихинъ руку приложилъ.

«Дѣвица Марья Лондъ—отъ роду ей 30-й годъ, родилась англійскаго владѣнія въ городѣ Голейвейль *), отецъ ея Ѳедоръ Ивановъ Лондъ былъ въ ономъ при реформатской церкви пасторомъ и помре, а мать Маргарита Иванова находится въ живыхъ и состоитъ въ реформатскомъ законѣ, въ коемъ и она рождена и воспитана, въ замужествѣ не была и ежели позволено будетъ ей совокупиться законнымъ первымъ бракомъ съ показаннымъ 8-го класса архитекторомъ Воронихинымъ, содержащимъ вѣру грекороссійскаго исповѣданія, то она въ супружествѣ съ нимъ быть желаетъ и притомъ обязуется по сочетаніи брака во всю свою жизнь онаго своего мужа ни прельщеніемъ, ни ласками и никакими виды въ свой реформатскій законъ не склонять и за содержаніе православныя вѣры никакого ему поношенія и укоризны не чинить и ежели отъ нихъ Андрея и Маріи будутъ рождатися дѣти, то оныхъ обоего пола крестить въ православную вѣру и, отъ младенчества вовращая, обучать всякому православному церкви восточныя обычаю, а въ свой реформатскій законъ не превращать и по семи лѣтъ отъ рожденія для исповѣди и святаго причастія представлять россійской церкви священникамъ и все сіе показала самую сущую правду. (Подпись). Къ сей сказкѣ дѣвица Марія Лондъ руку приложила».

Вслѣдъ за этимъ показаніемъ, приложенъ паспортъ дѣвицы Маріи Лондъ, изъ котораго можно заключить о времени пріѣзда ея въ Россію.

«Я нижеподписавшійся его великобританскаго королевскаго величества генеральный консулъ Стефанъ Шафтъ далъ сіе увольнительное письмо агли-

*) Городъ Голевейль (Holywell) находится въ сѣверной части Валлиса (въ Англіи).

чанкѣ дѣвицѣ Маріи Лондъ въ томъ, чтобъ жить ей здѣсь въ Санктпетербургѣ или въ прочихъ россійскихъ городахъ у кого пожелаетъ и всѣмъ держать съ записаніемъ сего увольнительнаго письма, гдѣ надлежитъ по законамъ, во увѣреніе чего съ приложеніемъ моей печати своеручно подписуюсь. Данъ въ С.-Петербургѣ сего 14 мая 1800 года. (Слѣдуетъ подпись)».

Андрей Никифоровичъ Воронихинъ познакомился съ дѣвицею Лондъ, по всей вѣроятности, въ домѣ графа А. С. Строганова, гдѣ, какъ кажется, дѣвица Лондъ была гувернанткою.

Обращаясь къ показанію А. Н. Воронихина, мы узнаемъ, что отецъ его былъ канцеляристомъ. Въ тѣ времена помѣщики имѣли право записывать своихъ крестьянъ въ канцеляріи, и такимъ образомъ отецъ Андрея Никифоровича могъ, по волѣ графа Строганова, сдѣлаться канцеляристомъ. Другое указаніе, интересное въ показаніи А. Н., относится къ мѣсту его рожденія; онъ показываетъ, что родился въ Перми. Это не согласуется съ тѣми данными, которыя помѣщены въ некрологѣ его («Сынъ Отечества» 1814, № XII, стр. 231), въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» Плюшара 1838, въ «Справочномъ энциклопедическомъ словарѣ» А. Старчевскаго (Спб. 1854, т. III), гдѣ мѣсторожденіемъ А. Н. названо село «Новое Усолье» Пермской губерніи. Въ особенности это противорѣчитъ ревизской сказкѣ, напечатанной въ «Русской Старинѣ» (1884, октябрь), гдѣ А. Н. включенъ въ число ревизскихъ душъ по «Новому Усолью».

Желая разъяснить сомнѣнія, я обратился въ пермскую духовную консисторію съ просьбою произвести по метрическимъ книгамъ разслѣдованіе о рожденіи Андрея Никифоровича Воронихина, и 18 декабря 1884 года получилъ слѣдующую справку (за что считаю долгомъ принести глубокую благодарность г. архиваріусу, обязательно потрудившемуся въ розысканіи драгоцѣннаго документа):

Справка.

«Въ метрикѣ села Новаго Усолья соборной Спасской церкви, Соликамскаго уѣзда, за тысячасемьсотъ пятьдесятъ девятый (1759) годъ въ первой части о родившихся, подъ № 41 значится октября семнадцатаго дня у домоваго Никифора Степанова Воронина (а не Воронихина) родился сынъ Андрей.

«Съ подлинной консисторской метрикой вѣрно:

(скрѣпилъ и. д. секретаря Назукинъ)».

При этомъ помѣчено, что истреблены пожаромъ черновыя метрики, а консисторскія хранятся въ консисторіи въ цѣлости (за 1759 г.).

Однако, полученное въ справкѣ свѣдѣніе не согласуется съ показаніемъ самого А. Н. Воронихина, когда онъ говорилъ 20 сентября 1801 года, что ему 41-й годъ; за то день рожденія представляется весьма вѣроятнымъ въ виду того, что 17 октября празднуется церковью память св. Андрея, а извѣстно, что крестьяне имѣютъ обычай давать новорожденнымъ имена по календарю: т. е. имя того святаго, память котораго чтится церковью въ день рожденія младенца. Весьма возможно, что Андрей Никифоровичъ считалъ день своего рожденія 17 октября 1760 года; помимо вышеприведеннаго его показанія, мы находимъ также 1760 годъ на перстнѣ, оставшемся послѣ Константина Андреевича (сына Андрея Никифоровича) Воронихина; на сердоликовомъ камнѣ перстня помѣчено | 17 AV 60 |, что должно означать инициалы «A. V.» внутри цифры 1760. Перстень этотъ находится у пишу-

щаго эти строки и служилъ до сихъ поръ доказательствомъ, что А. Н. Воронихинъ родился въ 1760 году.

Остается еще доказать, чтобы признать новое свѣдѣніе о времени рожденія А. Н. вѣрнымъ, что указываемое въ справкѣ лицо Андрея Никифоровича Воронина тожественно съ Андреемъ Никифоровичемъ Воронихинымъ. Можетъ быть, окажется, что въ метрикѣ пермской духовной консисторіи вкралась описка (Воронинъ вмѣсто Воронихинъ), а, можетъ быть, слогъ «хи» былъ вставленъ въ фамилію впослѣдствіи. Не согласуется съ новымъ свѣдѣніемъ и показаніе Андрея Никифоровича, что онъ родился въ Перми (хотя это показаніе можно понять въ общихъ выраженіяхъ, какъ указаніе на Пермскую губернію).

Итакъ, все еще остается въ точности не разслѣдованнымъ, когда родился А. Н. Воронихинъ; но сообщенныя здѣсь свѣдѣнія могутъ значительно объяснить дальнѣйшія изслѣдованія, и можно надѣяться, что съ предстоящимъ юбилеемъ Казанскаго собора придется встрѣтить окончательное разрѣшеніе вопроса и о времени рожденія его строителя.

Внучатный племянникъ строителя Казанскаго собора,

Н. В. Воронихинъ.

Древняя икона св. Николая въ Брестѣ.

Въ первой книжкѣ «Русскаго Архива» за нынѣшній годъ, въ статьѣ «Изъ записокъ стараго преображенца», разсказанъ интересный случай, какъ въ городѣ Бѣлостокѣ какой-то доморощенный художникъ, которому было заказано обновить древнюю икону Божіей Матери, вмѣсто этого подправилъ образъ такъ, изъ усердія реставрировать его, что и узнать его не было никакой возможности: вмѣсто стариннаго греческаго письма икона вышла такъ называемой итальянской школы, на манеръ новѣйшихъ иконъ. Къ счастію, ошибку замѣтили скоро, когда дѣлу еще можно было помочь,— и художникъ скипидаромъ смылъ еще свѣжія краски, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣда.

Этотъ разсказъ напомнилъ мнѣ подобный же, но, къ сожалѣнію, болѣе печальный примѣръ обычнаго у насъ усердія не по разуму и неумѣнія понимать и цѣнить памятники древности, имѣвшій мѣсто въ городѣ Брестъ-Литовскѣ (Гродненской губ.) лѣтъ десять тому назадъ. Въ тамошней соборной церкви находилась древняя икона св. Николая, уцѣлѣвшая какъ-то случайно отъ древней соборной церкви во имя этого святаго,—той церкви, гдѣ совершился актъ брестской церковной уніи въ 1596 году и гдѣ эта икона была въ числѣ такъ называемыхъ мѣстныхъ иконъ (т. е. помѣщалась въ иконостасѣ). Такимъ образомъ, эта икона была единственнымъ сохранившимся свидѣтелемъ брестской уніи и заслуживала особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что она была весьма чтима мѣстными православными жителями и по своей древности, и по своему историческому значенію. Я очень хорошо помню эту икону: она имѣла аршина полтора въ длину и аршинъ съ четвертью въ ширину; письмо было весьма древнее, но краски еще хорошо сохранились. Посрединѣ иконы было изображеніе святителя Николая, по сторонамъ и внизу картины чудесъ его, а сверху лики Іисуса Христа и Богородицы. Ризы на иконѣ не было, украшеніе ея составляли только три вѣнчика. Не разъ поднималась рѣчь объ

украшеніи этой иконы, — но осуществить эту мысль нельзя было за отсутствіемъ необходимыхъ средствъ. Но вотъ выбираютъ въ старосты собора купца А. К. Лобачева, незадолго до того времени пріѣхавшаго изъ Москвы. Желая ознаменовать чѣмъ нибудь дѣятельность свою въ новомъ званіи, онъ рѣшилъ сдѣлать ризу и кіотъ для этой иконы, да ужъ за одно и обновить ее. По совѣту съ мѣстнымъ протоіереемъ (покойнымъ Мироновичемъ), икону отправили въ Москву къ какому-то живописцу, но не сообщили ему о значеніи ея и необходимости сохранить живопись въ настоящемъ видѣ. И что же? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ икона были возвращена перекрашенною, безъ малѣйшаго подобія прежней, но зато въ богатомъ кіотѣ, стоимостью рублей въ восемьсотъ... Много было сожалѣній, упрековъ со стороны мѣстныхъ православныхъ жителей, но дѣлу помочь нельзя было, за неимѣніемъ въ городѣ хорошаго живописца, съ которымъ можно было бы посовѣтоваться по этому поводу. Въ этомъ исправленномъ видѣ эта икона находится и теперь въ Брестскомъ городскомъ соборѣ. Но если бы можно было теперь снять новыя краски и возстановить древнюю живопись этой иконы, то это было бы поистинѣ благое дѣло.

Арсеній Маркевичъ.

Какъ заступаться за литературныхъ дамъ.

(Замѣтка по поводу статьи г. Скабичевскаго объ изданіяхъ Е. Н. Ахматовой).

Рецензентъ газеты «Новости», г. Скабичевскій, надняхъ отозвался объ издаваемыхъ г-жею Ахматовою романахъ, какъ о «дрянныхъ и пакостныхъ». «Новости» это напечатали.

Г-жа Ахматова 16-го марта отвѣчала на это въ «Новомъ Времени» замѣткою, въ которой говоритъ, что переведенные и изданные ею романы нѣтъ основаній именовать ни «дрянными», ни «пакостными». Письмо г-жи Ахматовой оканчивается словами, что отзывъ о «дрянности» и «пакостности» «не только несправедливъ, но и неприличенъ и для того, кто написалъ его, и для того, кто помѣстилъ» (Нов. Вр., № 3,250). Но, кромѣ того, въ самомъ началѣ письма г-жи Ахматовой есть горькое слово, направленное по адресу литераторовъ, — это слово есть какъ бы укоръ литераторамъ, изъ среды которыхъ г-жа Ахматова не надѣется встрѣтить никакой защиты противъ неучтиваго съ нею обращенія. «Я не смѣю надѣяться, — говоритъ она, — чтобы въ нашей журналистикѣ раздался чей нибудь безпристрастный голосъ въ мою защиту».

Пререканіе это заслуживаетъ вниманія.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что слова, примѣненныя г. Скабичевскимъ къ издательской дѣятельности г-жи Ахматовой, весьма грубы и неучтивы. Эта почтенная женщина, болѣе тридцати лѣтъ продолжающая свою литературную дѣятельность, не издала ничего такого, что стоило бы назвать въ печати «пакостнымъ». Кромѣ того, это слово само по себѣ гадко и непристойно, и оно становится еще предосудительнѣе, когда его употребляетъ мужчина о женщинѣ, притомъ еще о женщинѣ такихъ лѣтъ, которыхъ достигла г-жа Ахматова. Полъ и извѣстные годы всякаго порядочнаго и маломальски воспитаннаго человѣка обязываютъ къ усиленному учтивству и къ сдержанности въ выраженіяхъ. А тѣхъ людей, которые такого обязательства не признаютъ и ему не подчиняются, въ образованныхъ странахъ считаютъ невоспитанными и называютъ невѣжами.

Г-жа Ахматова не ошибется, если повѣритъ, что въ литературѣ многими такъ и была принята неучтивая выходка, которою она оскорбилась. Но что касается «голоса защиты», то, можетъ быть, есть уважительная въ своемъ родѣ причина, по которой ни одинъ голосъ не возвысился въ защиту г-жи Ахматовой... Я напомню по этому случаю одинъ очень схожій и характерный примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ «поэтъ», писавшій подъ псевдонимомъ въ одномъ изъ изданій покойнаго Г. Е. Благосвѣтлова, напечаталъ очень грубую статью о трехъ русскихъ писательницахъ, назвавъ ихъ всѣхъ заурядъ «литературными приживалками и содержанками». Чтобы обида чувствовалась еще больше, авторъ такъ и озаглавилъ свою статью: «О литературныхъ приживалкахъ и содержанкахъ...». Тогда, въ журналѣ «Литературная Библіотека», которую издавалъ Ю. М. Богушевичъ, нѣкто замѣтилъ благосвѣтловскому поэту, что тонъ, принятый имъ въ отношеніи трехъ названныхъ литературныхъ дамъ, — въ высшей степени непристоенъ и оскорбителенъ для самой литературы. Но въ отвѣтъ на это, въ слѣдующей же книгѣ благосвѣтловскаго журнала, поэтъ отвѣтилъ буквально слѣдующее: «г-нъ такой-то розъигрываетъ изъ себя рыцаря: онъ вступается за литературныхъ дамъ, забывая, что въ литературѣ нѣтъ пола: какъ самъ г. такой-то есть публичный мужчина, такъ и защищаемыя имъ дамы — публичныя женщины».

Это было напечатано en toutes lettres и, кажется, можетъ служить хорошимъ предостереженіемъ, чтобы съ извѣстнаго рода неучтивыми людьми не вступать въ состязаніе тѣмъ орудіемъ, внушенія котораго для нихъ не только слабы, но даже какъ бы поощрительны. На такихъ людей могутъ оказывать надлежащее воздѣйствіе только болѣе энергическія и сильныя мѣры, какихъ, впрочемъ, нѣтъ въ рукахъ престарѣлой женщины, отдавшей недавно безвременной могилѣ единственную опору своей старости.

Н. Лѣсковъ.

Въ статьѣ профессора Д. А. Корсакова по поводу книги профессора Кояловича: «Исторія русскаго самосознанія», напечатанной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», замѣчены слѣдующія существенныя опечатки:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
702.	25 сверху.	отрицаніе московскаго завоеванія	отрицаніе результатовъ монгольскаго завоеванія
703.	5 »	задача русской литературы	задача исторіи русской литературы
707.	11 »	тридцати слишкомъ лѣтъ	двадцати слишкомъ лѣтъ

Для г. Вольфа.

Въ 10 номерѣ издаваемаго книгопродавцемъ Вольфомъ ежемѣсячнаго сборника разныхъ статей, подъ заглавіемъ «Новь», въ фельетонѣ, напечатана, между прочимъ, слѣдующая пошлая клевета на А. С. Суворина и журналъ «Историческій Вѣстникъ»:

«Если сравнить, напримѣръ, съ «Новью» «Историческій Вѣстникъ» Суворина, то окажется, что теоріи: «коли брать, такъ брать», «дешево купить, дорого продать» — составляютъ неотъемлемую нравственную особенность г. Суворина. Дайте себѣ отчетъ въ томъ, напримѣръ, чѣмъ пробавляетъ г. Суворинъ читателей своего журнала за 10 руб. въ годъ — и вы убѣдитесь, что онъ больше чѣмъ «дорого беретъ» со своихъ читателей!.. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ тѣ «картинки», которыя печатаетъ г. Суворинъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», какъ не простыя кляксы?.. Судя же по составу литературныхъ силъ «Историческаго Вѣстника», можно съ увѣренностью сказать, что журналъ этотъ издавался бы несравненно лучше, если бы не надавливала на него издательская рука г. Суворина изъ-за «лавочныхъ», разумѣется, разсчетовъ, т. е. по теоріи «дешево купить, дорого продать».

Я не намѣренъ оспоривать сужденій г. Вольфа о рисункахъ, помѣщаемыхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и внутреннемъ составѣ журнала. Это дѣло его личнаго вкуса и познаній въ исторіи и литературѣ. Каждый понимающій человѣкъ можетъ самъ оцѣнить, насколько гравюры, даваемыя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и оплачиваемыя отъ 3 до 1½ руб. за квадратный дюймъ, хуже сравнительно съ цинкографіями, даваемыми въ сборникѣ «Новь» и оплачиваемыми отъ 40 до 30 копѣекъ за дюймъ, а также насколько хороши, или худы, печатаемыя въ журналѣ статьи. «Историческій Вѣстникъ» существуетъ уже шестой годъ, имѣетъ опредѣленную физіономію и репутацію, и мнѣніе книжнаго промышленника не можетъ ничего къ нимъ прибавить, или убавить [1]).

Но я считаю необходимымъ возразить противъ слѣдующихъ словъ г. Вольфа: «Журналъ (т. е. «Историческій Вѣстникъ») издавался бы несравненно лучше, если-бы не надавливала на него издательская рука г. Суворина изъ-за «лавочныхъ» разсчетовъ, т. е. по теоріи «дешево купить, дорого продать».

Съ самаго основанія «Историческаго Вѣстника», въ 1880 году, я, пользуясь довѣріемъ ко мнѣ А. С. Суворина, веду журналъ во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ самостоятельно и распоряжаюсь всѣми денежными его средствами безъ всякаго вліянія издателя. Всѣ договоры и разсчеты съ гг. сотрудниками и другими лицами произвожу я одинъ и въ теченіе пяти лѣтъ не было ни одного случая, чтобы г. Суворинъ, прямо или косвенно, вмѣ-

---

[1]) Замѣчу кстати, что «Историческій Вѣстникъ» не есть журналъ иллюстрированный и редакція никогда не обязывалась передъ своими подписчиками давать рисунки въ каждой книжкѣ; дѣлается же это, съ января прошлаго года, единственно лишь по желанію издателя.

шался въ эти разсчеты. Великъ, или малъ гонораръ, платимый журналомъ сотрудникамъ, — это дѣло ихъ, а не г. Вольфа, ибо никто не можетъ принудить писателя помѣщать свои статьи тамъ, гдѣ это ему невыгодно, или неудобно, или гдѣ онъ можетъ очутиться въ весьма нелестной для него компаніи. Что же касается выгодъ, получаемыхъ г. Суворинымъ отъ «Историческаго Вѣстника», то я приглашаю г. Вольфа пожаловать въ любой день въ контору журнала (Невскій, д. № 38), гдѣ ему охотно будутъ показаны всѣ счеты и приходо-расходныя книги по изданію, изъ которыхъ онъ убѣдится, что «Историческій Вѣстникъ», достигнувъ 4,000 подписчиковъ, принесъ до сихъ поръ г. Суворину, за все время своего существованія, ни больше—ни меньше какъ 22,267 рублей чистаго убытка. «Историческій Вѣстникъ» издается и редактируется не промышленниками и спекуляторами, не заманиваетъ малообразованныхъ читателей рекламами и обѣщаніями грошовыхъ «акварелей» и несуществующихъ рамокъ, и хотя приноситъ пока лишь одни убытки, но зато, я увѣренъ, что ни я, ни г. Суворинъ никогда не будемъ, подобно г. Вольфу, приговорены судомъ къ четырехъ-мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ за литературно-издательскій обманъ.

С. Шубинскій.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.